

A close-up portrait of a woman with long, dark, curly hair. She has a tear on her right cheek and is looking off to the side with a somber expression. A bright, glowing yellow sword is held in front of her, its blade pointing towards the left. The background is dark and out of focus.

Макс Мах

Серебро и Золото

Даже не знаю, что сказать. Скажу лишь, что в книге в постмодернистской манере смешаны века и культуры, действуют боги севера и герои разных эпох. Главная героиня то сходитя в поединке с принцем Датским Гамлетом, то бегаёт с автоматом по крышам какого-то европейского города. Первая часть книги, если не вчитываться и не вдумываться, напоминает подростковое фэнтези о любви, дружбе и всяческих ужасах, вроде вервольфов. Вторая часть — темное фэнтези. А третья — альтернативное средневековье все с теми же героями, но это уже не подростковый роман, а роман для взрослых мальчиков и девочек:)

В общем, это просто какой-то ужас, летящий на крыльях ночи, а не беллетристика. Оттого, наверное, и не напечатано на бумаге с 2014 года, когда был написан первый вариант.

Макс Мах

Серебро и Золото

Войны начинают, когда хотят, но кончают — когда могут.

Makiavelly

Главные действующие лица:

Графиня Елизавета (Лиза, Лиса) Скулнскорх

Князь Людвиг (Людо) Каген

Баронесса Жозефина Икьхгорн — опекунша Елизаветы Скулнскорх

Баронесса Зои Икьхгорн — подруга и наперсница Лисы Скулнскорх.

Клотильда (Тильда, Тили) ван дер Шенк — подруга Елизаветы Скулнскорх и Людвига

Кагена

Томас (Дамаль, Дама) фон дер Тиц — друг Елизаветы Скулнскорх и Людвига Кагена

Генерал барон Густав-Эмануэль Карл Томас фон Байер вом унд цум Вёгл — дедушка

Томаса фон дер Тица

Ротмистр Беата Тракаль — адъютант генерала фон Байер вом унд цум Вёгл

Грета д'Эвола — личный секретарь генерала фон Байер вом унд цум Вёгл

Княгиня Клодда Галицкая

Граф Томас фон дер Марк

Принцесса Джевана

Графиня Мара Корвин

Император Хальдеберд

Кардинал Ратцингер.

Герцог Тригерид по прозвищу Правая Рука Тьмы

Второстепенные герои:

Гейр (Копье), Гондулк (Волчица) и Рота (Сеющая смятение) — Лена Менк, Вера де Йон и Ирина Большая — валькирии Лисы Скулнскорх, вайзграф Сава цу Хёгл — отец баронессы Зои Икьхгорн, принц Датский Гамлет, его дворяне Гильнстерн и Розенкранц, скандинавские и кельтские боги и богини, генералы, солдаты и рыцари, лучники и ландскнехты, корабельщики и купцы, следопыты, хазарские мурсы и князья славян и мери, европейские аристократы, дворяне и военные, а так же шлюхи, священники и простой народ.

Около пяти часов вечера или, вернее, в начале шестого — Елизавета как раз выпила чашку чая с молоком — к дому на улице графа Розенштерна подъехал длинный черный автомобиль. Посетители в замке, а именно так, городским замком, предпочитала называть свой особняк старая баронесса, бывали нечасто. Поэтому, едва услышав звук мотора, Елизавета прилипла к ближайшему подходящему для удовлетворения ее любопытства окну. Улица, по неизвестным причинам носившая имя одного из самых одиозных персонажей новейшей истории, отличалась тем, что была тиха большую часть года. Автомобили появлялись здесь от случая к случаю, а чужие — и того реже. Тем интереснее оказалась разыгравшаяся на глазах Елизаветы сцена. То есть, интересным было не то, разумеется, как вышколенный шофер в темно-лиловой ливрее, степенно покинув свое место за рулем, открывает перед пассажирами дверь, а то, кто вышел из машины и зачем. Их оказалось двое, этих пассажиров: высокий сутулый старик в длинном черном пальто и черном цилиндре и мальчик, по первому впечатлению, одних с Елизаветой лет. Ее удивило, что мальчик одет отнюдь не в школьную форму, как следовало бы в будний день, или в какое-нибудь парадное платье, если уж эти господа прибыли с визитом. На нем были серые бриджи, заправленные в толстые шерстяные гетры, грубые тупоносые башмаки на толстой подошве и шотландский плед. Но голова мальчика оставалась непокрытой, и девочка с интересом "изучила" как правильные черты строгого лица, так и длинные черные волосы, разделенные пробором посередине и двумя вороньими крыльями ниспадавшие на неожиданно широкие плечи. Ну, что ж, Елизавета увидела достаточно, и мальчик ей скорее понравился, чем наоборот. Однако ее любопытство никоим образом не было удовлетворено, поскольку она не знала пока ни того, кто этот мальчик, ни того, зачем он пожаловал в "замок" баронессы Икьхгорн.

"Любопытно", — призналась она себе и, сев в кресло, попыталась придумать историю. Но вот какое дело, история не желала выстраиваться, а обрывки смыслов, блуждавшие в хорошенькой головке Елизаветы, были лишены семантической глубины и маловразумительны. Впрочем, будущее настроение уловить все-таки удалось. Опасность, приключения и удовольствие — вот что почувствовала девочка в ближайшем будущем, но и в отдаленной — удаленной на годы и годы вперед — перспективе она ощущала в опасной близости от себя все тот же запах, обозначающий в ее смутных грезах "мальчика в шотландском плед": кора дуба, крепкий табак и острый, дразнящий обоняние запах какого-то неизвестного ей спиртного напитка.

— Ваше сиятельство, — ливрейный лакей тетушки нечасто позволял себе пересекать границу "графской половины", вернее сама баронесса Икьхгорн всегда принимала в расчет неравенство в их социальном статусе: Елизавета, разумеется, девочка и внучатая племянница баронессы, но в то же время, она еще и помазанница божья — божьей милостью правящая графиня Скулнскорх.

— Ваше сиятельство, — поклонился старый лакей, — ее сиятельство госпожа баронесса просит вас спуститься к ней, если таково будет ваше желание.

Вот это последнее, "если таково будет ваше желание", не столько раздражало Елизавету, сколько забавляло. До прошлого года ее и секли, исключительно присовокупив эту формулу вежливости, так что получалось, будто она сама истребовала наказание, без которого, на самом деле, вполне могла обойтись. Однако до совершеннолетия оставалось еще три года, и посему приходилось терпеть "несправедливости" и мечтать о мести.

"Ну, ничего, — думала она иногда, — вот наступит время, а оно не за горами, и я всем тут покажу, кто в доме хозяин, и каково, на самом деле, мое желание!"

— Разумеется, — кивнула девочка. — Идите, Иван, и доложите баронессе, что я буду буквально через минуту.

Хотелось бежать, но спешить не следовало. Елизавета не могла себе позволить потерять и самой малой доли из тщательно выпестованного, возвращенного и лелеемого чувства собственного достоинства. И дело отнюдь не в старой баронессе, а в посетителях, ради которых ее, Елизавету, наверняка, и пригласили сойти вниз. Однако в глазах этих совершенно незнакомых ей людей никакой особой репутации у графини Скулнскорх не было и в помине. Отсюда и проистекала необходимость соблюдать дистанцию. А этикет для того и придуман умными людьми, чтобы всех расставить по росту, ведь так?

Нарочито медленно она прогулялась по анфиладе комнат третьего — "графского" — этажа и, великолепно зная лабиринт, в котором обитала всю свою сознательную жизнь, уже через пять минут вышла к парадной лестнице. Лестница ниспадала в просторный приемный зал изящным мраморным каскадом, но здесь было темновато сейчас, а потому гости, поднявшие глаза навстречу шелесту ее платья, не могли по достоинству оценить то замечательное зрелище, которое она им — так и быть — подарила. Разве можно рассмотреть в этой унылой будничной полумгле, какими оттенками — от орудийной бронзы до меда, смешанного с гранатовым соком — переливаются ее волосы, или как играют в ушах огромные, подобранные в цвет глаз, золотистые топазы? Нельзя. А жаль, потому что даже ее "простенькое" домашнее платье многое могло бы сказать опытному взгляду.

— Ваше сиятельство, — поклонился старик и, обернувшись к баронессе, попросил:

— Представьте нас, Жозефина.

"Жозефина?!" — не без удивления отметила девочка.

— Графиня, — сдержанно улыбнулась старая баронесса, — позвольте представить вам господина Вольдемара...

"Что значит, Вольдемара? А титул? Ведь должен же быть у него титул!"

— Примите мое нижайшее почтение, ваше сиятельство! — проскрипел старик, сгибаясь в пояском поклоне.

— ... и господина Людо.

Мальчик, внимательно рассматривавший Елизавету с самого момента ее появления, неожиданно улыбнулся и несколько резковато, но при этом весьма впечатляюще склонил голову в полупоклоне, коротко и недвусмысленно, показав девочке, кто здесь кто. И хотя имя, названное баронессой, вполне подошло бы и паршивой собачонке, Елизавета не сомневалась, если когда-нибудь ей доверят тайну, подразумевавшуюся всем ходом событий, ей, божьей милостью правящей графине Скулнскорх, придется называть этого Людо на "вы" и не иначе как "вашей светлостью".

"Принц крови?" — но она никак не могла угадать, к какой из трех дюжин известных династий мог относиться этот мальчик.

"Что за черт!" — иногда Елизавета позволяла себе весьма крепкие выражения, правда

только мысленно.

— Разрешите откланяться! — сказал между тем чопорный старик и, ничего более не добавив, пошел прочь. Однако мальчика это, по всей видимости, никак не касалось. Он проводил черную сутулую фигуру равнодушным взглядом и повернулся к баронессе.

— Ваше сиятельство, — сказал он, чуть обозначив поклон, — я хотел бы принять с дороги ванну и перекусить. Мы с господином Вольдемаром ничего не ели со вчерашнего дня.

Голос у него был красивый, интонация сдержанная, и за каждым словом угадывалась некая опасная глубина, куда очень хотелось заглянуть.

— Разумеется, господин Людо, — баронесса кивнула одному из лакеев, терпеливо изображающих бессловесные статуи на границе собравшегося вдоль стен сумрака. — Проводите нашего гостя на третий этаж, приготовьте ванну и распорядитесь, чтобы обед был сервирован на три персоны.

"Гость? На третий этаж?!" — удивилась Лиза.

— Будет исполнено, — бесстрастно поклонился слуга. — Господин! — но то, как он поклонился мальчику, и с какой интонацией произнес самое простое из возможных титулований, сказало девочке больше, чем все остальные озвученные или нет намеки на его происхождение. Ведь слуги не ошибаются, не так ли?

"Наследник престола? Какого? И что за обстоятельства привели его в наш дом?"

Строго говоря, называть "замок" баронессы Икьхгорн "своим домом" было неправильно. Даже мысленно. Но поскольку никакого другого дома у Елизаветы пока не случилось, приходилось условно считать его своим.

— Ваше сиятельство! — кому из двух женщин — старой или юной — предназначался полупоклон, сказать было сложно.

"Любопытно... — отметила Елизавета, провожая взглядом идущего вслед за лакеем мальчика. — Он что, влюбился в меня что ли? Вот так, с первого взгляда?"

О чем-то подобном она как раз недавно читала в "книге для взрослых", ведь до того, чтобы контролировать библиотеку, баронесса еще не додумалась. Или, может быть, ей было попросту все равно, что читает или не читает ее воспитанница?

— Ваше сиятельство! — баронесса смотрела на Елизавету, и, значит, обращалась тоже к ней. — Две вещи, прежде чем мы расстанемся до обеда. Вернее, три.

— Я слушаю вас, ваше сиятельство, — ровным голосом ответила девочка.

— Первое. Господин Людо останется жить в нашем доме. Я распорядилась приготовить для него "Кедровые покои".

— Вы распорядились? — вопрос был задан без ажитации, но баронесса, естественно, все поняла.

— Да, — кивнула она. — Позвольте мне закончить, и вы все поймете.

— Продолжайте, — согласилась Елизавета.

— Для посторонних... Например, в школе, куда вы, вероятно, пойдете вместе с господином Людо, он ваш кузен. Его титул и имя я сообщу вам несколько позже.

— Так я пойду в школу? — Елизавета была удивлена, но виду не показала. Тем не менее, это была хорошая новость. От домашнего образования ее начинало уже подташнивать, как героиню одного из прочитанных ею романов — от беременности.

— Скорее всего, — без тени улыбки сообщила старая баронесса. — Но у нас еще будет время обсудить все детали.

— Я понимаю.

— Тогда, второе. — Баронесса никаких эмоций не выказывала, но думала, наверняка, совсем не о том, о чем говорила. — По своему статусу господин Людо стоит выше вас.

— Насколько выше? — подняла бровь Елизавета.

— Значительно.

— Мне следует обращаться к нему, говоря, "ваша светлость"? — прямо спросила Елизавета.

— Нет, — коротко ответила баронесса. — И это третье, о чем я должна вам сообщить. Собственного супруга "его светлостью" не называют. Это скорее мне следовало бы изменить ваше титулование, графиня, но я не буду этого делать из соображений безопасности.

— Супруг... — повторила за баронессой Елизавета, впервые за время разговора, дав слабину. — Что вы имеете в виду, ваше сиятельство?

— То, что вы были обручены с господином Людо при вашем рождении и обвенчаны полугодом позже. Разумеется, вы этого не помните, но факт совершения над вами брачного таинства бесспорен.

— Тогда, мы должны спать в одной постели! — надменно вскинула подбородок девочка.

— Как вам будет угодно, графиня, — кивнула баронесса. — Вам уже тринадцать, и по старому праву вы совершеннолетняя.

— Я кто? — опешила от неожиданности Елизавета.

— Вы совершеннолетняя, — повторила баронесса. — Если не в глазах властей, то в моих собственных — наверняка.

— И что это значит? — все-таки есть новости, которые следует переживать не только в определенном порядке, но и не слишком торопясь. Медленно, со вкусом, смакуя некоторые наиболее "сочные" их следствия.

— С этого момента, ваше сиятельство, я перестаю быть вашей воспитательницей, и мое опекунство приобретает максимально формальный характер: власти все равно еще три года не позволят вам совершать самостоятельно банковские операции или сделки по купле-продаже недвижимости.

Своего таинственного мужа Елизавета нашла в биллиардной. Он стоял около бара, рассматривая выставленные в ряд бутылки, и девочка вдруг вспомнила запахи, сопровождавшие этого мальчика в ее "грезях". Но, судя по всему, интерес "гостя" к коньякам и водкам оставался пока исключительно академическим.

— Обед подадут ровно в семь, — сказала она, пронаблюдав несколько секунд за Людо. Сейчас он снял, наконец, свой странный шотландский плед и остался в простой белой рубашке — не самого лучшего качества — и сером шерстяном жилете деревенской вязки.

— Благодарю вас, — ответил он, обернувшись к Елизавете. — Сейчас уже почти шесть, значит, ждать осталось недолго. — Он улыбнулся, и девочка неожиданно подумала, что у него хорошая улыбка, но ее беспокоило, что реакции "ее супруга и господина" совершенно не просчитываются. Никаких предвестников улыбки, скажем, не было и в помине. Вернее, их не "увидела" она.

— Если вы голодны, я могла бы распорядиться...

На самом деле она еще никогда в жизни ничем и никем не распорядилась. Но если уж она самым неожиданным образом в один день стала и совершеннолетней, и замужней

дамой, не грех было и попробовать.

— Не стоит, — теперь он повернулся к ней лицом и откровенно рассматривал. Елизавете даже показалось, что он видит и то, что скрывает ее длинное глухое платье. От такого предположения она чуть было не смутилась и не начала краснеть, но вовремя взяла себя в руки и ответила Людо не менее "пристальным" взглядом. В конце концов, она достаточно изучила анатомию и физиологию человека, чтобы точно знать, что спрятано у него в штанах.

— Это правда? — спросила она.

— Да, — серьезно кивнул мальчик и, уловив тень смятения, промелькнувшую на лице Елизаветы, добавил:

— Вы ведь спросили о том, действительно ли мы являемся мужем и женой?

— Да, — не стала спорить Елизавета.

— Это правда, — подтвердил он, и, хотя остался, все так же спокойно стоять перед ней, девочке показалось, что сначала Людо предполагал развести руками. Предполагал, но не сделал, и если она не ошиблась, приписав ему не имевшее места намерение, то это была первая удачная "догадка" на счет ее собственного супруга.

— Тогда... — но, как оказалось, произнести вслух то, что уже прозвучало в разговоре со старой баронессой, Елизавета не смогла. Не повернулся язык. Однако Людо по всей видимости в разъяснениях не нуждался.

— Для меня это высокая честь, — с самым серьезным видом произнес он, глядя ей прямо в глаза. — Но вполне ли вы отдаете себе отчет в последствиях такого шага?

А глаза у ее мужа были синие, и от его прямого взгляда мороз пробежал по позвоночнику. Чувство это ей было совершенно незнакомо, но скорее понравилось, чем вызвало реакцию отторжения.

— У меня еще нет... — она сделала над собой невероятное усилие и, ментально перебрав в уме множество словесных выражений, выбрала, возможно, и не лучшее, но зато достаточно циничное, — кровотечений. И я вряд ли смогу сейчас же от вас понести.

Подбородок вверх, взгляд, упирающийся мальчику — а он был выше нее на целую голову — в лоб, и жесткая линия плотно сжатых губ.

— Вы напрасно обиделись, — голос Людо звучал мягко, и в нем слышались ... О, да, это несомненно было восхищение и благодарность. А вот, как "пахнет" любовь Елизавета пока не знала. В ее окружении никто никого никогда не любил. Оставалось надеяться, что она еще узнает этот "запах", но для этого, наверное, ей придется приложить немалые усилия. Факт свершения брачных обрядов не гарантировал взаимной любви, а они с Людо пока были едва знакомы. Соответственно, и сказать наверняка, возникнет ли у него когда-нибудь такое чувство к ней, Елизавете Скулнскорх, было невозможно.

— Вы напрасно обиделись, — сказал он. — Я обещаю вам преданность и заботу, и, разумеется, дружбу. И я надеюсь, полюбить вас когда-нибудь так, как вы того заслуживаете. — Людо шагнул к ней, быстрым движением поймал опущенную правую руку и, чуть склонившись вперед, поднес к губам тонкие "нервные" пальцы.

От неожиданности — а он оказался невероятно стремителен — Елизавета даже вздрогнула, но в следующее мгновение от пальцев, которых коснулись прохладные губы, сквозь руку и прямо в сердце ударила волна такого жара, что девочка едва устояла на ногах. Вероятно, секунду или две она и вовсе пребывала вне сознания и осознания, но, когда вновь ощутила себя и поняла, кто она и где находится, супруг сжимал уже крепкими ладонями ее

плечи и целовал прямо в губы. Ощущение оказалось странным и... необычайно волнующим. А когда Людо разорвал "контакт", она успела даже мимолетно пожалеть, что все так быстро закончилось. Впрочем, если верить книгам, поцелуй мог длиться вечность.

— Я... — кажется, Людо тоже растерялся.

— Вы... — но и она не знала, что сказать.

К счастью, в дверь постучали, разрушая не успевшую развернуться во всю силу неловкость, и вошедшая горничная тетюшки поинтересовалась, правильно ли она поняла, что госпожа графиня будет отныне спать в Лазоревых покоях?

А покои эти были просто великолепны, но — хоть и находились на третьем этаже — были слишком велики для маленькой девочки. В особенности кровать под тяжелым бархатным балдахинном.

— Правильно, — коротко ответила мгновенно овладевшая собой Елизавета. — И чтобы после десяти вечера ни одной живой души на графской половине не было. Это приказ!

Правду говоря, ей было страшно. Одно дело сказать, другое — сделать. Но это именно то, что произошло с графиней Скулнскорх. В создавшихся обстоятельствах Елизавета должна была сказать, как раз те слова, которые сказала. И ей даже показалось на миг, что слова эти — вполне литературные по происхождению, — удивительно точно соответствуют ее желаниям и состоянию души. Однако чуть позже она поняла, что это не так или, как минимум, не совсем так. Будущее — ближайшее будущее Елизаветы — предстало вдруг перед ней совсем не таким очевидным, как следовало из прямого смысла прозвучавших слов. Там, в этом будущем, которое должно было состояться так скоро, что от ужаса сжималось сердце, и желудок поднимался к самому горлу, Елизавету Скулнскорх ожидало нечто настолько таинственное, что даже сухие, словно древняя пыль, и четкие, как колонны марширующих прусских гренадер, объяснения германского профессора Ранке не могли полностью прояснить истинный характер стремительно надвигавшегося на нее События. И литература ничем не могла помочь бедной девочке. Мнения авторитетов варьировали от "чуда и волшебства" до "инфернального ужаса и несмываемого позора". Но слово прозвучало, а до назначенного самой Елизаветой времени, то есть, до десяти часов вечера, было еще далеко, и девочке оставалось одно: сходить с ума от неопределенности и неведения. Другое дело, что даже безумный страх не имел права на представительство в ряду публично выражаемых эмоций. Елизавета была холодна и благожелательна. А большего она от себя и требовать не могла, тем более что даже "ужас без конца" имеет свойство когда-нибудь заканчиваться.

Без четверти десять она выскочила из ванной, вытерлась — служанку, обычно помогавшую ей с вечерним туалетом, Елизавета решительно отослала прочь — и, надев самую красивую свою ночную сорочку, сшитую из такого тонкого батиста, что казалась прозрачной, вошла в Лазоревые покои. В отличие от вполне современной ванной комнаты, лишь декоративно выдержанной в стиле прошедшей эпохи, в парадной опочивальне, поражавшей своими размерами, было темно, холодно и неуютно. Огромная кровать походила в свете зажженных свечей и отсветах пламени, игравшего в камине, на древний замок, покинутый людьми и населенный вампирами и привидениями. Елизавета вздрогнула от мгновенно возникшего в ее хорошенькой головке образа, но, возможно, все дело было в не успевшем прогреться знобком воздухе необитаемых покоев. Впрочем, ее слабости никто не заметил — она была здесь одна. А властвовавший в опочивальне холод напомнил Елизавете

о том, что на рубашку следует что-нибудь накинуть, хотя бы и пеньюар, который заменит ей на этот раз ночное платье, и о том еще, что на столике рядом с камином стоит хрустальный графин со сладким вином с острова Лесбос. Вина этого, как, впрочем, и абсолютного большинства других вин, Елизавета пока еще ни разу не пробовала. Все, что ей до сих пор позволялось, сводилось к нескольким глоткам шампанского вина в рождественскую ночь и щедро сдобренному медом и пряностями гювайну^[1], которым ее лечили от редких простуд. Однако теперь, когда она так неожиданно стала взрослой женщиной, Елизавета могла решать сама, что хорошо, а что — плохо.

Графиня подобрала кружевной пеньюар, оставленный служанкой на полукреслице перед напольным венецианским зеркалом, накинула на плечи, с сожалением отметив, что ночное платье из фряжской фланели было бы сейчас предпочтительнее, и подошла к сервированному на двоих столику у камина.

"Выпить вина? — мысль получилась жалкой, словно она перед кем-нибудь оправдывается. — Я только хотела попробовать..."

Пожав плечами, она вынула из графина пробку и налила себе в бокал немного остро и вкусно пахнущей рубиновой жидкости.

— Вы любите вино? — каким-то образом она пропустила момент, когда вошел Людо, и не вздрогнула только потому, что уже почти четыре часа подряд держала себя "в узде".

— Не знаю, — снова, но уже по-другому пожалала она плечами, — но собираюсь узнать. Хотите? — И она взглянула на него через плечо.

— Это я должен разливать вино, — Людо подошел к ней, забрал графин и налил себе немного вина. По правде говоря, совсем немного. — Я не хотел бы опьянеть, — объяснил он, поднимая бокал. — За нашу встречу!

Этот тост вряд ли можно было назвать оригинальным. Во всяком случае, он довольно часто мелькал на страницах книг, которые приходилось читать Елизавете. Другое дело, кто и как его произнес. И как при этом отражались огни свечей в темно-синих — кобальтовых — зрачках Людо.

"Весьма убедительно..." — но вслух она, разумеется, ничего не сказала, лишь улыбнулась загадочно, — как Зои Церенгенская на знаменитой картине Мейстера Иакима, — и пригубила вино, бросив на Людо "волнующий" взгляд поверх бокала.

Вино оказалось приторно сладким и невероятно вкусным. "Все дело в "богатстве красок" — решила девочка. Елизавета действительно никак не ожидала встретить в одном маленьком глотке так много вкусовых оттенков. Но они там были. И от наслаждения она на мгновение даже забыла обо "всем остальном", а затем ее внезапно обретенный супруг смог удивить графиню Скулнскорх настолько, что не только страх, но и все прочие опасливые мысли как ветром из головы выдуло.

Мальчик сделал глоток вина, поморщился, словно вместо сладости почувствовал оскомину, отставил бокал в сторону и, чуть склонив голову в вежливом поклоне, снял с пояса кинжал. То есть, до этой минуты Елизавета даже не подозревала, что на брючном поясе ее мужа, скрытое длинным жилетом, висит настоящее оружие. А в том, что это не декоративная поделка и уж, тем более, не игрушка, и сомневаться не приходилось. Потертые кожаные ножны с потемневшей от времени серебряной инкрустацией, удобная рукоять из желтой кости и темного серебра и аура смерти, которую, — вот так фокус! — девочка почувствовала только сейчас. Но смерть — это страшная тайна и ужасный соблазн. Рука Елизаветы, кажется, сама собой потянулась к клинку, но была остановлена тихим, но

властным голосом Людо.

— Без золота, — сказал мальчик, осторожно опуская кинжал на столешницу.

Елизавета вздрогнула и остановилась. Рука ее замерла, так и не коснувшись рукояти, украшенной накладками из резной кости — бивня нарвала, — и пошла вспять, медленно отступая от границы дозволенного.

— Не бойся, — остановил Елизавету Людо. — Сними золото и можешь спокойно брать его в руки. Он твой теперь. Твой...

2

Баронесса не солгала. Да и с чего вдруг? До сих пор у Елизаветы не случилось ни единого повода сомневаться в словах тети Жозефины. Разумеется, старая баронесса кое о чем умалчивала, рассказывая воспитаннице о тех или иных жизненных обстоятельствах, кое-что недоговаривала или даже скрывала, касаясь особенно деликатных моментов их семейной истории, но никогда не обманывала. Не обманула и на этот раз: первого сентября Елизавета и Людо, и в самом деле, отправились в школу.

Впрочем, этому странному и даже несколько волнующему событию предшествовали некоторые хлопоты и длинные разговоры с разного рода дамами и господами, не все из которых выглядели людьми "их круга". Тем не менее, баронесса стойчески вынесла все выпавшие на ее долю — как опекунши "юных родственников" — испытания, и решение отнюдь не простой проблемы было, в конце концов, найдено. Следует заметить, что уже изначально задача, стоявшая перед баронессой, оказалась не так проста, как может показаться. Дело в том, что все по-настоящему хорошие школы, к великому огорчению Жозефины Икьхгорн, оказались заведениями закрытого типа, то есть, попросту говоря, интернатами, и к тому же проповедовали раздельное обучение полов. Однако Елизавета ясно и недвусмысленно дала понять всем и каждому, что об этом не может быть речи. И вообще "она желает проводить ночи в постели с законным супругом, а не на сиротских койках в общежитиях школ для девочек". Общественные же школы не удовлетворяли высоким требованиям к воспитанию и образованию, которые предъявляла к учебным заведениям старая баронесса.

Все-таки после некоторых усилий компромисс был найден. Им оказалась частная школа, "Академия Луки Бранциони", что помещалась в старинном вполне готического облика сумрачном здании на улице Принцев и принцесс, то есть, в самом сердце старого города, где узкие улицы петляют меж высоких краснокирпичных и темных каменных стен, то, спускаясь в бывшие овраги, то, поднимаясь на оплывшие холмы, то вовсе исчезая в разросшихся парках, похожих на кладбища, а то и на кладбищах, незаметно превратившихся в городские парки.

По случаю поступления в школу, Елизавете и Людо пришлось не только обзавестись форменной одеждой, вызвавшей некоторое разочарование у нее и скептическую улыбку у него. Им случилось приобрести также множество разнообразных и странных предметов, наподобие пеналов с карандашами и самопишущими ручками или жестяных коробок для хранения завтраков. И более того, они оказались вынуждены выправить необходимые

документы, которых, как выяснилось, не было ни у одного, ни у другой. Но этот вопрос, к счастью, решался много проще некоторых других.

Среди ряда патронимов, титулов и владетельных имен, которыми по праву рождения именовалась графиня Скулнскорх, затесалась и "фамилия" Кейн. На самом деле это было название маленького поместья, спрятавшегося в уютной долине среди покрытых снегами вершин западных Альп. Старый священник, служивший уже почти столетия в поместье Кейн, почитал себя не столько слугой бога, сколько подданным эдле Елизаветы фон Кейн, поэтому и не странно, что его не пришлось просить дважды. Его вообще не пришлось просить. Пастору просто сказали, что от него требуется, и он незамедлительно выдал необходимую для муниципальных властей — то есть, для отдела народного просвещения столичного муниципалитета — справку о том, что четырнадцать лет назад в деревушке Верхний Кейн у Леопольда и Карлы Кейнов родились дети: сын — Ловис и дочь — Лиза. То, что ни Леопольда, ни Карлы никогда не существовало и в помине, а фамилию Кейн по правилам следовало писать с приставкой "фон" или "де", никого, в сущности, не должно было интересовать, как и то, являются ли Людо и Лиза братом и сестрой. Очень удобным оказалось и то, что в Академии мэтра Бранциони учились только школьники старших классов: с девятого по двенадцатый. Вот в первый, то есть, девятый класс Академии и поступили Ловис и Лиза Кейн. Для этого, к слову, Елизавета несколько "подросла", прибавив себе целый год, а Людо, напротив, пришлось несколько "помолодеть". Теоретически, им необходимо было так же выдержать вступительный экзамен, но за них поручился кто-то из уважаемых профессоров столичного университета, и доктор Бранциони счел за лучшее, удовлетвориться этой рекомендацией, чтобы не нажить себе, не дай Бог, врагов в академической среде.

Первый школьный день вполне удался. Погода стояла теплая и ясная, ярко светило солнце, благоухали созревающими плодами фруктовые деревья. Оттого, быть может, и узкие кривые улочки старого города казались этим утром не столько мрачными, сколько живописными. И замкообразное здание "Академии Луки Бранциони" представлялось примечательным и достойным внимательного изучения, как памятник эпохи раннего возрождения или позднего средневековья, что, как утверждают некоторые знатоки, в сущности, одно и то же.

Феликс — старый шофер баронессы Икьхгорн, довез Людо и Елизавету до самых ворот школы, и, более того, не сдвинулся с места, пока они не пересекли линию высокой, чугунного литья, ограды. Он дождался прощального взмаха тонкой руки "молодой графини", просигналил в ответ клаксоном и только после этого неторопливо тронул с места тяжелый темно-бордовый "Майбах" старой госпожи.

— Ну, вот мы и в школе, — с оттенком облегчения в голосе сказала Елизавета и с любопытством, впрочем, искусно скрытым под маской "улыбчивой бесстрастности", принялась рассматривать людей и предметы, попадавшиеся ей на глаза.

— Новенькие? — спросил, возникая прямо на их пути, высокий юноша, внешний вид которого демонстрировал преувеличенно педантичное отношение к деталям.

Елизавета решила, что молодой человек скорее красив, чем симпатичен, и слишком ухожен для того, чтобы выглядеть естественным.

— А вы, сударь, старожил? — вопросом на вопрос ответил Людо. — Меня зовут Ловис Кейн, мою сестру — Лиза. Как прикажете обращаться к вам?

— Значит, Лютц и Цисси^[2]! — одними губами улыбнулся юноша. — Я Томас Тиц!

— Очень приятно, Дамаль! — протянул руку Людо. — Лиза, — обернулся он к Елизавете, едва пожав руку опешившего от такой наглости, Тома. — Позволь представить тебе Дамалю. Но ты, если хочешь, можешь называть его просто Дама^[3].

— Э... — выдавил из себя Томас.

— Очень приятно! — лучезарно улыбнулась Елизавета, добивая поверженного противника.

Всякий, кто мог рискнуть покуситься на честь и достоинство ее господина и супруга, был достоин, как минимум, смерти. Что же касается насмешки, в ее глазах это и не кара вовсе, а одно баловство. Но... за подчеркнуто холодной, доведенной до совершенства оболочкой нового знакомца, скрывался, как ей вдруг показалось, не враг, а одинокий и крайне ранимый человек.

— Глупо вышло, — в серых глазах Томаса появилось живое выражение, и было оно отнюдь не радостным. — Я не хотел вас обидеть.

— Мы тоже, — кивнул Людо. — Если хочешь, зови меня Лютцем.

— Спасибо, Лютц, — неуверенно улыбнулся юноша. — Тогда, и вы зовите меня Дамаль, я не возражаю. Так звала меня бабушка...

— Но не смей называть меня Цисси! — потребовала Елизавета.

И Томас, с которым они познакомились таким странным образом, никогда больше не называл ее этим именем, но зато все остальные... К концу дня Елизавета поняла, что ее окружают очень разные люди — слишком много для первого "выхода в свет", слишком разных людей — но все они, по-своему хороши. И ни один из них, по-видимому, не заслуживает смерти за "оскорбление величия". Тем более что практически все они, отнеслись к ней, как это и бывает обычно с красивыми девочками, очень, и даже очень хорошо. Вот только все называли ее Цисси, и с этим ничего было не поделать. Единственным исключением — и в этом, как и во всем остальном — оказался Том. Но таким уж человеком был Томас фон дер Тиц, что все у него получалось не как у всех.

— Итак, география, — сказал невысокий лысоватый и несколько полноватый мужчина в сером костюме-тройке, белоснежной сорочке и фиолетовом галстуке-бабочке. Подобранные в тон галстуку, лакированные туфли маэстро Сторци светились, словно грозовые тучи в блеске молний.

— Нет, не так, — покачал он головой и вскинул вверх короткопалую толстенькую ручку. — География, дамы и господа! Слово с большой буквы!

Каждая фраза маэстро Сторци заканчивалась восклицательным знаком. Он не говорил, а декламировал, сгорая от восторга перед предметом своей, возможно, единственной страсти.

— Геология! — выговаривал он с вожделием. — Геополитика! География! Земли и народы их населяющие, горы и воды, климат и рельеф, политика и экономика, любовь и смерть!

Впрочем, Альфредо Сторци мало и мимолетно говорил о любви — что несколько разочаровало Елизавету, ожидавшую от школы действительного углубления знаний о "различных предметах" — и совсем не говорил о смерти. Зато он рассказывал об этнографии и океанологии, астрономии и палеонтологии, политических науках и антропологии. Он был ярок. Он пылал, а не горел. Он обожал карты и атласы, книги и журналы, он не был нигде,

как неожиданно поняла слушавшая его с неподдельным интересом Елизавета, но знал об "этих и прочих местах" все, что только может знать человек.

Совсем другим оказался профессор Зиверс, преподававший им математику.

— Алгебра суха, как хворост в летнем лесу, — говорил он, трусцой пробегая между рядов. — Девочки глупы и не способны к сложным вычислениям. Геометрия — царица наук. Задача, которую невозможно решить, исходя из принципов симметрии, не решается принципиально. Галуа был гений, и его застрелили на дуэли. Гениев никто не любит. Но без гениев никак нельзя. Математика наука гениев и сумасшедших. Я не гений, следовательно, я умалишенный. Повторите это, милая леди, — хищно улыбнулся он, останавливаясь вдруг перед девушкой с огромной копной нечесаных волос цвета меди и в круглых очках, сползших на самый кончик маленького вздернутого носика. — Повторите, и вашими галерами станут дополнительные уроки.

"Что ж, — решила Елизавета, выслушав Зиверса. — По крайней мере, он честен Сумасшедший, и ни от кого это не скрывает".

Впрочем, к концу дня, она уже не была уверена, что до сих пор правильно понимала термин "душевнобольной". Такими, если верить ее ощущениям, были едва ли не все учителя, и основная масса учеников.

— Куда мы попали? — шепнула она на ухо Людо, когда прозвучал последний в этот день звонок, и они, выйдя во двор, увидели темно-бордовый "Майбах" тети Жозефины. "Майбах" не был единственным автомобилем, ожидавшим учеников, возвращающихся домой после занятий в "Академии Луки Бранциони". Не был он и самым роскошным среди них. Но Феликс умудрился занять, поистине, королевское место — прямо напротив открытых по случаю окончания учебного дня ворот.

— Куда мы попали? — спросила Елизавета.

— В школу, — чуть пожал плечами Людо и по-своему он был прав.

В конечном итоге, все оказалось не так страшно, как показалось вначале. Профессора — обоего пола, — возможно, и страдали множеством весьма экстравагантных душевных недугов, но в качестве учителей были превосходны, в чем достаточно быстро убедились и Елизавета, и Людо. Что же касается учеников, то, пользуясь выражением Тилли ван дер Шенк, это был, разумеется, паноптикум, но весьма любопытный и несколько не опасный.

Сама Тилли была той самой девочкой, которую попытался запугать профессор Зиверс. Как ни странно, он в этом не преуспел, и, видит Бог, не потому что не мог испугать. Мог, и привел своими эскападами в ужас добрую половину класса. Но испугать Клотильду ван дер Шенк было не в его власти. Она была совершенно бесстрашна, хотя возможно, бесстрашие ее было сродни безумию: она просто не воспринимала всерьез, как минимум, половину реально существующих угроз, а другую половину — воспринимала на свой весьма оригинальный лад. В результате Тильда являла собой такое чудо, что не влюбиться в нее было просто невозможно. Впрочем, о том, что Тилли — чудо, догадывались далеко не все. Большинство людей ее просто не замечали, а многие другие недооценивали.

— Привет, Тилли! — едва завидев новую подругу, Елизавета почувствовала тепло в груди и начала улыбаться.

Тильда сидела на подоконнике в глубокой нише окна и читала толстый потрепанный том, положив его на обтянутые длинной темной юбкой колени. Ее волосы цвета червонного золота по обыкновению были растрепаны и едва ли не стояли дыбом, горло над воротником

форменного жакета — замотано длинным шарфом — внутри школы всегда было знобко, даже если на улице сияло теплое солнце ранней осени — а на руках — шерстяные перчатки без пальцев.

Услышав голос Елизаветы, что случилось с Тильдой отнюдь не всегда, девочка подняла голову — она читала книжку, подтянув колени к груди и низко склонившись над страницей — и улыбнулась в ответ. У нее было славное с тонкими чертами лицо, очень белая кожа и огромные изумрудно-зеленые глаза, которые иногда прятались за круглыми стеклами очков и тогда обычно блекли, а иногда, как сейчас, смотрели поверх тонких металлических дужек и сияли, как настоящие изумруды. Ее очки часто сползали на самый кончик носа, но, по-видимому, Тилли умела управлять этим хитрым процессом, хотя, скорее всего, делала это бессознательно, подчиняясь одной лишь своей интуиции.

— Привет! — сказала она высоким чуть надтреснутым голосом. — А я как раз читала о геральдических знаках. Что изображено на твоём гербе?

"На моем?! О, господи!"

— Я не уверена, что мой род является вполне дворянским, — сказала Елизавета вслух. — Видишь ли, Тилли...

— Твоя кровь не молчит! — тихо, но твердо возразила Тильда, остановив объяснения Елизаветы, и замолчала, засопев, по своему обыкновению, маленьким вздернутым носиком.

— Мы поговорим об этом после, — выдохнула чуть позже девочка и поправила указательным пальцем очки.

Взгляд ее тут же спрятался за стеклами и погас. Просто зеленые глаза, даже не совсем зеленые, а скорее, болотные, зеленовато-желтые...

"Ох!"

— Пойдем в класс? — как ни в чем не бывало, спросила Елизавета.

— А что, уже пора? — удивилась Тилли.

— Да, — Елизавета не могла смотреть без улыбки на выражение "метафизической растерянности", возникавшее по временам на лице Клотильды ван дер Шенк. Как не могла без смеха слышать и слетающие порой с тонких губ девочки *bon mots*^[4] собственного сочинения.

— А где Лютц? — очки начали медленно и как бы сами собой сползать на кончик носа.

— Разве я сторожиха брату моему? — пожалала плечами Елизавета. — Скажи, Тилли, а тебя отпустят вечером в кондитерскую Вермейера, если мы тебя пригласим выпить с нами чашку чая?

— Я не пью чай, — очки окончательно спустились на кончик носа, и глаза вспыхнули живой сочной зеленью. — Я пью какао и молоко, но вряд ли моему дяде интересно, для чего я покидаю его дом. Да, он меня отпустит.

— Тогда, в семь? — уточнила свое предложение Елизавета. — Тебя устроит в семь?

— Устроит, — кивнула Тильда, покидая подоконник. — Но вам придется забрать меня прямо от дома. Он, знаешь ли, весьма тверд в своих принципах, мой дядюшка Рейнарт.

— Назови адрес, и мы будем у твоих дверей ровно в семь, — Елизавета вынашивала в душе некоторый план, но претворение его в жизнь зависело не от нее одной.

— Я живу на Кедровом холме, — девочка запихнула книгу в сумку, забросила ту на плечо и пошла по длинному сводчатому коридору рядом с Елизаветой. — В Ветряном проезде.

Ну, что же, если не "Княжья доля", где параллельно реке тянулась улица графа

Розенштерна, то, разумеется, "Кедровый холм". Настоящие аристократы — даже не титулованные и не из вполне дворянских родов — жили только в этих районах. Или, вернее, проживали в них преимущественно.

А первым уроком в этот день была история.

— Итак, — Георгина Реомюр отличалась высоким ростом и стройностью. Она и вообще выглядела настолько интересной и привлекательной, что вопрос о ее истинном возрасте появлялся у устремлявшихся к ней мужчин — если появлялся вообще — лишь спустя значительное время после факта знакомства. — Итак, что мы можем сказать об императоре Хальдеберде? Был ли он жесток? Каковы были идеалы этого императора-воина? Что он вообще из себя представлял? Как выглядел? Во что одевался? Что ел и пил?

Разумеется, это были риторические вопросы, но отнюдь не только. Профессор Реомюр любила, когда ученики "умничали", или, когда они, и в самом деле, оказывались умными, любознательными и начитанными.

— Он был здоровый лось! — сказал с места Самуэль де Картуар. — Я видел его меч в соборе Святого Духа, он двуручный, этот меч, я имею в виду, но моих рук, — он поднял перед собой два здоровенных кулака, — на него бы не хватило...

— Он был мужеложец, вот! — выпалила блондинка Забс Вальтерсхаузен, едва только замолчал "могучий Самуэль".

— Факт, не подтвержденный ни одним подлинным документом, — холодно улыбнулась Георгина Реомюр. — Он не был женат. Это факт. И ни одну женщину документы эпохи не упоминают в качестве его любовницы... Но, возможно, он был анахоретом или страдал от какой-нибудь болезни, мешавшей императору проявлять столь привычным способом свою мужественность? Мы этого не знаем... пока. Но, может быть, узнаем в будущем. Этим, дамы и господа, и занимается история. Вам нравится?

— Нравится! — почти дружно ответил класс.

— Профессор! — высокий и резкий, словно крик чайки, голос Гретель Новотны взлетел под сводчатый потолок класса и заставил зазвенеть стекла в настенных бра. — Расскажите нам о принцессе Джеване и князе Кагене!

"О, господи! — страх и гнев заставили Елизавету замереть на полувздохе. — Только не это!"

— Сударыня, — взметнулась вверх левая бровь профессора, — вам уже исполнилось шестнадцать?

— Нет, — пролепетала пристыженная Грета.

— И вы смеете спрашивать своего профессора о любовных похождениях Черного Людвига?

— Ой... — вот и все, что смогла ответить на это поверженная "Афиной" Реомюр любопытная девочка.

— Вот подрастете, сударыня, — сменила, между тем, гнев на милость профессор Реомюр, — и в двенадцатом классе я, так и быть, расскажу вам... и всем остальным что-нибудь из "Хроники Роз и Шипов Безымянного Монаха из Ковно".

На том и порешили...

Вечер наступил неожиданно быстро. Елизавета едва успела пообедать и сделать домашние задания, как за окнами особняка баронессы Икьхорн начало смеркаться, а там уже и часы спешат сообщить о "неумолимом беге времени".

— Ты готова? — спросил Людо, появляясь в дверях ее кабинета.

— Да, дорогой, — по мнению Елизаветы, правила следовало соблюдать хотя бы наедине. — Ты не возражаешь против "кофейных тонов"?

На самом деле, поход в кондитерскую оказался замечательным предложением, чтобы опробовать на людях новый наряд, "от и до" придуманный самой Елизаветой и с немалыми трудами воплощенный в жизнь в портновской мастерской "Лунд и сыновья". Изюминкой нового платья графини Скулнскорх являлись плавные линии и сочетание цветов. Высокие сапожки из замши (много кофе и мало молока), рейтузы из тонкой шерсти (кофе-латте), шелковая блуза до середины бедер (черный кофе) и длиннополый жакет, типа тех, что надевают для верховой езды, в цвет сапог. И шарфик — кофе с молоком, вернее два шарфика: один на шею, другой, если приспичит, — на голову... а что касается "плавности линий", Елизавета очень надеялась, что Людо вполне оценит те позитивные изменения в ее фигуре, что стали происходить в последнее время. Все-таки время брало свое, и девочка начала превращаться в девушку.

— Ты не возражаешь против "кофейных тонов"? — спросила она.

— Разумеется, нет! — улыбнулся в ответ он. — Я весь в предвкушении.

— Предвкушай! — засмеялась Елизавета и отправилась переодеваться.

Через час с четвертью — из которых дорога до Ветряного проезда заняла как раз ту самую "четверть" — темно-бордовый "Майбах" остановился у приземистого особняка, чей фасад практически полностью скрывался за темно-зеленым пологом оплетшего его стены плюща. Виднелись только высокие и, по-видимому, тяжелые двери темного дерева и зашторенные окна в обрамлении темных же ставен.

Дом выглядел мрачно, и, по первому впечатлению, представлялся необитаемым. Тем не менее, не успели тихо, но уверенно скрипнуть тормоза тяжелого автомобиля, остановившегося как раз напротив полукруглых ступеней широкого крыльца, как дверь растворилась, и на пороге показался хозяин дома. Тайный советник Рейнарт Фалль оказался высоким худощавым мужчиной с седыми висками и озабоченным узким лицом. Он был одет в темно-синий фланелевый костюм и голубую "домашнюю" рубашку без галстука, но с обязательным в этом случае шейным платком. На длинном прямом носу посверкивали стеклами пенсне в золотой оправе. Рядом с ним Тильда Шенк — его родная племянница и воспитанница — выглядела маленькой и неухоженной, но зато живой и полной красок жизни куклой. Ее юбка, блузка и кафтанчик были сшиты из невероятно ярких и весьма остро контрастирующих между собой тканей. Но на девочке все это выглядело не столь экзотически, сколь очаровательно.

— Привет! — крикнула она, сбегая по лестнице.

— Здравствуй, здравствуй, — перецеловалась она в обе щеки с вышедшей из автомобиля Елизаветой.

— Ты галантен как принц из сказки, — улыбнулась она Людо, когда тот открыл перед ней дверцу "Майбаха".

— Я буду до одиннадцати! — помахала она рукой своему дяде уже из салона автомобиля.

— Надеюсь, что он тебя слышал, — прокомментировала ситуацию Елизавета.

— Он слышал, — отмахнулась Тильда. — Можешь мне поверить.

За все время, что "Майбах" стоял перед домом, советник Фалль не проронил ни слова и

не сделал ни одного движения, если не считать сдержанного поклона, которым он ответил на вежливые слова приветствия, произнесенные Людо и Елизаветой. Являлся ли он живым существом? Возможно. Впрочем, Тильда как-то заметила, что всех королевских советников выстругивают перочинным ножиком из поленьев, взятых из одной и той же поленицы. И это совсем не те полена, из которых получают Пиноккио.

Еще через четверть часа, то есть ровно в 19.00, автомобиль остановился рядом с кондитерской Вермейера, и друзья не без удовольствия переместились из обитого тисненой кожей салона "Майбаха" за один из столиков знаменитых антресолей. Этот полуэтаж, глубоко вдававшийся в объем "Ларца" — просторного ресторанный зала, казалось, полностью выточенного из мореного дуба с позолотой, был самым лучшим местом в кондитерской. Отсюда открывался вид на весь зал, а через высокие хрустальные окна — и на улицу Первых королей, по которой в желтоватом свете старинных уличных ламп неспешно прогуливались хорошо одетые люди и неторопливо перемещались большие и тяжелые автомобили.

Не успели девочки и Людо рассестись по своим местам, а полноватый улыбчивый официант в белом фартуке до щиколоток разложить перед ними богато оформленные буклеты меню — А La Carte, как внизу, в "общем" зале кондитерской появилось еще одно знакомое лицо.

Провернулась хрустальная карусель вращающихся дверей, колыхнулся воздух, насыщенный ароматами сдобы и ванили, и многие лица внизу и наверху повернулись в сторону вошедшего в зал юноши. Дамаль Тиц прошел несколько шагов по наборному паркету, остановился на мгновение, бросил взгляд вверх, безошибочно определив именно то место, где сидели Елизавета, Людо и Тильда, лучезарно улыбнулся, показывая, что увидел и узнал, и ровным пружинистым шагом спортсмена направился к резной лестнице, ведущей на антресоли. Он был победительно хорош, если не сказать — великолепен. Но именно таким он и был: высокий атлетического сложения золотистый блондин с правильными чертами "мужественного" лица и серыми, под стать типу лица, глазами. Одним словом, Тристан...

— Это случка? — маленький хорошенький носик Тильды сопел громко и протестующее, отчего и вопрос, скорее, напоминал шипение, чем членораздельную речь.

— Пойдем-ка сходим в дамскую комнату... припудрим носики! — Елизавета решительно встала, выдернула за руку из-за стола, мгновенно превратившуюся в горного тролля — маленького, но гневного тролля — Тилли Шенк и увела ее с собой, раньше, чем Томас Тиц успел добраться до "места назначения".

— Кажется, я кого-то разочаровал, — с грустью в голосе и во взоре констатировал Томас, обозревая опустевший стол.

— Кажется, у кого-то острая форма паранойи, — пожал плечами Людо. — Садись, Дамаль, не стой надо мной аллегорией Укоризны.

— Я говорил Лизе, что из этого ничего хорошего не выйдет...

— У Лизы свое мнение на каждое твое. Или даже два, но это еще требует проверки.

— Твоя сестра сильная девушка, не говоря уже о том, что красивая и умная. — С этими словами Томас все-таки сел на предназначенный ему стул.

Глядя на него, трудно было представить, насколько форма и содержание разнятся в данном конкретном случае. Он был много умнее, сложнее и в целом лучше и интереснее, чем можно было заподозрить, глядя на него со стороны. Но большинство людей, разумеется, воспринимали его таким, каким он им представлялся. Вот и сейчас практически все без

исключения девочки, находившихся в кондитерской, многие девушки и даже кое-кто из дам постарше смотрели на него с восхищением и... Ну, да, теоретически и Людо, и Томас знали, что такое вожделение. Вот с этим чувством и смотрели на Томаса представительницы противоположного пола.

А в это время в дамской комнате другая "особа противоположного пола" кипела праведным гневом, зло сопела хорошеньким носиком и сыпала такой отборной бранью, что заскочившая в ватерклозет девушка — ей на беду приспичило "припудрить носик" по-маленькому — вылетела оттуда пробкой, вся красная от смущения и с плавящимися от напряжения мозгами. Она "на лету" пыталась запомнить все те "красивые" и разнообразные, но совершенно незнакомые ей слова, что прозвучали в гулком объеме — зеркала и мрамор — дамской комнаты в считанные секунды ее пребывания там.

— Я...! Ты...! Вы...!

— Ты влюблена в него, моя прелесть, — прошептала покрасневшая от смущения Елизавета и, обняв подругу, прижала к груди.

— Я?! — встrepенулась было "пойманная в силки дичь".

— Ты, — как можно более мягко произнесла Елизавета и погладила Тильду по всклокоченным волосам.

— Я не... — но сила слова покинула вдруг Клотильду ван дер Шенк. — Но... Не... Как...

Слова не шли и не слагались в связную речь.

— Просто, как все люди, — улыбнулась Елизавета.

— Он самовлюбленная бестолочь и холодное с мороза бревно! — Тильда отстранилась от Елизаветы и обернулась к зеркалу. — Ужас!

Ее высокий чуть надтреснутый голос несколько "просел" и охрип от пережитых девушкой эмоций, но в изумрудно-зеленых глазах, смотревших в уходящее в бесконечность зазеркалье, — прямо над дужками очков — гнев и ярость уступили место сомнению и растерянности.

— Ты ошибаешься, майн либер Тилли, — еще шире улыбнулась Елизавета, заглядывая в зеркало поверх головы Тильды. — Дама умный и начитанный мальчик, только он стесняется и своего ума, и своих любимых книг. Кто-то сказал ему, что быть "спортсменом" лучше, чем "ботаником", вот он и старается.

— Ты уверена? — неуверенное сопение прекратилось, а в зеленых глазах вспыхнули волшебные огоньки интереса.

— Я похожа на человека, выдающего желаемое за действительное? — Вообще-то от этой фразы за версту несло книжным знанием, но, "испытывая жажду", Елизавета, не задумываясь, пила из любых "источников".

— Ты?.. — сомнения все еще не вполне оставили Тильду.

— Я знаю, что он хороший, — твердо ответила на незаданный вопрос Елизавета. — И Людо сказал, что Дама любит тебя, и отнюдь не как сестру.

При последних словах Елизавета чуть покраснела, представив, как на самом деле любит Тильду Томас, но подруга ее мимолетного смущения не заметила, занятая собственными непростыми переживаниями.

— Прямо-таки! — воскликнула она, услышав последние откровения Елизаветы. — Он?! Меня?! Что?!

— Он тебя любит, — повторила Елизавета.

— И куда он меня любит? — поправила очки Клотильда, крылья ее вздернутого носика опасно поднялись.

"Сейчас засопит!" — испугалась Елизавета и бросилась в атаку, опережая возможные осложнения.

— Это уж, Тилли, вы сами как-нибудь решите, — холодно, "по-графски" произнесла Елизавета. — Куда и как он будет тебя любить. Это ваше частное дело!

Следует заметить, идея сходить в кондитерскую вчетвером оказалась правильной по существу, но, главное, великодушной. Счастлив сам, не забудь "осчастливить" ближних. Но поскольку "ближним" назначить можно любого, задача несколько облегчалась тем обстоятельством, что Елизавета и ее "брат" симпатизировали Томасу и Клотильде — и порознь, и обоим вместе. Оставалось лишь ощутить токи взаимного влечения двух этих столь несхожих между собою людей. Ощутить, понять и оценить. А, оценив, незамедлительно начать действовать. Причем само "действие", как случается сплошь и рядом, оказалось, как раз самой простой и незатейливой частью предприятия. Как там у классиков? Пришел, увидел, победил? Где-то так.

Но все это, имея в виду "подвиг дружбы", происходило как бы между прочим, поскольку жизнь — обыденная ее составляющая — продолжала идти своим чередом. Каждое утро Лиза и Лютц отправлялись на "Майбахе" старой баронессы в Академию Луки Бранциони и учились там до двух часов дня. Впрочем, поблажки ранней осени скоро закончились, и в иные дни "брат и сестра" возвращались в "замок" баронессы Икьхгорн в шестом или даже седьмом часу вечера. Однако, когда бы ни заканчивались занятия, Феликс всегда оказывался на месте, то есть, на своей излюбленной позиции прямо напротив кованых ворот "Академии", за пять минут до того, как Елизавета и Людо появлялись на высоком, словно церковная паперть, крыльце своей мрачноватого вида Альма-матер. Это тоже было одной из примечательных черт "хорошей частной столичной школы": держать родителей или иных лиц, наделенных правом попечительства, в курсе всего происходящего с их воспитанниками. А дела в этом смысле, обстояли в "их круге" — имея в виду класс, в котором учились Ловис и Лиза Кейн — самым странным и даже несколько причудливым, если так можно выразиться, образом.

Елизавета привыкла считать, что такие жизненные обстоятельства, какие сложились у нее самой или у ее супруга, суть редкие, если не сказать исключительные. Их родители умерли задолго до того, как смогли познакомиться со своими отпрысками в полном смысле этого слова. И более того, жизнь и смерть этих людей оставались едва ли достаточно проясненными, если не сказать большего. Поэтому, вероятно, Елизавете было относительно просто отождествлять себя с множеством героев или, вернее, героинь длинных и "чувствительных" романов прошлого века. Это оказалось, и впрямь, несложно, ведь она по определению являлась "бедной сироткой", хотя и неверно по существу, поскольку титула у нее никто не отбирал, да и жилось ей не в пример лучше, чем большинству из этих литературных бедолаг.

Однако, попав в школу маэстро Бранциони, Елизавета с удивлением обнаружила, что ничто не ново под луной. Учеников, у которых имелась полноценная — то есть, состоящая хотя бы только из отца и матери — семья, оказалось невероятно мало, да и в этих случаях, все обстояло не так просто, как представлялось на первый взгляд. Большая же часть одноклассников Ловиса и Лизы воспитывались опекунами: дядей или тетей, как в случае

Тильды или самой Лизы, дедом, как у Дамаль, или вообще дальним родственником — практически чужим человеком — как это на самом деле случилось с Людо, прежний опекун которого Вольдемар исчез, растворившись в дымке вчерашнего дня.

Не стоит, поэтому удивляться, что большинство одноклассников Елизаветы — если вообще не все — в той или иной мере испытывали чувство одиночества. Вероятно, им не хватало тепла и внутрисемейного неформального общения, и, хотя не каждый из них был готов это признать, все чувствовали необходимость в дружбе и любви, окрашивающих человеческое существование в более теплые тона. Не у всех, впрочем, это получалось, и не у каждого, стоит заметить, оказывались такие великодушные друзья, как Лиза и Ловис. Но тем сильнее были ответная благодарность и дружеские чувства, испытываемые Томасом и Клотильдой к своим единственным настоящим друзьям. Да и в любом случае, жизнь вчетвером оказалась куда интереснее, чем в одиночестве и порознь.

Они вместе делали теперь уроки, обменивались интересными книгами, упражнялись в гимнастическом зале, и "выходили в свет" в выходные и праздничные дни. При этом как-то так получилось, что городской замок баронессы Икьхгорн быстро и самым решительным образом превратился в "главную ставку" компании. Во всяком случае, повара и прислуга подчинялись Елизавете ничуть не меньше, чем "старой хозяйке". А третий этаж особняка находился в полной и безраздельной собственности "молодой госпожи" с того самого дня, как в доме на улице графа Розенштерна появился мальчик Людо, настоящие имя и титул которого так и не были ни разу произнесены вслух...

Зима наступила внезапно. Казалось, что осень будет длиться вечно, но на самом деле так не бывает. Не случилось и на этот раз. Листья желтели, окрашивались в золото и багрянец, и понемногу опадали, отчего в парках и скверах возникли цветные ковры, совсем скрывшие по-летнему сочную зелень газонов и лужаек. Однако снег, выпавший за два дня до Рождества, упал на все еще пышные, блистающие всеми красками заката кроны.

Получилось неожиданно и красиво. Богатство красок и сияние отраженного снегом солнечного света рождали удивительное настроение. Хотелось смеяться, гулять, играть в снежки и пить горячий шоколад.

— Ваше сиятельство! — сдержанно поклонился баронессе Икьхгорн Томас фон дер Тиц. — Мой опекун — генерал Густав-Эмануэль Карл Томас фон Байер вом унд цум Вёгл приглашает ваших воспитанников провести рождественские каникулы в его замке Энтберг на южном берегу Ринзи. Имею честь просить вас проявить благосклонность и позволить Лизе и Ловису присоединиться ко мне и госпоже ван дер Шенк в имении моего деда.

Все это Дамаль произнес своим красивым бархатным баритоном с изысканно вежливыми интонациями, подходящими для идеально воспитанного молодого господина, и полуулыбкой, перед которой не могла устоять ни одна женщина.

— Хм, — неопределенно произнесла Жозефина Икьхгорн, подыгрывая своим "воспитанникам". — Весьма неожиданное предложение... Надеюсь, генерал, тоже отмечает рождество в своем замке?

— Разумеется, — чуть склонил голову в утвердительном жесте Дамаль. — Его превосходительство неукоснительно соблюдает возложенные на него законом обязательства и, будучи моим официальным опекуном, полагает правильным не предоставлять мне излишней свободы и самостоятельности до моего совершеннолетия.

— Как вы предполагаете добираться до замка? — баронесса перешла к выяснению технических подробностей, следовательно, разрешение было уже получено.

— Мы предполагаем, выехать завтра с утра на двух автомобилях вместе с адъютантом генерала и его секретарем.

— Целый день в пути, а? — прищурилась баронесса.

— С остановками в придорожных трактирах, ваше сиятельство, — поспешил успокоить ее Дамаль. — В замке есть телефон, а в близлежащем городке телеграф. Кастелян замка уведомлен, и по приезде нас ожидает рождественский поздний обед в баварском духе, и, конечно же, уютные и заранее протопленные спальни.

— Звучит заманчиво, — благосклонно кивнула баронесса. — В замке есть лыжи? Конюшня? Что, насчет зимней охоты?

— В Энтберге отличная конюшня, ваше сиятельство, — довольно улыбнулся Дамаль, осознав, что все идет строго по плану. — Охота... если позволят погодные условия, должна быть неплоха. Озеро окружают леса. А лыжи мы берем с собой. Что же касается санок...

— Хорошо, — рассеянно улыбнулась баронесса. — Стало быть, вы заедете за Ловисом и Лизой в...

— В семь часов утра, с вашего позволения.

— В семь утра. Прекрасно! Лиза, Ловис, прошу вас немедленно начать укладывать вещи! — баронесса поощрительно кивнула молодым людям и степенно удалилась в свой кабинет.

— Мы едем, — засмеялась Елизавета и посмотрела на Людо. — Ведь так?

— Совершенно с вами согласен, дорогая, — ответно улыбнулся Людо и, нагнувшись, поцеловал Елизавету в щеку. А у Томаса брови полезли на лоб: он не понял, что это было, но догадался, что "эти слова" и "эти жесты" что-то значат.

Утро двадцать четвертого декабря выдалось хмурым. Ночью шел снег, прекратившийся только перед "рассветом", который на самом деле так и не наступил. Небо обложили тяжелые и темные тучи, и улицы города в начале восьмого утра освещались лишь электрическими фонарями и светом фар проезжающих автомобилей. Обыватели — во всяком случае, в этой части города — еще спали. Большинство окон в высоких строгой архитектуры домах оставались темными, а лавки, рестораны и кофейни — закрыты. Упала и температура воздуха, так что изо ртов редких прохожих при дыхании вырывались облачка пара.

— Как бы нам не попасть в бурю! — озабоченно сказала Елизавета, все время поглядывавшая на мелькающие за окнами автомобиля улицы и площади. — Я помню зимнюю грозу, случившуюся, когда мне было десять лет. Ужас!

Она говорила в меру сдержанно, хотя, находясь на вакации, в неформальной обстановке, могла, разумеется, позволить себе большую свободу в выражении мыслей и чувств, чем в иной, кодифицированной ситуации. Однако в огромном вездеходе генерала они были не одни. По-видимому, дед Томаса пользовался определенными привилегиями: во всяком случае, для поездки в горы он воспользовался чем-то вроде передвижного командного

пункта. Роскошно оборудованный и предназначенный, по всей видимости, для офицеров высшего командного звена — это, тем не менее, был типичный армейский автомобиль. Шесть колес — Дамаль сказал: "две пары ведущих" — просторный салон, где со всем мыслимым в машине комфортом разместились не только водитель и четверо друзей, но и генерал фон Байер вместе со своим адъютантом и секретарем. Были здесь еще и консоли с приемо-передающей радиоаппаратурой и какие-то весьма интересного дизайна оптические приборы, но к поездке в горы это отношения не имело.

— Как бы нам не попасть в бурю! — сказала Елизавета, озабоченная драматическими именами, приключившимися с погодой всего за одну только ночь. — Я помню зимнюю грозу, случившуюся, когда мне было десять лет. Ужас!

— В самом деле? — переспросил генерал, вздергивая седую кустистую бровь, отчего чуть не уронил монокль. — Зимняя гроза, а?! Глупости!

Он был невысокого, отнюдь не генеральского роста, темнолиц и носат. Однако, несмотря на желтоватую старческую седину, выглядел по-юношески подтянутым, и, по первому впечатлению, был крепок и скор в движениях. Его серые, как и у Дамали, глаза то светились интересом, то застывали холодной сталью.

— В одиннадцатом году, — сказал он после паузы, как раз тогда, когда глаза его в очередной раз превратились в жерла нащупывающих противника стволов. — В Иерусалиме... Я был тогда прикомандирован в качестве офицера связи к третьей Галилейской бригаде. Это была тяжелая бригада... девять батальонов, два артиллерийских полка... Впрочем, вам это, верно, неинтересно. Так, вот гроза. Базилевс Никанор сам тогда возглавил армию... Томас, вы изучали уже Сирийскую компанию одиннадцатого года?

— Да, дедушка, — сразу же откликнулся Дамаль. Лицо его оставалось бесстрастным, но и только.

— Это хорошо, — кивнул генерал. — Армия Никанора высадилась в Латакии... Флот прошляпил, разумеется, и Стратилат Маврикий двинулся ускоренными маршами через Триполи и Хомс двумя колоннами на Дамаск. Увы, у царя Иеремии не было и вполтину столько сил, поэтому алуф — это они так называют своих генералов — Бин Нун отступил из Дамаска, удержать который не представлялось возможным, и, оседлав перевалы и горные тропы, приказал держать их до подхода главных сил. Главные же силы царя находились на тот момент в горах Эритреи, и ожидать их скорого прибытия было бы верхом самонадеянности...

— У-гху! — как бы случайно кашлянул Томас.

— Я увлекся? — как ни в чем не бывало, скопил на него серый глаз генерал фон Байер вом унд цум Вёгл.

— Вы хотели рассказать о зимней грозе, ваше превосходительство, — подала реплику ротмистр Тракаль ("Зовите меня просто Беа, ведь вы же не служите в армии!").

Беата Тракаль являлась личным адъютантом генерала, носила очень шедшую ей, ушитую по фигуре голубоватую кавалерийскую форму, и вообще отличалась броской и запоминающейся внешностью: васильковые глаза, льняные коротко остриженные волосы, полные губы и высокая грудь, украшенная, впрочем, двумя крестами за личную храбрость.

— О зимней грозе, — словно бы и не случилось паузы, кивнул генерал.

По-видимому, он был из тех людей, смутить которых просто невозможно.

— Ротмистр, вы меня крайне обяжете, если сварите порцию хорошего черного кофе, — выражался он несколько витиевато, но предельно ясно, по существу. — Грета, если вас не

затруднит...

Личный секретарь генерала — Грета д'Эвола — улыбнулась и, не дожидаясь продолжения, обернулась к встроеному в перегородку салона бару.

— Коньяк? — спросила она, как о чем-то само собой разумеющемся.

— Да, благодарю вас, доктор.

Черноволосая и кареглазая, Грета защитила докторскую диссертацию в Гейдельберге. Об этом Елизавете с неподдельной гордостью рассказывал Томас, для которого Беата и Грета являлись едва ли не членами семьи.

— Итак, гроза... — Сбить с мысли старого генерала лучше было и не пробовать. — В Иерусалиме, представьте себе, снег зимой отнюдь не редкость. Правда, лежит он недолго, но снежная буря с грозой, молниями и громом, хотел бы я подчеркнуть, так вот гроза, что захватила наш маленький отряд в районе Латруна, была явлением из ряда вон выходящим. Подъем там, судари мои и сударыни, — улыбка, полупоклон, — крутой, а дорога узкая и неровная, — кивок в сторону окна, за которым все еще мелькали унылые урбанистические пейзажи. — Лошади понесли, с горных склонов в ущелье покатались камни...

Рассказ продолжался добрых полчаса, но длинным никому не показался. Генерал, как выяснилось, умел увлечь аудиторию сочными подробностями воинской службы и перипетиями головокружительных приключений, да и рассказчиком он оказался умелым. В салоне вырвавшегося наконец из городских узостей вездехода было тепло и уютно, вкусно пахло свежесваренным кофе и благородным коньяком. Все расслабились, и настроение стремительно пошло вверх, даже у насупленной с непривычки к "большому тесному обществу" Тилли ван дер Шенк.

— Да, кстати... — неожиданно сказал генерал, завершив рассказ. — Прогноз погоды благоприятный: снегопад в горах будет, но не сегодня, а завтра — в Рождество...

Энтберг оказался классическим позднесредневековым замком. Продолговатый скалистый холм, глубоко вдающийся в воды озера, квадратная башня, стена, "стекающая" к обрезу берега там, где скала отступает от воды, и, собственно, замок — весьма причудливая постройка, состоящая из перестроенного средневекового донжона и всевозможных приделов и надстроек, которыми наградили его эпоха Возрождения и Новое время. Впрочем, рассмотреть родовое гнездо Байеров удалось только на следующий день, в Рождество. А вечером, когда кортеж из двух вездеходов достиг Энтберга, было уже слишком темно, чтобы по достоинству оценить и сам замок, и окружающую его местность: горы, заснеженный лес и холодная серо-стальная гладь озера.

Дорога в очередной раз повернула, лес — темные стены деревьев по обе стороны шоссе — расступился, и в сгущающейся ночной мгле где-то справа от дороги призывно засветились многообещающие огни. Свет в окнах, фонари над каменной аркой, давным-давно лишившейся створок ворот, освещенный электричеством указатель на "частное владение Энтберг"... Машины съехали с автострады и по подъездной аллее — кажется, она была обсажена огромными древними липами — поехали к замку, неожиданно вставшему впереди и выше на высокой скале. Еще немного, еще один плавный поворот, и, въехав в гостеприимно распахнутые ворота, машины остановились во внутреннем дворе как раз напротив главного входа. Если не считать немногочисленных архитектурных деталей, возникших в ходе более поздних перестроек, место это показалось Елизавете на редкость хорошо сохранившимся образчиком лаконичного и функционально оправданного

средневекового фортификационного строительства. Здесь даже деревянная галерея, опоясывавшая двор на уровне второго-третьего этажей, смотрелась аутентичной, и припорошенные снегом сухие плети вездесущего плюща спускались от крутых черепичных крыш по потемневшим от времени камням стен.

— Здесь водятся привидения? — спросила Тильда, задрав голову и, как зачарованная, поворачиваясь вокруг себя.

— Ну, что ты... — начал было успокоительным тоном Томас, но дед не позволил ему завершить фразу.

— Непременно! — весело ответил на вопрос девушки старый генерал. — Один мой предок... Яго Тригерид... за добрый нрав друзья прозвали его Правой Рукой Тьмы... Существует предание, моя дорогая фройлен Шенк, что однажды в гневе Тригерид убил свою жену, буквально нашинковав несчастную, словно капустный кочан, своим огромным мечом. Говорят даже, что у него имелся для этого серьезный повод, но не упокоенный дух фру Тригерид имеет привычку появляться временами в пиршественном зале и моей собственной спальне...

Трудно сказать, насколько серьезен был в этот момент генерал: смутная улыбка блуждала по губам рассказывающего эту "леденящую кровь" историю, Густава-Эмануэля барона фон Байер, и клубы пара и табачного дыма — он только что раскурил сигару — выплывали в морозный воздух вместе с медленными неторопливыми словами.

— Так это случилось в Энтберге?! — Елизавета определенно слышала уже эту историю, но полагала отчего-то, что преступление свершилось в Зальцбургской цитадели.

— Именно, именно, — покивал генерал и выпустил изо рта сизоватое в желтом электрическом свете облачко табачного дыма.

Дым пах горящими буковыми дровами, изюмом и горячим шоколадом, и скорее понравился Елизавете — "Будет ли Людо курить, когда войдет в возраст?" — чем наоборот.

— Именно здесь, фройлен Кейн. Именно в этом замке, и более того... — генерал обвел взглядом заинтересованные лица слушателей и победно улыбнулся. — Когда герцог Тригерид погиб... Вы ведь знаете, мои юные друзья, что, в конце концов, Аспид Каген убил герцога? Да? Тем лучше, мне не придется рассказывать сейчас еще и эту темную историю, но главное... Главное, что тень Тригериды, мятежная душа его вернулась сюда, в этот самый замок, и навечно поселилась здесь, чтобы еженощно просить прощения у духа своей жены... Звучит романтично. — Сказал генерал после короткой паузы уже совсем другим, "скучным" голосом. — Но, когда эта сволочь гремит цепями на лестницах, — он снова пыхнул ароматным облачком табачного дыма и расстроено покачал головой в фуражке с узкой тульей, — тогда становится не до романтики. Пойдемте в дом, дамы и господа, нас ждут плотный ужин и теплые постели. Вперед!

И, поставив такую странную точку в своем экспромте, генерал пошел в дом.

— Не беспокойтесь, — усмехнулась доктор д'Эвола, перед тем как направиться вслед за генералом. — По правде сказать, за все время, что я провела в замке, "цепи Тригериды" я слышала всего один раз, да и то не уверена, не приснилось ли мне это вообще...

Ужинали поздно, но обильно и долго, компенсировав не случившийся обед. Да к тому же, Рождество все-таки, каникулы, праздник. За узкими стрельчатыми окнами гостиной — сводчатого темноватого зала, декорированного дубовыми панелями и старинными шерстяными гобеленами, — завывал ветер. Дело шло к снегопаду и вьюге, и в просторном

помещении — несмотря даже на многочасовую протопку — все еще было прохладно. Так что горячий айнтопф "Пихельштайм" — густой и острый суп с говядиной, копченой свиной, мозгами и картошкой — пришелся по вкусу всем собравшимся за длинным основательным столом, сервированным майсенским фарфором, цветным хрусталем и столовым серебром с эмалью и позолотой и освещенным свечами, горящими в тяжелых канделябрах и жирандолях восемнадцатого века. А еще на стол подали традиционный картофельный салат, и лесные грибы, запеченные в сливках под золотисто-коричневой сырной корочкой, и пышный пирог с олениной и луком, и, разумеется, рождественские творожные кнодели с грушами. И в довершение чудес этой ночи, генерал фон Байер разрешил молодежи пить мозельское игристое "без ограничений", вернее, попросту не обозначил границ дозволенного. Ну, а все, что не запрещено, все равно, что разрешено. Во всяком случае, именно так понимались издавна в королевстве писанные законы. Впрочем, неписанные понимались точно так же.

— А вы, Ловис, — получив благосклонный кивок генерала, Беата Тракаль расстегнула верхнюю пуговицу мундира и закурила тонкую черную сигару, — вы фехтуете?

— Немного, — улыбнулся Людо, и Елизавета почувствовала, как забилося сердце.

Разумеется, она никому не позволила увидеть охватившего ее возбуждения, но и то сказать: спросить Людо, владеет ли он искусством фехтования, то же самое, что заподозрить птицу в том, что она не умеет летать.

— На рапирах? — продолжила задавать вопросы ротмистр.

— На шпагах, эспадронах, и кинжалах... — продолжил ее мысль Людо.

— Вот как! — подняла прозрачную бровь Беата. — Попробуем?

Она взяла со стола нож и крутанула его в тонких, но крепких пальцах, одновременно производя скручивающее движение узкой кистью.

— Всегда к вашим услугам, — Людо легко поднялся из-за стола и, шагнув в сторону, остановился, поворачиваясь лицом к Беате. Между тем, в левой руке у него неожиданно оказался столовый нож. Когда юноша успел подхватить его со столешницы, никто не заметил, зато сейчас все увидели, как вращается — словно бы сам собой — "предполагаемый кинжал". Происходило это только за счет перебора пальцами, без малейшего изменения в положение кисти руки, притом вращение стремительно ускорялось, а еще через мгновение перешло в череду замысловато сложных и невероятно быстрых перехватов.

— Дага, — с одобрением пыхнул трубкой генерал. — В правой руке, молодой человек, у вас шпага, не так ли?

— А в левой — кинжал, — еще шире улыбнулась ротмистр Тракаль. — Классическая "Эспада-и-дага". Вас учил настоящий эскримеро, ведь так?

— Фехтование есть искусство наносить удары, не получая их в ответ, — чуть поклонился Людо, процитировав Вольтера.

— Завтра, — сказал тогда генерал фон Байер и сделал недвусмысленный жест слуге, указывая на свой бокал. — Завтра пофехтуете. Томас тоже иногда бывает неплох... и Грета, когда у нее появляется настроение, ведь так доктор?

— Не так, — пожалла покатыми плечами секретарь генерала. — Но что это меняет?

— В северном крыле у барона оборудован великолепный зал для фехтования, — пояснила Беата, возвращая серебряный нож на место. — Там и защитные костюмы имеются, и оружие на любой вкус...

— Буду рад составить вам компанию, госпожа ротмистр, — вернувшись за стол, Людо

тоже отложил нож и улыбнулся Елизавете, поднимая за тонкую ножку бокал рубинового стекла.

Биться "на ножах" он начал учить Елизавету уже на следующий день после того, как подарил ей кинжал. Мастер же фехтования, принадлежавший к братству святого Луки, приходил к ней два раза в неделю: в понедельник и среду уже семь лет подряд...

Завтра, — ответил ее взгляд.

Непременно, — согласился он.

Елизавета пригубила мозельское, потом вздохнула коротко и сделала изрядный глоток. Вино было вкусным, и кружило голову, наводя на разнообразные "странные мысли". Но она знала, что это всего лишь иллюзия свободы, которой на самом деле она не могла себе позволить. Но если бы даже и могла, ее Людо был чем-то настолько особенным, что даже у нее, графини Скулнскорх, существа не вполне заурядного по сравнению с обычными людьми, порой возникали сомнения в человеческой природе ее собственного мужа. Людо был неизмеримо сложнее и не то, чтобы выше жизненных императивов, он просто находился от них в стороне.

И, тем не менее, не успели затихнуть шаги и голоса слуг, последними покинувших коридоры и лестницы хозяйской половины, как Елизавета, — поспешно накинув байковый халат и вдев босые ступни в высокие войлочные туфли, похожие на старушечьи боты — выскользнула из предоставленной ей гостевой спальни и тенью летучей мыши ринулась к комнате Людо. В такую ночь она непременно хотела заснуть в его объятиях. И еще. Мозельское игристое по-настоящему ударило девочке в голову, и Елизавета в тайне надеялась, что супруг уступит наконец "естественным проявлениям своей мужественности" — фраза, целиком позаимствованная из какого-то тетушкиного готического романа, — и сделает то, на что недвусмысленно намекал еще в первую их общую ночь. Впрочем, ни тогда, ни позже дело дальше поцелуев и объятий не пошло. Людо был восхитительно сдержан и никогда не терял головы, хотя несколько раз Елизавета ощутила "нечто особенное" в том, как целовал ее муж. Это не являлось, разумеется, подлинным — неоспоримым — знанием, но интуиция подсказывала, что губы и руки не лгут... А его губы...

"Сегодня!" — решила Елизавета и толкнула дверь.

Разумеется, она была не заперта. И конечно же на прикроватном столике горели три свечи в тяжелом серебряном подсвечнике.

— А еще, — сказал Людо, улыбаясь, — у меня есть бутылка мозельского, но пить придется из горлышка... По очереди.

— Ты чудо! — ее сердце "взлетело" птицей и заметалось в груди. — И ты обязан меня поцеловать!

Однако стать женщиной в эту ночь ей было не суждено. О, да, она почти добилась своего, приблизившись к "тайнству" так близко, как никогда прежде. Ночь вращалась вокруг Елизаветы, ее обдавало жаром изнутри и снаружи, и странные запахи — острые, пьянящие — заставляли девушку сходить с ума. И Людо, похоже, уступил наконец судьбе. Он был упоительно нежен и полон страсти. Его губы заставляли сердце Елизаветы то замирать — как перед прыжком в ледяную воду, — то трепетать пойманной бабочкой. И руки Людо "совсем потеряли стыд", что оказалось просто восхитительным. Но в тот самый момент, когда совершенно нагая Елизавета прижалась к суховатому и крепкому телу мужа, чтобы "вполне отдаться страсти", за дверью спальни загремели железные цепи, и раздался

душераздирающий женский вопль.

Они вздрогнули от неожиданности и разом разжали объятия, отстраняясь друг от друга. А в следующее мгновение Людо уже взлетел с постели орлом, подхватывая на пути к двери кочергу и швыряя Елизавете ее кинжал, с которым девушка не расставалась даже ночью, — тем более, ночью. И она легко и естественно "взяла" клинок из воздуха, поднимаясь на ноги. И тут дверь распахнулась, и "бомбой с зажженным фитилем" в комнату ворвалась Тилли ван дер Шенк. Ворвалась, пролетела "по инерции" большую часть пути от двери до кровати, увидела голую Елизавету, изготовившуюся встретить кинжалом неведомую опасность, затормозила, оглянулась через плечо, рассмотрела голого же Людо, скользящего к дверному проему с "обнаженной" кочергой в руке, и заорала еще громче. Хотя, видит бог, ее предыдущий вопль тоже был не из рядовых!

И вот Тильда стоит посреди спальни и орет почему зря, так что, кажется, еще немного, и рухнет, не выдержав испытания, тяжелые потолочные балки. И вдруг Елизавета замечает, как выглядит сейчас ее подруга, и начинает непроизвольно хохотать. И смех ее стремительно переходит в совершенно возмутительное ржание, тем более что в сумраке за дверью обнаруживается уже некое осторожное движение, и Елизавета начинает подозревать, кто это отступает там, "прикрывая отход главных сил", вооружившись гизармой, позаимствованной у одного из dospешных "рыцарей", украшающих парадный коридор.

Сцена, и в самом деле, полна откровенного комизма. Двое голых любовников застигнуты в самый неподходящий момент. Это так бесспорно, что уже достаточно смешно. Но и нарушившие их уединение "свидетели" выглядят немногим лучше. Тильда стоит и орет, совершенно позабыв, что прибежала в спальню Ловиса босиком, а ночная рубашка, спущенная на бедра, выглядит на ней балетной юбкой, что, в принципе, даже мило, однако совершенно не прикрывает маленьких, "дерзко торчащих" грудей. Очков на Тилли, по случаю, тоже не оказалось. Но на ее "герое", отступающем с алебардой наперевес, не было и той малости, что имелась у Тильды. Из одежды на Дамале остался один лишь нательный крест.

— Ооо! Хм... — Тильда замерла вдруг на полу-звуке и оскорблено запыхтела своим вздернутым носиком. — Ты... Я... А ты! Ты!

— Извини! — легко согласилась Елизавета и пожала плечами. — Мне просто стало смешно.

— Смешно?! — возмутилась, вздергивая огненно-рыжие брови, Тильда.

— Э... — сказал, появляясь "на авансцене" Дамаль. — Кажется, мы с тобой, Тилли, недостаточно тщательно одеты.

— Это они! — гневно возразила Тильда и только в этот момент обнаружила, насколько прав ее Дамаль. — Ой!

— Что случилось? — взяла инициативу в свои руки Елизавета и, подхватив с постели одеяло, шагнула к Тильде. — Я слышала звон цепей. — Она обняла Тилли правой рукой и запахнула одеяло наподобие плаща. — А потом ты заорала, и я подумала, что тебя режут или... насилуют.

Все-таки она не удержалась и улыбнулась мальчикам, спешно прикрывающим срам, кто, чем мог.

— Мы с Дамой не брат с сестрой... — виноватым голосом, переходящим в обвиняющий шепот, сказала Тилли. Она еще пыталась защищаться, а значит, потрясение оказалось слишком сильным.

— Ты не поверишь! — улыбнулась в ответ Елизавета. — Но мы с Ловисом тоже. И ты заорала в самый неподходящий момент! Так что все-таки произошло?

— Тригерид пришел, — коротко объяснил Томас, пытавшийся обвязать чресла гобеленовым чехлом с кресла. — У покойного герцога скверная привычка... подглядывать за...

— За любовниками, — закончил он, краснея.

— Что серьезно? — Елизавете все еще было смешно.

— Да, — кивнул Томас, справившись, с грехом пополам, с толстым узлом. — Мне... э... одна знакомая...

— Знакомая? — нахмурилась Тилли, и подозрительно прищурилась на Дамалю, хотя, возможно, щурилась она из-за отсутствия очков.

— Да, нет же! — вскричал расстроенный Томас и, разумеется, всплеснул руками, в связи с чем не слишком надежный узел, оставленный на произвол судьбы, развязался самым естественным образом, и соскальзывающую гобеленовую "юбку" удалось перехватить только у самых колен. — Вот, черт!

И тут же в коридоре раздались inferнальный хохот и энергичный звон цепей.

— Сукин сын! — это было первое бранное слово, которое Елизавета услышала из уст всегда уравновешенного и "умеющего держать себя в обществе" Томаса фон дер Тица.

— Кто?! — в один голос спросили Тильда и Людо.

— Тригерид...

— Кто она?! — кажется, это был единственный вопрос, который волновал сейчас фрейлен Шенк, но вот у Елизаветы и, похоже, не только у нее, начал формулироваться в голове совсем другой вопрос.

— Беата... — пожал широкими плечами Томас, восстанавливая импровизированную юбку. — Она как-то сказала, что ее Тригерид чуть до истерики не довел: шесть дней подряд...

— А где она сейчас? — спросил Людо, обмотавший бедра банным полотенцем.

— Как где? — вскинул брови Томас. — То есть... одно из трех...

— Или у себя в постели, — стала перечислять Елизавета, прижимая к себе под одеялом начавшую явственно дрожать Тильду. — И тогда, она должна была уже слышать наши вопли.

Наши. Она великодушно распределила на всех присутствующих шум, поднятый Тильдой.

— Или в какой-нибудь другой постели, — осторожно предположил Людо.

Его гипотеза касалась, по-видимому, барона фон Байера и доктора д'Эвола.

— Похоже, мы здесь одни, — высказала вслух очевидное Тильда.

— Да, если они сейчас в мыльне... — Томасу явно не хотелось распространяться о подробностях личной жизни членов его и без того небольшой семьи.

— То нас никто ни в чем не упрекнет, — сформулировала вслух уже ставшую очевидной мысль Елизавета. — Аминь!

И тут же из залитого сумраком коридора раздалось нервное бречанье цепей.

— Герцог! — строго сказал Людо, делая шаг в направлении по-прежнему распахнутой двери. — Или заходите, и познакомимся, или проваливайте в свой ад и не мешайте порядочным людям отдыхать!

От этих слов у Елизаветы сердце вздрогнуло, пропустив удар, и чуть сжало виски и

переносицу, и запахло корицей или чем-то очень на нее похожим.

"Сейчас!" — поняла она едва ли не с ужасом, стремительно переходящим в восторг, и увидела, как сгущается мрак в проеме двери.

Герцог Тригерид "сплотился" прямо из обрывков тьмы, клубившейся в коридоре. И это не странно, если учесть, под каким прозвищем он жил и умер.

"Правая рука тьмы..." — вспомнила Елизавета, видя, как возникает перед ними фигура, словно бы сотканная из бесплотных теней. Но как бы ни были нематериальны "свет и тени", через несколько ударов сердца образ Яго Тригериды — одного из лучших военачальников императора Хальдеберда — сформировался настолько, что герцога можно было уже узнать. Высокий сутулый мужчина с узким темным лицом и длинными кистями скованных цепями рук был, несомненно, похож на парадный портрет Правой Руки Тьмы, писанный мастером Готфридом из Мюнстера.

— Рад знакомству! — сухо поклонился герцогу Людо.

Взаимно.

Слышал ли кто-нибудь еще — кроме Людо и Елизаветы — этот бесплотный голос? И если слышал, различил ли ту особую интонацию, с которой "говорило" привидение.

— Елизавета! — повернулся к ней Людо. — Разреши представить тебе герцога Яго Тригериды.

— Моя жена, герцог, — добавил он спустя мгновение, позволив Тригериду склонить голову в церемонном поклоне.

— Герцог! — улыбнулась через силу Елизавета.

Графиня! — создавалось ощущение, что сгустки тьмы, служившие привидению глазами, смотрят прямо на нее. — Или мне следует титуловать вас...?

— Я думаю, это лишнее, — остановил герцога Людо. — Пока.

Возможно, — согласился Тригерид и повернул голову к Томасу. — Виконт!

— Он что-то сказал? — напряженным голосом спросил Дамаль.

— Он назвал тебя виконтом, — ответила ему Тильда.

Твоя женщина слышит меня, вот так случай! — в голосе привидения явственно слышалась ирония. — С чего бы это, мой лорд?!

— Я не женщина, — возразила Тильда.

Но ты же не мужчина?! — искренне удивился Тригерид.

— Девочка, — предположила Тилли дрогнувшим голосом. — Девушка...

Но тебе же пятнадцать лет, милая, — "ужаснулся" герцог. — Какая же ты девочка? Моя первая жена родила в тринадцать...

— Теперь так не делают, — осторожно вмешалась Елизавета, почувствовавшая замешательство Тильды.

И поэтому, госпожа принцесса пустила господина барона в свою постель. — Теперь в "голосе" герцога отчетливо слышался неприкрытый сарказм.

— Вы что с ним разговариваете? — нахмурился между тем Томас.

— Ну, да! — отмахнулась от него Тилли. — А откуда вы знаете? Ну, про это...

С этой стороны видно многое, скрытое от глаз живых. — Пожал плечами Тригерид. — В любом случае, я не прошу прощения за доставленное мною беспокойство, но хотел бы поблагодарить за полученное удовольствие. Для мертвеца, знаете ли, бывает приятно вспомнить славные дни молодости. А у меня, признаться, это получается только тогда, когда...

— Не продолжайте, герцог, прошу вас! — остановил привидение Людо. — Мы уже догадались, что доставляет вам удовольствие.

— Мог бы и не звенеть! — тихо буркнула себе под нос Тильда, но Тригерид ее услышал.

Мог бы, — не стал он спорить. — Но ты должна понять, принцесса, у меня скверный характер, и после смерти он не улучшился... Засим, позвольте, откланяться, дамы и кавалеры. И вот, еще что ... Завтра в полночь приходите в казематы под Красной башней... Я сделаю вам подарок, но поспешите! Завтра, потому что послезавтра я, скорее всего, уже передумаю, пожалев о проявленной щедрости... Завтра... — Его "голос" слабел, а фигура — расплывалась. — И сводите виконта к лекарю... Раздражает, знаете ли...

Как ни странно, инцидент так и остался незамеченным. Никто из взрослых ничего не услышал и не обратил внимания на возникшую в Малой анфиладе — коридоре второго этажа — суматоху. То ли они все спали, плотно отужинав и немало за тем ужином выпив, — в том числе и куда более крепких напитков, чем мозельское игристое, — то ли и, в самом деле, как предположил Томас, парились в замковой бане. Но, так или иначе, тревога не поднялась, а покойный герцог ушел, и цепями больше не брэнчал. Однако визит "тени отца Гамлета" — переживание не из рядовых. Такое быстро не забывается, и к "порядку дня" после такого сразу не перейдешь. Во всяком случае, о том, чтобы после пережитого этой ночью заснуть детским, счастливым сном, не могло быть и речи. Впрочем, какие уж тут дети. Они — каждый из друзей в отдельности, и все четверо вместе, — осознали вдруг, что, как ни крути, но так и есть: они уже не дети. Детство закончилось, поскольку к ребятишкам по традиции приходят ночью лишь феи, да чудовища. А герцог Тригерид... Такие, как он, не просто так появляются, и не перед всеми открываются. Да и многочисленные вопросы, возникшие "походу" и "в связи", требовали немедленного — или близкого к тому — разрешения. Поэтому не прошло и четверти часа с того мгновения, как растворился в породившем его сумраке герцог Тригерид, а вся компания — разумеется, приведя себя в подобающий приличиям вид — вновь собралась в спальне Людо.

Девочки забрались под одеяло, мальчики устроились в креслах у камина, в котором уже снова плясали, потрескивая, желтые и оранжевые языки пламени.

— Итак, — начал Томас фон дер Тиц на правах хозяина. — Нам следует обсудить некоторые недоразумения и недоумения...

— Меня зовут Елизавета Скулнскорх, — представилась Елизавета и приложила к бутылке мозельского на три упоительно долгих глотка. — Я графиня и, один бог знает, кто еще... — продолжила она после паузы и передала вино Тильде. — Но главное, я жена Людвига, титул которого мы пока обсуждать не станем.

— Жена?! — поперхнулась вином Тильда.

— То есть, как...?! — вскинулся совершенно растерявшийся Томас.

— Нас обручили в раннем детстве, — ровным голосом объяснил Людо и, встав из кресла, пошел к кашляющей и перхающей Тильде. — Несколько позже над нами свершили таинство бракосочетания по Старому Праву и Неизменной Традиции. — Он взглянул на Тилли, как бы спрашивая, не нужна ли ей помощь, увидел, что не нужна, и забрал из ее рук бутылку. — По имперским законам, никогда, к слову, так и не отмененным, мы оба, я и Лиза, совершеннолетние супруги. Так что... — Людо пожал плечами и с улыбкой протянул бутылку совершенно обалдевшему, если судить по выражению его лица, Дамалю. — Так что мы... Ну, это было в рамках приличий, я хочу сказать...

Похоже, он все-таки смутился, и это было просто замечательно. Елизавета любила его

именно за то, что, будучи блистательно великолепным, он был трогательно не безупречен во всем, что касалось нее. Вот в чем дело.

— Виконт, — сказала она вслух, как бы подводя итог предыдущей теме. — По некоторым обстоятельствам, нам с Людо было удобнее взять одно из моих родовых имен и представиться братом и сестрой, тем более что официально — для публичных властей — мы так и так находимся на попечении моей тётушки Жозефины. А что не так с тобой?

— Я... — запнулся Томас. — Ну, я наследственный бургграф Хам и Зост...

— То есть, ты Ламарк? — повернулся к нему Людо, как раз, подкидывавший в камин дубовое полено. — Но тогда...

— Тогда я еще и граф фон дер Марк, — уныло согласился Томас. — Буду. Когда-нибудь. Если раньше король не решит, что я претендую на слишком большой кусок пирога...

— Наш король либерал, — не очень уверенно возразила Тильда.

— Это да, — кивнул Томас. — Он такой...

Что-то в голосе Дамалья подсказывало, что он знает, о чем говорит, и не горит желанием продолжать разговор "на эту тему".

— А к какому врачу мы должны тебя сводить? — спросила Елизавета, чтобы прервать неловкое молчание, вдруг повисшее между ними после последних слов Томаса.

— Меня?! — вздрогнул Том, словно бы вынырнув из пучины непростых мыслей. — К врачу? К какому врачу?

— Герцог сказал... — и тут Елизавета вспомнила, что, судя по всему, Дамаль был единственным, кто не "слышал" привидение. — Ведь ты не слышал его, ведь так?

— А вы все, стало быть, слышали... Немного обидно даже, — грустно усмехнулся Том, и Елизавета почувствовала, как напряглась, "потянувшись" к нему, Тильда. — Привидение в моем родовом замке... и, в конце концов, Тригерид был моим предком... Но нет, я его не слышал. Так что он сказал?

— Он пригласил нас завтра ночью, то есть в полночь, прийти в казематы под Красной башней, — объяснил Людо. — Обещает сделать нам подарок...

— Бойтесь данайцев, дары приносящих, — процитировала классику Елизавета.

— Дары мертвых редко утешают живых... — не осталась в долгу Тильда.

— Ну, я бы не стал спешить с выводами, — встал на защиту родственника Томас. — Он, разумеется, безумец и вредный старикашка, но, кажется, никому никогда не делал настоящих подлостей. Даже при жизни... Но вот Красная башня...

— А что с ней не так? — сразу же спросил Людо, находившийся в состоянии крайней задумчивости, во всяком случае, так Елизавета определяла это особого рода настроение, посещавшее иногда ее мужа.

— Подземелья Красной башни остались, как утверждает легенда, от монастыря, стоявшего на месте замка в девятом веке, — Томас сделал еще один глоток вина, и бутылка вновь пошла по кругу. — А монастырь... Существует темное предание, что последние язычники Альпийских долин построили этот монастырь, чтобы скрыться за его стенами от охотящихся на них христиан. И место, будто бы, выбрали не случайно, а с умыслом, скрыв внутри церковного здания древнее капище, разрушенное еще христианскими правителями Рима.

— Это легенда? — уточнила Елизавета.

— Легенда, — кивнул Томас. — Но не только. У дедушки есть свиток десятого века. Наш дальний предок неслучайно построил замок на руинах сожженного монастыря. У него

имелись на то веские причины, и архиепископ Рудольф, "изучавший вопрос на месте", рекомендовал Руперту — третьему барону Вёгл — не трогать церковных подземелий, а, заложив их камнем и освятив новый фундамент, с непременным окроплением святой водой, построить на нем башню. "И сделали по слову его"... — Томас развел руками, как бы показывая, что не все благие намерения заканчиваются добром. — В 1497 году, во время осады, пол нового каземата неожиданно провалился, и открылись древние катакомбы, глубоко уходящие в недра скалы. Коридоры, впрочем, оказались пусты и давно заброшены, но на поверку — крепки, и новый хозяин Энтберга решил, что их можно с успехом использовать для хозяйственных нужд. Вот только ничего хорошего из этой затеи не вышло. Запасы там портились, как нигде в другом месте, люди болели, заключенные убегали... Плохое место, хотя ничего страшного там, как будто, никогда и не происходило.

— А сейчас? — спросил Людо, когда Томас замолчал. — Сейчас там что?

— Ровным счетом ничего, — Томас благодарно кивнул, принимая вернувшуюся к нему изрядно опустевшую бутылку. — Там просто пустые помещения, насколько я знаю. Последнее, что в них хранили, были каменные и чугунные ядра. Да и те, то ломались, то терялись...

— Любопытно, — сказала на это до сих пор, по преимуществу, молчавшая Тильда. — Но ведь Тригерид не был язычником?

— Я бы не стал утверждать это с уверенностью, — покачал головой Людо. — Двор императора Хильдеберда был тем еще заповедником! Впрочем, помнится, по приказу Черного Кагена Тригериды отпевали в соборе...

— Что не помешало ему стать привидением, — возразил Томас.

— Тоже верно, — не стал спорить Людо. — Но, так или иначе, герцог пригласил нас прийти туда в полночь, и попросил, чтобы мы отвели тебя к врачу, поскольку твоя неспособность говорить с ним, его раздражает. У тебя есть мысли на этот счет?

— К врачу? — поднял брови Томас. — К какому врачу?

— Он сказал, к лекарю, — вспомнила Елизавета.

— Ах, вот как! Да, нет — глупости...

— А если поподробнее? — сразу же заинтересовалась Тильда, и очки сами собой сползли на кончик ее хорошенького вздернутого носика.

— Ну, — неохотно ответил Томас, но с другой стороны, как он мог промолчать, если его спросила Тильда? Никак не мог.

Елизавете это было ясно, как божий день. Томас, вернее, его реакции были прозрачны сейчас, словно стекло, и Елизавета могла читать их, как слова в раскрытой книге.

— Ну, — сказал Томас, — в Липовой гостиной висит картина Неизвестного из Браганцы "Исцеление немоты". Там лекарь закручивает голову, "охваченного бесовством" веревкой... Знаете, веревочная петля и палка? Вот так. Мне всегда казалось, что это сцена связана с деятельностью Святой Инквизиции, но на полотне — с обратной стороны — есть надпись. Подписи художника нет, а название... Но я думаю, что это ерунда: черный юмор герцога...

— Может быть, — согласился Людо. — Но попробовать все же стоит. Ведь если мы пойдем, то лучше, чтобы все могли "говорить" с Тригеридом.

— А мы пойдем? — спросила Тильда.

— Было бы грустно, не узнать в чем там дело, — улыбнулась в ответ Елизавета, вполне оценившая галантную манеру Людо. — И, если уж мы заговорили о тебе, моя радость, —

сказала она, обнимая Тильду и поворачивая ее к себе, — почему Тригерид назвал тебя принцессой?

— Он неправильно перевел! — сразу же ошетинулась Тилли и шумно засопела носом. — Он имел в виду, фюрстина.

— То есть, княжна? — широко открыла глаза Елизавета.

— Я сирота, — пожалала плечами Тильда. — Значит, все-таки княгиня.

— А княжество? — спросил тогда Людо. — Как называется твое княжество, фюрстина?

— Галич-Мерь, — не без вызова в высоком надтреснутом голосе ответила Тильда, и в комнате воцарилась тишина.

Мрачную историю этого княжества изучали даже в школах...

4

Несмотря на поздний ужин, завтрак подали в восемь. Сподобились бы и раньше, но накануне генерал распорядился, чтобы в Рождество детям дали выспаться. До семи.

Елизавету разбудила горничная. За окнами было темно: небо — плотная завеса мрачных туч — опустилось едва ли не на кроны деревьев. Но ветер утих, и прекратился снегопад. "Интуиция", впрочем, подсказывала, что снег скоро пойдет опять, а к вечеру, как и предсказывал генерал, разыграется настоящая буря.

"Ох-хо-хо!" — подумала Елизавета, направляясь в душ.

Спать хотелось невероятно, да и голова побаливала. Вина накануне выпили сверх всякой меры, и разговоры затянулись почти до трех часов ночи. Следовало, однако, предположить, что, не случись в полночь явления герцога Тригериды, сейчас Елизавета была бы уже женщиной и, скорее всего, тоже смертельно хотела бы спать. Но ей казалось, что бороться с недосыпанием во втором случае было бы куда проще и приятнее.

— Погода испортилась, — бодрым голосом сообщил генерал, когда все собрались за столом и принялись за яйца, ветчину, горячие булочки, холодное масло и ароматный малиновый джем. — Но, думаю, можно съездить верхом в город, там должно быть теперь весело. — Он отхлебнул кофе из большой фарфоровой чашки и с интересом — сквозь наполнившийся вдруг алмазным сиянием монокль — посмотрел на блюдо с сырами. — Да, пожалуй... — Он отрезал кусок желтого, почти оранжевого сыра, поддел на вилку, обнюхал и с удовлетворенным видом опустил на тарелку. — Можно, разумеется, и на лыжах, но я бы не рекомендовал... Погода не благоприятствует.

Елизавета посмотрела на генерала, скользнула "робким" взглядом по Грете и Беате — те были невозмутимы и, кажется, вполне довольны жизнью, — и взялась за яйцо "в мешочек". Сейчас, после душа и прочих "утренних забот", она чувствовала себя гораздо лучше и даже начала испытывать легкое чувство голода. Впрочем, известное дело молодость, как изволила выразиться однажды старая баронесса: аппетит, притом настоящий, а не "где-то так", тотчас обнаружился, стоило ей начать, есть. Два яйца, ломоть ветчины, сыры в ассортименте и белые булки с джемом и медом ушли под кофе со сливками нечувствительно, словно детский сон.

— У вас счастливая натура, сударыня, — покончив с завтраком, генерал перешел к

коньяку и теперь раскуривал сигару. — Меня наши боги тоже не обидели, имея в виду, обмен веществ, но приходится осторожничать. Вы когда-нибудь слышали про холестерин? Нет? Счастливое дитя! — он пыхнул сигарой, заставив ее кончик вспыхнуть оранжевым и желтым, и окутался сизым дымом с запахом степного пожара.

— Как страшно жить, — без тени улыбки констатировала Грета.

— А давайте, съездим на Волчий холм! — неожиданно предложила Беата. — Там, небось, опять будут ловить вервольфов!

— Обратней? — тут же заинтересовалась Тильда.

— Понарошку, — охладила ее пыл Беата. — Это всего лишь народный обычай. Жгут костры, поют страшные песни и "ловят" волка-оборотня в чащобе у подножия скалы.

— Ну, не скажите, госпожа ротмистр, — ухмыльнулся в усы генерал. — Холм оттого и зовется волчьим, что с него волки на луну ночью воют, а последнего оборотня, как рассказывал мне покойный батюшка, поймали всего восемьдесят лет назад. Чащобы же те, да будет известно некоторым недостаточно образованным гражданам королевства, тянутся через всю Швабию до земель франков и угров, и еще древние римляне полагали алеманов народом склонным к колдовству и темным искусствам.

— Днем вервольфы не охотятся, — припомнила Елизавета.

— Обратни и вовсе не охотятся, — бросила, как бы невзначай, Грета. — Они убивают.

Конюшням замка Энтберг могли позавидовать любые две другие. На выбор и вместе. Они были великолепно устроены, но главное — населены невероятной красоты и стати животными. Генерал, как выяснилось, являлся знатоком и ценителем лошадей и держал небольшой, но преуспевающий конный завод.

— Боже! — воскликнула Елизавета, не сдержав эмоций. — Это же кнабсдруппер, ведь так? Я не ошибаюсь?

— Да, госпожа Кейн, — довольно улыбнулся в седые усы барон фон Байер. — Это настоящий фламандский кнабструп, — и он ласково погладил пофыркивающую лошадь-далматинца по щеке. — Однако мои конюшни славятся не этими редкими породами, а немецкими полукровными лошадьми. Впрочем, сударыня, если желаете, я могу приказать оседлать для вас именно Астарту. Какое седло предпочитаете, женское или обыкновенное?

— С моими-то юбками? — И в самом деле, о каком мужском седле может идти речь, если на тебе гобеленовое^[5] платье-кафтан с подолом, подбитым мехом черно-бурой лисы, и две юбки — шерстяная и грогновая^[6], не говоря уже о прочем?

— Прошу прощения, сударыня, — в серых глазах генерала солнечные лучи пробили на мгновение туман, — не подумавши, брякнул, а зря! Значит, Астарта под дамским седлом!

— Благодарю вас, генерал! — ответила Елизавета, медленно и со вкусом "переваривавшая" великолепное генеральское выражение.

"Не подумавши, брякнул, ну надо же!"

— Виктор, Альберт! — между тем распорядился барон. — Вы меня крайне обяжете!

Но оба конюха — и Альберт, и Виктор — уже были в деле. Им, собственно, и не требовались ничьи распоряжения, они свое дело знали и так. Впрочем, Беата, Грета, Дамаль и Людо оседлывали лошадей сами. Наблюдали за чужой работой только генерал, и Елизавета с Клотильдой. Генерал отошел в сторону, разговаривая о чем-то с управляющим, и девушки оказались предоставлены самим себе.

— Ты хорошо едешь верхом? — озабоченно поинтересовалась Тилли Шенк, и очки в тонкой металлической оправе немедленно съехали на кончик носа. — Я к тому, что меня

только в манеже по кругу возили...

— Но правила-то ты знаешь? — забеспокоилась Елизавета.

— Это насчет, "Держать плечи развёрнуто и прямо, не сгибаться в талии"? — насупилась Тильда. — "Балансировать на правом бедре и не сжимать луки седла коленями", ты об этом? — едва не задохнулась она.

— Да! — остановила начавшую впадать в панику подругу Елизавета. — Правила помнишь, ума хватает, поедешь, как миленькая!

— "Как миленькая", я из седла вывалюсь, и шею сломаю! — почти с гневом возразила Тилли. — Я... Она... А мне... И что теперь?

Как часто бывало с Тильдой, стоило ей расстроиться, как слова покидали свою хозяйку. Но Елизавета понимала теперь не только Тилли красноречивую, но и Тильду горемычную, косноязычную, несчастную.

Я маленькая, — вопила душа Тильды, — а лошадь большая, и падать с нее высоко и больно. Но и не ехать нельзя, если все собрались вервольфов ловить. И что мне теперь делать?

— Фюрстина! — возмутилась Елизавета. — А как же традиции? А как же Галич-Мерь?

— И что с того? — сверкнули изумрудами зеленые глаза Тильды ван дер Шенк. — Я в этой Мери в жизни не была, не знаю даже, как она выглядит, и языка их не знаю! Я вообще, может быть, норнанка по крови или алеманка, а там славяне живут, вот!

— Твоя кровь не молчит! — твердо ответила Елизавета, повторив собственные слова Тильды. — А к слову, норн^[7] ты знаешь?

— Знаю, — очки вернулись на место, и зеленое пламя, словно бы, погасло. — И на алеманском говорю и читаю.

— На каком диалекте? — живо заинтересовалась Елизавета, сразу же забывшая о чуть не вспыхнувшей из-за пустяка ссоре.

— На альгойском^[8], а что?

— Здравствуй, сестра! — сказала, тогда, Елизавета и радостно улыбнулась навстречу удивленному взгляду поверх очков. — Как поживаешь? Что нового в наших местах?

— Звучит знакомо, — призналась Тильда, — но это не мой диалект, хотя я тебя и понимаю. Почти.

— Это форарльбергский^[9]! Мы соседи! — Воскликнула Елизавета и тут же начала декламировать стишок, который слышала как-то в детстве от одного из слуг тети Жозефины. — Wasserle, so kli und klar, ma ment, as kunn nit si — und doch, es grift vertufle a, 's ischt Kriesewasser gsi!

— Вау! — обалдело ответила Тилли, тоже, вероятно, забывшая, о чем только что шел спор, и про страхи свои запомнявшая. — Я тебя почти поняла. Там про вишневую водку, ведь так, и про то, как она в голову ударила. Я права?

— Ну, где-то так, — улыбнулась Елизавета, довольная так, словно, и в самом деле, встретила земляка.

— Барышни! — они и не заметили за разговором, что лошади оседланы, и вся компания дожидается их одних.

— Позволь, Лиза, я помогу тебе подняться в седло, — прозвучало несколько старомодно, но Людо умел превратить любую банальность во что-то такое, отчего перехватывало дыхание, и жар начинал подниматься откуда-то снизу куда-то вверх.

"Ох!" — воскликнула мысленно Лиза, но сильные руки уже подхватили ее вместе со

всеми ее юбками, жакетами и меховыми шапками аля ногайский хан и вознесли, доставив прямым в седло.

— Фрёкен Шенк! — Томас фон дер Тиц, никогда и никому не уступал в галантности, тем более, своему лучшему другу, и еще тем более, если речь шла о девочке Тилли. Елизавета отметила это краем сознания, целиком захваченного переживанием момента. Но все-таки заметила, увидела и поняла, что не у нее одной кружится голова. У фрёкен ван дер Шенк от звуков ее имени, произнесенных приятным "лирико-драмматическим" баритоном [\[10\]](#), на скулах выступил румянец. Но, может быть, все дело в морозе.

"Так и есть, — вздохнула мысленно Елизавета, устраиваясь в седле, — все дело в морозе, не так ли?"

Правую ногу на верхнюю луку седла, левое бедро вперед. Сместить вес вправо, на правое бедро... Сидеть в седле, словно дышать — все получалось у нее как бы само собой, и лошадка ее, Астарта, — расписанный под далматинца кнабсдруппер — приняла ее сразу же, без возражений и сомнений. Лошади ведь умны и чутки, и понимают своих наездников гораздо лучше, чем те лошадей.

"Умница! — похвалила Астарту Лиза. — Красавица и умница!"

Лошадь чуть повела головой, словно соглашаясь, и тихонько фыркнула, возвращая комплимент.

"А как там Тилли?!" — испугалась вдруг Елизавета, но с фрёкен Шенк все было в порядке, и даже лучше.

Оказавшись в седле, Тилли вспомнила, должно быть, сколько поколений ее предков женского пола скакали по горам и долам, сидя в таких же самых седлах. Спина выпрямлена, подбородок поднят вверх...

"Фюрстина! И да, я права, кровь не молчит! Однако и помощь не помешает. Маленький подарок любящего сердца..."

Елизавета чуть развернула Астарту, послала на пару-другую шагов вперед, поравнялась с игреневою [\[11\]](#) лошадкой Тилли, и, как бы невзначай, провела ладошкой без перчатки по лошадиной морде. Нежно, невесомо, со смыслом.

"Она хорошая девочка, — "шепнула" Лиза Верити [\[12\]](#). — Правда, правда! — "улыбнулась" она, обыгрывая кличку лошади. — Истинная правда! Помоги ей, — попросила она. — Не урони!"

Лошадка подняла морду, взглянула искоса на Елизавету и опустила голову, принимая просьбу, как есть — то есть, без комментариев.

— А оружие? — спросил, ни к кому конкретно не обращаясь, барон фон дер Вёгл. — Мы же на охоту собрались. На оборотня! Или вы забыли?"

— Мне не надо, — сразу же ответила Елизавета.

У нее на поясе висел в кожаных ножнах кинжал Людо, а что могло быть лучше старой стали и древнего серебра, если ненароком повстречал вервольфа?

"Только еще более древняя сталь и такое же темное от времени серебро..."

Как ни странно, только всадники выехали из замка, как распогодилось. Верховой ветер унес на юг тяжелые глыбы туч, снег заискрился под солнцем, и мир вокруг замка ожил, заиграл самыми, что ни на есть, рождественскими красками: белый снег и бирюзовый лед, темная зелень хвойных лесов, бурые и красные скалы, лазоревые небеса.

Лошади шли легко, пар вырывался с дыханием и таял в морозном воздухе. Дышали

люди, дышали лошади. Дамаль гикнул вдруг и запел, его голос птицей поднялся в небо, вернулся эхом, заиграл и заискрился, как солнечные лучи в кристаллах снега.

— А были они охотники, по делу ехали в лес... — тянул Дамаль.

— А в лесу зима, холод и снег! — подхватила напев низким с хрипотцой голосом Беата.

— А в лесу волки ходят, и медведь шатун не спит! — вплела в песню и свой голос Грета, а голос у нее оказался звучный и сильный, словно смычок прошелся по виолончельным струнам.

— А им и всего-то дела, что дичи набить на стол...

— Но волки собрались в стаю...

— Но волки собрались в стаю...

— Вожак их суровый вел!

Кони весело шли по дороге, взметая копытами снег. Ветер утих. В прозрачном, вкусном воздухе звуки старинной баллады играли в догонялки с солнечными зайчиками.

"Как хорошо! — думала Елизавета. — Так бы и ехала, ехала..."

Но дорога закончилась раньше, чем песня. То ли сама по себе оказалась коротка, то ли баллады в иные времена писали длинные. Не успели выехать из замка, а уже въезжают в городок. А там свои песни, своя музыка, веселые крики и гомон ребятишек, ватагами, словно воробьи, снимавшихся с одного места и враз оказывавшихся в другом.

"Праздник! Праздник!"

— Яблоки в карамельном сахаре есть будем? — спросила Беата, дивно смотревшаяся в черном с серебром гусарском доломане, подбитом беличьим мехом, в черных же рейтузах и в желтом кивере с султаном, на поясе у нее висела польская сабля, а у луки седла укреплены были ножны с полутораметровым кончаром^[13].

— Будем! Будем! — хором ответили всадники, причем генерал фон Байер кричал едва ли не громче своих юных спутников.

— Яблоки! Яблоки! В жженке! В карамели! Яблоки!

— Яблоки на снегу... — затынул, было, Томас, но все зашикали на него, засмеялись, загомонили, переговариваясь.

— Яблоко, госпожа? — Елизавета оглянулась.

Рядом с ней стоял высокий смуглый парень в овчинной безрукавке и толстом свитере. На черных кудрях лихо сидела тирольская фетровая шляпа с пером.

— Яблоко в карамели! — улыбнулся незнакомец и протянул Лизе пунцовое, облитое жженым сахаром, словно лаком, яблоко, нанизанное на тонкий деревянный шампур.

— Один пфенниг, госпожа, и счастье ваше! — темные, глубокие, словно ночь, глаза заглянули в глаза Елизаветы, и она почувствовала, что "плывет".

"Что же ты делаешь со мной? Зачем?"

— Я заплачу серебром! — засмеялась она, преодолевая слабость. — Каков товар, такова и цена!

— Серебром так серебром! — улыбнулся парень, показывая белоснежные зубы. — Ваше яблоко, светлая госпожа!

Елизавета, достала из внутреннего кармашка соболиного жакета серебряную монетку — одну из нескольких, на такой случай и припасенных, — и выщелкнула пальцами в воздух.

— Благодарствуйте! — парень, не глядя, взял монетку из воздуха, оскалился и протянул Елизавете яблоко. — Цена заплачена, госпожа, товар ваш!

— Мой, — благосклонно кивнула Елизавета и приняла яблоко.

Оно было великолепно, насыщенного красного цвета, принесшее, казалось, в зиму, в Рождество, ароматы и вкус осени.

— Ах! — сказала она в "расстройстве", "нечаянно" уронив яблоко в снег. — Какая жалость!

— Ну, что же ты! — воскликнула расстроившаяся за подругу Тилли.

— Пустое! — отмахнулся генерал. — Можно подумать, последнее!

— Эй, ты! — крикнула Беата, подзывая торговца с лотком, на подобие тех, что носят коробейники. На лотке выложены были в ряд нанизанные на шампуры, облитые карамельным сахаром яблоки, желтые, красные, зеленые. — Беру все!

А парень все смотрел на Елизавету своим странным "долгим" взглядом, от которого начинала чесаться переносица, и сдавливало — легко, но ощутимо — виски.

"Взяла бы и зарезала наглеца!"

Но в нынешние просвещенные времена резать смердов за дерзость было уже не принято.

"Либерализм, — подумала Елизавета в раздражении. — Что б их черти скрутили, этих либералов!"

— Держи! — Грета легко нагнулась с седла, в котором сидела по-мужски, подхватила с лотка яблоко и, разгибаясь, протянула его Елизавете. — На этот раз зеленое...

До леса добрались только в полдень. Пока лакомились яблоками в жженке, пока Беата — под дружный смех и воинственные клики — прыгала вместе с Людо и Томасом через костер, присоединившись к местным парням из деревень и фольварков, пока водили хоровод-плетенку и пели рождественские баллады на три голоса, ели жаренные на огне сосиски и пили состарившийся в глиняных чанах кирш^[14], — в общем, пока суд да дело, солнце забралось высоко в зенит. Елизавета согрелась и заметно раскраснелась. Да что она! Румянец выступил даже на безупречных скулах Беаты, не говоря уже о "штатских" Грете и Тильде!

Сначала они ехали по дороге, потом свернули к берегу озера, где между лесом и скованной прозрачным льдом водой петляла хорошо заметная тропа, и, наконец, въехали в лес. "Загонщики" на разномастных лошадках уверенно вели "охотников" по узкой, не более трех метров в ширину, просеке, уходившей прямо на север, к подножию горы. Впрочем, лес продолжался и там. Густо заросшая соснами гора была невысокой, напоминая скорее широкий двухголовый холм, но сразу за ней начинались куда более высокие горы, вершины которых снег покрывал, по-видимому, не только зимой.

— Ату его! Ату! — кричали "загонщики", весело лаяли увязавшиеся за кавалькадой собаки, ржали и пофыркивали лошади, в полный голос переговаривались между собой верховые. Шум и гомон стоял такой, что ни о какой настоящей охоте, речь, разумеется, не шла. Но где-то в лесу прятались "вервольфы" — городские парни, взявшие на себя эту неблагоприятную роль — гоняться по заснеженному лесу, прятаться, скрадывать и путать следы.

Ездили по заваленному снегом лесу — искали следы и шли по следу — не менее часа. Съехали с просеки под густые кроны, пошли осторожным шагом по пробитой оленями тропе. А время шло, и где-то наверху, над их головами, за плотной завесой взметнувшихся ввысь сосновых крон, ветер снова нагнал снежные облака. Солнце скрылось, и под пологом древнего леса сплотились ранние сумерки.

"Похоже на поздний вечер, но теперь едва ли больше двух, а скорее даже меньше..."

По ощущениям второй час, но и только.

"Посмотрим!" — Елизавета запустила руку под меховой жакет, просунула пальцы за ворот застегнутого на все пуговицы кафтана и, нащупав часы, висевшие на золотой цепочке на груди, потянула их наружу.

— Точно тебе говорю, час с четвертью, никак не больше! — бросила она Тильде через плечо и вдруг поняла, что разговаривает с пустотой.

Елизавета оглянулась — никого. Нахмурилась, посмотрела на зажатые в пальцах золотые часики и едва рассмотрела в плотных сумерках крохотные стрелки.

"Час и двадцать две минуты... Почти точно!"

Она прислушалась, поворачивая голову туда-сюда, но не услышала ничего знакомого: ни звуков речи, ни смеха, ни людских голосов. Получалось, что она оторвалась от других охотников, заплутала, занятая своими мыслями, и осталась одна. Как такое могло случиться? Отчего не окликнули ее ни Тильда, ни Людо? Как получилось, что Астарта пошла в лес, отставая от других лошадей? А, между тем, лес словно вымер: ни звука, ни движения. Сумрак, тишина, тревога.

"Тревога? — удивилась Елизавета. — С чего бы мне вдруг тревожиться?"

И тут она вспомнила о волках. Генерал определенно говорил, что здесь водятся волки, но Елизавета никак не могла вспомнить, охотятся ли они днем? Впрочем, незря говорится: помянешь черта, он и появится. Только подумала о серых разбойниках, а где-то слева за стволами деревьев промелькнула быстрая тень.

"Показалось?" — но Елизавета знала, ничего ей не померещилось.

Самого волка она не почувствовала, но движение уловила, и в увиденном — пусть и краем глаза — не сомневалась.

"А может быть, это парни, что взялись изображать оборотней?"

Все может быть, вот только, когда это случалось, чтобы Елизавета не ощущала совсем ничего? Заметила, но не разобрала, — это нормально. Но так чтобы мертвое пятно? А между тем, тот, чье движение она уловила, словно бы и не существовал вовсе.

Шорох за спиной, ощущение движения, и лошадка ее — далматинец — тоже, наконец, уловила запах опасности. Пошла боком, вскинула голову, заржала нервно.

— Ну-ка, ну-ка! — зашептала Елизавета, поглаживая Астарту по голове. — Успокойся, девочка. Никто нам не сделает зла!

Движение справа она сразу же оценила, как опасное, хотя и не успела даже сообразить, что происходит и в чем опасность. Елизавета действовала инстинктивно, то есть так, как ее учили. Не раздумывая, не сомневаясь, она отклонила тело влево, рискуя вылететь из седла, и действительно начиная уже сползать в сторону и вниз, и одновременно вскинула навстречу невнятного движению левую руку, на которой никогда не носила золота, с зажатым в пальцах кинжалом Людо. Механизм крепления путлища^[15] в замке сработал, высвобождая ногу, вдетую в стремя, и Елизавета начала падать. Однако что-то случилось со временем и восприятием: падение оказалось медленным, замедленным, затяжным, словно движение и время увязли в меду или патоке. Темная масса возникла в воздухе, наплывая на Елизавету буквально из неоткуда, закрывая обзор, неумолимая, безжалостная. И единственной преградой между этим неведомым ужасом и Елизаветой стала ее тонкая рука, сжимающая древний клинок...

Удар о землю выбил из Елизаветы дух, а в следующее мгновение что-то огромное и мохнатое навалилось сверху и раздавило бы насмерть, если бы девочка не успела откатиться

в сторону. Это было, как дышать: упасть, откатиться, осмотреться. Пахнуло — отвратительно и ужасно — запахом зверя, но Елизавета знала, этот волк ей уже не опасен. Узкое длинное лезвие вошло в тело зверя где-то там, откуда в последний миг перед падением донеслось до Елизаветы мощное биение огромного сердца.

Она еще раз, для верности, перекадилась через плечо, заржала Астарта, и мир вернул себе обычные краски и звуки, и время пошло вперед. Елизавета приподнялась на руках и огляделась. Лошадка ее "пряталась" среди деревьев, но не убегала. А на снегу буквально в шаге от Елизаветы лежал мертвый волк. Он был огромен. Насколько Елизавета знала из курса биологии, таких волков в природе не встречается. Не вырастают они до таких размеров. Но вот он перед ней, и он мертв. Кинжал Людо поразил зверя прямо в сердце, убив, надо полагать, на месте. Вернее, в полете.

"Ну, ничего себе, приключение!" — ужаснулась Елизавета, вставая на ноги.

"Ух, и здоров!" — оценила она истинные размеры волка.

А лес, между тем, снова наполнился множеством звуков. Заржала где-то лошадь, потом другая, и Астарта осторожно подала голос. И люди вдруг обнаружили. Загомонили, перекликаясь да аукаясь.

— Елизавета! — кричала близко за деревьями Тильда.

— Лиза! — а это, разумеется, был Людо. Ее Людо. Особенный, необыкновенный, единственный, и он шел к ней.

— Я здесь! — закричала она.

Но первым на поляну выехал генерал фон Байер.

— Ну-с, — сказал он, появляясь из-за деревьев на гнедом жеребце. — И чем же мы тут заняты?

— В Rotkappchen^[16] играем! — улыбнулась барону Елизавета.

— Однако! — сказал генерал, увидев волка. — Это он на самом деле такой большой, или я выпил слишком много граппы?

— Он такой, — ответила Елизавета.

— А у вас, барышня, крепкая рука, — задумчиво произнес генерал, вплотную подъехав к волку. — И ножик интересный. Я так понимаю, били с левой руки?

— Лиза! Ты цела?! — Тильда напрочь забыла, что не умеет ездить верхом. Растрепанная и красная от мороза и тревоги, она вылетела из-за деревьев и в два сильных скачка игреневого лошади оказалась рядом с Елизаветой. — Ты... Я... Ого! ... А он что?.. Ты егс как?.. А он? — захлебнулась она вопросами.

— Все в порядке, — степенно ответила Елизавета и взмахом руки подозвала Астарту. Лошадь послушно подошла и встала сбоку.

— Позвольте, помочь вам подняться в седло? — Людо коротко окинул взглядом поле боя, спрыгнул в снег и подошел к Лизе.

Испугалась? — спросил его взгляд.

Да, — ответила она. — Он как напрыгнет...

Ты молодец!

Я такая!

— А большой-то какой! — воскликнула Беата.

— Я и не знал, что такие бывают... — оторопело произнес Томас.

— Ты его что?! — ужаснулась Тильда. — Так прямо взяла и зарезала?

— Это не волк, — покачала головой Грета.

— Я тоже так думаю, — кивнул генерал. — Кто-нибудь вытащите, пожалуйста, из него кинжал!

— Не возражаешь? — спросил Людо.

— С чего бы вдруг? — удивилась Елизавета.

— Ну, по-разному бывает, — непонятно выразился супруг и обернулся к зверю.

— Да, это не волк, — сказал он через мгновение и, нагнувшись, выдернул кинжал.

— Ну, что ж, — констатировал генерал, пронаблюдав, как огромный волк с бурой — медвежьего оттенка — шерстью превращается в смуглолицего и черноволосого парня, — выходит, по сказанному сбылось. Поохотились-таки на вервольфа, и не сказать, чтобы неудачно...

5

"А ведь он шел за мной! — в который уже раз подумала Елизавета. — Это не мы на него, а он на меня охотился!"

Ей не было страшно, вернее, ужас, растворенный в словах и жестах окружающих, ее, казалось, не затронул, даже не приблизился к ней в плотную, но неприятная оскомина от инцидента осталась. Она раздражала, как и обычная оскомина, от кислого винограда, например, нервировала, вызывала невольный гнев.

— А оборотень-то за тобой охотился! — Тильда смотрела на Елизавету поверх дужек очков, и в ее изумрудно-зеленых глазах угадывался невысказанный вслух вопрос.

— Похоже на то, — как бы меланхолично, словно бы издали, откликнулась Елизавета. — Э... Петтер! — обратилась она к слуге, подававшему на стол. — Подайте, пожалуйста, вино.

Пожелание дерзкое, почти на грани приличия, без малого моветон. Будь за столом "взрослые", она бы себе такого не позволила, но ранний обед накрыли только для них. Четыре прибора на длинном столе мореного дуба выглядели сиротливо, потерянно, но на качество обеда отсутствие остальных обитателей замка никак не сказалось. Генерал и его дамы отправились с визитом к соседу, чей дом стоял на противоположном берегу озера, а молодежи подали бульон из атлантического осетра, слоеные пирожки с запеченной осетриной, свиные отбивные с картошкой и салатом... В общем, сытно, горячо и вкусно, а ведь еще и десерт предполагался с маковым шприцелем^[17] и марципановым штолленом^[18]. А вот вина на столе не было, только вода.

Петтер просьбе не удивился, застыл перед Елизаветой, чуть склонив голову в знак внимания, спросил через пару секунд, как о чем-то само собой разумеющемся:

— Красное или белое?

— Красное, — предположила Елизавета.

— Могу рекомендовать троллингер^[19] или баденский бургундер...

— Пусть будет троллингер, как считаешь? — ненавязчиво подсказал Людо.

"И откуда он все знает?"

— Да, — кивнула она слуге, — троллингер — это то, что нам нужно.

— Мы его будем пить? — спросила Клотильда.

— Нет, мы будем в нем купаться, — фыркнула Елизавета.

— Я к тому, что после встречи с оборотнем, я бы и от фриулийской граппы не отказалась...

— Ты ее, что, пила? — ужаснулась Елизавета, в общих чертах представлявшая, о чем идет речь.

"Это же водка, ведь так?!"

— Нет, я в ней купалась, — сварливым тоном ответила Тильда Шенк, и очки тут же сползли ей на кончик носа.

— У дяди Рейнарта в погребе есть бочонок grappa stravecchia^[20] из Фриули, — объяснила она после паузы, заполненной обиженным сопением вздернутого носика. — Она ароматная — из винограда сорта Prosecco, — но мой дядя патриот и пьет только картофельный шнапс. А я — в экспериментальных целях — пробую все подряд. У него там еще иберийский бренди есть, тоже вкусный...

— Ты меня удивила! — воскликнула восхищенная подвигами подруги Елизавета.

— Вообще-то, в замке тоже есть винный погреб... — ненавязчиво намекнул Томас. — Вполне можем наведаться после встречи с герцогом.

— Ох! — вспомнила Елизавета. — У нас же randevu назначено.

И она посмотрела в окно. Там, за стеклами, было уже темно, и кружился снег, но буря, которую предчувствовало ее сердце, еще не началась. Она только собиралась...

"В полночь, наверняка, будет весело... Случайное совпадение?"

Однако в такие совпадения как-то не верилось, тем более что призраки, как будто, ближе к тайнам метеорологии, чем люди из плоти и крови.

"А сейчас уже часов семь с минутами..." — она бросила взгляд на настенные часы и с удовлетворением отметила, что не ошиблась: стрелки часов показывали одиннадцать минут восьмого.

— Вообще-то, только-только, — словно уловив ход ее мысли, заметил Людо. — Пока пообедаем, пока сходим к лекарю, вот полночь и настанет.

— Точно-точно! — воскликнула Тильда, довольная, по-видимому, сменой темы разговора.

— Ну, не знаю, — пожал плечами Дамаль. — Мне это не кажется хорошей идеей.

— Что именно? — сама Елизавета находила "идею" просто восхитительной. Предвкушение предстоящих приключений кружило голову и бодрило кровь. Да, и в любом случае, ей ли бояться призраков после того, что она пережила в лесу? Встреча с волком-оборотнем, всяко-разно, приключение не для слабонервных.

— И то, и другое, — со вздохом признал Томас. — Эти привидения, это ведь не шутка. Они на самом деле существуют, и мотивы их нам не понять, и возможности до конца неизвестны.

— Ты прав, — серьезно кивнул Людвиг, — но мне кажется, это как раз тот случай, который нельзя упустить. Такие вещи раз в жизни случаются, да и не у всех к тому же. Но и случаются они, как я понимаю, неспроста. А значит, существует причина, и кроется она в судьбе одного из нас или, может быть, всех вместе. И это серьезный повод, чтобы рискнуть. Тригерид к нам ночью не случайно пришел, и предложение сделал не просто так.

— Значит, пойдём? — все-таки уточнил Томас.

— Ну, разумеется! — воскликнула Елизавета, чувствовавшая странный подъем и еще более странное, после всего-то пережитого в этот день, воодушевление. — Ведь мы же

пойдем?

— Я уже высказался, — улыбнулся ее горячности Людо. — Идем.

— Мне еще надо спросить этого типа, откуда он про Галич-Мерь знает, — сказала, возвращая очки на место, Тильда. — И что он знает, — добавила она едва ли не шепотом, притом, что шепот этот получился вполне зловещим. Многообещающий шепот, одним словом.

— Ладно! — пожал плечами Томас. — Все идут, и я пойду.

— Дамы, — прервал их разговор, вошедший в столовую палату кастелян замка, — господа! Его высокопревосходительство генерал фон Байер вом унд цум Вёгл просил передать, что сегодня в замок не вернется. Он и сопровождающие его лица, ротмистр Тракаль и доктор д'Эвола, в связи с непогодой останутся в доме господина Дершау.

"И значит, мы теперь предоставлены самим себе, — отметила Елизавета. — Вот почему я попросила вина. Забавно!"

Липовая гостиная оказалась просторным и довольно сумрачным помещением, так что пришлось принести еще свечей. В девятом часу вечера свет в замке погас, и все попытки восстановить электроснабжение окончились безрезультатно. По-видимому, буря повредила линию электропередач, и, возможно, не только ее. Примерно в это же время, — а точнее никто сказать не мог, — пропала и телефонная связь.

"Мило! — подумала тогда Елизавета, наблюдая за тем, как слуги зажигают свечи. — Словно в средневековье вернулись!"

Так и вышло, что визит к "лекарю" проходил при свечах.

— Ну, и что нам теперь делать? — спросил Томас, когда вся компания собралась около полотна Анонимуса из Браганцы, освещенного колеблющимися на сквозняке огоньками свечей. — Кто-нибудь знаком с ритуалом, или что там еще?

В голосе обычно спокойного и уравновешенного Дамаля слышалось откровенное раздражение.

"И я его хорошо понимаю, — вынуждена была признать Елизавета. — Но, может быть, ответ скрыт в самой картине?"

На полотне действительно были изображены лекарь и "охваченный бесовством" пациент, и да — метод лечения был, мягко говоря, излишне брутален.

— А что там за надпись над дверью? — спросил вдруг Людо. — Кто-нибудь умеет читать руны?

Елизавета присмотрелась. На заднем плане, то есть за спинами врача и его жертвы, к которой был применен метод веревочной петли и палки, была изображена двустворчатая дверь, над притолокой которой висел овальный медальон со стилизованной надписью. Первое впечатление, однако, оказалось ложным, это была не имитация букв, а настоящая руническая надпись.

— Это готские руны, — сказала Тильда. — Но там написано всего одно слово — "runen", то есть, получается просто "руна".

— Не просто! — вспомнила вдруг Елизавета. — На древнегерманском "runen" означает "таинственно шептать".

— Так, так, так... — Людо подошел ближе, пристально изучая, малейшие детали картины.

Однако следующий ход сделал не он, а Томас.

— Скатерть, — сказал он тихо. — Мне кажется или там на самом деле?..

— Где? — встрепенулся Людо.

— Да, вот же! — показала ему Елизавета, и сама уже увидевшая руны.

Художник оказался тем еще хитрованом, и свое послание, — если конечно это было именно послание, — спрятал умело и не без изящества.

Стол лекаря, заваленный свитками, книгами и прочим научным хламом, типа черепов и реторт, был покрыт узорчатой скатертью, по краю которой шла полоса орнаментированной вышивки. Вот в орнаменте-то и были скрыты руны.

— Это древнегерманские руны, — сказала Елизавета, помнившая кое-что из тех уроков, что получила еще в раннем детстве, и с надеждой посмотрела на Тилли.

— Нет, — покачала головой та. — Готские я знаю немного, а древнегерманские — нет.

— Я знаю древнегерманские, — чувствовалось, что Дамаль обескуражен. Похоже, едва ли не впервые в жизни, он не знал, что делать и как себя вести.

— Тогда читай! — Тильда от напряжения, словно бы даже подросла. — Ну же, Дамаль! Ради меня!

Но это уже и вовсе было последнее средство. Том вряд ли мог ей в чем-нибудь отказать.

— Ну... Тут... — все-таки это не являлось простым делом. — Ансуз... Это, наверное, означает послание, приказ, императив... Офала... то есть, опять-таки требование, но и наследие... и еще Гебо и Фурисаз, это значит, божественный дар и врата...

— Ничего не понимаю! — Тильда подалась к Томасу, коснулась тонкой рукой его волос. — Ну, пожалуйста! — она придвинулась еще ближе и, встав на цыпочки, что-то быстро шепнула Дамалю на ухо.

— Я... — он оглянулся на отступившую уже Тильду.

— Да, — сказала она и пожалала плечами. — Почему бы и нет?

— Я... — повторил Томас, снова поворачиваясь к полотну. — Я думаю, тут написано: Повелеваю, прими наследие в дар и в собственность, раскрой ну, не знаю, как это перевести, но там смысл такой, что надо что-то такое раскрыть или открыть, чтобы уметь и знать!

Не успел Том произнести эти слова, как лекарь на полотне явственно крутанул палку, еще сильнее сжимая череп врачуемого, и пациент закричал. От его крика в глазах потемнело, и стало трудно дышать, так что Елизавета чуть не лишилась чувств и осела на пол, словно тряпичная кукла, без сил и без мыслей. Осела и сидела так некоторое время, пытаясь отдышаться и вернуться в себя.

"Я... что? А он? Он что? И что за вопль?!" — даже думала она не так, как всегда, а скорее в манере расстроенной Тильды.

— Что это было? — спросил рядом высокий надтреснутый голос.

— Мне кажется... — но, судя по всему, и Людо, ее прочный и надежный Людо переживал не лучшие мгновения своей жизни.

— Вообще-то... Ну, возможно...

Елизавета смогла, наконец, раздышаться и сфокусировать взгляд. Томас фон дер Тиц — "Как он сказал? Бургграф Хам и Зост и граф фон дер Марк?" — по-прежнему стоял перед старинным полотном, но что он там видел, оставалось его секретом.

— Я думаю... — он говорил таким тоном, словно бредил или говорил во сне. — Мне кажется... Чемодан с двойным дном... Секрет в секрете...

— Ты о чем? — Тильда с трудом поднялась на ноги и осторожно заглянула сбоку сначала в лицо Томасу, а потом, вероятно, следуя его взгляду в нарисованную красками

комнату, где лекарь возвращал какому-то бедолаге дар речи.

— Фразу можно перевести иначе... Руны... Их ведь можно трактовать так и эдак...

— Что там? — Людвиг тоже подошел к картине, пытаясь рассмотреть в неверном свете свечей, что же упрятал художник внутри замысловатого орнамента.

— Дороги, — ответил Томас. — Или... не знаю, но они открываются в полночь в бутоне розы... в лепестках... не понимаю...

— Шаданакар... — слово упало, словно камень в воду, тяжелое, порождающее отголоски, подобные эху, поднимающее волну, уходящую в бесконечность. — Я думал, это миф.

Людвиг обернулся к Елизавете и протянул ей руку.

— Может статься, что устами герцога Тригериды с нами говорила сама судьба, — Людо сжал ее руку до боли, но Елизавета не издала ни звука и не высвободила ее из крепких пальцев супруга. — Миры просветления и Миры возмездия...

— Ты о чем? — обернулся к Людо Томас.

— Роза миров... это перекресток, откуда можно шагнуть в любое из отражений Истинной Судьбы.

— Но это же мистика! — возразила Елизавета, и сама, понимая, что говорит что-то не то.

— А если не мистика? — шепотом спросила Тильда.

— А вот об этом мы и спросим Правую Руку Тьмы, — ответил Людо. — Томас, помнится, ты говорил что-то про винные погреба?

— Да, — кивнул Томас. — Думаю, сейчас самое время.

— А кстати, который теперь час? — спросила Тильда.

— Около десяти, — Елизавета взяла в руку часики, висевшие на груди, и взглянула на циферблат. — Без пяти десять, как в аптеке.

— Скажи, Тилли, — шепнула она Тильде, когда, вооружившись подсвечниками с горящими свечами, вся компания двинулась на поиски винных погребов, — что ты сказала Томасу, когда он не хотел переводить?

— Пообещала отжаться, — хихикнула Тильда, и девушки счастливо засмеялись во весь голос.

Ни граппа, ни коньяк Елизавете не понравились. Одним словом — невкусно. Но Томас смог разыскать бочку со швабским троллингером, запомнившимся ей с обеда, его-то она теперь и пила. Людо наполнил вином два серебряных кубка, прихваченных компанией по пути в погреб, и протянул их Елизавете и Тильде. Ну, а сами мальчики, попробовав то да это, остановились на киршвассере, но не злоупотребляли, разумеется, имея в виду приближение полуночи со всеми вытекающими из этого факта последствиями.

— А что на самом деле случилось с этим твоим предком? — Тилли сделала крошечный плоточек, и ее очки тут же соскользнули на кончик носа, позволив пламени свечей отразиться в ее глазах.

— Ну, кто же может знать наверняка, что там тогда случилось, — по-видимому, Томас залюбовался зеленым блеском глаз Тилли, но нить беседы не упустил, продолжая говорить. — Семь веков! Говорят, император послал его против Аспида, но Каген заманил герцога в ловушку около Триеста и разгромил. Так говорят, но, возможно, все было совсем не так. Вообще-то Яго Тригерид считался одним из лучших полководцев эпохи...

— Людвиг Каген не проиграл ни одного сражения, — заметила Елизавета, бросив быстрый взгляд на "своего супруга и господина".

— Так говорят, — согласился Томас. — Но правды не знает никто.

— Можно его спросить, — предложил Людо таким тоном, словно говорил о чем-то, само собой разумеющемся.

— Я бы не рекомендовал, — покачал головой Томас.

— Почему? — сразу же спросила Елизавета.

— Видишь ли, Лиза, — вмешалась в разговор Тилли. — Этого типа еще при жизни называли Правой Рукой Тьмы, а теперь он привидение, и длится это уже почти восемьсот лет.

— Ну, я бы не стал драматизировать, — чуть сдал назад Томас, уловивший, должно быть, тень беспокойства, возникшую в глазах Тильды. — Но что-то в этом роде я и пытался сказать.

— Ладно! — Елизавета смочила губы вином, вдохнула его странный аромат, сделала маленький глоток.

"От вина пьянеют, не так ли?" — но благими намерениями вымощена дорога в Ад.

Так говорят, и, вероятно, неспроста. Во всяком случае, за первым глотком последовали второй и третий. Вино было вкусное, не сладкое, но пленительно многообещающее, если вы понимаете, о чем идет речь.

— А кстати, — вспомнила вдруг Тильда и хихикнула. — Помните, Гретель спросила "Афину" Реомюр о принцессе Джеване и Черном Людвиге? Кто знает, что это за история?

— Ты что не знаешь? — Елизавете меньше всего хотелось усугублять "эту тему", но друзьям рот не заткнешь, и объясняться не хотелось.

— Нет! — покрутила своей чудной рыжей головкой фюрстина. — Честно-честно! А что это "детям до шестнадцати"?

"До шестнадцати? — спросила себя Елизавета. — Нет, милая, — покачала она мысленно головой, — это, как минимум, восемнадцать плюс".

И в самом деле, Людвиг Каген по прозвищу Аспид был, судя по всему, тем еще ходоком. Молва донесла смутные предания о его победах на любовном фронте, где, как и на войне, Черный Людвиг не проиграл ни одного сражения. Но история, о которой не захотела говорить в классе профессор Реомюр, была и вовсе из разряда скандальных. Человек, уничтоживший империю Хильденбранда и создавший на ее руинах свою собственную империю, никогда и никого не любил, кроме графини Маргариты Корвин и принцессы Джеваны. Одна являлась плодом кровосмесительной связи, другая — одной из последних Дев Севера. Обе, хотя и по-разному, любили князя Людо и обе, если верить "Хронике Роз и Шипов Безымянного Монаха из Ковно", "делили с ним ложе". Во всяком случае, в последнюю ночь перед коронацией так все и произошло. А утром — в тот самый день, когда опостольский нунций должен был возложить на голову Людо Кагена железную корону империи, — их всех, и Аспида, и двух его женщин нашли мертвыми. Все трое сидели вокруг стола и умерли, судя по их виду, прямо во время дружеской беседы за кубком вина. Одновременно и от неизвестной причины.

— А что это "детям до шестнадцати"? — спросила "наивная" фюрстина.

— Ну, — замялся в ответ на ее вопрос Томас и начал стремительно краснеть.

— Мне уже есть шестнадцать! — когда Клотильда ван дер Шенк желала этого, она могла быть весьма убедительна.

"Особенно в глазах Тома фон дер Тица!" — усмехнулась мысленно Елизавета.

— Ну, если хочешь, в библиотеке замка есть экземпляр "Хроники Роз и Шипов Безымянного Монаха из Ковно". По-моему, семнадцатый век, но точно я не помню.

— Ты читал! — прозвучало как обвинение.

— Ну, да, по тем временам...

— Я завтра прочитаю и сама решу, что там и как, "по тем временам" или "по этим"!

— Ладно, — Томас счел за лучшее не спорить, да и, в любом случае, что может случиться с Тилли, если она прочтет книжку для взрослых?

— А время-то позднее, — спохватилась Елизавета. — Нам далеко идти?

— Недалеко, но придется идти через двор.

— То есть на улицу выходить? — уточнил Людо.

— Да, это так, — развел руками Томас.

— У нас всего двадцать минут, — встревожилась Елизавета. — Пока доберемся до комнат, пока переоденемся...

— Не думаю, что это смертельно, — отмахнулся Людо. — Снег идет, но ветра во дворе не будет, а мороз...

— Да, пожалуй, — согласилась Елизавета. — Одеты мы на самом деле не так уж и легко, да еще вина выпили...

— И с собой возьмем! — предложила Тильда.

— Э... — хотел было остановить их Людо, предпочитавший никогда и ни при каких обстоятельствах не терять головы, но, посмотрев на девушек, решил, по-видимому, не пережимать.

— А во что бы налить? — Елизавете, как ни странно, идея понравилась.

— А зачем наливать? — удивился Томас. — Тут и бутылки есть.

— А что-нибудь сладкое есть?

— Лиза, у нас нет времени! — запротестовал Людо.

— И искать не надо! — улыбнулся Томас. — У деда должен быть прошлогодний айсвайн^[21] с местных виноградников.

Он метнулся куда-то в глубину погреба и вскоре вернулся с двумя пыльными бутылками.

— Девочкам айсвайн, нам — старый кирш, — объяснил он, поднимая бутылки перед собой. — Киршвассер градусов тридцать, не больше, а айсвайн — вообще, как фруктовая вода, пять-шесть градусов!

— Тогда, пошли! — Людо забрал у Томаса бутылку с киршем и первым пошел к выходу.

Едва ли не бегом, они поднялись по винтовой лестнице, проследовали по длинному сводчатому коридору, мимо рыцарских доспехов и темных квадратов картин, спустились на пол-этажа, чтобы пройти по еще одной галерее, на этот раз обставленной ужасающего вида — во всяком случае, в полумгле, — бюстами и торсами, и оказались в маленькой прихожей, обшитой темными деревянными панелями, и скорее напоминавшей кордегардию^[22], чем фойе.

— Это не главный выход, зато и свидетелей не будет, — объяснил Томас, отпирая тяжелым ключом дверь.

На улице, то есть, разумеется, ни о какой улице речь не шла, поскольку друзья находились в замке, и соответственно, вышли они не на улицу, а в замковый двор. Так вот, там, снаружи, ветер закручивал снежные вихри, и температура воздуха, наверняка, была

градусов на десять ниже нуля.

— Mein Gott! — Елизавета выдохнула это "боже мой" вместе с клубами пара, а холод стоял такой, что из глаз хлынули слезы.

— Бежим! — крикнул Томас и бросился в снежную круговерть.

"Бежим!" — Елизавета подхватила юбки и побежала следом, радуясь, что хватило ума остаться в сапожках, а не поменять их на ни на что не годные, кроме как покрасоваться, туфли.

Бежали по снегу, и снег валил на них сверху, норовя попасть за шиворот или еще куда-нибудь не туда.

"Ужас!" — но они уже почти добежали.

Пересекли двор, ворвались в короткую каменную аркаду, свернули куда-то, как показалось, прямо внутрь стены, поднялись по темной лестнице, буквально угадывая, куда ставить ноги, и оказались в залитом мраком гулком помещении.

— Зажигаем свечи! — распорядился Томас и, поставив бутылку на пол — ее днище клацнуло о камень — начал чиркать спички.

Еще пара мгновений, и загорелась первая свеча, потом вспыхнули вторая и третья. Свечи не оказалось только у Елизаветы, зато она взяла у Людо бутылку с айсвайном, а левую руку, сдвинув полу жакета, привычно положила на рукоять кинжала. После сегодняшнего приключения с оборотнем, движение это не казалось уже ни вычурным, ни мелодраматическим. Оно просто не представлялось лишним. А, между тем, Томас открывал уже тяжелую окованную железом дверь и приглашал всех, войти.

— Мы пришли! — объявил он, когда один за другим они переступили высокий порог. — Это здесь, — и Томас обвел рукой просторное прямоугольное помещение, сложенное из битого темно-красного камня на растворе. Потолок терялся во тьме, мгла, отброшенная огоньками свечей, собралась плотными клубами по углам и вдоль стен.

— Красная башня, — пожал плечами Дамаль, по-видимому, расценив молчание спутников, как недоумение и разочарование. И он был недалек от истины: все они, и уж точно Елизавета, ожидали от Красной башни чего-то большего, чем это пустое, скучное помещение.

— Без трех минут полночь, — бросила Елизавета и прошла вперед, пытаясь рассмотреть детали, но смотреть здесь было совершенно не на что. Пусто, гулко и пыльно. И еще холодно, но хотя бы не задувал ветер и не шел снег. Что, впрочем, не сильно помогало: холод залезал под одежду, грыз кости, охлаждал кровь.

— Э... — сказала она, испытывая некоторую неловкость. — Сейчас мне не помешал бы глоток чего-нибудь более впечатляющего. Бренди, например.

— Держи! — протянул ей уже открытую бутылку кирша Томас.

— Я следующая! — тут же заявила Тилли. — Мне тоже холодно!

— Это не то место, — поняла вдруг Елизавета, уже поднеся бутылку к губам.

— Он сказал в Красной башне, — напомнил нахмурившийся Томас. — Может быть, выше или ниже?

— Ниже! Он сказал в казематах под башней! — Елизавета глотнула из горлышка и, передав бутылку Тильде, пошла во мглу, сплотившуюся у одной из стен. Ее вело чутье, ее странная "фантазия", позволявшая порой видеть и знать то, чего не видели и не знали другие люди.

— Здесь! — постукивание подковок ее юфтяных сапожек изменилось, был камень,

стало дерево.

— Здесь должен быть люк, — подошел к ней Томас. — Сейчас! — он нагнулся и зашарил по полу, подсвечивая себе огоньком свечи. — Вот!

Елизавета отошла на пару шагов в сторону, и Дамаль с усилием откинул крышку люка. Под ней клубилась первозданная тьма.

— Что там? — Людо присел на краю люка и опустил вниз руку со свечей.

— По-моему, зернохранилище... бывшее...

— Но нам надо еще ниже! — твердо сказала Елизавета.

— Ниже — только каземат Шиллинга, но там есть дверь с лестницей, — объяснил Томас. — Идемте!

— Поторопитесь! — добавила Елизавета, "прислушиваясь" к невнятному шуму, возникшему в ее душе. — У нас одна минута!

И все-таки, они спускались осторожно. В темноте, да на крутой скрипучей лестнице — дай бог, чтобы не сломать себе шею! А внизу их ожидало такое же, как и уровнем выше, пустое и пыльное помещение, и всей разницы, что здесь по углам лежали сложенные пирамидками каменные и чугунные ядра.

— Где эта дверь?

— Да, вот здесь!

— Ага!

— Поторопитесь! — крикнула Елизавета, она вдруг услышала тяжелое "бум", и поняла, что отсчет начался.

Огромное било ударило в стенку не менее огромного колокола, и звук пошел, тяжелый, плотный, вполне вещественный басовый "ом" прокатился по комнате и прошел сквозь тело Елизаветы, заставив задрожать кости, плоть, и напряженные, словно канаты в бурю, нервы.

— Ох! — воскликнула она.

— Что? — оглянулся Людо.

"Они не слышат!" — поняла она, а ее догонял уже второй удар невидимых часов.

— Быстрее! — крикнула Елизавета. — Часы бьют двенадцать!

Третья волна ударила ее в спину, когда Елизавета поставила ногу на первую ступень лестницы, ведущей в каземат.

"Четыре!.. Пять... Ше..." — показалось ей или нет, но шестой удар явно запаздывал, а когда все-таки пришел, получился каким-то долгим, протяжным, словно бы вытянутым во времени и пространстве.

— Семь! — как ни странно, Елизавета уже спустилась с лестницы, на этот раз, вероятно, для разнообразия, построенной из древнего красного кирпича.

"Что же это такое?" — она оглянулась на друзей, спускавшихся вслед за ней, и снова посмотрела вокруг.

Пустой каземат из ржаво-красного кирпича, массивные колонны и неожиданно высокий сводчатый потолок.

"Ничего особенного... Что?!" — вместе с восьмым ударом невидимых часов пришло понимание того, что тьма отступила, и каземат Шиллера заливают призрачное голубовато-зеленое сияние, усиливающееся с каждым ударом сердца.

"Я..."

Что-то шевельнулось в воздухе справа от нее. Тень, смутный образ, но ощущение движения возникло теперь и слева, и позади, а впереди, там, где метрах в двадцати от

Елизаветы поднималась глухая стена, прямо на ее глазах призрачное сияние начало обретать странные формы, показавшиеся Елизавете, словно бы, знакомыми. Но додумать мысль она не успела. Как раз тогда, когда со дна памяти начал всплывать знакомый, но не узнанный пока образ, до нее докатился, наконец, девятый удар. Елизавета вздрогнула, в глазах у нее потемнело, и она, казалось, целую вечность переживала момент прохождения звуковой волны.

— Лиза! — голос Людо проник сквозь туман полузабытья и заставил Елизавету очнуться, вернуться к реальности и в реальность. Но за то время, что она находилась "не здесь и нигде", мир изменился самым решительным образом.

Исчезли стены и потолок, и от всего каземата Шиллера осталась, по сути, лишь небольшая круглая площадка, сложенная из красного кирпича. На ней-то они, вчетвером, и стояли. А вокруг разворачивалось грандиозное призрачное действо. Вращались огромные зубчатые колеса, сотканые, казалось, из теней и отблесков. Поднимались и опускались громадные коромысла балансиров, выкованных из речного тумана. Двигались шатуны и поршни, созданные игрой света среди рассеянных в воздухе пылинок... Падающие звезды, серебряная и золотая пыль, облака и туманы... Маятники и оси, валы и шарниры... Нематериальный, но зримый, жил и двигался вокруг них огромный механизм...

— Вы видите то же, что и я? — хрипло спросил Томас фон дер Тиц и охнул, когда сквозь него, через их тела и души прошла волна десятого удара.

— Что, черт возьми, здесь происходит?! — Людо стоял, широко расставив ноги, и не сгибался под ударами времени.

— Сукин сын! — выругалась Тильда, ее голос охрип еще больше, но при этом обрел невероятную силу.

— Выходите, герцог! — потребовала Елизавета, когда отзвучал одиннадцатый удар. — Я требую! Вы назначили randevu, слово сказано! Мы здесь!

Черт бы вас побрал, графиня! — фигура Тригерида, как и в прошлый раз, соткалась из теней, из обрывков тьмы, из намеков и умолчаний.

— Зачем вы напустили на меня вашего пса? — потребовала ответа Елизавета. Гнев кипел в ее сердце с того самого момента, когда огромный волк с бурой шкурой исчез и вместо него на снегу оказался высокий смуглый парень с длинными черными волосами и широко открытыми, но на веки пустыми глазами. Нагой и мертвый он лежал на снегу, а рядом стоял Людо с окровавленным кинжалом в руке.

Вы еще спросите, отчего я не пою колыбельных песен! — оскалился обретший призрачную плоть герцог. — Вы, что же, не понимаете, графиня, что сущности, подобные мне, способны творить одно лишь зло? Ад и преисподняя! Отпустите же меня, скверная вы девчонка!

— Отпустить? — не поняла Елизавета. — Куда? Зачем?

Это ведь ваша фантазия, графиня! Вы нагрезили весь этот механический ужас, заперев меня между одиннадцатым и двенадцатым ударами, и вы еще спрашиваете? — грянули оземь сброшенные оковы, и в руках Тригерида возник двуручный меч, такой же, впрочем, призрачный, как и его хозяин.

— Остыньте, герцог! — вышла вперед Тилли Шенк и с вызовом уперла маленькие кулачки в свои не слишком обширные бока. — Это я держу тебя за яйца, приятель! И ты будешь болтаться здесь, как говно в проруби, столько, сколько я захочу. И это, если мне не придет в голову чего-нибудь еще!

Ведьма! — воскликнул тогда Гуго Тригерид и отступил на несколько шагов назад. — Ворожея и колдунья!

— От судьбы не уйдешь! — страдальчески вздохнула Тильда и, обернувшись к Томасу, посмотрела на него поверх дужек очков. — Видит бог, Томас, мне очень жаль...

— Ни слова больше, Клотильда ван дер Шенк, — поднял руку Дамаль. — Меня не интересуют ваши недостатки, но я ценю ваши достоинства, и люблю вас такой, какая вы есть!

— Отлично сказано! — улыbnулась Елизавета, отмечая, тем не менее, краем сознания тот неприятный факт, что знает о близких ей людях отнюдь не так много, как хотелось бы, и как казалось ей еще пару минуту назад. — Так это твой сон, Тилли? — спросила она, обводя рукой окружающую их призрачную машинерию.

— А что, не нравится? — нахмурилась Тильда и засопела.

— Да, нет! Что ты! — поспешила успокоить подругу Елизавета. — Очень мило и даже стильно... Так что там с оборотнем, герцог?! — обернулась она к Тригериду. — Зачем вам моя смерть?

Мне было любопытно...

— Вы лжете, герцог! — Людо, по-прежнему, стоял, широко расставив ноги, как будто встречал грудью ураганный ветер.

— Говори правду, ублюдок! — в голосе Тильды звучали гнев и раздражение, и, похоже, она едва справлялась с овладевшими ею чувствами.

Что ж... ты умеешь выбирать места и компанию, Людвиг Каген! — сейчас герцог Тригерид смотрел только на Людо.

"Боже! Он знает!" — всполошилась Елизавета, но одновременно другая часть сознания сказала ей, "угомонись", и, на самом деле, это была единственно правильная форма поведения. Все уже случилось, и теперь — горюй — не горюй, — оставалось лишь проявлять хладнокровие.

— Вы знаете мое имя, герцог, а я ваше, что с того? — Людо говорил ровным голосом, и Елизавета не могла сказать с уверенностью, что он сейчас переживает, и о чем на самом деле говорит.

Я хотел причинить тебе боль, Аспид!

— Всего лишь боль?

Месть не выдыхается!

— Но я не он! — покачал головой Людо. — И все-таки, зачем вы пригласили нас на randevу? Хотя постоитe! Вы не могли дотянуться до нас, но приняв приглашение...

Ты открыл горло для удара, князь!

— Так-так, — покивал Людо. — Мы приняли приглашение, и вы смогли подвести к Елизавете оборотня... Не сходится! — покачал он головой и вскинул руку в указующем жесте. — Вы лжете и изворачиваетесь, герцог! Вам нужно было, чтобы мы нарушили слово... Чтобы я нарушил договор и не явился на randevу, я прав?!

Проси свое золото, Аспид, и разойдемся! — в темном тумане призрачной плоти зажглись тусклые огни, словно отблески яростного пламени.

— Так-так, — снова покивал Людо. — Как полагаете, фюрстина, герцог всего лишь пожалел открыть нам какой-нибудь из своих кладов? Всего лишь золото, герцог?

"А ведь, Людо прав! — сообразила Елизавета. — Дело не в золоте... А в чем?"

— Возможно, я знаю, — вмешался в разговор Томас. — Вы испугались того, что мы

собрались здесь вчетвером...

При этих словах призрак явственно вздрогнул, а тусклые огоньки, просвечивавшие сквозь его "плоть", набрали силу, и язычки пламени начали возникать здесь и там в разрывах сизого тумана.

"Он испугался... Значит, истина где-то рядом..."

— Скажи, Томас, — сейчас Елизавету вела ее великолепная интуиция, которая и не интуиция вовсе, или, по крайней мере, не совсем и не только интуиция, — эта рукопись... Или ваш экземпляр "Хроники Роз и шипов" был отпечатан в типографии?

— Это одна из первопечатных книг... Сто экземпляров... Почти весь тираж уничтожен по приказу короля...

— Я не о том! — остановила Томаса Елизавета. — В книге есть гравюры? Надписи на полях? Что-то, что не относится к самому тексту?

— Черт!

— Осторожнее в выражениях, Дамаль! — усмехнулась довольная Елизавета. Похоже, она уловила суть интриги.

— Извини, Лиза! Там... Я только сейчас сообразил. Поля страниц расписаны орнаментами. Полтора десятка разных орнаментов, и один из них тот же самый, что на картине! Но там и другие руны есть...

На какой картине? — бесплотный "голос" Тригерида набрал силу, и, если бы, Елизавета могла в такое поверить, она сказала бы, что в голосе этом звучал сейчас ужас.

"Он не знал!"

— А вы, герцог, выходит, не знали, что руны в "Исцелении от немоты" имеют двойное прочтение?

Ад и Преисподняя!

— Так-так, — в третий раз покивал Людо. — Вот, значит, в чем ваша хитрость, герцог. Вы не знали, что руны в полотне Ананимуса из Браганцы не только открывают "разумение", но и являются ключом к этому месту, к розе миров. Но вы знали, что в книге...

Не упражняйся в дедукции, Аспид! — Тригерид был очевидным образом расстроен и в не меньшей степени взбешен. — Я знаю, что ты умная бестия, и я знал, что раз ты здесь, да еще и не один, ты захочешь прочесть "Хронику" и, значит, наткнешься на руны. Если бы волк убил графиню, вышло бы по-моему. Но ты опять меня переиграл.

— Тогда, плати! — голос Клотильды просел еще больше, но силы не потерял.

Что ж, фюрстина, смотри не пожалей! Истина бывает хуже лжи!

— Поторопитесь, герцог! — потребовала Елизавета. — И перестаньте нас страшать, мы не маленькие!

Да, госпожа графиня, вы уже не маленькие...

Да, госпожа графиня, вы уже не маленькие, — "сказал" герцог Тригерид. — Вот то, что я вам обещал, — в его руках возникла книга в древнем кожаном переплете. — Вот мой дар. Книга останется у вас до рассвета, ну, а затем, вы сможете меня отпустить. Ключи будут уже вставлены в замки, и ни в вашей, ни в моей власти повернуть назад. И пусть случится то, что случится!

Призрачный силуэт растаял, и Елизавета увидела, что книга лежит теперь на пюпитре из черного дерева, а напротив него стоят три резных кресла.

"Все верно, — кивнула она мысленно. — Один читает, трое — слушают".

— Кто будет читать? — спросил Томас, подходя к пюпитру.

— А на каком языке написана книга? — Елизавета предполагала, что ни ей, ни Людо читать книгу вслух не придется. Оставались Тильда и Дамаль.

— Это не руны, — сказал Томас, открывая книгу. — И не латынь, хотя буквы...

— Это глаголица, — очки в очередной раз сползли на кончик носа, и глаза Тильды горели сейчас мрачноватым зеленым пламенем.

— Ты же говорила, что по-славянски не разумеешь? — не удержалась от колкости Елизавета.

— Я много чего говорила... Читать или не надо?

— Читай, конечно! — всплеснула руками Елизавета. — Читай, если можешь!

— Могу, — Тилли посмотрела на бутылку, все еще зажатую в руке, и, покачав головой, приложила к горлышку.

— В горле пересохло от всех этих ужасов... — сказала она, сделав пару уверенных глотков, и протянула бутылку Елизавете. — Ну, слушайте, раз так...

Она поправила книгу, подняла на место очки, помолчала, нахмурившись...

— Тут вначале стихи... Не думаю, что смогу перевести в рифму... Ну, э... "Ее рука бела как снег, И речь нежна ее". Ну, тут дальше про золото волос, упругие... ну... В общем, прс грудь, стан и прочую анатомию.

— Это баллада "Белая рука", приписываемая графине Корвин, — сказал с места Томас. — У нас в библиотеке есть латинский и старонемецкий переводы... Красиво написано, я вам потом...

— Ладно, — кивнула Тильда. — Тогда перехожу к тексту. Это похоже на хронику, но начинается на полуфразе.

"... убиен бысть в бою, и воеводой поставлен бысть Лоон из дома Фаенда. А в лютень видели лунное затмение. В березень же, в начале ночи бысть свет небесный с востока к западу. В том же году император снова напал на иберийцев.

ЛѢто 6761. Сѣде княже Ловик сын Кароля сына Михала из Рагозы в Керич и царевна Джевана иде с ним..."

Последняя декада березня выдалась в Кериче по-летнему теплой, солнечной и безветренной. Море было спокойно и отливало под солнцем темной синью.

— Ахшайна... — Слово сорвалось с губ и упало вниз, к подножию стены, где из мелководья торчали огромные камни — все, что осталось от старой крепости.

— Это тюркский язык? — голос герцога вырвал принцессу из мира грез, куда унесли ее усталость и тоска, но застать врасплох Деву Севера было сложно.

— Нет, — коротко ответила она, но все-таки объяснила, — это старо-персидский. Означает, темно-синий или попросту темный. Так скифы называли свое море.

— Скифы...

"Дурак", — не без горечи подумала Джевана, но объяснять ничего не стала. В конце концов, полсотни лет или полтысячи, кому какая разница? А мрачные легенды имеют порой свою собственную прелесть.

— Да, скифы... — Что означали ее слова? — Пойдемте в замок, герцог!

— По вашему желанию, моя госпожа! — чуть склонил голову герцог Лоон. В голосе его слышалось разочарование: наверняка ведь поверил, что сейчас она возьмет и откроет ему свою великую тайну. Но нет. Придется и дальше жить в неведении, лишь гадая бессонными ночами, сколько ей лет на самом деле, и имеет ли смысл набиваться в любовники или даже в мужья?

"И ведь были же прецеденты, были..." — Это могло оказаться иллюзией, но, кажется, ей все-таки удалось прочесть его мысль. Простую и бесполезную, однако, если это все-таки не соблазн усталой души, то уж верно не такая мелочь, которой можно пренебречь. Дар открывается редко, но если вдруг открывается...

— Доброе утро, ваша высочество!

— Принцесса! Герцог!

— Доброе...

— Мое почтение...

— Мое...

— Я...

— Вы...

— Вы... — Он восхитительно робел, но, странное дело, не краснел. И это почему-то не на шутку тревожило Джевану, заставляя оглядываться "через плечо". Но в том-то и дело, что ничего такого тут не было, и быть не могло. Ведь князь Людвиг — никто. Он даже не князь. Титул все еще принадлежит Старому Медведю, его деду. А сам он, Людвиг Каген, всего лишь невысокий худой юноша, почти мальчик, одетый в старомодные и безвкусные одежды.

"Провинциал..."

Мальчишка... никто, ставший кем-то благодаря пустой легенде, неведомо кем и когда пущенной и, надо же, оказавшейся кстати здесь и сейчас.

"Герой, избранный, спаситель..."

Что именно имел в виду пророк, пустивший гулять по свету эту невнятицу? Кого он имел в виду, прорицая, из своего канувшего в вечность прошлого далекое — действительно далекое, ведь прошло уже 100 лет! — будущее? Неизвестно. Но ей ли не знать, какой силой обладают слова? В нынешних обстоятельствах давнее пророчество нежданно-негаданно нашло своего героя, и безвестный провинциальный княжонок превратился в фигуру большой европейской политики.

"Забавно..."

— Вы...

И все-таки, что же тревожило ее сердце, когда она смотрела на этого ребенка?

— Здравствуй, князь! — улыбнулась Джевана и милостиво протянула Людвигу узкую ладонь, затянутую в алую лайку. — Я рада тебя видеть.

— Приступим, господа? — повернулась она к собранию.

И все тут же задвигались, кланяясь ей и друг другу, кивая с достоинством на скупые реплики, хмуря брови и скупно улыбаясь, но без задержки, хоть и со степенностью, приличествующей роду и положению, занимая кресла, расставленные вдоль завешенных гобеленами стен круглого покоя.

— Гонцы...

Слово прозвучало как удар била по вечевому колоколу и вырвало Джевану из задумчивости, заставило прислушаться к медлительной речи Лоона, в который раз рассказывавшего собранию, в каком ужасном мире им суждено жить.

"Гонцы..."

Гонцы, оказывается, прибыли ночью. Три гонца — один за другим. Последний перед рассветом... Но герцог Лоон не соизволил ей об этом сообщить, хотя они и виделись, и говорили уже раньше этим утром.

"Почему?"

Но ответ очевиден: потому что женщина. В его, герцога Лоона, глазах даже та, в чьих жилах течет Древняя Кровь, чьей волей он сам вознесен на нынешнюю вершину, став верховным воеводой Соглашения, полубогиня, чье золото смазывает тяжелые колеса войны, даже она — принцесса Джевана — всего лишь слабая женщина.

"Женщина... Что ж, посмотрим..."

Однако сейчас ее интересовали одни лишь новости. И они того стоили. Гонцы не зря мчались, не жалея себя и лошадей, сквозь пространства, полные неведомых ужасов и хорошо известных опасностей. Они принесли вести из тех краев, где вершилась теперь судьба мира. Оттуда, где войска императора захватили уже Хедебо, Стариград и Любицу. Однако вряд ли стоило рассчитывать, что Хальдеберд так рано встанет на зимние квартиры. А значит, если он все еще движется вдоль побережья, опираясь "левой рукой" на свой огромный гребной флот, то неизбежно скорое падение Арконы и Щецина...

"Хотя Аркону пойдя еще возьми, но..."

Но третий гонец, тот, что прибыл на рассвете, принес по-настоящему дурные вести: маршал императора Дейдье, именуемый так же Вороном, захватил после кровопролитного сражения Линц и двигается на Велиград и Краков, которые, верно, уже захвачены за то время, что гонец добирался до Керича.

— Мы должны выступить немедленно! — не дослушав до конца длинную речь Лоона, заявил барон Аш.

— Выступить и дать сражение до первого снега, — Граф Сновид даже из кресла

поднялся, то ли, не справившись с охватившими его чувствами, то ли прекрасно разыграв "нервическое волнение".

— Я... — Но Лоона никто уже не слушал.

Все заговорили вдруг, не обращая внимания один на другого, перебивая друг друга, порождая своими репликами хаос. Молчал только Людвиг, казавшийся сейчас бледнее чем обычно.

Джевана почувствовала "провал" по правую руку от себя, скосила взгляд, почти машинально отвлекаясь от главного, и увидела мальчика, съежившегося в огромном резном кресле. Он показался ей тщедушным и ничтожным, их маленький княжонок Людо. Он вызывал жалость, беспомощный, "лишенный речи" среди расшумевшегося собрания.

"Он боится, — решила принцесса, и в этот момент их взгляды встретились. — Он все понимает!"

Но поняла ли сама принцесса в тот миг — в краткое мгновение, когда заглянула в синие глаза мальчика, — что таится в их темной глубине? А он? Что увидел юный "герой" в глазах госпожи Джеваны? Неизвестно. Но, что бы ни случилось между ними в эту краткую секунду, оно уже случилось, произошло, и "Великий Хронист" уже завершил историю прошлого, начав другую историю с новой строки.

"О чем они говорят?" — Людо никак не мог понять, отчего они так шумят, что заставляет их так волноваться.

Но Собрание не было бы Собранием, если бы эти люди оказались способны мыслить логически.

Ведь это так просто, не правда ли, читать холодные строки хроники событий?

Ты ошибаешься, Людо, — иногда ему казалось, что это его собственный голос, а иногда он думал, что с ним говорит бог, ангел-хранитель, или, может быть, один из великих предков. Но как бы то ни было, голос существовал, и только с ним Людо мог быть самим собой. И еще откровенным...

"Они...?"

Нет, вероятно, не глупцы. Просто их мысли идут слишком длинными дорогами или, напротив, не в меру короткими, но обычно неверными.

"А она?"

Принцесса была прекрасна, как сон. Холодна и недоступна, словно горные вершины. Желанна...

"Желанна?"

Что ж с того? Ты становишься мужчиной... Или ты хочешь сказать, что не знаешь, как это делается?

"Знаю, но..."

Именно это ты и хочешь с ней делать...

Возлечь с ней на ложе любви?! Но, куда убежишь от правды? Все, и в самом деле, было так, как сказал Голос. Хотел, желал... и знал, видел — невозможно.

Джевана неожиданно скосила глаза — возможно, почувствовав взгляд Людо? — и... Он увидел себя ее глазами. Худшего зрелища он и вообразить себе не мог: маленький, жалкий, затравленный зверенок. Князь Людвиг... Княжонок Людо... Вождь, Герой, Избранный... Избранный? Жалкая тряпка, изображающая хоругвь...

И в этот момент в его душу вошла ненависть. Не истерика, не бешенство, опаляющее

рассудок безумием берсеркера, а холодная как оружейная сталь ненависть. Чувство, способное заморозить сердце и подвигнуть на каторжный труд, на невероятные страдания, на невиданные подвиги, цена которым одна, — утоление отравившей твою кровь страсти. Но будет ли — возможно ли — спасение от боли, вошедшей в этот миг в его душу?

Голос молчал. Ему нечего было ответить корчащемуся от боли и унижения мальчику Людо. А сам князь был слишком юн, чтобы заглядывать так далеко. Будущее представлялось ему туманным утром, где все неопределенно, неясно и зыбко: звуки, краски, запахи. Туман...

— Извините, — сказал Людо, вставая из кресла. — Я... мне... — Он смотрел на Принцессу, и слова не шли на язык. — Мне... надо выйти... я... все так шумят... У меня... разболелась голова...

— Разумеется, князь, — благосклонно улыбнулась, занятая своими мыслями Джевана. — Идите...

И отвернулась, следя за ходом обсуждения, превратившегося уже в откровенную потасовку. Разве что без рукоприкладства пока, но...

"Они выступят, — понял Людо, покидая зал Собрания. — Джевана продавит решение, предложенное графом Сновидом, и поставит во главе войска Лоона".

Все было верно. И решение, словно бы, напрашивалось само собой. Однако правильным оно от этого не становилось. Оно было всего лишь логично в принятых правилах игры. Но играл ли император по тем же правилам, что и эти люди?

"Вопрос!"

Людо вышел в широкий сводчатый коридор и пошел по направлению к своим покоям. Ноги несли его сами. Не быстро — ведь он не бежал, — но и не медленно. Ему незачем было тянуть время, хотя и для особой спешки причин, вроде бы, не было. Он просто шел, раз уж ушел из Собрания, а сзади — неотступной тенью — за ним следовал Зигмунд.

Телохранителя Людо подарил дед, когда два года назад принцесса забрала мальчика из дома. С тех пор высокий кражистый блондин Зигмунд был всегда рядом. Днем и ночью, в пути и на привале... Вот, разве что, в бою они еще вместе не были. Но это не вина степенного, немногословного Зигмунда, способного победить почти каждого из собравшихся сейчас в крепости рыцарей, а беда князя Людвиг, которому суждено всего лишь "присутствовать при победе".

"Но так ли все ужасно? — спросил он себя, проходя по открытой галерее. — Разве вправе кто-либо диктовать князю Задара, что он должен, а чего не должен делать?"

Удивительно, как просто, оказывается, отвечать на правильно поставленные вопросы! Впрочем, чтобы сформулировать вопрос, следовало владеть необходимым минимумом фактов. А факты были таковы. Шесть месяцев назад гонец из замка Ерно привез вместе с письмом от деда грамоту "О передаче прав, в связи со сложением с себя княжеского достоинства..." Напуганный приступом грудной жабы, случившимся с ним ранней осенью, старый князь Гвидо официально — "в присутствии рыцарей двора, жрецов и стряпчих" — передал титул и властные полномочия своему внуку — Людвигу Кагену. Впрочем, никакой публичной огласки этот факт не получил, а потому и принцесса Джевана, и герцог Лоон, и мужи Собрания все еще пребывали во мнении, что Людо и не князь вовсе, а, в лучшем случае, "княжий сын". Однако дьявол прячется в подробностях, ведь так?

"Так".

Гвидо стар и болен, но, главное, лишен — по закону — власти в Задаре. И, значит, Людвиг вправе принимать решения сам, тем более что по старому праву совершеннолетие

наступает в тринадцать лет, а ему уже пятнадцать.

"Пятнадцать..."

В пятнадцать лет женился отец Людо...

Мальчик вошел в покои, отпустил жестом слугу и повернулся к последовавшему за ним Зигмунду.

— Мы уезжаем, — сказал он ровным голосом. — Ты и я. Вдвоем.

— Куда? — Зигмунд не показал, что удивлен. — Когда?

— В Задар, — ответил Людо, не отводя взгляда от глаз телохранителя. — Сегодня. Сейчас.

Зигмунд чуть наклонил голову, показывая, что понял и принял приказ.

— Поедем налегке. — Объяснил Людо. — Без слуг, без обоза. Выйдем на прогулку, но не вернемся. Надо сесть на корабль... В простых плащах...

— Дорога будет тяжелой, — Зигмунд чуть повел подбородком, — и опасной.

— Тем лучше, — пожал плечами Людо. — К тому времени, как мы доберемся до Ерно, я или стану мужчиной, или сдохну. Что скажешь?

— Мы выезжаем через час.

Об исчезновении князя Людо стало известно лишь перед закрытием городских ворот. Искали мальчика, однако, без энтузиазма, с ленцой, предполагая, что он просто задержался в каком-нибудь из близлежащих замков или заночевал, припозднившись, в одной из окрестных деревень. Лишь на следующее утро стало ясно, что "княжонок" просто сбежал. Допросили слуг, осмотрели княжеские покои, прошли по следу и, с удивлением, обнаружили, что мальчишка все сделал обдуманно и не без блеска. Не взял ни одежды, ни ценных, но неудобных в путешествии налегке вещей, прихватив, лишь деньги да драгоценности, и растворился в нетях вместе со своим молчаливым телохранителем-германцем. Лошадей беглецы оставили на коновязи припортовой гостиницы, а сами отплыли на когге из Трапзона, возвращавшемся с товарами на родину. Догнать их теперь нечего было и думать. Их и найти-то сейчас было крайне затруднительно. Иди, отыщи в бескрайнем просторе крошечное суденышко, идущее по обычаю трабзонских кормчих не вдоль побережья, а прямо "сквозь море"!

— А много ли у мальчишки было денег? — раздосадованный герцог Лоон не называл теперь Людвига князем даже ради приличия.

— Семьсот тройных золотых, — коротко ответил дознатчик.

— Семьсот? — недоверчиво переспросила принцесса, начинавшая понимать, что не зря тревожилась. Сердце, ее сердце не обманешь. Вот только голос его зачастую невнятен. Она и не поняла.

"Как жаль..."

— Семьсот, моя светлая госпожа, — склонился в глубоком поклоне дознатчик. — Их его светлости князю, оказывается, еще прошлым годом из дому прислали.

— Зачем же князь Гвидо стал бы посылать внуку такую прорву денег? — Граф Сновид мог проявлять несдержанность и даже грубость, когда это отвечало его интересам, но он был весьма неглуп и обладал отменной интуицией. Вот и сейчас он ни разу не назвал Людо князем, однако и оскорбительных замечаний, типа тех, что позволял себе Лоон, не отпускал.

— Никто не знает, — дознатчик был само спокойствие. — В листопад с гонцом доставлен был пакет с бумагами. С ним и деньги пришли.

— Бумаги? — подняла бровь Джевана. — Что за бумаги? От кого?

— Бумаги не найдены, — объяснил дозначик, вежливо склонив голову, не хотел, значит, видеть ее гнев. — А пришли они, по-видимому, от князя Гвидо. Ведь и гонец был в цветах дома Кагенов.

"Бумаги... В листопад... Но уехал-то он только теперь. Что же случилось именно теперь? Сейчас, вчера или позавчера? Или он шесть месяцев готовил побег и заранее знал, что именно "сегодня", то есть, разумеется, вчера, уйдет в Трапезунд этот проклятый когг?"

Но нет ответа, потому что все, что касается мальчика зыбко, поверхностно, не основательно и не подробно. Она и не знала его, если, по совести. Не узнала, потому что он интересовал ее всего лишь как функция, символ или хоругвь в этой ужасной войне с империей. Империя наступает, войне не видно конца, и в будущем мнится лишь ужас поражения. Несчастья, мор и глад. До сантиментов ли ей было? Увы, но за два года, что они знакомы, живому человеку, именуемому Людвиг Каген, принцесса Джевана не уделила ни одной лишней минуты. А лишних у нее уже и не было, почитай, несколько лет. Ну а тратить время, предназначенное, для серьезных дел — войны и политики — на то, чтобы скоротать с сопляком вечер у камина...

"Что я упустила?" — Джевана была уверена, что-то важное она упустила. Кто-то, на кого она не обратила внимания, просто потому, что все связанное с мальчиком ее вообще мало интересовало; кто-то, кого она не заметила из-за его малости, сумел — хитростью или силой — "украсть" у нее Людо. Означало ли это неминуемое поражение? Нет, разумеется. Пророчество было невнятным, как и положено, но речь в нем, очевидным образом, не шла о каком-то определенном сражении или даже об одной из многочисленных кампаний. Здесь игра шла по-крупному — на кону стоял результат Великого Противостояния. Империя или "союз племен"? Империя или... все остальные. Император или Джевана? Потому, вероятно, принцесса и не была разочарована, когда выяснилось, что Избранный — это всего лишь бледный мальчик двенадцати или тринадцати лет. Потому и держала его при себе, как талисман, надеясь, прежде всего на деньги, союзы и мужество бойцов. Потому и теперь, когда князь исчез столь таинственным и неожиданным образом, она отказывалась воспринимать это — несомненно, важное — событие, как знак конца. Драма, а не трагедия. Ведь сроки еще не исполнились. И... да! Им всем предстояли, разумеется, трудные времена. Однако кто знает, где и с кем будет Людо Каген в тот день, когда боги станут делать свой выбор?

Дорога до замка Ерно заняла четыре месяца. Сначала буря отнесла когг на запад, и им пришлось долго тащиться — почти без попутного ветра — вдоль южного берега Скифского моря. Затем выяснилось, что проливы закрыты из-за войны — не той, что занимала мысли принцессы, — но та или нет, война — это всегда война. Дорога лежала по малонаселенным глухим и опасным местам. Здесь все воевали против всех, и не было защиты для одиноких путников. В горах их мучила дневная жара и ночной холод, а еще было голодно, и едва ли не большую часть пути пришлось пройти на своих двоих. От страха, голода и усталости Людо

готов был зарыдать, но плакать было нельзя. Когда отчаяние охватило его в первый раз, он случайно заглянул в глаза Зигмунда и увидел в них свое отражение. Отвращение оказалось сильнее ужаса перед "бедствиями земными", и князь Людвиг Каген ни разу больше не допустил себя "до края". Он сжимал зубы, он закусывал губу, но шел, не жалуясь и не требуя от своего телохранителя того, что тот готов был сделать для господина по собственному разумению. Однако и этого Людо ему не разрешил. Не позволил в первый раз, интуитивно почувствовав, что не должен садиться на полудохлую клячу — единственную лошадь, что удалось купить по цене боевого коня. Не поддался искушению во второй, не взяв лишнего куска сырого пористого хлеба, выпеченного из, черт знает, какой муки. Но какое ему было дело до того, из какой дряни "сделана" эта еда. От голода сводило кишки, и кружилась голова. Но Людо нашел в себе силы отказаться. И в третий раз Зигмунд уже ничего такого ему не предложил. Он только посмотрел внимательно на своего спутника, и тут выяснилось, что взгляд германца изменился. И Людо с удивлением обнаружил, что польщен, когда опознал мелькнувшее в глазах телохранителя чувство. Уважение.

"Я заставил его уважать меня..."

Трудно сказать, можно ли считать это достижением, но грубая правда заключается в том, что такая эфемерная вещь, как уважение слуги, держала Людвиг на ногах во все последующие дни, длинные дни, когда их на равных палило безжалостное солнце, заливали ночные ливни, преследовали враги, и унижал неизбывный голод.

И вот они шли через горы, поднимаясь и спускаясь, огибая и обходя, прячась и отстаивая свои жизни в скоротечных кровавых схватках...

В ту ночь они остановились на дневку среди деревьев, росших на склоне горы. Дальше дорога долго шла по открытой местности, протянувшись уснувшей змеей через узкую долину, вместившую кроме полей и садов пару деревень и укрепленный замок. В деревнях явно теплилась жизнь, но выглядели они так, словно через них прокатилось ожесточенное сражение. Замок, казалось, горел только накануне, а с вытоптаных полей вряд ли удастся снять хоть какой-нибудь урожай.

— Останемся здесь? — предложил Зигмунд.

Ни разу за время их путешествия он не позволил себе принять решение, не посоветовавшись прежде со своим господином. Людо был ему за это благодарен, хотя и отдавал себе отчет в том, насколько он на самом деле беспомощен в этих новых и страшных обстоятельствах.

— Останемся, — согласился он.

Но, видимо, их что-то выдало: потревоженная птица или камень, выскочивший из-под сапога. А возможно, кто-то увидел их в предрассветных сумерках на перевале или высмотрел утром среди деревьев. Но, что бы ни случилось, главное, что их обнаружили и задумали убить. Это были опытные люди — охотники, великолепно знавшие свои горы. И они смогли совершить невозможное. Они обманули свирепую бдительность Зигмунда, подкравшись к забывшимся сном, обессиленным людям с подветренной стороны. Они были бесшумны словно тени и безжалостны, как находящийся за гранью отчаяния человек. И они должны были победить, но проиграли, потому что обознались.

Людо спал между корней большого дерева, завернувшись с головой в тяжелый шерстяной плащ. Из-под края плаща, однако, виднелись его длинные черные волосы. Разбойники приняли Людовика Кагена за девушку и решили "захватить ее живой". Это их и погубило. Людо что-то почувствовал буквально в последний момент и, не раздумывая,

ударил кинжалом прямо сквозь плотную ткань. Удар без замаха не мог быть сильным, даже если бы рука Людо была и покрепче, но, как выяснилось, многого и не потребовалось. Узкое лезвие пропороло двойную шерсть плаща и на три дюйма вошло в ничем не защищенный, да еще и расслабленный живот не ожидающего нападения человека. Вопль боли и недоумения, вырвавшийся из горла разбойника, разбудил Зигмунда, и тишина утра была сметена легко узнаваемым шумом сражения. Рядом загомонили, задвигались, ударило железо о железо, и вопящий человек упал прямо на мальчика, но Людо уже окончательно проснулся и, вывернувшись из-под содрогающейся в конвульсиях туши, сходу "влетел" в невнятицу внезапно вспыхнувшего боя. Совсем рядом, по другую сторону дерева, с кем-то из нападавших рубился на мечах Зигмунд, отбиваясь между делом от других, норотивших зайти ему за спину, и мальчик, успевший неплохо узнать своего телохранителя, сразу понял: справиться с германцем эти люди могли только, пока тот спал. Теперь же они были обречены. Однако стоять в стороне, дожидаясь, когда с разбойниками будет покончено, Людвиг не мог и не стал. Он подхватил с земли свой меч и бросился в бой. В следующее мгновение он убил первого в своей жизни человека. Тот, кого он буквально минуту назад ударил кинжалом в живот, все еще был жив, барахтался на земле, хрипел и скулил, а этому Людо пронзил сердце, неожиданно оказавшись с ним лицом к лицу. Разбойник просто не успел среагировать. В руках у него была палица, и, успевай он отбить меч в сторону, следующий удар разможил бы юному князю голову. Но тот, кто не успел, тот и проиграл, и Людо почувствовал, как меч входит в живую плоть, и увидел, как жизнь стремительно покидает рухнувшее на землю тело. В этот миг Людвиг Каген был легкой добычей. Он был слишком занят своими переживаниями, чтобы смотреть вокруг. Но верный Зигмунд видел и замечал все и вовремя понял, что происходит с мальчиком. Сдвинувшись всего на пару шагов в сторону, он успел прикрыть своего господина, позволив тому освободиться от власти впечатления и попросту "перевести дух". А еще через несколько минут все было кончено. На земле среди редко стоящих деревьев валялись мертвые и умирающие люди, а у ног Людо на подстилке из прошлогодней хвои лежал единственный оставленный в живых разбойник, открытое горло которого царапало острее Зигмундова меча. И тут, словно распалось наваждение: Людо вернулся в себя и почувствовал вдруг, как жестоко он устал за считанные мгновения яростной, но скоротечной схватки. К нему возвратились чувства, и он ощутил свое тело — болело тут и там, тянуло спину, и сердце металось в груди как испуганный зверек, — услышал стоны и хриплое дыхание умирающих, вдохнул отвратительный запах пота, смешавшегося с кровью, и осознал наконец, что лежащий на земле разбойник — не мужчина, а женщина.

Она была молода, светловолоса и даже по-своему привлекательна, несмотря на грязь и потеки пота на широком, изначально белом лице. Большие голубые глаза, затопленные сейчас предсмертным ужасом, и полные губы большого рта, раскрытого в немом крике. Судя по всему, она участвовала в нападении наравне с мужчинами. Но была ли она кому-нибудь из них женой, любовницей или дочерью, теперь было все равно. Не понимал Людо лишь одного, зачем Зигмунд оставил ее в живых? Однако недоумение его было разрешено самым обыденным образом. Зигмунд кашлянул — как бы застенчиво или даже неуверенно — и, повернув к князю голову, вежливо и с некоторой, скорее угадываемой, чем слышимой ухом просительной интонацией, никогда прежде в его голосе, кажется, не звучавшей, спросил:

— Вы позволите, господин... после вас?

И Людвиг вздрогнул, а через мгновение или два до него дошел, наконец, и смысл этой

странной просьбы. Все было, оказывается, настолько просто, что только неискушенный жизнью подросток вроде него, мог затрудниться прочесть простой и грубый текст созданной его телохранителем ситуации. Зигмунд предлагал ему изнасиловать захваченную в плен женщину. Всего лишь изнасиловать... всего лишь женщину... чужую, враждебно настроенную женщину... Изнасиловать... То есть, взять силой... То есть... От понимания его пробил озноб. Ему стало страшно и стыдно, а в голове лихорадочно мелькали обрывочные картины близкого будущего, каким ему суждено стать, если Людо сможет, осмелится, совладеет... Совладеет с чем? С кем? Но от видения задранной юбки и голых женских ног Людвига словно паром из кипящего котла обдало.

"Я..."

А в следующее мгновение он представил — совершенно для себя неожиданно — принцессу Джевану, лежащую на месте разбойницы у его ног, и ему стало по-настоящему плохо, потому что сейчас он узнал о себе нечто такое, что оказалось гораздо страшнее всего того, что на самом деле он мог сделать с этой — реальной, а не воображаемой — женщиной.

Возможно, и даже, скорее всего, этот первый опыт "интимного" общения с женщиной не слишком походил на любовные утехи, нарисованные его воображением, разогретым куртуазными романами из библиотеки дедушкиного замка. Почти наверняка, Людвиг выглядел полным ничтожеством, пытаясь изнасиловать совершенно не сопротивляющуюся ему женщину. Он ничего не умел и мало что знал, буквально на ходу постигая "науку любви" на собственном ужасном опыте. И никакого особенного удовольствия от случившегося, в конце концов, соития, он не испытал. Однако со всем этим, Людвиг Каген справился довольно легко, заставив себя забыть и совершенное преступление, и испытанную при этом неловкость, граничащую с унижением. А вот воспоминание о том, кем на самом деле хотел бы он овладеть тем утром в горах, осталось в его сердце незаживающей раной. Впрочем, как он решил позже, такие вещи о себе лучше знать заранее, чем обнаружить в "последний момент".

Двадцатого липня на закате гонец с западного кордона добрался на взмыленном жеребце до замка Ерно и, задыхаясь и кашляя, доложил князю Гвидо — как бы то ни было, для своих подданных он по-прежнему оставался князем, — что позавчера, стало быть, в уторок, до Мазина добрался молодой князь Людвиг со своим телохранителем Зигмундом. Пришли пешие, худые да ободранные, но живые и при мечях. Воевода Мазинский их отдыхать до стреды у себя оставил, и если так, то вчера они уже должны были выехать с эскортом в Ерно, и если пойдут споро...

— Молчи! Остановил гонца Гвидо и задумался.

А подумать, и в самом деле, было о чем. Из Керича, где с прошлой осени находился внук, никаких вестей не поступало. Зато совсем с другой стороны, из имперских владений, еще в начале червеня дошел слух, что армия Союза выступила навстречу императорским войскам, и что битва, которой суждено определить исход компании, состоится не позднее начала осени. Передавали невнятно и какие-то другие — в разной степени достоверные — подробности, но вот о молодом князе Людвиге в тех вестях не было ни слова, ни полслова. Лишь все те же разговоры, что и год и два года назад. "Старые новости"... И вдруг Людо появляется на западной границе княжества. Откуда же он шел? Как и почему оказался здесь тогда, когда принцесса, забравшая Людвига из дома еще два года назад, должна была находиться при армии?

"Или уже не должна? Или...?"

Но, в конце концов, князь Гвидо решил не ломать голову зря, а набраться терпения и ждать.

Он лишь расспросил гонца о князе Людвиге, подмечая в рассказе простого дружинника такие слова и такие интонации, что, несомненно, говорили о вполне драматических изменениях, случившихся за прошедшие годы с его единственным внуком и наследником. Однако старик Гвидо не зря прожил на свете шесть десятков лет: он лучше многих других знал, что увиденное глазами, словами не заменишь. Потому и не спешил с выводами. Однако в данном случае, как выяснилось уже через несколько дней, он проявил излишнюю осторожность. Дружинник все понял правильно и рассказал верно. Людо изменился, и — да, теперь он, пожалуй, стал тем, кого без лести можно было назвать настоящим князем Задара.

В долинах стояла изнуряющая жара. И даже ночью люди страдали от духоты, выходя спать на плоские крыши своих домов. Однако в горах ночью было прохладно или даже холодно, и у Гвидо начинало ломить кости. Старость уже глубоко запустила когти в его тело, и с этим приходилось считаться, поэтому в покоях князя в северной башне замка Ерно был зажжен камин, и жаркое пламя металось по потрескивающим буковым и кедровым поленьям. От открытого огня шло благодатное тепло, пахнущее Задарскими лесами.

— Они допустили серьезную ошибку, — сказал старый князь, обдумав последние слова Людо. — Оскорбив союзника, ты теряешь право на его верность и великодушие.

Старик сделал глоток горячего вина с пряностями и быстро взглянул на Людвигу. Не мальчик, уже не мальчик — и дело здесь не в возрасте, вернее, не в одном лишь возрасте. Юноша или даже молодой человек. Невысокий, худой, но не тощий, а жилистый, крепкий... Узкое жесткое лицо, холодная синева глаз, черные пряди выющихся волос, падающие на узкие пока, но обещающие вскоре раздаться, плечи.

— Вы поступили совершенно верно, ваша светлость, — сказал старик и остановил готовое сорваться с губ Людвигу возражение жестом левой руки. — С того момента как я сложил с себя княжеское достоинство, я ваш подданный, Людо, хотя и ваш дед. — Он позволил себе скупое улыбнуться и увидел, что внук понял его правильно. — Каковы же теперь ваши намерения?

— Вы верите в пророчество? — вопросом на вопрос ответил Людо.

— Да, — старик был совершенно серьезен.

— Значит, мне придется сделать это самому.

— У вас нет армии...

— Ее придется создать.

— И с чего вы собираетесь начать?

На самом деле идея принадлежала какому-то древнему герою, имени которого не сохранила история. Но свиток с легендой о его подвигах хранился в библиотеке Задарского Кремля. В первый раз Людо прочел эту "сказку", едва научившись читать, то есть на пятом году жизни. В последний — три года назад. А с месяц назад, на одном из холодных и сырых ночных привалов, вдруг вспомнил во всех подробностях и подумал, что неслучайно нашел однажды — маленьким мальчиком — ломкий от старости пергамент, один из великого множества книг и документов, хранившихся в старинной библиотеке. Неслучайно. Не просто так. Потому что за находкой просматривался промысел Божий, никак не меньше. Пергаментный свиток связывал ребенка, едва ли осознававшего то, о чем читает, с его еще не

состоявшимся будущим, когда именно перед ним — Людо Кагеном — встанет практически неразрешимая задача: создать большую армию, имея в своем распоряжении всего лишь княжескую дружину. Странно только, что Людвиг ни на мгновение не задумался над тем, а сможет ли и он, как тот герой древности, идти от победы к победе, увеличивая свою армию за счет славы и денег, добытых на полях сражений? Почему-то в своей способности побеждать он ничуть не сомневался. Но только в этом, потому что во всем остальном он уверен пока не был. Все требовало проверки и доказательств, и он был готов терпеливо проверять любую из гипотез, чего бы та не касалась.

Сначала он вспомнил о праще. Балеарские пращники... Но в новые времена их простое оружие не казалось уже таким эффективным, как прежде.

"Почему?"

— Не знаю, — ответил Голос. — Давай проверим.

Проверяли в поле за рвом. Ставили болванов, обряженных в кольчуги или рыцарскую броню, металы камни...

— Лук эффективнее.

Но не все могут научиться стрелять из лука. — Возразил Людо и предложил попробовать вариант пращи, привязанной к концу длинного посоха. Таким оружием пользовались северяне. Один торговец из Арконы показывал как-то — около года назад, — как оно действует. Всем понравилось, а Людо подумал тогда, что это может быть не просто праща. У него на родине пастухи великолепно дрались своими длинными посохами... и вот если сочетать, то и другое в одном...

Камень, запущенный с плеча при помощи длинного рычага, летел дальше и обладал большей мощностью, а посох, окованный железными кольцами и оснащенный стальным навершием — клювом, превращался в умелых руках в страшное оружие. Что-то среднее между коротким копьем и боевой... Косой?

— Коса! — восхитился Голос. — Разумеется, коса! Скажи кузнецам, пусть добавят режущий край.

И к зимнему солнцестоянию у Людо было уже триста бойцов, вооруженных боевыми посохами-косами, с которых можно было так же метать камни. Ян — механик из Задары придумал машину, обтачивающую "снаряды", и уже к весне будущему обозу еще несуществующей армии предстояло принять немало рогожных мешков, набитых обточенными обломками скальной породы.

Как должны были называться эти воины? Людвиг не знал, а потому назвал их попросту пращниками, хотя праща и не была их единственным оружием. И еще — в отличие от балеарских пращников — бойцы Людо носили крепкие кожаные доспехи, усиленные железными бляхами, нашитыми на плечи, грудь и живот.

— Триста, — Голос был удивлен и восхищен. — Триста пращников, двести лучников, и сто арбалетчиков... И старая дружина...

— И новая дружина, — твердо закончил Людвиг.

Это, и в самом деле, начинало походить на армию, маленькую, но решительную и способную вести быструю, маневренную войну.

"Жестокую войну..."

— Ты еще сомневаешься? — спросил Голос.

Но нет, в принципах организации своей армии Людо уже почти не сомневался. Почти,

потому что ее, его армию, еще не проверяли в бою. Вот там...

— Не сомневайся!

"Оставь!"

Время не тянулось и не шло. Оно летело, превращаясь в дела, людей и события. За лето и осень плечи Людвиг раздались вширь, а рука, держащая меч, стала крепкой, как мореный дуб, и быстрой, словно птица.

— У тебя природный дар, — сказал Голос.

— У вас, князь, талант мечника, — сказал Зигмунд.

— Я горжусь вами, ваша светлость! — сказал родной дед.

— Я принимаю вашу похвалу, но только в качестве аванса, — ответил Людо всем троим. — Будущее покажет...

Он все еще не был уверен, что научился достойно владеть мечом, а потому упражнялся каждый день, в любой час дня или ночи, когда дела позволяли ему заняться мечом, копьем или луком.

Будущее покажет...

"А как берут крепости?" — спрашивал он, проснувшись в глухой час ночи.

— Давай подумаем, — предлагал Голос, и они принимались вспоминать все читанное или слышанное на эту тему. Но иногда Голос предлагал совершенно замечательные идеи, которые — к удивлению Людвиг — никто и никогда еще не использовал при осадах или штурмах.

"Откуда ты это взял?" — удивлялся Людо, но при ближайшем рассмотрении выяснялось, что идея буквально "витала в воздухе", возникая из давно известных приемов и методов.

Однако, как бы красиво не выглядели все эти фортификационные и контрфортификационные идеи, какими бы заманчивыми не представлялись новые тактические приемы или стратегические выкладки, все это пока являлось чистой теорией, проверить которую можно было только в деле. В сражении, штурме, обороне... В конце, а не в начале компании. И поэтому Людвиг сомневался. Не мог не сомневаться, и не знал даже того, наступит ли когда-нибудь такой день, когда исчезнут последние сомнения, и он обретет, наконец, непоколебимую веру в себя и свои поступки. По правде сказать, Людо не задумывался над тем, хорошо ли это или плохо — не сомневаться. Зато он великолепно знал другое: жить с сомнением, таить его от всех — мучительно трудно. Сомнение отнимает силы, истощает тело и иссушает мозг, лишает вкуса саму жизнь...

— Пресный хлеб, — Голос был прав, и дело, разумеется, не в лепешках из белой муки, которым и следовало быть пресными.

Людо, словно проснулся, очнулся от наваждения, протрезвел...

Мир вокруг него был сер и лишен жизни. Он был наполнен каторжным трудом, болью, усталостью и неуверенностью, сомнениями и тоской, и работой, которой не видно конца. Мир был лишен красок, запахов и вкуса. Вернее, он — мир Людвиг Кагена — пах потом и сухой пылью библиотек, и был горек или пресен на вкус, и... Да, князя окружали мертвые вещи безжизненных цветов и серые, лишённые обаяния тени людей.

— Пресен хлеб.

"Пресен..."

Подходил к концу месяц свечен. В горах лежал снег, и тугой знобкий ветер гнал по серому морю бесконечные стада волн. У ног Людо, стоящего на стене Задарской цитадели, лежал мокрый в грязных потеках город. Он был темен и болезненно уныл — старый Задар. И такими же больными, безрадостными и темными казались отсюда, с высоты, фигурки людей и животных на городских улицах.

А между тем...

— Ты должен был не просыхать с самого севника...

"Чему радоваться?"

С севера приходили печальные известия. Император торжествовал, а Союз терпел поражение за поражением. Лоон не смог переломить ход войны и проиграл не только все данные им сражения, но и кампанию в целом. Теперь, насколько было известно, Лоон и Собрание должны были находиться в Киеве Днепровском.

— Или, может быть, Киев тоже пал?

"Надо бы посмотреть карты..." — неуверенно подумал Людо, но Голос тут же возразил:

— Зачем? Ты знаешь их наизусть.

Действительно, он мог мысленно представить себе любую карту, но все же сомневался: а что если все-таки забыл какую-нибудь важную деталь?

— Не забыл, — усмехнулся Голос. — И смотреть, как муштруют на большом плацу новобранцев, тебе тоже не надо...

"Но... — Людо все еще не был уверен. — Может быть..."

— Сегодня кузнецы и оружейники обойдутся без тебя.

"Я пойду..."

— Махать мечом? — Голос угадывал любое его намерение. Возможно, что это, и в самом деле, был его собственный внутренний голос.

"Хорошо, — сдался Людо. — Что ты предлагаешь?"

— Прикажи устроить пир, — казалось Голос "озвучивает" то, что Людвиг знал и без него.

"Надо устроить пир. Позвать гостей, бояр и воевод, рыцарей из ближайших окрестностей..."

— Дня через три или четыре, — поправил Голос. — Раньше они не успеют. И приглашать надо не на один день.

"Устроить смотр войскам... — предложил Людо, загораясь идеей. — Игры, ристалище..."

— И побольше меда и итальянских вин! — поддержал Голос. — А там, между делом, можно и о делах поговорить...

"Тогда, дней через десять, — решил Людвиг. — Дальние соседи быстрее не соберутся".

— Разумно, — согласился Голос. — А пока прикажи истопить баню и готовить пир для близкого круга. Им-то отдых потребен каждый день, а не раз в год.

"Баню..."

— Ну, должен же ты хотя бы иногда мыться по-человечески?

"Баня..."

Людо представил себе обширный сруб из кедровых бревен, полумрак, всполохи огня в очаге, клубы ароматного пара...

— Не сомневайся! — жестко отрезал Голос. — Когда-нибудь тебе все равно придется решиться. Так зачем тянуть?

"Не тянуть..."

Но ему было страшно и стыдно, хотя Людо не мог не понимать, что чем позже приобретет этот опыт, тем хуже для него. Не считать же, в самом деле, опытом то истерическое изнасилование? Впрочем, и его следовало учитывать, но... по другой "статье". Это был иной опыт...

Ключница Милька поняла его правильно. Даже лучше, чем он сам понимал себя. Тем более что и выразался Людвиг, отдавая распоряжения, витиевато и более чем невнятно. Тем не менее, и чистое белье в предбанных покоях на сундуке было сложено, и печь истоплена, и в камине разведен огонь, а на столе — серебряный кувшин с медом и полуштоф с взваром, изюм, курага, черная слива, медовые пряники... Пир не пир, но все это, что немаловажно, имело вкус и запах. Разный вкус и запахи разные...

Людо сбросил плащ и, расстегнув дублет, — в покоях было жарко, — подошел к столу. Курага пахла летом, пряники — пчелами. Он набрал горсть светлого изюма, и поднес руку к лицу. От крупных изюмин шел такой виноградный дух, что рот сразу же наполнился слюной.

— Господин? — шуршание ткани за спиной, тихий стук аккуратно прикрытой двери. — Господин...

Людо обернулся. Он обернулся медленно, изо всех сил сдерживая бег сердца, и увидел двух девушек, зашедших вслед за ним в предбанные покои. Одна была черноволоса, как и он сам, но на голову или больше выше Людвига, отчего сейчас в белой льняной рубаше казалась стройнее и тоньше своей товарки. А та — блондинка пшеничного золота — едва ли доставая невысокому Людо до плеча, была похожа на белую сдобную булочку, обсыпанную мукой и молотым ванильным сахаром.

— Входите, — сказал Людо, гневаясь на себя за сухой тон и отсутствие улыбки.

И девушки заробели, испуганные холодным приемом. Заметались беспомощно карие и голубые глаза, отхлынула от юных лиц кровь.

— Не бойтесь! — слова давались с трудом, но, если начал дело, то его следует завершать. Всегда. Везде. При любых обстоятельствах. Так теперь думал Людвиг, и так старался поступать. — Я вас не обижу. Хотите вина?

Девушки хотели. Они и вина хотели, и от взвара — крепкого и душистого — не отказались. И вот уже краска вернулась на симпатичные их личики, и дублет отброшен под дружный девичий смех, и, вывернувшись из белых рубах, взялись голые наяды — черноволосая Като и белокурая Ната — извлекать своего князя и господина из кожаных штанов и пропотевшей рубахи.

— Не робей! — приказал Голос и замолчал, до времени "отойдя в сторону".

"Не робей... Что?"

Но ласковые прикосновения тонких пальцев, — мягких подушечек, острых ноготков — к обнаженной коже быстро заставили его позабыть о своих сомнениях. И сам он тронул упругие тела, хмелея от их доступности и от того, какой податливой — теплой и нежной, — оказывается, может быть человеческая плоть. Женская... теплая... горячая... Или это его самого обдало внутренним жаром? А девушки, между тем, уже робко — все-таки хоть и полюбовник, да князь! — подставляют губы для поцелуя, и совсем иначе — грубо, по-крестьянски — тулы свои: Като спереди, взгромоздившись точеными ягодицами на дубовую столешницу и взметнув вверх, прямо к плечу Людо, свои длинные ноги, а Ната-Доната — сзади, опершись все на тот же стол — выбирай и бери! Но играет молодая сила и хватит ее

на обеих: на золотисто-белую, словно мед в молоке, и на чернокудрую, томнооую, смуглую, как тот виноград, что вызревает по осени на отрогах соседних гор.

"Хватит..."

...хватило.

Насилу очухался следующим утром, пропустив, проспав и задуманный было пир, и раннюю — по новой своей привычке — побудку. Проснулся. Открыл глаза, а за узким окном-бойницей, за крошечными зеленоватыми стеклышками в частом свинцовом переплете разливается золотое сияние. То ли царствие небесное наступило, то ли он по-медвежьи до лета доспал.

Встал Людо, бросил взгляд на постель — широкое ложе с разбросанными кое-как шелковыми подушками и меховыми одеялами — усмехнулся смущенно, натянул быстро на голое тело заботливо перенесенные кем-то из предбанных покоев рубаху и порты, вдел ноги в сапоги и пошел на стену. От спальных покоев не так чтобы и далеко. По коридору до выхода из башни и за тяжелую дубовую дверь, ведущую на внешнюю круговую галерею. А там... Ночной ветер снес тяжелые — чреватые грозой или снегом — темные тучи в море, и в чистое небо над Задаром вошло не по-зимнему теплое солнце.

Легкий ветерок охлаждал лицо и грудь, но Людо стоял и смотрел на город и обретшее прежнюю синеву море. Он не был счастлив — да и вряд ли мог быть счастлив когда-нибудь, если вообще — но, стоя сейчас на верхней галерее западной башни, снова, как в детстве, почувствовал вкус жизни. У этого напитка был густой насыщенный вкус, — иногда грубый и терпкий, иногда тонкий и изысканный, — и пить его можно и нужно было до бесконечности, смакуя каждую самую маленькую каплю, до конца, до последнего вздоха и последнего грана.

Все, что случилось потом, случилось после и ничего, в сущности, не значило. Слова, события, жесты, — не более чем расцвеченные красками осени древесные листья: чудесные образы, лишённые смысла и самостоятельного значения. Но люди... Люди устроены не лучшим образом. Им невдомек, что факты зачастую скрывают, отводя взгляд, другие, гораздо более важные подробности. А те, в свою очередь, тоже суть лишь одежды иных смыслов, следствия других причин. Мир сложен, но кто способен увидеть эту чарующую красоту вложенных одна в другую историй? Кому по силам разгадать — поверить разумом, уловить сердцем, поймать звериным чутьем — тайну лабиринта? Впрочем, Джевана не была "одной из них". Под вопросом оставалась даже ее человеческая природа, да и жила Дева Севера достаточно долго для того, чтобы ничему не удивляться, а знала и умела такое, что удивило бы и многих мудрецов, окажись они об этом осведомлены. И все-таки кому-то удалось застать ее врасплох. Удивил — не удивил, но человек этот заставил ее вздрогнуть от неожиданности и задуматься о пределе ее собственных возможностей.

"Людо... Людвиг... Князь Задара... Смешно", — но ей не было смешно.

Если подумать, все, что случилось потом, было лишь тенью, отброшенной главным событием — побегом князя Кагена.

"Побег. Увы..."

И в самом деле, увы. Ведь это не было даже побегом. Людвиг Каген не находился в заточении, его просто не принимали в расчет.

"И зря".

Разумеется, зря. Но кто же мог угадать в нем того, кем он был на самом деле? Или и угадывать было нечего, и все произошло само собой?

"Люди меняются, не так ли? А юноши взрослеют, превращаясь в мужчин, и я просто упустила момент перелома..."

Просто...

Пропустила.

Совершила непростительную ошибку.

Такова правда. Всего одна ошибка, и вот уже сюжет этой злой сказки пишет чужая рука. Другой человек... новый рассказчик... Он?

Итак, Людо оставил Собрание. Не бежал, хотя элементы побега были налицо, но чего уж там! Ушел. Так, наверное, будет правильнее. Решил вернуться домой и осуществил свое неотъемлемое право свободного выбора. А они лишь через полгода узнали, что Людо Каген давным-давно уже не мальчик, не княжонок и не княжий сын. Светлейший князь Задары. Каково?

"Почему он скрыл от нас факт передачи титула?"

Замечательный вопрос, но у Джеваны и ответ на него имелся: "А мы хотели знать? Я хотела? Он был мне интересен?"

Вот и ответ. Нет, не хотела. Нет, не интересен. А он теперь князь...

"Фюрст, — подумала она. — Впрочем, нет. Фюрст это принц, а он князь, то есть, конунг".

Было тревожно. Неизвестность пугала, неопределенность заставляла все время оглядываться через плечо. Однако в косар армия все-таки поднялась и двинулась навстречу императору. Шли почти два месяца. Не встречая противника, страдая от жажды в безводных степях, теряя людей и прирастая отрядами союзников. О "княжонке Людо" ничего слышно не было, словно бы сгинул.

"А вдруг, и в правду? — задумывалась иногда Джевана. — Но как же тогда пророчество?"

Пророчество или есть, или его нет, однако, как быть, если оно уже существует, а "избранный" взял да и умер от холеры?

Таких коллизий история, которой учили Джевану, не ведала. То ли не случилось никогда, то ли ей не рассказывали. Все может быть.

А между тем, армия продвигалась вперед. Огромная масса людей и животных, пыль, гомон, и крайне низкий темп коротких, но утомительных переходов. Моровые поветрия косили воинов. От бескормицы падали лошади и волы. Мир казался больным. Недужили поля, вид которых наводил на дурные мысли, и леса, под сенью которых невозможно было спать. Хворала сама земля, трескающаяся от нестерпимого жара, и в сердца людей входило отчаяние. А от далекого Варяжского моря — Джевана предпочитала называть его на старом ладе Лаанемери — Западного — приходили странные известия. Аркона — великая и неприступная крепость — пала, но города Завесы: Кольберг, Каммин и Штаргард, все еще стояли. И Хальдеберд повернул свою огромную армию на Зверин и Калиш, намереваясь,

вероятно, встретиться там, на востоке, с армией герцога Дейдье. Однако Прагу Ворон взять так и не смог и, обнаружив идущего на запад со всем "табором" своего старого недруга Лоона, попытался перехватить того в Силезии. Однако не успел. Застрял, увязнув во второстепенных делах, и в начале осени две великие армии без помех встретились у Добжина, но без Дейдье. Император шел с запада, Лоон и Джевана — с востока, а Дейдье все еще не мог выбраться из южных болот, но дела это не меняло. С Вороном — или без — Хальдеберд оставался великим императором Запада,

Эту битву они проиграли, и следующую — против Ворона, отрезавшего их от Скифского моря, — тоже. Так что отступать пришлось к Днепру, и с первым снегом они пришли в Киев. Пришли, заполонив город, наполнив его суетой, болезнями и чувством безысходности, затворились и стали ждать. Но Хилдеберд неожиданно ушел обратно на запад, очистив изрядный кусок завоеванных уже земель. И Дейдье за собой увел, поручив тому сторожить горные проходы.

Что-то случилось? Но что могло случиться? Император чего-то испугался? Кто-то смог напугать "короля королей"? Но кто?

На эту тему ходило немало слухов, большинство которых, в конце концов, достигало ушей киевских затворников, но принцессе они казались вздорными и не заслуживающими внимания.

"Пустое..."

А мысль нет-нет, да касалась исчезнувшего в неведомых пространствах Людвиг Кагена, и непонятно было, с чего вдруг? Он-то как мог быть связан с великой европейской войной? Но сердце не лжет, а ее сердце "волновалось".

"Вещует? — спрашивала она себя. — Пророчит?"

Но прошло немало времени, пока из далекой Задары дошла верная весть: "молодой князь вернулся".

"Князь?"

Выяснилось, да — князь. И стал им, оказывается, много раньше, чем покинул Керич.

"И что теперь?"

Что-то "виделось" в грядущем, входя в ее ночные сны, легко касаясь разума — так легко, что едва ли заметишь. Но Джевана замечала. Приносила из снов обрывками осенней паутины, ловила в своих мыслях, словно лососа в искрящейся солнцем быстрой воде, угадывала в сердце, как след птицы в небесах. Неясное, неопределенное, но уже существующее.

"Я ошиблась..."

Ошиблась, разумеется, потому что это было верное пророчество. Настоящее. Только она в него не до конца верила. Потому и допустила...

А потом наступила весна, и Джевана наконец покинула теснину городских стен. Оставила грязь и дурные запахи, вышла в поля и холмы, вдохнула полной грудью, и ощутила вдруг отзвуки События.

"Что?"

По всем признакам это было "настоящее начало". Что-то, устремленное в будущее, вплетенное в орнамент грядущего, но начинающее выстраиваться, вырастать, воплощаться в слова, действия и события только сейчас. Или только что начавшее.

"Он?"

Но уже летом дошел слух. Убит. Ввязался в войну с Венецией, разгромил в четырех или

пяти сражениях армии кондотьеров — говорили про огромные армии, про полное неравенство сил — взял приступом город и был застрелен из арбалета в спину.

А лето пришло снова жаркое, словно бы черти забыли закрыть двери в огненную преисподнюю. Жаром пышет как из кузнечного горна или хлебной печи. Душно, потно... Тоскливо. И император неожиданно слег в лихорадке, отдав "за так" целую кампанию. Засел в Магдебурге, лежал, долго и трудно перемогая северную немочь. Не воевал, то есть, не ходил великими походами, а так чтобы вовсе не лить кровь, когда это было, да и случилось ли вообще? Границы вспыхивали тут и там короткими набегам. На императора нападали, имея в виду урвать в суматохе "малый кус" от большого пирога. Императорские люди ходили учить соседей, — пока еще соседей, а не рабов или данников — как жить в новом мире. Сталью, кровью и огнем вколачивали разумение, но армия — великая армия империи — вдруг распалась, исчезла за ненужностью и до времени, растворилась в городах и деревнях. Впрочем, Лоон и Собрание были этому рады, но совсем не потому, что появилась надежда разгромить ненавистного Хальдеберда. Не было у Союза сил продолжать войну. Сейчас не было, а через год — кто знает?

Итак, на западе Европы наступило затишье. Император отложил оружие, и Собрание как та порванная в дикой схватке псина, зализывало глубокие раны, нанесенные ему имперскими генералами. Они не воевали...

А Людвиг, стало быть, начал... и?

Картина не складывалась, и сердце не о том "нашептывало", но сведения были верные: "ехал на коне, а болт вошел между лопаток. Из груди вышел..."

"А кольчуга? Он что же не носит брони?"

Но на самом деле ее занимали сейчас совсем другие вопросы: действительно ли было выиграно так много сражений, и, если да, то, кто же их выиграл? Кто?

"Они безумцы!" — Людо смотрел на построение венецианцев и глазам своим не верил. — С чего ты взял? — спросил Голос.

"Худшего построения я не бог бы и вообразить!"

— Мог бы, — отмахнулся Голос. — То есть, смог бы, если бы поразмыслил и попытался представить, что видят глаза мэтра Ландольфо, когда он смотрит на твою армию, и что он знает о тебе и твоих воинах?

Приходилось признать, что Голос прав. Кондотьер не знал, просто не мог знать, с кем имеет дело, и это решило все. Сражение началось рано утром. Людо не стал ждать, пока взойдет солнце, рассеется туман и просохнет трава. Послушные отмашке лейтенанта, забили барабаны, и армия Задары двинулась вперед. На шестом шаге за спинами воинов — а их и было-то вместе с дружинниками всего восемь сотен — басовито "замычали" длинные трубы, а еще через четверть часа, легко опрокинув центр венецианского войска, задарцы начали вырезать его фланги. Все случилось настолько быстро — треть армии кондотьера Ландольфо все еще оставалась в лагере, а остальные бойцы не успели даже толком построиться, — что пошли слухи о невероятной скорости, с которой действуют "жестокие и хладнокровные" люди князя Кагена. Но это, разумеется, было ложью. Неправдой. Во всяком случае, преувеличением. В армии Людо не было ни оборотней, ни вампиров. Она состояла из обычных — пусть даже и неплохо подготовленных — людей. И двигались эти люди так, как им и положено от природы. И хладнокровие их было насквозь надуманным, как и умения — обыкновенными. А жестокость... Ну, о том, что мертвый враг лучше живого,

знали еще предки их предков.

Еще лето не наступило, а Великая Венеция была побеждена, разгромлена, унижена и изнасилована. Магистраты склонили головы перед князем Задары, и Большой Совет поклялся ему в верности. Республика не состоялась, а венецианский флот и казна перешли к захватчику. Это открывало перед Людвигом "много дорог". Перспективы кружили голову, ведь теперь в его армии было почти две тысячи человек.

— Их еще предстоит обучить, — возразил князь одному из своих капитанов. — Пока они сырое тесто. Выпеките из них "задарцев", Иван, и тогда мы сможем с вами выпить до умопомрачения!

Он улыбнулся, — что делал крайне редко, — и Иван Дага, один из трех его капитанов, улыбнулся в ответ. Погода была жаркой, но какой-то "пахучей", радостной. Во всяком случае, Людо чувствовал себя прекрасно и оказался способен даже на улыбку.

— Поехали, Иван. — Людо оглянулся на дом, в котором провел ночь, и усмехнулся, но на этот раз про себя: Като и Ната махали ему из окна второго этажа. Одеться, или хотя бы прикрыть груди, девушки и не подумали. У наложниц князя Задары имелись многие преимущества, и это одно из них: все остальные, глядя на женщин Людо Кагена, их как бы и не видели. Пока он сам не разрешал. А сейчас его позволения никто не получил...

— Поехали, — сказал Людо, возвращаясь к делам. — Посмотрим на наших новобранцев.

Однако до выгона, на котором приводили в чувство "волонтеров Кагена", он не доехал. Покушение было спланировано расчетливо и выполнено не без блеска. Убийца заметил, по какой дороге ездит князь. Узнал, что встает тот рано, и никогда не берет с собой значительного эскорта, и выстрелил Людвигу в спину со смешной дистанции в двадцать метров. Болт пробил дублет с обеих сторон, но князь был еще жив, когда спустя час венецианский хирург извлек две половинки толстой стрелы, обработал рану и предложил княжским людям, окружившим постель умирающего, молиться.

Молились все. В доме было тихо, как в могиле. Слуги ступали так осторожно, что под их ногами не скрипели половицы. Люди обменивались жестами вместо слов, но если все-таки заговаривали, то настолько тихо, что звуки их речи можно было спутать с теми невнятными шумами, что наполняют любое, созданное руками смертных строение.

Так прошел день, и миновала ночь. Князь в сознание не приходил, но и не умирал, а утром следующего дня внезапно открыл глаза и попытался что-то сказать. Слов, впрочем, не вышло, лишь несколько неразборчивых звуков сорвалось с сухих, потрескавшихся от сжигавшего Людо жара губ. И кровь запузырилась на них, и кашель сотряс маленькое, обессилившее в битве за жизнь тело.

— Отходит, — шепнул кто-то.

— Это агония, — печально кивнул хирург.

Но они ошиблись.

— Не умирай! — приказал Голос, прорываясь сквозь боль, немоту, кровавый туман. — Держись!

"Отпусти!" — попросил Людо. У него не было сил жить, он устал от страдания, он хотел умереть.

— А как же твоя ненависть? — спросил Голос.

"Ненависть..."

— Пророчество, — подсказал Голос.

"Пророчество..."

— Страсть...

Второй раз он очнулся ближе к вечеру. В покоях было жарко и почти темно. Сильно пахло ладаном и сгоревшими травами...

— Пить...

Странно, но его услышали, еще удивительнее, что поняли. Ему дали разбавленного вина с пряностями и медом...

— Воды!

Вряд ли это прозвучало, как приказ, но вода оказалась холодной и сладкой, как жизнь.

— Стре...? — спросил он у склонившегося над ним Зигмунда.

— Болт, — коротко ответил германец.

— Кто? — У него не было сил на этот разговор, но Голос, все еще державший Людо среди живых, не зря напомнил о долге.

— Наемник. Грек.

— Пой...?

Ну, разумеется, Зигмунд его поймал. Иначе откуда бы узнал, что это грек? Поймал, допросил...

— Кто?

— Туччо Хромоножка.

"Дож..."

— По... весь... на... — говорить было трудно, но жить и вообще нелегко. — Свят...

— Святого Марка? — переспросил секретарь.

— Да. И... чле... нов сов... децим...

— Децимация, — повторил за ним Зигмунд. — Для членов Совета.

— Магис...

— И магистратов? — догадался секретарь.

— Да.

— Что-то еще?

— Я х...

— Хочу, — подсказал Зигмунд.

— Пр...

— Присутствовать?

— Да!

И он прожил еще два дня и увидел, как отрубили головы каждому десятому магистрату Венеции и как повесили ее последнего дожа. Наемного убийцу-грека колесовали первым.

Недурно, — признал Голос.

Я устал, — сознался Людо. — И хочу спать.

Но умирать он раздумал.

День за днем смерть стояла в изголовье его постели, но все напрасно: Людвиг не умирал, намертво вцепившись в уходящую из тела жизнь. А через две недели наступил перелом. Опухоль спала, — а нагноения раны, к удивлению хирурга, так и не произошло, — прошла лихорадка, и, хотя Людвиг был все еще слаб, как новорожденный, к нему вернулся аппетит и вкус к жизни. Еще через три недели армия пошла на запад, и князь Каген вел ее, регулярно показываясь войскам верхом на высоком гнедом жеребце.

Однако на самом деле демонстрация силы давалась Людо с большим трудом. Потом и кровью в буквальном смысле слова. И еще болью, кашлем и цветными кругами перед глазами. Но, взяв на себя обязательства, по ним следовало платить, иначе какой же ты мужчина?

Верона, Тревизо, Босано... К исходу лета у него было три тысячи воинов в строю, и герцог Каринтии, идущий к нему с севера с намерениями, не вызывающих двойного толкования. И ополчение Романьи, надвигающееся с юга уж явно не затем, чтобы отметить вместе с Людо праздник урожая. И императорский легат Дагмер Йёфур, посланный Хальдебердом из Швабии с армией наемников.

Услышав об этом от своих лазутчиков, Людо удивился.

"Императора заинтересовали вожди горных племен?"

— Он знает, — предположил Голос.

"Что он может знать?" — насторожился Людо.

— Ровно то же, что знает Джевана и Лоон. Знают двое... почему бы и не Хальдеберд?

На исходе лета — во время боя под стенами Вероны — конь Людо остутился, попав копытом в кротовую нору, и князь вылетел из седла. Позже, вечером того же дня, на привале, где Людвиг, закусывая губы, сдерживал рвущийся из горла крик — от удара о землю открылась рана в груди и начались дикие головные боли — Зигмунд рассказал ему, что падение избавило князя от худшей беды.

— Стрела, — сказал телохранитель. — Она летела в твое лицо.

По правде сказать, Людвигу было не до этого. Боль в груди, спине и висках сводила с ума и заставляла молить богов о смерти. Правда, только мысленно. Пока Людо был жив и оставался вождем армии, он даже кричать себе позволить не мог, не то чтобы проявить недостойную мужчины слабость. Но боль...

— Долг, — напомнил Голос и отступил "в тень", чтобы не мешать Людвигу страдать.

Боль и долг. Они шли теперь с ним рука об руку: одесную — Долг, ошуюю — боль. Долг и боль, боль и честь...

От боли перед глазами вставал кровавый туман. Так было: сплошная алая пелена скрывала от победителя миг славы, когда с поля боя бежали обезумевшей овечьей отарой каринтийцы, разбитые в долгом, упорном сражении. И плененного Дьюлу — их герцога, отдающего князю Задары свой меч, Людвиг видел всего лишь контуром тьмы на фоне безумного солнечного сияния. Но он жил. Вел армию. Говорил с капитанами, торговцами и знатью, с друзьями, если они у него были, и с врагами, которых было больше, чем хотелось. Он говорил с союзниками и предателями, шпионами и гонцами, но из-за боли не мог полагаться на зрение. Глаза подводили его раз за разом — иногда и в самый ответственный момент, — и он стал все более полагаться на слух, который его пока ни разу не обманул. Слух, чутье, интуиция... и Голос, не оставлявший Людо один на один со всеми страхами мира.

О нем рассказывали странные вещи.

— Да, полно! — недоверчиво хмурился Герцог Лоон. — О том ли человеку мы говорим?

— Не гневайтесь, ваша светлость! — Купец склонился в низком, до земли, поклоне, испугавшись гнева сильных мира сего.

— Повтори, — приказала Джевана.

Разговор происходил поздней весной, а тремя месяцами раньше, если верить рассказу купца, Залман Дрозд видел в Аквипее князя Кагена.

— Невысок, — разогнувшись, сказал Дрозд. — Бледен. Глаза пустые, словно бы слепец, или, напротив, смотрит в себя.

— С самого начала, — подсказала Дженева.

— Ага. С начала! — купец говорил по-германски, по временам, переходя на хазарский, но на обоих наречиях его слова были окрашены странным акцентом. — Ну, прибыл я, значит, в Аквипею, а там... Ну, что сказать, прогневали они князя, а он лют на расправу, если кто предал или в спину ударил. Патриарха-то того... на кол велел посадить.

— Да верно ли известие? — подался вперед граф Сновид. — Может, болтают зря...?

— Я сам видел, — насупился купец. Не от вопроса расстроившись, а припомнив ужасное зрелище. По лицу этого хитрована Джевана читала как по книге. — Патриарх еще живой тогда был... Ну, мне так показалось... не близко... А ближе вои рагазские не подпускали. Там на площади и другие были... Кто колесован, кто повешен...

— Жесток, — кивнул Сновид, пряча довольную улыбку, или это только показалось Джеване?

— Жесток, — согласился Залман Дрозд. — Но купеческие дворы не тронул... Защиту дал...

— К делу, — остановил его герцог Лоон. — Как ты попал во дворец?

— Да в Аквипее и не дворец вовсе, — облизал губы купец. — Крепость... Ну, как у вас государи мои, кремль или детинец. А там уже и палаты патриаршие. Но все просто, без роскоши. Народ-то в тех местах небогатый живет... Ну, да. А меня, стало быть, назавтра и кликнули. Только-только разобрался, что к чему и кто где, а оне уже тут как тут. Стоят двое: один — посыльный, а второй — для страха. Тока я бы и посыльному отказать не посмел. Куда нам с такой-то силищей тягаться?

— Ну! — нетерпеливо перебил рассказ герцог.

— Приводят... — вздрогнув, заспешил дальше рассказчик. — Тут я и спросил: А он, мол, кто?

— Мне и отвечают, так и так, это, стало быть, его светлость князь Людвиг Каген — владетель Задара, Венеции...

— Опустит, — приказала Джевана.

— Как скажете, светлая госпожа. Как прикажете... Ну, он стоял среди капитанов... Это я так думаю, что это были капитаны. Рыцари, одним словом. Большие, в железе, золотом украшены... — Дрозд поймал взгляд наливающихся кровью глаз Лоона и заспешил дальше. — Невысокий... ниже всех... щуплый... болезненный какой-то...

— Так говорили, что и вовсе убит? — хитро глянул на купца граф Сновид.

— Нет-нет, что вы, господин! — всплеснул длинными руками Дрозд. — Человек он, человек! Не умертвие, помилуй мя господи, не упырь по-вашему. Живой... Только белый, то есть, бледный. Ни кровинки в лице, и глаза... Но говорил со мной вежливо, рассудительно. Расспрашивал... И вот, что я вам скажу, добрые господа, умен он, как мало кто еще, и видит

все...

— Ты же сказал, глаза, как у слепого? — уточнил граф Сновид.

— Точно так, мой господин! — кивнул Дрозд. — Точно так. А все равно, все видит!

— Умен, значит... — Джевану рассказ заинтересовал чрезвычайно. Она-то знала — Дрозд говорит правду. Был, видел, беседовал. Свидетель...

"Свидетель чего?"

— Умен, — кивнул купец, глядя на принцессу. — И... словно бы мысли читает и заранее знает, что сказать собираешься. Вот оно как.

— Венеция, — медленно произнес Лоон. — Он действительно овладел Венецией?

— Точно так, светлый господин, — поспешил ответить Дрозд. — Точно так. И Венецией овладел, и Феррарой, и Брешией. И на север до Триенто...

— А что же армия? — спросил Сновид. — Что говорят о его армии?

— Разное говорят, — развел руками купец. — Говорят, он сам водит их в бой. Спит рядом с воями у костров, ест из общего котла...

— Да, неужто? — удивилась Джевана.

"Откуда это? О том ли человеке мы говорим?"

Но по всему выходило, что о том. О княжонке Людо, князе Людвиге Кагене...

— Он, вроде, и пешие переходы с войском делал, пока его не того...

— Что?! — встрепенулся Сновид.

— Так болт же в спину...

— Но ты только что сказал, что неправда, — подняла бровь Джевана, чувствуя, как бьется в горле ее обычно спокойное сердце. — Не убит...

— Выжил, — пожал плечами Дрозд. — Говорят, никто и не верил, а он... Но нехорошее говорят...

— Что? — не утерпел, подался вперед Лоон.

— Говорят, сначала не хотел помирать, пока не отомщен, а потом... Его же на одре, рассказывают, принесли на ту площадь в Венеции, где казнили дожа и магистратов... Вот с того дня, стало быть... Словно бы крови напился... А... Аспидом кое-кто... кли...

Сновид вдруг быстро — практически незаметно для окружающих — глянул на Джевану, и снова, как ни в чем не бывало, смотрит на купца. А она видела, успела заметить, заглянула графу в глаза, и увидела там ужас.

— Так и называют? — холодно спросила она. — Аспидом?

— Да, моя светлая госпожа, так и говорят.

— А двор? У него есть двор? — сменила принцесса тему разговора.

— Есть, как не быть. Только я тут мало что могу рассказать, — в голосе Дрозда зазвучали извиняющиеся нотки. — Я мелкая птичка, государи мои, а там сапсаны да кречеты, не мне чета!

— А женщина? — спросил, тогда, граф Сновид. — Он же уже вошел в возраст?

— Разное говорят, — снова развел руками купец. — Что есть, рассказывают, и что нет, говорят. Что все время с разными, или, что с двумя сразу... — Он покраснел вдруг и скосил хитрый глаз на Джевану.

— С двумя?

"А ведь он это специально для меня сказал... Зачем?"

Но, нет! С чего бы купцу такое делать? Что он знает? Что может знать о мальчике Людо и Деве Севера?

"Ничего..."

— Две так две, — сказала равнодушным голосом. — Стало быть, не так слаб, как кажется. Тем более, если с армией идет, и ее жизнью живет. Не слаб...

— Пожалуй, что так, — согласился с ней Лоон. — Ну! Дальше давай! Расскажи нам, как выглядят его вой....

К зиме враги закончились. И те, что назначены были в противники логикой событий, экономической необходимостью и рельефом местности, и те, что сами решили вмешаться в затеваемую Людвигом Кагеном игру или оказались втянутыми в нее волею обстоятельств. Наступил "зимний мир". Не абсолютный — ведь воевать можно и зимой — но определяемый иными резонами: проходимость горных перевалов, например, расстояниями и зимней бескормицей, ценами на хлеб, погодой, наконец. И сам Людо отнюдь не жаждал продолжения компании. Результат — те цели, которые он мог бы сейчас себе наметить — не стоил того, чтобы загонять людей до смерти. Армии нужен был отдых. Ей требовалось пополнение и налаженное снабжение. Новобранцам — учеба, раненым покой и уход, и всем им — героям и трусам, ветеранам и новичкам — долгий сон в тепле и сухости и сытная еда. Ну и приодеться не помешало бы, амуницию починить, довооружиться... Да, мало ли дел?

Дел было много. И Людвиг, чуть солнце освещало долину, где высился Чермный кром — его зимняя резиденция — был уже на ногах. И не сиднем сидел в палатах, разбирая бумаги и выслушивая просителей и советников, а зачастую пускался в долгие и утомительные путешествия верхом. Объезжал ближние да дальние города и замки, проверял войска, говорил с купцами и ремесленниками, пил пиво и вино в придорожных трактирах. Впрочем, и отдыхал тоже. Ему отдых был необходим, пожалуй, поболее, чем кому другому. Рана — на удивление венецианского хирурга, так и оставшегося с Людо — зажила, а стоило перейти наконец к размеренной жизни: так и боли отпустили немного и взгляд прояснился.

Зима в горах выдалась холодная. Жаркое лето, холодная зима... чего оставалось ждать от будущего?

— Войны, — ответил Голос, но Людо в этом, собственно, и не сомневался. Камешек уже сброшен с горы, и лавина набирает ход.

"Война..."

— Весной император повернет армию на юг.

"Вероятно, — согласился Людо. — Но я думаю, что сам Хальдеберд до меня не снизойдет. — Он отпил из кубка, но во рту оставалась привычная горечь, и даже вино не помогало. — Пошлет Ворона".

— Скорее всего. Ворона или еще кого-нибудь из своих герцогов.

— Прикажи сварить мне глинтвейн, — сказал Людо вслух и отставил серебряный кубок в сторону. — Из кларета, — добавил он, по-прежнему, не оборачиваясь к слуге, тенью застывшему у дверей. — Только без калгана. Иди!

— И пришли ко мне Зигмунда, — но это уже в бесшумно закрывающуюся сворку двери.

— Ты когда-нибудь задумывался, каким видят тебя люди? — Голос умел задавать неприятные вопросы, но и Людо научился уже терпеть не только боль.

"Мне..." — он хотел сказать, что ему это не интересно, но вовремя остановился.

Скажи Людо так, покривил бы душой. Соврал. И кому? Голосу? Самому себе? Но ложь контрпродуктивна, не правда ли?

— Себе лгать нельзя, — согласился Голос. — А я — это ты.

"До какой степени?" — вот на этот вопрос Голос никогда не отвечал прямо, но и Людо не настаивал, спрашивая об этом крайне редко.

— Меня беспокоит эта твоя "горечь", — вместо ответа на заданный вопрос, посетовал Голос. — На отраву не похоже, но, может быть, ты все-таки посоветуешься с врачом?

"С кем из троих?" — усмехнулся Людо.

— Фра Анжелико — хирург...

"Остаются двое".

— Спроси обоих.

Что-то в этом, несомненно, было. Недаром же и Голос заговорил о "горечи".

"Желчь разлилась", — кисло усмехнулся Людо, вспомнив тему их разговора.

— Очень может быть...

Но тут в дверь деликатно постучали, и через мгновение в гостиной, где Людо коротал долгий зимний вечер, возник его верный Зигмунд.

— Я пришел, — огромный германец изъяснялся весьма лаконично.

— Зигмунд! — через силу улыбнулся Людвиг, поворачиваясь к телохранителю. — Я рад тебя видеть, и... да! У меня есть вопрос. Кто эта женщина с волосами цвета зрелой пшеницы, что сегодня сидела на обеде рядом с графом де Макон де Вьен?

— Это кузена графа, прибывшая только вчера из Рима, — объяснил Зигмунд, знавший, казалось, все, что может заинтересовать князя. — Алида Таон графиня Де Кавур.

— Она замужем?

— Вы хотели бы, чтобы она зашла к вам попозже вечером?

Вот в этом был весь Зигмунд. Он знал все, и понимал многое, если не все, и умел — смел — говорить то, что другие не рискнули бы так прямо сказать.

— Да, — кивнул Людо, переставший стесняться германца "по мелочам" еще тогда, когда прокусывал собственные губы, чтобы не закричать от боли и отчаяния.

— Она придет, — Зигмунд говорил, что хотел, но не позволил себе усмехнуться даже глазами.

— Ты так уверен? — прищурился Людо, пытавшийся представить, какие аргументы пустит в ход его телохранитель.

— Она придет, — повторил Зигмунд.

— Хорошо, — кивнул Людо. — Она придет. Теперь ты можешь сказать мне, замужем ли она?

— Но вы же и не думали, что она девственница, — пожал плечами германец.

— Где ее муж?

— Не знаю, но он не при дворе.

— Это хорошо, — согласился с интонацией Зигмунда Людо и, отпустив телохранителя, принял из рук своего личного слуги горячий кубок.

Вино пахло замечательно, и оставалось надеяться, что и в этом питье нет яда.

"Сколько ей может быть лет?" — задумался Людо, любуясь своей новой женщиной.

— Полагаю, около двадцати, — предположил Голос.

"Зрелая женщина..." — И в самом деле, в ней не было уже свежести и обаяния юности, но зато Алида Таон была воплощением горделивой женской красоты. Зрелой, созревшей, но не тронутой еще печатью увядания.

Почему она пришла?

Сейчас графиня де Кавур спала, утомленная ласками князя Задары, или делала вид, что спит. Что утомлена. Что...

— Вообще-то, обычно утомляются и засыпают мужчины... — осторожно уточнил Голос, который сегодня был, по-видимому, лишен намерения оскорблять. — Женщины хотят большего, если, конечно, вообще хотят.

"Полагаешь, я был недостаточно хорош?" — Людо не обиделся. Времена, когда подобные темы могли его смутить и "вогнать в краску", миновали слишком быстро, хоть и не так давно.

— Если судить по ее поведению...

Стоны и хриплые выкрики, невнятное бормотание, порывистое дыхание, резкие движения тела...

"Вряд ли человек — тем более женщина — способен настолько подавить страх и отвращение..."

— Она пришла не из страха, — Голос "говорил" уверенно, но Людо с ним и не спорил.

Не из страха. Впрочем, оставалась тьма тьмущая других возможных причин: деньги, власть, аура власти, извращенные наклонности, репутация князя...

— Хотите вина? — мягко спросил Людо. — Не надо притворяться, графиня. Я знаю, вы не спите.

— Как вы узнали? — она открыла глаза, но даже не пошевелинулась: осталась лежать ровно в той же позе, в которой застали ее слова Людо.

— Неужели никто никогда...? — улыбнулся он в ответ, снова чувствуя сухость в гортани и горечь на небе.

— Мамки, служанки... — улыбнулась в ответ женщина и чуть изменила позу. — Что-то случилось? — нахмурилась Алида де Кавур.

— Что вы имеете в виду? — "удивленно" поднял бровь Людо.

— Несколько часов назад вы... относились ко мне несколько иначе.

"Относился?"

— Ты прекрасно понял, что она имеет в виду.

— Возможно, я просто устал, — предположил он вслух.

— А если я попытаюсь это проверить, затащив вас сюда? — Графиня весьма двусмысленно провела кончиками пальцев по низу живота прежде чем коснулась ладонью ложа рядом с собой.

— Скорее всего, я вас не разочарую, — без улыбки ответил Людвиг. — Но вам ведь этого и не надо.

Он больше не любовался Алидой. Ее красота, лишившись для него сначала плотской привлекательности, потеряла вдруг — разумеется, только в его глазах — и всякую эстетическую ценность.

— Почему вы пришли? — спросил он.

— Потому что вы позвали, — ответила она.

— Вы предполагали, что я могу взять вас силой? — ему был интересен этот разговор,

но, как ни странно, ей тоже.

— Нет, пожалуй, — ответила Алида, садясь на постели. — Хотя о вас, князь, ходят весьма... разнообразные слухи.

— Например? — Людо наполнил кубок и протянул его графине.

— Неужели вы не знаете, что о вас рассказывают всякие ужасы? — женщина приняла вино и, "сделав круглые глаза", взглянула на Людо поверх кубка.

— Знаю, — кивнул Людо. — Но обо мне ничего и выдумывать не надо. Все всё и так знают.

— А женщины? — спросила Алида, все еще удерживая кубок у рта, но так и не пригубив вино. В ее светло-серых, почти прозрачных глазах зрела настоящая буря.

— А что же с ними не так? — усмехнулся Людвиг.

На этот раз усмешка получилась у него с удивительной легкостью, почти естественно, почти... Во всяком случае, он не жалел, что "разбудил" женщину, разговор с ней ему нравился. И чем дальше, тем больше.

— Говорят, что для вас, князь, со всех завоеванных территорий собирают юных невинных девушек, и вы...

— Полноте, — отмахнулся Людо, едва сдерживая смех. — Открою вам тайну, графиня. В моей постели, так уж вышло, не было пока ни одной девственницы. Все как-то не с руки...

— Но мысль интересная, — продолжил он через мгновение, обдумав сказанное и обнаружив, что действительно не так уж и злоупотреблял до сих пор свалившейся на него властью.

— Взятой тобой властью, — вежливо поправил Голос.

"Взятой мной властью, — согласился Людо. — Но ведь не злоупотреблял".

— Тебе никто не мешал... — "улыбнулся" в ответ голос.

И это тоже правда.

— А, что? — спросил он графиню. — Это действительно что-то значит, быть девственницей?

— Да, — оторопела вдруг женщина. Вероятно, ее удивил тон Людо. В нем звучало больше от любознательности ученого мужа, нежели чувственности, которую следовало бы ожидать от юного любовника, расспрашивающего женщину о столь щекотливых обстоятельствах. — Д-да... это... для женщины... иногда это гораздо больше, чем... — Она вдруг смутилась и начала краснеть.

— А для мужчины? — Людо смотрел на нее с интересом и не торопился прекращать разговор. — Вот вы, например, графиня, когда и как вы стали женщиной?

— Я? — теперь краска заливала не только ее лицо, но и шею, плечи, грудь.

— Вы, — кивнул, как ни в чем не бывало, Людо. — Кто лишил вас девственности, графиня?

— Мой... — голос ее пресекался под холодным взглядом Людо.

— Смелее, моя светлая госпожа, — поощрил ее князь Рагазы.

— Мой... отец, — хрипло выдохнула Алида Таон графиня де Кавур.

— Кто-нибудь из вас испытал тогда удовольствие? — поинтересовался Людвиг Каген.

— Возможно... — тихо ответила женщина. — Но не я.

— А он? — уточнил Людо. — Ведь это был первый, но не последний случай, когда он овладевал вами, сударыня, ведь так?

— Да, — едва слышно ответила она.

— Так вот в чем мой вопрос, — он слегка раздвинул губы в подобии улыбки. — Было ли испытанное им удовольствие сильнее в тот раз, когда он вторгся в вас впервые?

— Не знаю... — женщина глядела сейчас на собеседника как кролик на удава. Во всяком случае, во взгляде ее читалось ощущение бессилия и покорности судьбе. — Не думаю... Я кричала и... Не думаю, что он вообще тогда...

— ...кончил, — откровенно усмехнулся Голос.

"Зря иронизируешь, — возразил Голосу Людо. — Мы коснулись принципиального вопроса. Что есть девственность? И не является ли она всего лишь эквивалентом собственности?"

— Вот видите, — сказал он вслух. — Выходит все эти девственницы не такой уж лакомый кус. С вами мне было, во всяком случае, приятно. А что еще обо мне рассказывают?

— Говорят, вы аспид... — голос графини звучал теперь глухо, она сама стыдилась того, что уже наверняка стало понятно ее собеседнику.

— Вас притягивает все стыдное и темное... — понимающе усмехнулся Людо Каген. — Я прав?

— Да, — вынуждена была признать графиня.

— Ну, что ж, — поощрительно улыбнулся Князь Задары. — Это славно. Оставайтесь при дворе, сударыня. И мы предадимся с вами глубоким исследованиям человеческих пороков...

6

— Он так и сказал? — Принцесса уже ничему не удивлялась, и все-таки, порой, князь Задары умудрялся вызвать у нее всплеск достаточно сильных чувств. Сложных чувств, неоднозначных, но гораздо более сильных, чем она могла себе позволить. Сильнее всего того, что она готова была признать.

— Он так и сказал? — подняла она бровь. — Исследованием человеческих пороков?

— Да, ваша светлость, — графиня, попавшая в Смоленск волею достаточно сложных обстоятельств, чувствовала себя крайне неловко. Принцесса пугала ее ничуть не меньше, чем Людвиг Каген, из-за которого на самом деле она и подалась в бега. Кто знает, где бы она была теперь, если бы не извращенное любопытство, приведшее ее однажды ко двору князя Задары. — Так и сказал.

— И он сдержал свое обещание?

Весной там, на юге, началась война. С запада на "Задарского выскочку" наступал герцог Гвендал, а с севера — сам Яго Тригерид — Правая Рука Тьмы. Сам же император двинулся на север, но во второй раз сходу взять Аркону не смог и встал в осаду, разослав отряды к городам Завесы. Но и Союз не обладал пока силой, способной сокрушить Хальдеберда, и обе армии стояли друг против друга все лето и осень, обмениваясь не смертельными "выпадами", но, так и не сошедшись в генеральном сражении.

С первым снегом ставка герцога Лоона и принцессы Джеваны переехала в Смоленск, имея в виду два варианта дальнейшего отступления: северный — в Новгород и южный — в Киев. Впрочем, дела пока обстояли даже лучше, чем можно было надеяться. Император все

еще топтался на линии Завесы, не предполагая — что было более чем странно — предпринять наступление в обход или взять осажденные города решительным штурмом, как он поступал в течение почти двадцати лет. Что-то удерживало его от решительных действий и необратимых шагов. Но никто не мог сказать, что бы это могло быть. Болен ли Хилдеберд, или это старость спутала его паутиной человеческой осени по рукам и ногам. А может быть, у него объявился иной враг?

Вестей с юга не было. Даже графиня де Кавур покинула князя Кагена до того, как задарская армия встретила с посланцами империи.

— И он сдержал свое обещание? — вопрос дался ей нелегко, но еще труднее оказалось сохранить лицо и "удержать" взгляд.

— Да, ваша светлость... — лицо графини пылало, и краска стремительно "стекала" вниз. Впрочем, Алида Таон была одета в теплое зимнее платье с меховой оторочкой и длиннополый жакет с высоким воротником, так что "пылающую" грудь красавицы можно было только представить. Но принцесса обладала достаточно развитым воображением и тонкой интуицией, а в последнее время у нее все ярче раскрывался и ее особый Дар.

Последовавший затем сбивчивый рассказ Алиды, и в самом деле, едва не заставил принцессу покраснеть.

"Да, полноте! — думала она бессонной ночью в тиши своей опочивальни. — Возможно ли, чтобы это было правдой?!"

Разумеется, принцесса не была наивной девицей. Она хорошо знала подлунный мир и неплохо представляла, до каких низостей способен опуститься даже самый благородный человек. Пороки древних властителей удостоились быть описанными — с хвалой или хулой — даже и в литературных памятниках. А то, что о ныне здравствующих владыках не пишут пока на пергаменте, передавая слухи и известия шепотом из уст в уши, так это не сильно меняет дело. Было, есть и, очевидно, пребудет в веках. Люди скверны по своей природе, ей ли этого не знать? Но то, что рассказала Джеване графиня де Кавур, никак не хотело вязаться с тем образом "княжонка Людо", что все еще — несмотря не на что — жил в ее памяти.

"А что, если это послание? — неожиданно подумала она перед рассветом. — Что если все это неспроста? Не просто так?"

Мысль казалась дикой, но сердце не хотело соглашаться с доводами разума. Что-то было в этой мысли, знать бы только, что именно!

Императору нездоровилось. Старая кровь грела плохо, не помогали и меха. Закутанный в соболиный плащ, он сидел, обложившись подушками, в огромном кресле перед огнем, пил горячее вино, приправленное сухими травами, и думал о мальчишке, засевшем где-то на побережье Адриатики. Там, по рассказам очевидцев, теперь должно быть тепло, а здесь, на другом краю континента, на берегах Северного моря, сырой пронизывающий ветер гулял сквозняками по холодным каменным лабиринтам императорского замка.

Дворец Хальдеберда был огромен. Город внутри города, состоящий из стен, башен и

укрепленных паласов. Стены и башни. Круглые, квадратные, восьмигранные... И все это, чтобы сохранить в целостности и неприкосновенности Величие и продемонстрировать его, императора, силу и славу подданным и врагам. Но на самом деле все это напускное. Бессмысленное транжирство. Дань человеческой природе "своры", желавшей видеть своего жоака Великим Императором. А сам он вполне отдавал себе отчет в том, что от врагов, способных выставить против него армии, эти стены не спасут. Рано или поздно, взять можно любую крепость. Так или иначе. Штурмом, измором или предательством. И если никто не приходит под стены твоего замка, то это не потому, что предстоит долгая и трудная осада, а потому, что у Хальдеберда есть репутация. Его просто все еще боятся. И пока боятся, ему этих "боящихся" опасаться не нужно. Они не придут за старой шкурой императора Хальдеберда. Пока не придут. А раз так, то и думать следует вовсе не о них, а о "своих", тех, кто пригрелся в тени его славы. Но вот от них не спасут никакие башни и стены. Пара телохранителей и энергичный эскорт, да еще, быть может, хорошая тайная служба — вот и все, что потребно в этом случае. Ну и честный повар, разумеется, и преданный слуга. Однако и то и другое у императора есть, так отчего же ему неспокойно?

— Чем занят Лоон? — спросил Хальдеберд, не поднимая взгляда. Смотрел он на свои руки, лежащие поверх мехового одеяла, укутавшего мерзнущие ноги.

Если не брать в расчет пожелтевшую кожу и выступившие кое-где темные пятна старости, это были все те же большие и тяжелые длиннопалые кисти, которыми так удобно держать полуторный меч или свевскую секиру. И, если честно, несмотря на нынешнее нездоровье и немалый возраст, Хальдеберд и сейчас смог бы выдержать пару часов "танца со щитом и мечом", но знать об этом всем и каждому не полагалось. Хальдеберд не дожил бы и до первой седины, если бы боги не наградили его лисьей хитростью и терпением мула. А волки, медведи и львы его юности, не обладавшие этими "позорными" для рыцаря качествами, давно сгнили в земле.

— Чем занят Лоон? — спросил Хальдеберд.

— Он заперся в Киеве и пытается восстановить силы, — за всех собравшихся в личном кабинете Хальдеберда ответил кардинал Ратцингер.

— Стягивает войска... Есть откуда? — Император по-прежнему не поднимал взгляда от рук, лишь ловил периферическим зрением всполохи пламени в огромном камине. На фоне огня темная сторбленная фигура, с ног до головы укутанная мехами, должна была производить некоторое, вполне очевидное впечатление. Но император чувствовал, если ему и удалось обмануть Гвендала и Тригерида, священник видел совсем не то, что хотел бы показать собеседникам Хальдеберд.

— У Союза крепкий тыл и обширные резервы. — Кардинал, уже более полутора десятков лет являвшийся первым министром империи, говорил тихим ровным голосом. Он никогда не терял самообладания, даже тогда, когда, отстояв мессу, Хальдеберд отправлялся приносить жертвы своим древним богам.

— Я болен и не хочу начинать на севере большую войну, — Хальдеберд подпустил в свой голос хрипотцы и даже кашлянул в конце фразы. — Но, — добавил он, "отдышавшись", — оставлять их в покое тоже не следует...

Слово "их" он подчеркнул интонацией, но все и так поняли, кого император имеет в виду.

— Весной... — он замолчал на несколько секунд, словно бы размышляя или переводя дыхание. — В апреле... Нет, пожалуй, даже в мае мы выступим в направлении городов

Завесы. Маршал Дейдье ударит южнее... Может быть на Львов или даже на Луцк, но без решительных целей.

— Я сейчас же займусь налаживанием снабжения и накопления припасов. — Каким-то образом кардиналу, речь которого звучала все так же ровно и бесцветно, удалось передать императору свое главное послание: "Я понял вас, ваше величество. Кампания без решительных целей на севере и на востоке. Мы будем имитировать жизнь, но не жить".

"Сукин сын!"

— Да, — подтвердил он вслух. — Вы меня правильно поняли, ваше преосвященство.

— Служить вам... — начал было прелат.

— Достаточно, — остановил его Хальдеберд, умевший быть и жестким, несмотря на "болезнь и общую слабость организма". — Что еще?

— Иберия, — напомнил Кардинал, совершенно не смутившийся от того, что его перебили.

— Что-то новое? — удивился Император.

— Пожалуй, нет. — Ратцингер не мог не упомянуть об Испании, но и говорить тут было не о чем. Все союзы оставались в силе, и никто пока не был заинтересован в том, чтобы нарушить Status Quo. А значит, все остается неизменным до нового подсчета сил.

— Венеция, — сказал тогда кардинал, и Император, наконец, поднял взгляд от своих рук и посмотрел прямо на священника.

— Вот об этом давайте поговорим, — предложил Хальдеберд и шевельнул правой рукой, требуя еще вина.

Герцог Гвендал выступил из Савойи в начале апреля. Погода стояла прекрасная: было тепло, но не жарко, а заморозков не было вовсе, даже ночью. Дожди шли часто, но то — короткие веселые дожди, и по странной прихоти небес проливались они в основном ночью, когда армия вставала на отдых. Впрочем, Гвендал никуда не спешил и иногда позволял своим ратникам оставаться на месте по целому дню. Сам он рассматривал этот поход как легкую прогулку к морю, и, зная, что Тригериду из Зальцбурга идти дальше, а дороги в горах на севере хуже, чем здесь, на юге, ожидал первым добраться до горла мальчишки Кагена и закончить компанию еще до того, как подойдут семь тысяч Правой Руки Тьмы. Так он думал, и, бог — бог Гвендала — свидетель, у него были на то все основания.

Герцог Гвендал начинал свой путь простым наемником, а к императору пришел уже оваянным славой кондотьером. Это случилось восемнадцать лет назад, и все эти годы Гвендал верно служил Хальдеберду. Он служил императору, воюя под алыми знаменами, на которых красовалась железная корона Хокенов, золотые мечи Каргов и черный орел Мейстеров. Все это теперь принадлежало Хальдеберду, как и верность Гвендала, ставшего за годы службы, за пролитую кровь, за собственное мужество и жестокость, за стойкость в обороне и за неудержимость в наступлении графом и герцогом, разбогатевшего неимоверно и получившего невероятную власть. Власть идти по дорогам Северной Италии, ведя за собой девять тысяч отборных солдат: галлоглассов с шотландского нагорья и ландскнехтов из южной Германии и Савойи, баварских черных рейтаров, конных арбалетчиков и жандармов, кирасиров. Власть чувствовать себя владыкой сражений и неторопливо ехать шагом, а не мчаться, сломя голову, навстречу судьбе. Власть наслаждаться сладким воздухом весны, забыв о запахе крови и дерьма. Вот какую власть доверил своему герцогу стареющий император. И это тоже было частью "дивного замысла", ибо, будучи набожным человеком,

Гвендал верил — не мог не верить — что все это результат божественного промысла. Ведь он еще не стар, решителен и силен, и в подчинении у него совсем немалая сила. Девятитысячное войско — это уже не кучка солдат, не наемная дружина, а инструмент высокой политики. Особенно если у других такого инструмента нет. А его нет ни у Дейдье, ни Тригерида. Ни у кого. И значит, ему, герцогу Гвендалу, некуда торопиться и незачем спешить.

И он не спешил, идя сквозь цветущий край через Навару и Милан к Бергамо, где по донесениям лазутчиков кашлял кровью в старом городском замке юный князь Рагазы. Каген был нездоров. Так о нем говорили и, видимо, неспроста: рана, которую Людвиг Рагазский получил прошлой весной, не из тех, что быстро заживают и не имеют последствий. Если от пробившей тебя насквозь стрелы, ты не умер сразу, значит, вполне вероятно, ты помучаешься — прежде чем помереть — еще какое-то время.

А потом случился сказочный день в окрестностях Моццо — солнце, легкий ветерок и дивные ароматы весны — и бивуак, возможно, последний перед тем, как армия встанет под стенами Бергамо. Гвендал объявил привал, и сам, помолившись и отобедав на славу, отошел ко сну. А разбудил его уже шум резни: это вой князя Рагазы, подошедшие к лагерю имперцев в темноте и бесшумно сняв посты, вырезали цвет бургундского и савойского рыцарства, лучших наемников южной Германии и Шотландского нагорья. Немногим удалось воспрянуть ото сна достаточно быстро, чтобы сплотить вокруг себя уцелевших в первом приступе людей. И герцог стал одним из этих счастливых. Он даже успел — разумеется, уже в ходе боя — натянуть на себя кольчугу и надеть на голову золоченый шлем с забралом в виде страшной звериной морды. Но, когда лучи встающего солнца, осветили поля ввиду Моццы, измазанный с ног до головы в грязи и крови — своей и чужой — Гвендал дрался во главе жалкой кучки полураздетых и плохо вооруженных рыцарей и ландскнехтов, отражая мерное поступательное движение "военной машины" Кагена — мечников с длинными и тяжелыми цвайхандерами и воев с бердышами и боевыми вилами. Устоять против этих стальных волн, обрушивающихся на крошечный островок живой страдающей плоти, не представлялось возможным. Смерть являлась закономерным окончанием этого бессмысленного и безнадежного сражения, но сдаться на милость победителя — сдаться здесь, неподалеку от городка Моццо — Гвендал не мог. Не здесь, не сейчас, не проклятому ублюдку Кагену.

— Герцог Гвендал? — спросил Людо.

Князь сидел на покрывшейся зеленой травой вершине невысокого холма и тщательно оттирал клинок своего узкого меча от крови. Он участвовал в набеге на лагерь имперцев вместе со своими воями и наравне с ними провел тяжелую бессонную ночь, работая мечом, как косарь в страду: без отдыха и заминки. И сейчас, когда медленно двигавшиеся по разгромленному лагерю воины собирали трофеи и добивали раненых, взглядывая на холм, они могли видеть своего князя, чистившего испачканное в крови врагов оружие.

— Ты хорошо смотришься этим утром, — признал Голос. — В глазах пленников ужас, но и во взглядах твоих собственных бойцов есть кое-что сверх любви и уважения.

"Это называется репутация, не так ли?" — усмехнулся в ответ Людо, а вслух спросил у подошедшего лейтенанта:

— Герцог Гвендал?

— Убит, — так же коротко ответил лейтенант, знавший, что князь Задары не выносит

"высокого слога".

— Это достоверное известие? — уточнил Людо, успевший усвоить, что всех и всегда следует проверять, а врагов лучше числить "бывшими", то есть, мертвыми.

— Он убит, ваша светлость. — Лейтенант вопросу ничуть не удивился, раз спрашивают, значит надо. — В этом нет никаких сомнений. Убит. Удар в горло, господин князь. Я лично убедился в смерти герцога и собрал свидетельства захваченных в плен рыцарей. Они подтвердили, что это был именно он.

— Много ли пленных? — вопрос не праздный, число пленных определяет сумму торга.

— Восемьдесят рыцарей... — голос лейтенанта дрогнул: возможно, первоначальное число было несколько иным, но выяснять это Людвиг не стал. Его люди должны знать границы дозволенного, но не превращаться в боящихся совершить ошибку трусов. Восемьдесят, так восемьдесят... и, если два-три рыцаря расстались с жизнью, чтобы остальные стали сговорчивее, не беда.

— Восемьдесят рыцарей... — сказал лейтенант, имея в виду тех, за кого можно получить выкуп. — В лагере захвачено много золота и драгоценностей. Лошади, оружие, снаряжение, обоз... Все взято под стражу. А остальными пленными занимаются профосы... Тысячи полторы, я думаю...

— Ты хочешь сказать, мы убили пять тысяч? — На самом деле, Людо понимал, что разгромил только лагерь главных сил, но спросить, наверное, все-таки следовало.

— Нет, ваша светлость, не думаю, — покачал головой лейтенант, успевший усвоить, что "правда не ранит" и за нее не казнят. — Многие бежали... И потом, это был всего лишь передовой отряд... Герцог, по-видимому, не опасался встречи с вами, мой князь. Он думал, вы будете ждать его в Брешии.

— Теперь его никто не ждет...

— Зачем ты сказал эту фразу? — удивился Голос. — Она...

"Странная?" — уточнил Людо.

— Двусмысленная... — попробовал объяснить Голос, впервые так явно дав понять, что находится в растерянности. — Тебе же не тридцать лет. Ты все еще юноша...

"Мальчик", — согласился Людвиг и машинально поднял голову, бросив взгляд на застывшего рядом с ним лейтенанта.

"А ведь я и его удивил", — сказал Людо Голосу, испытывая странное чувство: смесь торжества и опустошения.

Лед и пламень, пламя и лед...

В течение следующей недели армия князя Задары добивала отряды покойного герцога Гвендала. Получалось неплохо, и все равно, по оценке капитанов, которым, вероятно, пора уже было вручать маршальские жезлы, от двух до трех тысяч императорских солдат избежали уничтожения или плена, рассеявшись по цветущим окрестностям Бергамо и Комо. Впрочем, военной силы они уже не представляли, как и небольшой отряд графа Асмунда, организованно отступивший в Савойю через Милан и Павию. Преследовать их было бы опрометчиво, имея в виду армию Герцога Тригерида, о которой еще не успели донести лазутчики, но поспешили рассказать пленные, а отпустить... Отпустить — не значило ничего. Пусть идут.

— Что будем делать с Тригеридом? — спросил Голос.

В последнее время он редко поучал, еще реже советовал, и это чрезвычайно смущало

Людо. Ему было трудно придумывать военные планы, когда в голове — словно, внутри улья — стоит гул от множества "забот-пчел", которые следует учесть и разрешить, чтобы, если и не выиграть бой, сражение или кампанию, то хотя бы не проиграть. Время и пространство: километры дневных переходов, расстояния, искажаемые складками местности, места бивуаков, физическая сила и выносливость людей и животных, погода, рельеф местности... Снабжение: хлеб и фураж, маркитанты и фуражиры, профосы... Болезни и дисциплина, женщины и вино... Организация и оперативное искусство...

От "суеты" в голове становилось физически плохо, но хаотического движения множества "переменных" было не остановить. Их некуда было деть, ведь все они поселились и "жили" внутри его, Людвига Кагена, собственного сознания. Единственная возможность, известная Людо, заключалась в том, чтобы упорядочить весь этот хаос, придав ему "изящную форму".

— Что ты придумаешь на этот раз?

"Не знаю, — грустно улыбнулся Людо. — Я не вижу пока, где это произойдет. Не знаю, когда. Как же узнать, как?"

— Ну-ну... художник. — Возможно, Голос иронизировал, но также возможно, что ему стало не до смеха.

А у Людо снова ломило грудь, и хотелось кашлять, но кашель не шел, засев за грудиной, мешал дышать, напоминал о смерти.

— Никто не вечен...

"Умру я, умрешь и ты", — холодно усмехнулся Людо.

— Ты не можешь этого знать, — возразил Голос.

"Могу, — небрежно отмахнулся князь Каген. — Мир существует до тех пор, пока я его воспринимаю".

— Ты сравниваешь себя с Творцом? — Голос не был удивлен, он был поражен.

"Нет, но таким, я полагаю, Господь меня создал. Без меня все это, — Людвиг обвел взглядом удивительный пейзаж, открывавшийся с вершины холма, — теряет всякий смысл. Мир — это я".

А император? — спросил Голос "шепотом".

Император — это мой "страх темноты", — честно признал Людо.

И принцесса, она тоже всего лишь сон твоей души? — похоже, Голосу было страшно задавать этот вопрос, но он его все-таки задал.

Однако Людо решил не отвечать.

— Что!?! — известие было настолько невероятным, что у Джеваны перехватило дыхание, но и на сознательную ложь это не походило. Да и вообще, ложь, да еще такая ложь — худшее, что мог придумать перебежчик, стремящийся заручиться покровительством тех, "на чей берег" выбросили его волны судьбы.

Барон Калм был уже немолод, и, насколько могла судить принцесса, спасал он сейчас не свою шкуру, а двух молоденьких дочерей, которым опала и вполне возможная в этом случае казнь барона не сулили ничего хорошего. Император ведь и в лучшие времена не отличался добронравием и кротостью. И прозвище Василиск получил неспроста, а, в частности, и за дикие выходки, вроде продажи в публичные дома жен и дочерей прогнавших его царедворцев. Так что...

"Василиск и... Аспид? Ведь так его назвал купец?"

Случайно ли это совпадение имен?

От мгновенного ужаса холодок прошел по спине Джеваны.

"Кто он?" — но она по-прежнему не могла ответить себе на этот простой, казалось бы, вопрос.

Никогда прежде принцесса не затруднялась в оценке людей, как бы мало не знала о них на самом деле. Ей и не надо было знать много. Хватало одного взгляда, нескольких слов. И ведь не ошибалась никогда. Однако с Людвигом Кагеном этот путь не годился. И уже одно это многое говорило о природе князя Задары. Вполне возможно, что и прозвище Аспид прозвучало близ ее ушей не просто так... Но и этим дело не ограничивалось, намекая на куда худшую беду, потому что ко всему прочему существовали еще и сны.

"Сны..."

Сны никогда не приходили к Джевানে без причины, и именно поэтому читать их туманные послания ее научили еще в раннем детстве. Но...

"Сны..."

Три страшных сумбурных сна, в которых Людо Каген трижды убивал ее самыми причудливыми из известных принцессе способов казни, приводили ее в трепет. Отчего она боялась его настолько, что страх этот прорывался наружу в облике почти "истинного" пророчества? Ей потребовалось несколько дней и подсказка третьего сна, чтобы понять — это не Сновидение. Не пророчество, не предзнание, а обманка. Обычный страшный сон, обряженный в ризы Сонного Видения. Но если так, то из возможных объяснений оставался только страх. Ее собственных страх перед этим мальчиком, тем более странный и непонятный, что императора Хальдеберда она, например, ненавидела, как исчадие ада или демона преисподней, но никогда не боялась. А вот Людо Кагена она, оказывается, боялась до такой степени, что страх прорвался даже в святая святых — ее сны.

"Так кто же ты, Людвиг Каген? Кто?"

Но ее смущал не только собственный страх, но и открывшееся во снах позорное вожделение, тем более стыдное, что, припоминая облик княжонка Людо, она не могла найти в нем ни единой симпатичной ей, как женщине, черты. Впрочем, мужчины и вообще-то редко тревожили ее спокойную и холодную, как воды северных озер, душу. И, однако, если уж привлекали внимание и пробуждали интерес, то совсем не теми качествами, которыми мог похвастаться князь Задары. Вернее, полным их отсутствием. Но тогда непонятными становились все те знаки, что обнаружила Джевана в своих пугающе откровенных снах.

Впрочем, так или иначе, со всем этим приходилось мириться и продолжать жить как ни в чем не бывало, распутывая потихоньку клубок неприятной тайны, связавшей Джевану — истинную Деву Севера — с князем Людвигом Кагеном узами страха и вожделения. Не любовь, не страсть, но вожделение. Не опасения или обычный и, следовательно, возможный и позволительный даже для самого мужественного человека страх, но ужас... И вот теперь...

— Яго Тригерид шел с севера... Он шел из Зальцбурга в направлении на Гёрц, но князь сдал ему город без боя, пропустив почти до самого Триеста. Пошли дожди...

— Пойдите, — остановила барона принцесса Джевана. — Тригерид — это ведь тот герцог, которого называют Темным?

— Нет, моя светлая госпожа, — покачал головой барон Калм. — Его называли Правой Рукой Тьмы...

— Что?! — она все поняла, еще даже не дослушав до конца рассказ. Прошедшее время, использованное стариком-перебежчиком открыло ей главное: Тригерид убит, и Гвендал,

надо полагать, тоже.

"Но как?"

— Продолжайте, барон, — сказала она тихо, чувствуя, как уходят из тела силы, словно соки из подрубленного дерева. — Прощу вас...

Но весь долгий, полный подробностей и объяснений, рассказ барона сводился, в сущности, к констатации того простого факта, что Людо Каген разбил двух лучших воевод Хальдеберда, убив или рассеяв по обширным пространствам чуть ли не двадцать тысяч человек, и, таким образом, разом превратился в ультимативного повелителя Юга. Теперь у него была и сила, и репутация, а у императора — неразрешимое противоречие "Север-Юг".

"Но как?" — однако ей не дано было "заглянуть за горизонт".

Людо Каген был слишком далеко, отделенный от нее пространством, искаженным сложным рельефом местности, и временем, потребным для преодоления этого пространства пешком или верхами, потому что крылья людям не положены по чину.

Его тревожила необъяснимость происходящего, и, по-видимому, не его одного. Голос в последнее время "испытывал не свойственные ему чувства", что было, по крайней мере, странно.

На самом деле Людо до сих пор так и не разобрался в природе своего необычного "собеседника". Временами ему казалось, что Голос старше и мудрее его самого, из чего практически однозначно следовало, что это не Альтер Эго Людвиг Кагена. Ведь не может же второе "Я" оказаться умнее первого! Или может? Однако такое предположение сразу же напрочь разрушало целостную картину подлунного мира, к чему князь Задары готов пока не был. Но если не это, тогда что? В запасе оставались лишь тонкие сущности: ангелы и демоны, которые как раз не только могли, но и должны были быть — по определению — умнее и опытнее молодого князя. Однако с чего бы им, светлым или темным духам, так смущаться? Притом, что слово "смущаться" было еще не самым сильным. Все чаще, Голос явным образом не чувствовал себя в сложившихся обстоятельствах достаточно уверенно, чтобы что-то посоветовать, как делал это раньше, или хотя бы "оставаться в ладу" с поступками подопечного. Или Людо никогда и не был ничьим подопечным?

Думать об этом было странно, но и не думать — невозможно. В конце концов, факт оставался фактом: Людо выигрывал сражения, побеждал своих врагов, и все еще был жив, хотя давно должен был умереть. И если все это сплошь и рядом случалось без помощи Голоса, то кто тогда ворожил князю Кагену? Кто обеспечивал ему триумф за триумфом, победы без поражений и защиту без обязательств?

У него не было ответа. По собственному разумению, он не делал ничего, что можно было бы назвать выдающимся. Он всего лишь шел с армией, не опускаясь до панибратства, но и не отрываясь напрочь от людей, от которых зависел успех или неуспех войны. Разумеется, идти пешком скучно и утомительно, а каша из солдатского котла бывала не слишком аппетитна. Однако если от этого что-нибудь действительно зависело, Людвиг готов был месить грязь вместе со своими воями, с ними вместе мерзнуть под холодным дождем, мучиться от несварения желудка и пускать газы на бивуаке или на переходе. Сложнее было понять, как он выигрывал сражения. Без подсказок Голоса, рассчитывать приходилось только на себя. Но сам он не был ни подготовлен, ни обучен побеждать сильного и опытного врага. Все что мог использовать Людо, так это свою интуицию. Он "смотрел" на противника и "чувствовал", что будет правильно сделать в том или ином

случае. Откуда бралось окончательное решение? На чем основывалась уверенность, что принятое решение, и в самом деле, верное? Людо этого не знал и, более того, предпочитал этим вопросом не задаваться вообще, интуитивно обнаружив в таком "поиске" опасность для реализации своих смутных планов. А планы Людо Кагена были совершенно неопределенными.

Побеждая врагов и преумножая свою силу, начинавшую уже походить на настоящую мощь, князь Каген не мог бы объяснить даже самому себе, чем он занят? Чего добивается? И какова та главная цель, к которой приближают его все эти победы, и отдаляют от которой не случившиеся пока, но мерещащиеся тут и там поражения? Впрочем, отсутствие поражений не радовало, хотя, казалось бы, все должно быть наоборот. Но именно эта "непобедимость" или, лучше сказать, "неуязвимость" более всего и смущала Людо. О ней он и думал в тот момент, когда поздним вечером вошел в свою опочивальню.

— Зачем вы здесь, сударыня? — В его постели находилась незнакомая женщина. Вернее, лицо это Людвиг как будто бы видел не впервые — широкое, словно бы стремящееся к форме квадрата, с высокими скулами и полными губами — но он совершенно не помнил не только того, кто эта женщина, но и того, чтобы приглашал ее разделить с ним сегодня ложе. Тем более странным было обнаружить ее здесь и сейчас... И в таком виде.

Увидев Людвиг, сидевшая среди подушек женщина с золотисто-русой косой, уложенной на голове в виде короны, отпустила край узорного покрывала, который удерживала под несколько тяжеловесным, но приятного рисунка подбородком, и упавшая ткань открыла перед князем Кагеном ее впечатляющую наготу.

— Итак?! — спросил он, не получив ответа на предыдущий вопрос.

Женщина молчала, глядя на Людо янтарного — с красноватым оттенком — цвета глазами, но не звать же, в самом деле, по такому глупому поводу ночную стражу?! Ведь она здесь не затем, чтобы убить его, иначе бы ее здесь просто не было...

"Не было..."

Мысль эта кажется Людвигу более чем основательной. У дамы должны были иметься не только причины находиться здесь в столь поздний час, но и средства для достижения своей цели.

— У моей матери, кажется, была сестра... — говорит он, словно бы размышляя вслух, но правда — вся правда — заключается в том, что ему трудно думать сейчас, и дышать невольно, и не отвести глаз от вызывающе полной и белой женской груди.

— А у моей тети — сын... — У нее приятный голос, но необычный, не высокий и не низкий, а такой, какой мог бы быть у крупной кошки, научись та вдруг говорить по-человечески.

— Ты умеешь мяукать? — спрашивает Людо, чувствуя, как испарина выступает на лбу и висках.

— Как вы узнали, ваша светлость?! — Всплескивает женщина руками, изображая удивление, граничащее с потрясением. Однако главным следствием ее пантомимы оказывается волна — медленное и плавное движение полных грудей, — и от этого фантастического зрелища у Людвиг Кагена окончательно пресекается дыхание.

— Что?! — вот тут ее поднимает с постели уже не притворство, а самый настоящий испуг.

По-видимому, оседающий на пол Людо выглядит не лучшим образом, но видит весь этот ужас одна только Мара — сейчас Людо вспомнил, наконец, как ее зовут — а вот он,

даже теряя сознание, едва ли не умирая, видит перед собой белое обильное тело, настолько гладкое и желанное, насколько он даже представить себе прежде не мог. И последнее, что захватывает взгляд Людо Кагена перед тем, как тьма беспамятства уносит его прочь из этого места и этого времени, это пышный венерин треугольник, заросший золотым мягким, вьющимся волосом...

— Значит, мне все-таки придется воевать с ним самому, — сегодня император не притворялся, он действительно чувствовал себя отвратительно, хотя погода стояла ясная, небо было безоблачным, и даже в сумрачных анфиладах дворца пропала вдруг та знобкая сырость, что поселилась в нем, казалось, навсегда.

— Полагаю, — осторожно высказал свое мнение кардинал Ратцингер. — Полагаю, вам этого не избежать.

— Думаешь, его послали за мной? — Хальдеберд смотрел исподлобья.

Выглядел он ужасно, возможно, впервые на памяти священника, представляясь, значительно старше своих лет. Однако ни наклоненная вперед голова с мощным нависающим над лицом лбом, ни сивые от седины кустистые брови — не могли скрыть всполохов, неожиданно озаривших темным огнем глаза императора. Но это было лишь жалкое отражение пожара, полыхавшего где-то там, в темных глубинах души Хальдеберда. В сердце его горел огонь ярости, бушевало смертоносное пламя ненависти, но над всей этой невероятной и ужасной мощью довлел почти животный ужас, совладать с которым с каждым днем становилось все труднее.

Священник понимал, о чем спрашивает старый император, но у него не было ответа. Вернее, тот ответ, который он мог бы теперь предложить Хальдеберду, вряд ли удовлетворит Василиска, а гневить коронованного демона никак не входило в планы кардинала Ратцингера. Вероятно, он был плохим христианином, но, с другой стороны, все, что делал кардинал, он делал для конечного торжества веры. А быть царедворцем и не потакать капризам и желаниям властителя, так лучше уж запереться в монастыре и вовсе не соватся в дела мирские. В конце концов, для того и существует монашество, но он — то выбрал иной путь служения, и, значит, должен был "выбирать слова", а не сообщать Хальдеберду то, что вполне могло оказаться правдой: мальчишка Каген — бич божий, наказание, ниспосланное небом за грехи императора. За непомерную гордыню, за склонность к паганству^[23], за многократные прелюбодеяния во всех мыслимых и немыслимых формах, за неисчислимые убийства, наконец, и другие, караемые смертью преступления, от лжесвидетельства до мужеложства.

— Князь Задары представляется весьма способным молодым человеком. — Кардинал говорил как всегда медленно, невыразительным, тихим голосом. — Тем не менее, если верны известия, несмотря на молодость, он жесток и мстителен, как мало кто из ныне правящих государей. Длинный список его преступлений, распутный образ жизни, братание с подлым сословием — все это должно, как мне кажется, достаточно быстро привести его к окончательной гибели...

— И не надейся, — покачал головой Хальдеберд и неожиданно улыбнулся, поднимая голову.

Улыбка, впрочем, вышла невеселая, но император, по-видимому, не думал сейчас о том, какое производит впечатление на своего собеседника. Переживание взяло верх над всеми другими соображениями, и он неожиданно — но, вероятно, ненадолго — стал самим собой,

открыв священнику то, что тот и так уже давно знал о своем сюзерене.

— Он приходит туда, куда должен, ровно в тот момент, когда чаши весов находятся в шатком равновесии, и берет жребий сам, выбирая лучший из всех.

От этих слов кардинал все-таки "вздрыгнул": оказывается, он знал Хальдеберда не настолько хорошо, как думал прежде. Соблазн считать себя "знатоком человеческих душ" оказался сильнее критического разума. Он ошибся, и он был не первым, кто не понял с кем имеет дело. Хальдеберд недаром стал императором. Он им был.

— Вот что такое этот мальчик. — Лицо Хальдеберда разгладилось, насколько это вообще возможно в его возрасте, глаза смотрели прямо в глаза Ратцингера. Испытующе, но без злобы и недоверия. — Возможно, вы правы, ваше преосвященство, и он послан за мной...

— Я этого не говорил, — возразил кардинал.

— Но в душе согласились с моим предположением, ведь так? — Император взгляда не отвел, смотрел, как и прежде.

— Да, — Ратцингер вдруг осознал, что впервые в жизни переживает "момент истины", и лгать, даже просто отвечать не по существу заданного вопроса, отклоняясь тем самым от истины, нельзя.

— Да, — повторил он. — Мне так показалось, но это не плод моих рассуждений, не твердое мнение, а чувство сродни просветлению. Вы понимаете меня, ваше величество?

— Возможно, — чуть нахмурил брови император. — Скорее всего. — Он раздвинул бледные губы в подобии улыбки. — Видите ли, мой друг, Он просто идет. И я не вижу смысла в этом движении, а это более чем странно, вы так не находите, ваше преосвященство?

Отвечать на риторические вопросы не следует, напротив, это худший из возможных способов ведения "диалога".

— Он приходит, — продолжал император. — Заметьте, кардинал, он приходит всегда, когда бы и где бы я ни начал — явно или тайно — действовать против него. Приходит, делает что-то такое, чего я от него совершенно не жду... Да и никто не ожидает... Делает и идет дальше. Человек ли он?

Вот теперь Хальдеберд действительно ожидал от Ратцингера какого-то ясно сформулированного ответа.

— Полагаю, что все-таки человек, — сказал тогда кардинал. — Лазутчики и осведомители доносят о болезнях, изнуряющих его тело и дух. По временам, он подолгу не встает с ложа...

— Я знаю, что сообщают эти "добрые христиане", — кивнул Хальдеберд. — Вы только забыли добавить, ваше преосвященство, что князь Каген, как бы он ни был болен, как бы ни страдал от немочи или раны, никогда не мечется в бреду, а лежит в постели, как на смертном одре — холоден и неподвижен — и всегда, — слышите? — всегда, встает, когда наступает время идти, делать, и брать.

— У него есть женщины, — кардинал чувствовал, что проигрывает, но остановиться не мог.

— Говорят, что у НЕГО тоже бывали женщины, — возразил император с кривой ухмылкой.

— Не поминайте...

— А я и не упомянул! — еще шире, чуть ли не радостно, улыбнулся Хальдеберд. — О ком вы подумали, что я говорю, ваше преосвященство?

Остановленный на полуслове кардинал стоял как громом пораженный.

— А кстати, что там с женщинами? Он по-прежнему экспериментирует? — Странно, но разговор, начавшийся на очень минорной ноте — это если выражаться максимально куртуазно — сейчас, по всей видимости, начал доставлять старому императору истинное удовольствие. Кровь вернулась к лицу, поутих бешеный огонь в глазах, сменившись блеском удовлетворения и любопытства, даже морщины, казалось, стали вдруг не такими глубокими, разгладившись, а то и вовсе пропав с лица Хальдеберда.

— Нет, сейчас, как говорят, он занят одной определенной женщиной...

Как ни пытался кардинал не выходить из кропотливо созданного им за годы и годы "образа", эмоции все-таки взяли верх, и он это почувствовал одновременно с тем, как увидел его реакцию император.

— Объяснитесь! — слово прозвучало жестко, как приказ на поле брани, но в глазах императора полыхал теперь неподдельный интерес. Зверь почуял запах крови.

— Маргарита Корвин по официальной версии приходится князю Кагену двоюродной сестрой, — Кардинал Ратцингер взял себя в руки, и голос его зазвучал в привычной тональности. — Она дочь Нерины, родной сестры Карла Кагена, отца Людвига, вышедшей замуж за графа Корвина. Маргарите или Маре, как ее называют в Задаре, девятнадцать лет. В пятнадцать она вышла замуж, но быстро овдовела, так и не родив своему супругу ребенка, и вернулась в отчий дом. Год назад, после смерти своего отца, Маргарита унаследовала его титул и стала именоваться графиней Корвин.

— Любопытно, — кивнул император. — И что здесь не так? Вы намекаете на инцест, ваше преосвященство? Но двоюродное родство...

Император не закончил фразу, пожав вместо этого плечами. При его дворе было немало людей женатых на своих двоюродных сестрах, ну а что творилось за высокими каменными стенами, в недрах баронских "волчьих логов", не стоило и вовсе произносить вслух. Хальдеберд ведь не был наивным юношей — если таковые, и в самом деле, могли вырасти в замках старой или новой знати — и знал, разумеется, что христианские законы морали отнюдь не властны над темной силой страсти, воспламеняющей воина, вся жизнь которого проходит в крови и насилии.

— Двоюродное родство здесь ни при чем, — покачал головой Кардинал. — Но ходят упорные слухи, что Нерина родила ее от Карла, и брак со старым графом всего лишь прикрыл ее грех. Других-то детей Феликс Корвин не имел. Вообще, а не только от Нерины...

— Вот как, — довольно усмехнулся Хальдеберд. — Так они единокровные брат с сестрой?

— Да, ваше величество, — согласился священник. — Так получается, если, разумеется, слухи об этой кровосмесительной связи достоверны.

— Она красива? — императора занимали уже совсем другие вопросы.

— Говорят, в ней воплотилась квинтэссенция мужской похоти... — нехотя ответил кардинал.

— Суккуб? — поднял бровь заинтересованный новой темой император.

— Церковь крайне осторожно относится к такого рода верованиям... — не слишком решительно возразил Ратцингер и поджал губы.

— Значит, по вашим данным это она совратила князя, а не наоборот? — уточнил Хальдеберд, желавший знать о своем противнике все, что только возможно. Буквально все.

— Таковы слухи, ваше величество, — чуть склонил голову кардинал. — Но я населил те

края таким количеством наших "глаз и ушей", каким только мог...

— Узнайте это для меня! — нетерпеливо перебил священника император. — Я хочу понять, кто он, и что от него можно ожидать!

Смерть ходила рядом, заглядывала в глаза, дышала в спину... Иногда он забывал о ней, занятый своими делами, сражаясь или овладевая женщиной, но зато в другое время чувствовал ее присутствие настолько отчетливо, что мог бы сказать, где она находится в каждый следующий момент. Сейчас, — невидимая, но "осязаемая" — смерть притаилась за левым плечом Людвига, но долго там, как он знал, не останется, переместившись куда-нибудь еще. Привыкнуть к этому было сложно, если возможно вообще, но с этим приходилось жить, и Людо жил. Однако временами ему становилось жутко, и отчаяние или тоска овладевали его сердцем. Черное отчаяние, серая тоска. Холод, мгла, смерть... И не было в целом мире человека, которому он мог бы открыть свою боль, свой страх, свою слабость. Князь Задары всегда оставался спокойным и знал, что ему делать в том или ином случае. Он не мог себе позволить ни застонать, когда боль сжимала его тело в своих ужасных объятиях, ни заплакать, когда отчаяние и страх выедали его изнутри, как древесные жуки выгрызают твердую плоть дерева.

В душе Людо царила стужа, но именно та женщина, первая встреча с которой едва его не убила, принесла туда толику тепла и света. Мара оказалась не только красавицей. Она была такой, какую смог бы, наверное, вообразить Людо, измышляя себе идеальную любовницу, если бы стал этим заниматься. Если бы такое могло прийти ему в голову, или если бы Голос предложил ему попрактиковаться в искусстве визионерства. Но поскольку ничего подобного Людвиг Каген не делал — и, возможно, делать не мог по самой своей природе, — он мог бы и не понять, наверное, отчего так странно делается на сердце, едва увидит эту женщину или только подумает о ней. Однако неожиданно Голос, не спешивший вмешиваться во многие другие дела, помог Людо разобраться с этой, казалось, совершенно неразрешимой загадкой.

— Все дело в совпадении твоих тайных желаний, пристрастий и предпочтений с качествами реальной, из плоти и крови, молодой женщины, — сказал назидательно Голос, уже некоторое время не дававший Людвигу по-настоящему ценных советов.

"Вот как!" — с удивлением подумал Людвиг, но в тот раз ни о чем больше спрашивать не стал. Однако и Голос не проявлял желания "наставлять" и "объяснять". Все, что следовало, он князю Рагазы уже сказал, остальное оставалось на усмотрение Людо.

Впрочем, обычный образ действий в данном случае оказался не эффективным. Находясь рядом с Марой, Людвиг совершенно терялся. Он не знал, что ему делать, то есть, не представлял, что именно было бы правильно сделать в том или ином случае. Не находил он и правильных, подходящих слов. Тем более, не умел он выразить своих чувств. Поэтому Людо оставался максимально закрытым — модус операнди, который его никогда не подводил в затруднительных ситуациях — и мало говорил, предпочитая длинным разговорам молчание или короткие реплики, не окрашенные и тенью эмоций. Однако — и в

этом тоже заключалась великая тайна и сила этой необычной женщины — графиню Корвин такое поведение ее кузена отнюдь не смущало. Она говорила за двоих, не утомляя, тем не менее, Людвига своей излишней болтовней, и сама создавала ситуации, в которых Людвиг начинал чувствовать себя самым естественным образом, когда ему не надо было думать, что и как сделать или какие произнести слова. Возможно, Маргарита была колдуньей, или в ней воплотилась идея женственности, или, на что как будто бы и намекал Голос, ее создал сам Людо, как некий новый Пигмалион свою Галатею, только без мрамора, резца и молотка.

Однако, так или иначе, с ней ему было хорошо и просто, чего не скажешь обо всех остальных женщинах — шлюхах, крестьянках или аристократках — с которыми он до сих пор спал. И такого наслаждения он ни с кем из них не испытывал, и никого из них так яростно не вождедел. Слова "страсть" и "нежность" только теперь — в ее присутствии — обрели, наконец, значение и смысл, о которых Людо прежде и не подозревал. И еще, Маргарита не нуждалась в словах, чтобы проникнуть в тайны его души. Разумеется, не во все, но хотя бы в некоторые. И она бесстрашно входила в этот ужасный темный мир, как какой-нибудь Дионис, сошедший в Аид, и приносила с собой свет и тепло, которых там давно уже не было. И тогда Людо переставал чувствовать присутствие смерти и даже дышать начинал как-то иначе, и отпускала ноющая боль в груди.

— Что он делает? — удивленно спросил граф Сновид. — Откуда эта мощь?

— Не знаю, — покачал головой Седой. — Я провел рядом с ним почти целый год, но многое по-прежнему остается для меня загадкой.

Седой был одет, как простой путешественник: серая, неновая и неприметная одежда, простой кинжал на потертом кожаном поясе и короткие неровно остриженные волосы над незапоминающимся заросшим пегой щетиной лицом. Непростыми были только серо-голубые глаза, все время менявшие свой цвет — от василькового до серо-стального — внимательные, терпеливые... Жестокие? Он не представился, и все присутствующие — кроме, разумеется, Джеваны — испытывали от этого известное неудобство и связанное с этим неудобством раздражение. Но северяне-разведчики — сами они предпочитали называть себя странниками, хотя на взгляд Лоона или Сновиды являлись всего лишь высококвалифицированными шпионами, — так вот северяне-разведчики имен своих никому никогда не называли. Не назвался и этот, которого за отсутствием нормального человеческого имени, приходилось звать Северянином или просто Седым.

— Да, полноте! — "наивно" всплеснул руками Сновид. — Да существует ли он на самом деле, и если да, то тот ли это юноша, что жил с нами в крепости Керич?

— Несомненно, существует, — речь Северянина была похожа на горный ручей: несколько монотонна, но полна скрытой силы. — И это тот самый человек, которого я видел в Кериче три года назад.

— А вы разве бывали в Кериче? — впервые подал голос герцог Лоон, до сих пор сидевший с озабоченным видом за дальним концом стола.

— Бывал, — коротко ответил Северянин и посмотрел на принцессу.

— Подтверждаю, — кивнула Джевана. Ей крайне не хотелось, чтобы разговор увяз в выяснении второстепенных деталей, но делать нечего: законы вежества и дипломатию никто еще не отменил.

— Каков он сейчас? — сразу же пошел в атаку Сновид. — Подрос, возмужал? Говорят, он болен?

— Не вырос, — Седой, не торопясь, раскурил трубку, пыхнул дымом и посмотрел на графа Сновида. Глаза северянина были сейчас почти синими. — Возмужал. Болен.

— Ходили слухи, что он умирает, — медленно сказала Джевана.

— Уже не умрет. От этого. — Разведчик взял со стола кубок и сделал скупой глоток. — Идет с войском по целым дням. Одевается легко, ночами должен мерзнуть. Лицо спокойное, взгляд холодный. Решает быстро, говорит медленно и мало.

— В чем же дело? — снова вскинулся Сновид. — Он военный гений?

— Возможно, — не стал спорить Северянин. — Во всяком случае, я не видел рядом с ним кого-то, кто мог бы делать эту работу за него.

— Армия? — снова заговорил Лоон. — Что у него за армия?

— Наемники, — выпустил клуб дыма Седой и потянулся за кубком. — Каждая новая победа дает ему достаточно денег, чтобы взять — даже и из побежденной армии — столько лучших, сколько ему нужно. И он берет. Золото побеждает сталь.

— Значит, армия наемников? — подняла бровь Джевана.

— Не только, — отрицательно покачал головой Северянин. — Он же захватывает и города, моя госпожа, и обширные земли с замками и дворянскими владениями...

— Но как он может доверять побежденным? — подался вперед Лоон.

— Морковь и кнут... — пожал плечами Седой.

— Что? — не понял граф Сновид.

— Пряник и плеть, — усмехнулся Северянин. — Если жестоко казнить за малейший намек на предательство и вознаграждать за верность, дворяне и горожане начинают сражаться весьма эффективно, особенно зная, что их семьи остались в качестве заложников.

— Он пользуется заложниками? — уточнил Лоон.

— Нет, — покачал головой северянин. — Не так. Прямо о заложничестве речь никогда не идет. Но было несколько прецедентов, после которых некоторые пылкие натуры поостыли, а по прошествии времени это и вовсе становится несущественно. Победитель вызывает восхищение. И, прежде всего, у собственной армии. Особенно если он щедр на награды и не отделяет себя от воинской массы.

— А он, по твоим словам, именно такой... — задумчиво произнесла принцесса и вдруг остро взглянула в глаза Седого, которого помнила еще мальчиком. — Кто эта женщина, о которой поют в балладе "Белая рука"?

— Так до вас она уже дошла? — одобрительно усмехнулся Седой, впервые позволив себе — и, по-видимому, не без умысла — так откровенно выразить свои эмоции. — Хорошая песня, не правда ли?

— Очень хорошая, — холодно кивнула Джевана. — Но я задала вопрос.

— Балладу написала графиня Корвин, ваша светлость, — усмешка исчезла с губ разведчика, и он чуть прикрыл веками отливавшие сталью глаза. — О себе.

— Она слагает стихи? — подняла бровь Джевана, успевшая уже решить, что авторство баллады должно принадлежать истинному мастеру. — Мелодия тоже ее?

— Да, ваша светлость, — Седой снова был невозмутим. — Она автор множества баллад и песен. Двор Кагена сейчас полон труверов и трубадуров, и все эти бояны и менестрели поют красавице Маргарите гимны, слагают дифирамбы, и восторги их не лживы, хотя многие из них ей люто завидуют. Но кто она, и кто они? Они бродячие певцы, живущие щедростью господ, а она графиня и родная сестра князя Задары...

— Сестра? — насторожился Лоон, а Джевана почувствовала волну жара,

прокатившуюся по всему ее телу и зажегшую с новой силой огонь в груди и внизу живота.

"Сестра!"

— Кузина, — кивнул Сновид. — То есть, двоюродная сестра.

— Да, нет. — Покачал головой Северянин. — Куда там, мои добрые господа! Кузиной она ему приходится только по официальной версии. А, на самом деле — единоутробная сестра. Нерина — сестра Карла Кагена, понесла, еще будучи не замужем. Карл и его жена Клавдия признали ребенка своим, а девушку побыстрее отправили под венец, тем более что, как говорят, она была диво, как хороша. Только вот, когда год спустя она снова оказалась беременной, у ее супруга — графа Корвина — возникли на этот счет весьма серьезные подозрения, и еще до рождения Маргариты был тихо казнен один из рыцарей свиты, тот самый, что и являлся — по слухам — настоящим отцом Людвига. Ну а если отец и мать общие, то и дети...

— Они знают? — вопрос задал Сновид, и Джевана в который уже раз отметила, что он весьма умен, но хитрый его разум направлен на неясные пока принцессе цели. Однако в том, что такие цели существуют, она уже не сомневалась.

— Думаю, что знают, — пыхнул трубкой Северянин, в очередной раз, показывая, что всего лишь ломает комедию, обращаясь к собеседникам с положенным титулованием. — Но наверняка знать невозможно. Самих их не спросишь, а у кого могли бы спросить они, мне неизвестно, да и как тут узнать?

— Она...? — Странно, но неожиданно Джевана обнаружила, что не может задать этот простой вопрос вслух.

— Да, — кивнул, как ни в чем не бывало Седой. — Он с ней спит.

— Давно? — деловито уточнил Сновид, не обращая внимания на то, что вопрос этот не слишком нравится и Джеване, и Лоону. Причины не желать "ворошить" эту тему, наверняка, были у них разные, но ни герцог, ни принцесса — не могли, по-видимому, или не хотели объясняться по этому поводу.

— С весны, полагаю, — ответил Северянин и начал выбивать трубку.

— А другие женщины? — Если бы могла, Джевана задушила бы графа Сновида собственными руками. Но не могла. Оставалось только "держаться лицо".

— С тех пор, как при дворе появилась Мара Корвин, другие женщины князя не интересуют, — спокойно объяснил шпион. — Ну, а если бы и интересовали? Боюсь, Маргарита не оставила бы им и единого шанса... выжить, — добавил он с усмешкой и потянулся к вину.

— Она действительно так красива, как описывает сама себя в балладе? — почти надменно, но не без толики вызова в холодном, как зимний ветер, голосе, спросила Джевана.

— Пожалуй... — Лицо Северянина стало задумчивым, а в глазах снова проступила нежная лазурь. — Пожалуй, я назвал бы ее красивой, но красота... — он замолчал на мгновение, как бы оживляя в воображении образ Маргариты Корвин и оценивая ее внешность по новой. — Я бы сказал, что она не столько красива, как вызывающе женственна.

— Что вы имеете в виду? — нахмурился герцог Лоон.

— Я имею в виду, что она из тех женщин, на которых недостаточно любоваться... Ею хочется овладеть... и не раз, если вы, ваша светлость, понимаете, о чем я говорю, — со странной интонацией, в которой, как показалось Джеване, смешались ирония и печаль, объяснил Северянин.

— Кажется, понимаю... — кивнул герцог. — А она?

Он не уточнил, что именно его интересует, но все присутствующие, похоже, поняли его верно.

— Создается впечатление, — Северянин все-таки взял кубок, к которому примеривался уже пару минут, но пить не стал, потому что продолжал говорить. — Создается впечатление, что она влюблена в князя как кошка, но она, видите ли, не из тех женщин, что неспособны держать себя в руках. Маргарита не воин, но многим умелым бойцам не мешало бы обладать выдержкой и самодисциплиной, какие есть у графини Корвин.

— Можно ли напиться в пустыне?

Двусмысленный вопрос, а значит, лишенный смысла. О чем спрашивал Голос? Об отсутствии воды или о нестерпимой жажде, порожденной зноем?

— Глупец, — "усмехнулся" Голос. — Но, так и быть, я дам тебе подсказку. Ты помнишь историю о муках Тантала?

"Что ты имеешь в виду?" — хмуро спросил Людо, подозревавший, куда поведет его Голос на этот раз.

— Не что, — поправил Голос с "хорошо различимым" оттенком раздражения. — А кого!

"Кого же?" — Голос хотел, чтобы Людо участвовал в диалоге, и Людвиг не мог ему в этом отказать. В глубине души он был даже рад, что Голос снова проявил инициативу и перестал отмалчиваться. А то, что тема была не из приятных, это уже совсем другое дело.

— Тебя! — с явным сарказмом "в голосе" объявил Голос. — Ты думаешь ты неистощим? Поверь, это не так. Твоя жажда убивает, но ты этого еще просто не осознал.

"Я..."

Людвиг хотел возразить, объяснив, что ему лучше знать, каковы его желания, и соответствуют ли этим желаниям его возможностям, но осекся. Голос был прав: Людо переставал себя контролировать, едва оставался наедине с Марой, которую вожделем тем сильнее, чем больше ею обладал. Маргарита была неистощима и разнообразна, как целый мир. Дивный новый мир, что открылся перед Людвигом еще в их первую встречу, когда он потерял сознание и почти умер, не справившись с силой обрушившегося на него переживания. Но и теперь после многих месяцев знакомства, каждое мгновение, проведенное с нею, оказывалось для него прогулкой по лезвию меча. Это была борьба с беспощадной волной, несущей жалкое суденышко его чувств на рифы неизбежности. Он был обречен на страсть, как ветер на простор, но его жажда не знала утоления.

Была ли она прекрасна? О, да! Несомненно. Во всяком случае, она была божественна для него, Людо Кагена, глазах. Для него этого было достаточно, хотя, как ему приходилось слышать, он не был единственным, кого впечатляла внешность графини Корвин. Однако, как он догадывался, дело было не только и не столько в той гармонии черт и соразмерности членов, которые и принято называть красотой. Главное заключалось в другом. Маргарита была естественна, как природа, и похоже, если полагаться на опыт, не знала греха, наподобие мужчин и женщин из библейских сказаний. И сам он рядом с ней тоже становился похож на тех великих пастухов, что входили в палатки своих жен и наложниц и брали их с такой же естественной простотой, с какой делали и все прочее в своей жизни: ели, пасли коз, убивали врагов или говорили с Богом. Такой была и Мара, отдававшаяся Людвигу с непринужденностью дыхания, без которого, как известно, невозможно жить.

Но он "дышал", а значит и жил, обретая благодаря огню и нежности этой женщины то, чего был лишен до встречи с ней: сияния солнечного света в душе и его же животворящего тепла. Уже одно это опровергало любые домыслы о сатанинской природе Маргариты. О, нет, она не была демоницей-суккубом, хотя, видит бог, обладала дьявольской силой. "Огонь" Мары был подобен тому, что пылает, не зная утолнения, в жерлах вулканов, а ее нежность была изменчива, как струящаяся с гор вода. Но в том-то и беда, что Людо "сгорал" в огне ее страсти и "тонул" в водах ее нежности. Он истощал себя, платя жизнью за любовь, знал это, но ничего не предпринимал для своего спасения, прежде всего, потому что не желал спастись.

— Это безумие, — сказал Голос. — Ты себя убиваешь!

Выразиться определеннее было нельзя, но что значили слова для того, кто за несколько лет своей юности превратился из "княжонка Людо" в "чудовище Людо Кагена"?

Однако неожиданно у Голоса обнаружился союзник.

— Вы должны быть осмотрительнее, мой господин, — сказал Зигмунд.

Молчаливый от природы германец заговаривал сам только тогда, когда его господину грозила настоящая опасность. Так что, по-видимому, Людо следовало бы прислушаться к словам телохранителя, но, к сожалению, безумие любви пустило в его душе глубокие корни.

— Ты любишь Маргариту, но вожделеешь другую, — попробовал, тогда, объяснить Голос, но напоминание о другой вызвало лишь приступ гнева. Князь Задара не желал ничего слышать о другой. Однако другие, по-видимому, понимали его сейчас куда лучше, чем понимал себя он сам.

— Это безумие, — сказала Мара.

Стояла глухая ночь. Ночь без звезд и луны. Но в камине еще не вовсе угас огонь, и по временам всполохи всех оттенков красного пробегали по разгоряченным от соития телам.

— Это безумие, — сказала она, приподнимаясь на локте и заглядывая ему в глаза. — Я убиваю тебя своей близостью.

— Это сладкая смерть, — признался Людо, любовавшийся ее губами.

— И напрасная... — что-то прозвучало в ее голосе, что-то такое, отчего Людвиг почувствовал, как накатывает на него очередной приступ гнева. Но почему?

— Что ты имеешь в виду? — спросил он, еще надеясь, что ничего не случилось, что все останется по-прежнему.

— Я думаю... — голос Мары звучал напряженно, чего почти никогда не случалось прежде. — Я знаю... Ты меня любишь, Людвиг... Постой! — подняла она руку, останавливая готовое сорваться с его губ возражение. — Я тебе нравлюсь, и ты желаешь меня... Но твоя ненасытность...

— Разве это не признак моей неутолимой страсти? — все-таки спросил он, тоже приподнимаясь на локте и отвечая взглядом на взгляд.

— Да, пожалуй, — согласилась она. — Но ты... Ты хочешь другую, Людвиг, и, обладая мной, овладеваешь ею...

— Что?! — вскинулся разгневанный Людвиг.

— Что ты мелешь, женщина?! — зло спросил он, садясь на разгромленной их только что отбушевавшей страстью постели.

— Я говорю правду, — грустно улыбнулась Мара. — Ты возлежишь со мной, но пытаешься овладеть Ею. Но я не она, Людвиг, и твоя жажда не знает утолнения.

— Чушь! — на самом деле он уже не был абсолютно уверен в том, что говорил, но

прекратить спор не мог. Не мог согласиться с очевидным.

— Увы, нет! — покачала головой Маргарита. — Я не знаю, кто она, но подозреваю, что это не просто женщина. Возможно, она богиня или демоница, или смутный образ, мелькнувший в твоём сне, но она существует, даже если ты не хочешь или не можешь сознаться в этом даже перед самим собой.

— Но я люблю тебя! — воскликнул Людо в отчаянии от того, что твердая почва под ногами превратилась вдруг в зыбучие писки.

— Любишь, — согласилась Маргарита. — Твоя любовь, князь, принадлежит мне, но огонь твоих чресел зажжен другой. Поэтому ты убьешь себя напрасно, Людвиг... и я уйду вместе с тобой, — почти шепотом добавила она.

— Что же делать? — в отчаянии произнес Людо вслух вопрос, который в других обстоятельствах никогда бы не предал воле воздушных струй.

— Для начала, взять себя в руки, — предложила женщина, от которой кто-нибудь другой, кто не знал ее так, как знал Маргариту Людо, не стал бы ожидать такой невероятной рассудительности. — Тебе следует немного остыть и научиться контролировать свою страсть...

— Не надейся! — неожиданно улыбнулась она, глядя Людвигу прямо в глаза. — Я тебя слишком люблю, чтобы отдать другой! Но нам следует умерить пыл, и лучший способ — короткая разлука.

— Расстаться? — удивился Людо, который такую возможность даже не рассматривал.

— Да! — твердо ответила женщина. — У тебя начинается кампания... Император...

— Ах, да! — сейчас Людо действительно вспомнил, что начинающаяся компания будет нелегкой. На встречу к нему шел сам император...

— А я пока уеду в Задар... — предложила Мара.

— Ты...? — ему вдруг стало страшно, а что, если она, и в самом деле, решила его покинуть.

— Нет, — покачала она головой. — Нет, Людо. И не надейся! — Снова улыбнулась она. — Я никому тебя не отдам, но, если ты все-таки встретишь эту свою "Темную Даму", разрешаю тебе отыметь ее так, как тебе захочется. Возможно тогда, ты и мною будешь овладевать, как мной, а не как ею! — Она притянула голову Людо к себе и поцеловала в лоб. Потом отстранилась, посмотрела ему в глаза и хищно улыбнулась полными великолепно очерченными губами, показав заодно, и белые ровные зубы. — Но я уезжаю только утром, а теперь ночь... и... надеюсь, завтра ты сможешь отдохнуть...

Это было сродни безумию, но так все и обстояло: тоска по уехавшей в Задар Маргарите завлакивала душу серыми тоскливыми сумерками. Но, как оказалось, глубокая тень, легшая на сердце Людвигу, обладала удивительными качествами. Забравшись в нее, как зверь в берлогу, спрятавшись ночным татем, выглядывающим на дорогу из затянутой мраком чащи, Людо чувствовал себя защищенным даже тогда, когда вокруг него, в аду кровавой битвы, рушились на землю люди и кони. Без солнца и тепла жить оказалось даже лучше, вернее, не жить, а воевать: убивать и рисковать быть убитым.

— Что там? — спросил Людо, останавливая коня.

— Мост, ваша светлость! — отрапортовал сержант, оказавшийся старшим среди столпившихся на дороге солдат.

Дорога здесь делала крутой поворот, обтекая слева огромную, нависающую над ней

скалу, и для того, чтобы увидеть мост над горной рекой, обозначенный и на карте главного квартирмейстера армии, надо было обогнуть выступающее плечо горы, голое снизу и поросшее искривленными соснами поверху.

— Мост, ваша светлость, — сказал сержант. — Люди маршала Бьёрка сожгли мост.

— Надо бы посмотреть, что там и как, — меланхолично предложил Голос.

— Показывай! — приказал Людвиг и, спрыгнув с коня, пошел за сержантом сквозь расступавшуюся перед ними толпу солдат.

— Солдаты не могут стоять толпой, или это не солдаты, — Голос не иронизировал. Он "зевал".

"Верное замечание", — не стал спорить Людо, но оставил вопросы дисциплины "на потом".

— Вот! — виноватым голосом, как если бы, и в самом деле, нес ответственность за поступки имперских сил, сказал сержант.

Впрочем, мог бы ничего и не говорить. Слова были излишни, все, что требовалось, Людвиг увидел сам. Река была неглубока, но имела буйный нрав и, прорезав себе в мягком камне узкое глубокое ложе, шумела и бурлила довольно далеко вниз. Такую реку не перейдешь вброд, хотя несколько крепких и умелых людей смогли бы, пожалуй, перебраться на ту сторону — а расстояние между скалистыми берегами было, не сказать, что б очень большое — и перебросить веревки... Однако "на том берегу" стоял сейчас арьергард Бьёрка, оживившийся при появлении Кагена, которого они, верно, узнали по небогатырскому сложению и черной одежде с редкими украшениями из серебра.

Золото Людвиг перестал носить еще два года назад, чувствуя себя в его присутствии едва ли не больным. В чем тут дело, он так и не понял. Но, хотя со временем идиосинкразия на аргентум понемногу ослабла и почти сошла на нет, привычка осталась, и Людо отказался от золота, предпочтя ему благородный *argentum*.

— Вы бы отошли за скалу, ваша светлость! — по-видимому, сержант тоже увидел, как подчиняясь приказу высокого золотоволосого рыцаря, — шлем тот держал на сгибе локтя, — несколько лучников подняли оружие и приготовились к стрельбе.

— Пусть им, — меланхолично заметил Голос, почувствовавший, верно, внутреннее напряжение, возникшее в теле Людо при виде направленных на него стрел. — Все равно не попадут.

"Ты так думаешь?" — спросил Людвиг, наблюдавший за приготовлениями лучников в привычной уже для всех манере внешнего равнодушия. — Или знаешь наверняка?

— Знаю, — отрезал Голос как раз тогда, когда несколько стрел уже устремились к князю Кагену. — Вот видишь! Промазали...

—левой рукой! — резко скомандовал Голос, и, вскинувший руку Людо поймал стрелу, пролетающую над его плечом.

Ощущение было странным. Показалось на мгновение, что поймать стрелу в полете — плевое дело. Но это не так, и Людо отлично это знал. Но ведь поймал!

"Поймал..." — Он посмотрел на стрелу, все еще зажатую в руке, затянутой в черную кожу перчатки, и перевел взгляд на лучников.

Те больше не стреляли. Стояли в растерянности, которую Людвиг легко опознал и на расстоянии, смотрели на противоположный берег, на князя Задара, способного стоять, не дрогнув, под стрелами и даже ловить их в полете.

— Неплохо получилось, — "кивнул" Голос. — Слухи о твоём мужестве и дьявольской

удаче еще больше деморализуют армию Бьерка. Остается только не дать им уйти. Догнать, навязать сражение, и убить всех. Особенно этого... золотоволосого.

— Поднимите арбалетчиков на вершину скалы! — приказал Людо, оборачиваясь к очень вовремя появившемуся на месте действия капитану. — Надо очистить противоположный берег от их стрелков.

— Помолчите! — приказал он, увидев, что капитан собирается что-то сказать. — Я еще не закончил... Пошлите кого-нибудь в обоз за веревками... Несколько знакомых с горной местностью людей могли бы вот там, чуть ниже по течению, перебраться на противоположную сторону, а там, как видите, и деревья есть. Не прямо на дороге, но нам-то главное переправиться, не так ли?

"А этого золотоволосого, — подумал он, обращаясь к Голосу, — я убью лично".

— Вот это поступок не мальчика, но мужа, — "хмыкнул" в ответ голос. — Особенно если ты просто прикажешь палачу отрубить ему что-нибудь нужное для жизни...

— Рассказывай все! — приказал Хальдеберд.

На самом деле он не ждал от этого рассказа ничего хорошего. Но, с другой стороны, должен же он был знать, что случилось с храбрым Бьерком?

— Рассказывай все! — приказал он, уловив интонацию неуверенности в последней фразе рыцаря Кобье, докладывавшего подробности поражения. Рыцарь был офицером разведки и... ну, в общем, это была его работа — не пропускать ничего, что могло бы представлять интерес. Но он был новым человеком в ставке Хальдеберда и просто не успел еще узнать, что и когда может заинтересовать старого императора. Поэтому шпион решил не вдаваться в подробности, и зря, между прочим, потому что в последние дни в душе Хальдеберда острая паранойя сражалась насмерть с не менее острым — О, да, острым как мизерикорд! — приступом общей мизантропии. Понятно, что победителей в таких конфликтах не бывает, но жертвы исчисляются иногда астрономическими величинами.

— Рассказывай все!

— Армия князя Кагена движется на удивление быстро, — сказал Кобье.

Он говорил правду, ничего кроме правды, — следуя в этом непреклонной воле императора и своим должностным обязанностям, — но звук его голоса выдавал владевшее рыцарем внутреннее напряжение. Увы, с годами Хальдеберд стал глуховат к такого рода нюансам и не мог вполне насладиться речью своего шпиона. Его интересовало лишь содержание рассказа, грубая правда жизни, простая — прямолинейная и недвусмысленная — семантика отчета или доклада, но никак не тонкие смыслы, с помощью которых он был бы способен правильно интерпретировать звучащие теперь в его полевой ставке слова.

А между тем на дворе стояла глухая ночь, а "двором" ставки являлась небольшая горная долина с крохотной, богом забытой деревенькой, от века ютившейся здесь. Приземистые серые домики, сложенные из осколков окружающих людское поселение скал, были тесными и вонючими, а посему квартирмейстеры ставки даже не пробовали разместить императора в одной из этих халуп. Просторный и удобный шатер из двойной шерстяной ткани и полотна — вот где помещалась теперь штаб-квартира Хальдеберда. Крошечная спальня с узкой походной койкой и двумя жаровнями для поддержания хоть какого-то тепла — император был немолод и сильно мерз даже под меховыми одеялами — и просторный кабинет — вот, собственно, и все, не считая закутка для верного слуги.

Итак, время было позднее. Полночь или близко к этому. Три дня кряду шел проливной

дождь, и, хотя теперь о нем напоминала лишь сырая земля и низкие, буквально придавившие долину облака, было настолько холодно, что при дыхании изо рта вырывался пар. Однако в императорском шатре, в просторной его части, именуемой кабинетом, было чуть теплее. Во всяком случае, несколько жаровен с раскаленными углями создавали иллюзию тепла. К тому же под плотным пологом шатра горели свечи, вставленные в походные бронзовые шандалы. Впрочем, они освещали только самый центр "помещения", то есть, то место, где сидел в простом деревянном кресле закутанный в меха император Хальдеберд, стоял перед ним на дорогом восточном ковре, служившем полом, рыцарь Кобье, и были сосредоточены все три жаровни. Вот эти жаровни и служили как раз границами крошечного "обитаемого пространства", за пределами которого, если и не торжествовал его величество Мрак, то, во всяком случае, правила его дочь-наперсница Тень.

— Армия князя Кагена движется на удивление быстро. — Рыцарь говорил с интонацией, напоминающей о ходьбе по тонкому льду. Лед тонок. Он трещит под ногами и покрывается сетью трещин, но пока держит человека, пересекающего замерзший пруд или русло реки. Это опасное дело — идти зимой по непрочному льду. Это скажет вам всякий, кто стоял когда-нибудь над темной водой на трещавшей и готовой исчезнуть из-под ног опоре. Очень неприятный опыт, очень нехорошие воспоминания...

— Армия князя Кагена движется на удивление быстро. На самом деле она идет так быстро, что оторваться от нее — даже в горах или, возможно, в горах в особенности — можно, лишь бросив обозы и обратившись в отчаянное бегство. Маршал Бьерк удерживал дисциплину до самого конца. — На этом последнем слове шпион поперхнулся и почувствовал, как его лоб покрывается испариной. — Армия отступала в порядке, а не бежала, поэтому у нее не было шансов оторваться от Кагена и...

— Каген его догнал, — Хальдеберд не спрашивал, он подводил итог первой части доклада.

— Да, ваше величество! — поклонился рыцарь. — Каген догнал маршала в долине реки у Безансона и навязал сражение. В сущности, у графа Бьерка не было шанса избежать сражения, и он его дал. Однако у Кагена было пятнадцать тысяч воинов, а у маршала всего одиннадцать, и... Падение морали отмечалось еще после прежних поражений, но после десяти дней непрерывного голодного марша через горы с холодными ночевками и пустыми животами...

— Мне докладывали, что Каген ведет тридцать тысяч?.. — Хальдеберд обозначил вопрос интонацией, но суть вопроса лишь подразумевалась контекстом, не более.

— На самом деле, ваше величество, у князя сейчас порядка пятидесяти тысяч воев в строю, но провести так много людей так быстро по таким ужасным дорогам не представляется возможным. Хотя и с пятнадцатью тысячами это не рядовая операция, — осторожно объяснил шпион. — Каген оставил основные силы двигаться на северо-запад по нескольким дорогам, а сам пошел напрямик, догоняя маршала Бьерка. Мне кажется, при этом князь неоправданно рисковал, ведь если бы вы... или кто-то другой пришел к Безансону одновременно с графом Бьерком... Впрочем, я всего лишь шпион, ваше величество, а не военачальник, мне трудно судить о том, что является для полководца оправданным риском.

"Но, тем не менее, судил... и вынес вердикт". — Как ни странно, Хальдеберд не рассвирепел, обнаружив, что думает о нем, великом императоре Хальдеберде, жалкий шпион, рыцарь Кобье.

"Он прав, — решил император. — Я проявил слабость и упустил свой шанс поймать мальчишку Кагена со спущенными штанами. Черт возьми, возможно, это был мой единственный шанс!"

Но кричи или рыдай, или рви волосы на голове, а все это уже свершившийся факт: Каген пришел к Безансону, навязал Бьерку сражение, и разгромил маршала вчистую. Рассек построение, смял, принудил к беспорядочному паническому бегству, и вырезал легкой кавалерией, которой было где развернуться в широкой речной долине.

Как такое возможно? Возможно ли такое вообще?

"Откуда взялся этот страшный человек?" — Вопрос без ответа. Вернее, ответ императору хорошо известен, только ответ ли это?

Задар маленькое ничтожное княжество. Ну, пусть не такое уж маленькое и не настолько ничтожное, как хотелось бы думать, но кому в Европе есть дело до этой чертовой дыры на чертовых Балканах? Кто они вообще такие, это задарцы? Дикие козопасы да неграмотные рыбаки — вот кто они такие, но неожиданно князь этих засранцев — да кто он такой вообще, этот их князь? — начинает неостановимое движение к высшей власти. Необоримое, непрерывное и предельно смертоносное движение. Он начинает с жалкой кучкой людей, набранных в диких, поросших лесом горах, а спустя несколько лет, разгромив мимоходом — едва ли не играючи — лучших полководцев мира, ведет за собой уже огромную и практически непобедимую армию. Великолепную армию. Замечательно обученную, полностью оснащенную, дисциплинированную армию. И все это он сделал сам. Без посторонней помощи. Без состоявшихся, доказавших себя когда-то раньше и где-то в другом месте, а теперь вставших под руку молодого князя Задара маршалов, хотя и собственные капитаны Кагена совсем неплохи, но... Даже его дед, который, как говорят, все еще жив и коротает свои дни в почете и довольстве в старом Задарском кремле, даже он не участвует в войне. Людвиг Каген все делает сам. Один.

— Что-то еще? — спросил Хальдеберд, когда шпион закончил доклад, не упустив, на этот раз, ни одной, пусть даже самой отвратительной подробности поражения. Во всяком случае, император поверил, что так все и обстоит.

И все-таки он спросил:

— Что-то еще?

— Да, ваше величество, — вновь поклонился рыцарь. — Собственно, ни к сражению, ни к разгрому армии маршала Бьерка это прямого отношения не имеет, но, возможно, это важная деталь... Среди пленных оказался и барон Дитц, командир роты лучников. Князь Каген приказал его колесовать, собственноручно прервав мучения барона в самом конце... Ну, вы понимаете, ваше величество...

— Колесовал? — удивился император.

— Да, ваше величество, — и еще один поклон. — Было объявлено, что барон казнен за попытку убийства князя Кагена.

— И они смеют называть меня Василиском?! — вскричал, тогда, потрясенный этим известием Хальдеберд.

— Никогда не слышал, чтобы вас так называли, ваше величество, — лицо шпиона было непроницаемо, лишь по вискам стекали струйки пота. — Но князя Кагена даже в его собственной армии называют Аспидом. Правда на дисциплину и надежность войск это не влияет...

После семи месяцев непрерывных маневров, трех затянувшихся осад и двух генеральных сражений — чтобы не перечислять утомительно-длинный список мелких стычек — наступила поздняя осень, стремительно превратившаяся, затем, в раннюю зиму. В студен выпал снег, и продолжение войны стало временно невозможным. Впрочем, перед самым снегом, выпавшим в четвертый день месяца — торэк, днем раньше, в воскресенье господне, как говорили в тех местах, или в неджелю, как предпочитала говорить Джевана, маршал Дейдье в очередной раз разгромил герцога Лоона в битве при Кросно. Раненый в правое плечо и левое бедро герцог был в бешенстве. Он страдал, но главное, ему так и не удалось выиграть у империи ни одного генерального сражения. Это был позор и жуткое унижение, и, кроме того, поражение, которое не имело на самом деле уже никакого стратегического значения, имело для герцога Лоона далеко идущие политические следствия. Дело в том, что положение империи, в любом случае, не внушало оптимизма — с этой победой или без нее — но как раз в торэк, через день после сражения стало известно о смерти императора Хальдеберда. Старик погиб, как и жил, с гордо поднятой головой. Если не лгали известия, за две недели до сражения при Кросно, Хальдеберд лично возглавил последнюю отчаянную атаку рыцарей на фланг уже победившего в сражении князя Кагена. Атака эта была действительно последней, потому что других резервов у императора к исходу седьмого часа битвы не оставалось, и отчаянной, поскольку ничего уже не решала. Но Хальдеберд поступил как мужчина и воин, и его рыцари остались верны сюзерену до конца. Все они погибли, и император вместе с ними. Но это уже были подробности, и никто не мог объяснить принцессе и герцогу Лоону, как это вышло, что в конце сражения на поле брани полегло семьсот лучших рыцарей Европы. Зачем? Почему? Как? Но, видимо, князь Каген никогда не поступал так, как того следовало ожидать, исходя из традиции и имевших место прецедентов. Рыцари были истреблены поголовно, словно на них пало проклятие небес или приговор жестокосердного суда, и с ними вместе сгинул император Хальдеберд. Погиб, сообщали гонцы. Был убит, писали в своих "известиях" шпионы. Пал в гуще битвы, гласило официальное обращение двора в Кельне.

— У императора есть наследники! — хмуро бросил Лоон.

— Были, — осторожно поправил находящегося не в духе герцога граф Сновид.

"Были", — согласилась с ним Джевана.

Впрочем, многое зависело от того, как быстро Каген доберется до Кельна и что он предпримет, вернее, уже предпринял сразу же после победы в сражении.

— В Кельне сильный гарнизон, — хрипло простонал герцог Лоон, которого мучили сильные боли. Его стон был похож на собачий лай.

— Никакой гарнизон не выдержит длительной осады, и никто не помешает Кагену держать осаду столько, сколько он захочет. — Возразил Сновид.

— А мы? — спросила Джевана.

— А мы способны ему помешать? — вопросом на вопрос ответил Сновид и иронично поднял бровь.

— У нас семьдесят тысяч воинов... — Лоон уже не был так уверен в себе, как несколько месяцев назад, но формально он был прав.

— Я не буду сражаться с императором Людвигом, — став снова серьезным, сказал Сновид. — Пророчество исполнилось, и не нам вставать на пути у того, кого избрали победителем небеса.

— Что же нам делать? — ощерился Лоон.

— Принести ему клятву верности, — пожал плечами граф. — И поцеловать руку.

От Джеваны не укрылось странное выражение глаз Сновиды, когда он быстро — едва ли не воровато — посмотрел в ее сторону. И интонацию, изменившуюся на последнем слове, она услышала и оценила.

"Вот как..." — подумала она, рассматривая двух людей, с которыми много лет назад начинала этот так и не удавшийся поход.

"Или все-таки удавшийся?"

Возможно, все, что они делали, являлось частью Великого Плана. Малой частью, ничтожной деталью, но пророчества ведь не просто так приходят в мир людей. И пути их воплощения, порой, настолько извилисты и причудливо вычурны, что простым смертным не разобрать, что там и отчего произошло, чему стало следствием и чему положило начало. Но также возможно, что все это только слова. Пустые звуки, лишённые смысла, а правда — вот она: все было напрасно, потому что неправильно. И теперь за ошибку придется платить.

"Меа кульпа... Моя вина... Моя".

Ее. И никого больше.

"Но правды не знает никто... кроме богов... А боги..."

Ответят ли боги на ее вопрос?

Джевана никогда не злоупотребляла даром, и Сокровенное Знание использовала редко и только тогда, когда человеческие возможности бывали исчерпаны до конца, а цель стоила и крови, и страдания, и посмертной судьбы. Но сейчас все так и обстояло, и, значит, пришла пора задать вопрос.

— Прошу простить меня, судари мои! — сказала она ровным голосом. — Я покину вас ненадолго. А вечером... Вот вечером и продолжим наш разговор. — И, плавно повернувшись, пошла прочь, оставляя за спиной не только герцога Лоона и графа Сновиды, но и всю свою прежнюю жизнь, потому что после того, что она собиралась сделать, пути назад не будет. Будет или Великое Восхождение, которое, если выразаться грубыми человеческими словами, есть смерть плоти, либо новая жизнь. Иная, но какая точно, узнать можно будет, только дожив до нее и приняв в себя, как свою и ничью больше жизнь.

Разумеется, он не отдавал таких приказов, хотя и мог бы, поскольку все это отнюдь не ново под луной. Не впервые, не внове. Однако Людвиг не унизился до того, чтобы отдавать такие приказы. В конце концов, он князь Задара, а не император Хальдеберд, который распорядился бы подобным образом, не задумываясь и не испытывая никаких чувств, тем более, угрызений совести. Впрочем, и Людо не испытывал, но дело было не в двуличии, а в уровне взаимопонимания. Его люди были его людьми. Стали такими, кем бы ни были в прошлом. И, совершив однажды обдуманый переход под его руку, со временем осознали — часто и с удивлением — что давно уже служат не за страх и, тем более, не за деньги. А как это вышло, как могло случиться, — сие оставалось тайной, раскрыть которую никто — из тех, кто задумался — так и не смог. Произошло. Это факт. Случилось как-то. Уж не благодаря ли колдовству? А хоть бы и так! Но это стало возможным. А дальше просто. Понимать своего господина — это ведь как дышать: происходит с естественностью и

легкостью, с какой одна часть организма "понимает" другую. Рука голову, например, или глаза — сердце.

И вот, хотя никаких особых приказов на сей счет, никем отдано не было, как-то так получилось, что все родственники Хальдеберда погибли в течение одного месяца. Все до единого, где бы они в это время не находились: в Мельме, или Цюрихе, в Намюре, в Утрехте, везде. В городах, крепостях и замках. И печальные вести об их кончине, разумеется, достигли ушей Людвига. Ну, не могли же, в самом деле, его люди не сообщить князю о том, что племянница императора — вот ведь случай! — упала со стены замка Нойшваншгайн, да и разбилась насмерть, или что внук Хальдеберда Торбен задохнулся, подавившись во время обеда в своей Брюгской резиденции куском свинины? Всех их прибрала костлявая, или словно утянул за собой, уходя в ад, старый император, которого теперь все чаще именовали Василиском. Василиск то, Василиск это, а имя, настоящее имя и многочисленные титулы покойного Хальдеберда достались одной лишь бюрократии, которая, как известно, не шумит и не суетится, а ведет свои дела в упорядоченной тиши кабинетов и архивов.

А время не стояло на месте. Снегопады сменялись дождями, но и солнечные дни случались той зимой неоднократно. И в унор из Рима в Марбург, где зимовал князь Каген, три нунция в ранге кардиналов привезли коронационную буллу с золотой печатью. Людо взял свиток в руки, брезгливо поморщившись, когда его пальцы коснулись золота, пробежал глазами текст, и кивнул, передавая документ секретарю.

— Коронация в апреле, — объявил он и поочередно поцеловал три пастырских перстня. Золото.

"Золото, черт возьми!"

От прикосновения к золоту губы обожгло, словно бы коснулся раскаленного металла. Но Людвиг умел терпеть боль. Вытерпел и это. Поцеловал, поклонился и ушел в личные покои, сославшись на нездоровье. А ему, и в самом деле, недужилось. То ли лихорадка начиналась, то ли вновь открылось кровотечение в легком. Однако дел было много, как никогда, и ушел он от папских нунциев не для того, чтобы лечь, наконец, в постель, а для того, чтобы заняться хотя бы самыми насущными из накопившихся дел.

— Что скажите, ваше преосвященство? — спросил он, войдя в свой рабочий кабинет, где уже в течение часа его терпеливо дожидался еще один кардинал.

— Прикажете меня пытаться? — вопросом на вопрос ответил старик.

Выглядел кардинал неважно. И то сказать, его попытка тайно добраться до Рима успехом не увенчалась, а прятаться — в его возрасте, да еще и зимой — оказалось совсем нелегко.

— Хотите умереть мучеником? — вопрос прозвучал по-деловому, почти без эмоций, и от этого, вероятно, кардиналу действительно стало плохо. Он живо представлял, на что способны палачи, получившие соответствующий приказ и сразу же понял, что расскажет все и сразу, как только раскаленная сталь коснется его старческой плоти. Так зачем же, тогда, вся эта бравада? Даже с Хальдебердом можно было играть в сложные игры со ставками на жизнь, а вот с этим вот... с этим...

"Аспид! Аспид и есть!"

Вот с ним играть не следовало. Просто потому что он не принимал игр. Никаких. Вот, что увидел кардинал Ратцингер, взглянув в холодные глаза князя Кагена.

— Я отдам вам архив императора, — сказал он упавшим голосом.

— Отдадите, — согласился Людвиг, по-прежнему бесстрастно глядя на священника. —

Но этого недостаточно.

— Чего вы хотите еще? — казалось, что от истерики кардинала отделяет такая тонкая грань, что еще немного, и он не сможет говорить членораздельно.

— Комментарии, — холодно объяснил Людвиг. — Мне нужны комментарии, ваше преосвященство. Мне и моим людям будет интересно послушать ваши комментарии к документам покойного Хальдеберда. Ведь вы готовы нам помочь?

— Да, — но это было единственное, что еще был способен произнести кардинал. Только это "Да". Только "Да". Да...

Девять посетителей, три дюжины бумаг на подпись — а он, разумеется, никогда ничего не подписывал, если прежде не прочел, — и коронационные распоряжения, которые Людвиг продиктовал ночному секретарю, когда уже было далеко за полночь. За узкими стреловидными окнами, врезанными в толстые каменные стены, непроглядный мрак: ночь, непогода, зима... Ни звезд, ни луны — тьма египетская и холод одиночества. А еще смертельная усталость и унылая, знобкая тоска... Но сон не идет, хоть убей, и нет конца этой вечной ночи.

— Ваше высочество... — ночному секретарю страшно, но чутье — тонкий нюх дворцового человека — подсказывает, молчать нельзя.

— Да, — говорить не хочется, но, наверное, секретарь, не замеченный прежде в дурости, знает, что делает, отвлекая Людвиг от тяжелых как камень мыслей.

— Полчаса назад в замок прибыла дама... — у секретаря сухо во рту, несмотря на то, что в покоях отнюдь не жарко. Он в ужасе, но отступить поздно, да и некуда.

— Ночью... в непогоду... — князь поднимает взгляд, смотрит внимательно, терпеливо ждет.

— Да, ваша светлость, — даже в неверном свете масляной лампы видно, как побледнел ночной секретарь. Кажется, это называется "смертельная бледность". — Ночью... Ей не хотели открывать, но... Но почему-то открыли.

— Опустили подъемный мост... — экая безделица, не правда ли? Всего-то и дел, что опустить подъемный мост, поднять решетку, открыть ворота... Тому, кто знает, как устроены замковые ворота, кто, как Людо Каген родился и вырос в замке, хорошо известно: это тяжкий труд и непростая задача, не говоря уже о том, что после заката крепости закрываются до утра. Таковы правила. Таков устав караульной службы. Так что и удивляться, собственно, нечему, если вам говорят, что дама прибыла в замок за полночь, потому что, видимо, привыкла путешествовать по ночам.

— Да, ваша светлость, — признает секретарь очевидное. — Это странно, но ей открыли.

— Кто бы это мог быть? — создается впечатление, что вопрос не задан: князь Каген, словно бы, размышляет вслух. Однако задан вопрос или нет, у произнесенной князем фразы есть все признаки вопроса, а из собеседников у Людвиг Кагена в данный момент только его ночной секретарь.

— Она не назвалась, ваша светлость, — обреченно признает секретарь. — Но ... попросила, чтобы вы ее приняли.

— Попросила? — князь смотрит в глаза секретаря, не мигая. — Или потребовала?

— По... — но тут голос окончательно изменил секретарю, и он не смог продолжить начатое слово.

— Потребовала, — Людвиг не удивлен.

Разве Судьба спрашивает разрешения? Разве Смерть представляется, приходя к тому, на кого пал ее выбор?

— Пустое! — отмахивается он от стремительно впадающего в безумие секретаря и встает. — Пригласи ее войти!

"Ну, вот и все!"

Однако, подумав так, произнеся — пусть и мысленно — эту сакраментальную фразу, он не испытал ни страха, ни волнения. И разочарованию не нашлось места в его гордом сердце. Однако же, стоило ему так подумать, и Людо почувствовал, как отступает боль, и уходит из тела немочь. Когда все кончено, ничто уже не может отвлечь душу от последнего усилия.

"Я прожил, сколько мог..." — даже теперь он не думал о Судьбе или Богах, как о внешней неодолимой силе. Людо Каген никогда не был ничьей марионеткой, не признает он чьего-либо права на себя и в это, по всем признакам, последнее мгновение своей жизни.

— Кстати о правах... — показалось ли ему, или, и в самом деле, сквозь наигранную иронию Голоса прорвалось напряжение последнего мгновения?

"Ты предъявляешь на меня права?" — искренне удивился Людо, никогда не рассматривавший Голос в качестве кого-то, кого законники назвали бы "Юридическим лицом".

— Я? — "ужаснулся" Голос. — Ни в коем случае! Но есть кто-то другой, кто, как мне кажется, имеет на тебя кое-какие права...

"На меня?!" — но ответ был очевиден, и оставалось только сожалеть, что ему потребовалась подсказка.

"Мара..."

Голос был прав, но, по-видимому, было слишком поздно, чтобы пытаться что-нибудь изменить. Его время истекло, ведь недаром ночная гостья пришла именно тогда, когда у него не осталось больше врагов.

"Не врагов, а Врагов", — поправил он себя мысленно.

Врагов-то у него как раз было много, — и останься он теперь жив, станет еще больше, — а вот тех, кого можно было бы, не покрывив душой, назвать врагом с большой буквы, уже не осталось. Он убил их всех, а его убьет Судьба.

— Красиво, — усмехнулся голос, и в этот момент ночной секретарь легко ударил костяшками пальцев в створку двери, предупреждая князя о своем возвращении.

— Входите, — разрешил Людвиг и повернулся лицом к двери.

Первым в кабинет князя вошел секретарь, за ним, отстав на шаг или два — смотря чьими шагами мерить, — высокая женщина, с ног до головы закутанная в меха. На ней была надета длиннополая шуба из меха куницы, сапоги, отороченные росомарой, и шапка из куницы, украшенная хвостами черно-бурых лис. Лицо ночной гостьи скрывалось под алым шелковым платком, оставлявшим открытыми лишь глаза. Огромные, необычного разреза серые глаза под тонкими светлыми бровями.

— Странно... — Голос был растерян и даже не пытался этого скрыть. — Я ожидал кого-то другого.

"Полагаешь, Костлявая не могла послать кого-нибудь вместо себя?" — а вот Людо, как ни странно, даже не удивился.

Чего-нибудь в этом роде вполне можно было ожидать от склонной к вычурностям Хозяйки Судьбы. Во всяком случае, его собственную жизнь обычной назвать было сложно.

Слишком замысловатый сюжет, слишком много боли, и мало радости.

"И концовка в духе греческой трагедии..."

— Боюсь, это еще не конец, — голос женщины звучал ровно, но, несмотря на ее старания скрыть чувства за звуками речи, Людвиг понял, что женщина расстроена и раздражена.

— Что привело вас в мой дом, принцесса? — от звука его голоса она вздрогнула, потому что голос Людвиг был напрочь лишен эмоций. Холодный, как зимний ветер, равнодушный, как пустые небеса.

— Я... — Джевана споткнулась на первом же слове, чего с ней никогда не случалось прежде, но все-таки нашла в себе силы продолжить начатую фразу. — Я проиграла, Людвиг. Неправильно прочла руны судьбы... — Она сбросила с головы шапку вместе с платком, закрывавшим лицо. В глазах принцессы клубился туман, пронизанный грозowymi всполохами. — Ты ведь знаешь, о чем я говорю?

— Возможно, — кивнул Людо, отсылая секретаря таким движением руки, что бедняга не скоро осмелится вновь переступить порог княжеского кабинета. — Проходи, Джевана, садись. — Указал он рукой на кресло у камина.

— Спасибо, Людвиг, — принцесса постояла мгновение, глядя на Людо широко открытыми глазами, и вдруг улыбнулась, хотя улыбка, следует признать, напоминала скорее оскал раненого, но непобежденного зверя. Хищного зверя, разумеется. Опасного зверя. Росомахи, например, или рыси... — Ты очень добр, князь, но я не заслуживаю твоей доброты.

— Хочешь рассказать? — спросил Людвиг, пододвигая к огню еще одно кресло.

Однако принцесса так и осталась стоять, не сдвинувшись с того места, где остановилась несколькими мгновениями раньше.

— Что-то не так? — спросил он.

— Все так, — улыбнулась она в ответ, и на этот раз улыбка получилась чуть лучше. Во всяком случае, она оживила лицо Джеваны, осветив его холодное совершенство отсветом печального, но все-таки живого огня, горевшего где-то в глубине души истинной Девы Севера. — Хочу рассказать. Расскажу... Но не сейчас. Не сразу...

— Хочешь вина? — Людвиг подошел к столу и взял с серебряного подноса серебряный же, черненный кувшин.

— Хочу, — чуть опустила голову в знак согласия принцесса, внимательно, словно впервые, рассматривавшая невысокого худощавого мужчину в черной одежде. Белыми были только кружева манжет. Снежно белые кружева, черная шерсть и кожа, темное серебро.

— Сколько тебе лет? — неожиданно спросил Людвиг, передавая ей кубок с вином. Синие глаза смотрели в серые глаза. Он видел опасный туман, она — надвигающуюся бурю.

— Сорок семь, — ответила Джевана и чуть подняла подбородок, словно хотела сказать ему, смотри, Людо, теперь ты знаешь правду! Но...

— Это много или мало? — он, как ни в чем не бывало, пригубил вино и вновь посмотрел на принцессу. — Я имею в виду, для вас это много или мало?

— Не много, — объяснила она, удивляясь уместности уточнения. — По вашему счету я немногим старше тебя.

— Ну, я так и думал, — кивнул Людвиг и сделал еще один глоток вина.

Вино было хорошее: крепкое и терпкое. От него становилось теплее.

— Выпей, Джевана, — предложил он, видя, что она так и не попробовала вина. — Этс

хорошее вино. Оно согревает.

— А ты, — сказала она тихо. — Ты согреешь меня, Людвиг Каген?

Ответом ей стала тишина. Людо молчал. Стоял напротив нее, смотрел, оставаясь — по крайней мере, внешне — совершенно спокойным, молчал.

— Я должна умолять тебя о близости, как о милости? — в ее словах не было гнева, но зато явственно звучало отчаяние.

— Нет, — покачал головой Людо. — Нет, разумеется, но... У моей Судьбы злые шутки.

Он отставил кубок и протянул руку Джевানে:

— Пойдем, принцесса! До рассвета не так уж много времени...

— А мне еще надо успеть преставиться, — впервые за все время разговора улыбнулся

Людвиг.

— Тогда поспешим, — улыбнулась и Джевана, и эта третья улыбка вышла у нее вполне человеческой.

— Я ошиблась, — по-видимому, если бы не низкая облачность, сейчас бы уже рассвело. Но на дворе зима, а зимой светает поздно, даже если и нет этих чертовых снежных туч.

Людо приподнялся на локте и посмотрел на Джевану. Света от нескольких почти догоревших, но все еще живых свечей хватило, чтобы увидеть: глаза женщины открыты, но смотрит она не перед собой, а в себя. Лежит, словно уснула, утомленная страстью. Прекрасное тело расслаблено, в огромных глазницах сгустилась тень... но принцесса не спит, и, если приглядеться, можно различить блеск ее зрачков. Веки подняты, глаза открыты...

— Я ошиблась, — сказала она, и теперь Людо молча смотрел на Джевану в ожидании продолжения.

Несколько часов назад он без возражений и сожаления принял идею смерти, но вместо того, чтобы умереть, оказался теперь в постели с принцессой Джеваной — самой красивой и желанной женщиной, какую он мог себе представить перед тем, как встретил Мару. Ошиблась ли принцесса, и в чем она ошиблась, если это произошло на самом деле? Вероятно, сейчас он это узнает. Однако одну вещь он уже знал: ошибался он. Предчувствие собственной смерти он принял за неутоленную страсть к Джеване. Ошибся он, ошиблась Маргарита, почувствовавшая в его душе тень, но не способная рассмотреть ее вблизи.

"Я ошибся... и ты, Мара, ошиблась. Тебе не следовало уезжать..."

— Я ошиблась, — словно вторя его мыслям, повторила Джевана. — Не увидела в тебе Тебя. А пока раздумывала... Ты ведь любишь ее, а не меня. Возможно, когда-то — в Кериче или еще раньше — ты меня желал, но это время прошло. Кто она?

— Какая разница? — ответил Людвиг. — Женщина... которая смогла убедить меня, что я люблю ее, а хочу тебя.

— А теперь скажи то, о чем ты подумал на самом деле, — попросила Джевана.

Она по-прежнему лежала на спине, нагая и прекрасная, но чувствовалось, что принцесса несколько не гордится своей воспетой в песнях красотой, точно так же, как не стесняется наготы.

— Я подумал, — Людо решил, что она может знать, тем более, что никому больше он своей тайны рассказать уже просто не успеет. — Я подумал, что пророчества такого рода, как в моем случае, ничем, собственно, неотличимы от проклятий. Был проклят Хальдеберд, и избранником судьбы — ее орудием — оказался я. И чем же стала для меня эта

избранность? Уж не проклятием ли?

— Я тоже являюсь частью пророчества... — легкие слова, словно шепот или звук дыхания.

— Но о тебе там ничего не говорилось! — возразил Людо. — Или мне не известен весь текст пророчества?

— Его слова туманны... — Всего лишь намек, но иногда большего и не требуется.

— Заплутал в тумане, — напомнил Голос.

"Туман ее глаз..." — откликнулся Людо, понимая и принимая.

— Когда ты узнала? — спросил он вслух.

— Через два дня после сражения при Кросно, когда до нас дошла весть о гибели Хальдеберда.

— Ты умеешь смотреть? — предположение отнюдь не казалось невероятным. Напротив, если и есть еще в мире люди способные смотреть, то искать их следует на севере.

— Умею, — неожиданно Джевана села. Движение было стремительное — почти мгновенная смена поз — но настолько плавное и естественное, что Людвиг на него никак не отреагировал. Увидел, но не понял, а когда понял, было поздно реагировать. А на подсознательном уровне, там, где властвуют вбитые намертво боевые навыки, "и травинка не шелохнулась".

— Умею, — сказала Джевана. — Смотрела, гадала на рунах, ворожила над вересковым дымом... Я вплетена в этот узор словно нить, и моя судьба пересекается с твоей...

— Грустно, — сказала она через мгновение. — Могла быть любовь, хотя могла случиться и ненависть, но мне все же хочется думать о любви. — Она грустно улыбнулась все еще молчавшему Людо и коротко посмотрела в окно, словно бы решая, есть ли еще время или уже нет? Но, по-видимому, время — пусть и немного — у них еще было.

— Теперь уже ничего не изменить... — Сейчас Джевана смотрела ему прямо в глаза: стальной взгляд смерча, встретившийся с темной синью ночи. — Ты встретил ее раньше, чем я смогла тебя найти. Но в этой истории, Людвиг, увы нет победителей. Одни проигравшие, — она продолжала смотреть ему прямо в глаза, и он тоже не отводил взгляда. — Умер Хальдеберд, а сейчас уйдешь и ты... Ведь ты чувствуешь Ее, Людвиг, ведь так?

— Да, — коротко ответил он. — Я ее чувствую и знаю... Она подождет немного, Джевана. Даст нам договорить и позволит мне одеться и привести себя в порядок... Говори!

— Умрешь ты, и мое сердце будет разбито, — голос Джеваны вновь звучал ровно, и чувства покинули ее взгляд. — Я уйду вслед за тобой, не имея и тени надежды встретить тебя вновь.

— Прости, — коротко поклонился Людо, отрывая взгляд от ее холодных глаз, и сделал движение, собираясь встать с постели.

— Тебе не за что извиняться, князь! — она покинула огромную кровать первой. Когда Джевана этого хотела, она могла двигаться очень быстро. — Ошибку совершила я, мне и платить, но...

— Что-то еще? — спросил он сухо, оставляя постель и начиная одеваться.

— Кто-то еще, — она тоже уже одевалась, но разговор, судя по всему, закончен не был. — Эта женщина... Горе убьет ее, иссушив душу...

— К сожалению, мне нечем ей помочь, — Людвиг задержал на мгновение взгляд на своем кинжале. — Как, впрочем, и тебе.

— Сапфиры и серебро... — Джевана тоже смотрела на богато украшенный кинжал, на котором, как оказалось, совсем не было золота. — Как давно ты перестал пользоваться золотом?

— Год, — пожал он плечами, рассеянно глядя на принцессу. — Может быть, два. Не помню. Все произошло как-то само собой.

— Мы все уйдем... — сказала, тогда, Джевана.

— Люди смертны, — усмехнулся Людвиг.

— И только любовь бессмертна, — она снова смотрела ему в глаза.

— Так говорят... — он не отвел глаз, вернув Джевানে бестрепетный взгляд. — Что ты увидела, Джевана?

— Мы сможем вернуться... — ответила она. — Могли бы... если... — Она колебалась, явно не решаясь закончить свою мысль.

— Кто из нас троих? — спросил Людвиг.

— Все и никто, — решившись, наконец, выдохнула принцесса.

— Все и никто... — повторил за ней Людо, начинавший постигать одну из величайших тайн жизни.

— Он, — сказала Джевана. — Почти ты, но не ты. Всегда только сапфиры и серебро, до той последней главной встречи, когда завершится Великий Круг превращений.

— Я... — и он увидел себя, идущего сквозь время к женщине, держащей в вытянутых руках императорскую корону. Топазы и золото...

— Ты и она, — кивнула Джевана. — Она, которая не я и не Маргарита...

— Так ты знала ее имя, — Людо не был удивлен, чего-то в этом роде он, собственно, и ожидал.

— Вчера я провела с ней весь день, — спокойно объяснила Джевана. — Она знает, что я здесь, и готова уйти вместе с нами... И лучше так, Людо, потому что все слухи ложь, а правда в том, что у вас общие отец и мать, и значит вы...

— А что случится, если мы уйдем вместе? — спросил Людвиг, хотя и знал уже ответ, обсудив все возможные варианты со своим вечным спутником. Голос остался с ним до конца, и это значило гораздо больше, чем простой факт их совместного сосуществования. — Что тогда?

— Она и я... — Джевана смотрела сейчас куда-то "вдаль", туда, куда они еще не пришли. — Мы сольемся с ней в одном образе, перестав быть собой, но, оставшись навсегда в той, кто пойдет путями Великого Круга, меняясь и все-таки оставаясь тем, что мы есть. Иногда в ней будет больше меня, а иногда — Мары, но та, что встретит тебя в конце пути, будет сама собой: не мной, и не Маргаритой. Хотя и ты, Людвиг, тоже изменишься, пройдя через все возможные отражения. Ты... готов?

— Я думаю, ты зря сомневалась, — улыбнулся Людвиг. — Но как Мара узнает, что решение принято? Хотя постой!

Как могло случиться, что он не придал значения словам Джеваны?

Что она сказала?

Сказала, "Вчера я провела с ней весь день..."

Но Мара в Задаре. Или уже нет?

— Где она? — спросил Людвиг вслух.

— Она ожидает нашего решения в большой приемной, — спокойно ответила Джевана. — И не злись, Людвиг. За все надо платить, за вечность и вечную любовь тоже.

На этом заканчивается история одного одиночества и начинается история другого. Людвиг Каген был найден наутро мертвым. Он сидел в кресле, а напротив него так же в креслах сидели принцесса Джевана и графиня Корвин. Все они были тщательно одеты. На столике между ними стояли кубки с вином. Создавалось впечатление, что они провели за разговором некоторое время, а потом умерли без всяких видимых причин. Во всяком случае, никаких следов отравления или иной причины их преждевременной и одновременной смерти обнаружено не было даже после самого тщательного расследования. А корона империи не досталась никому...

1

... А корона империи не досталась никому... — Тильда подняла взгляд и посмотрела на друзей. — Это то, что я думаю? — спросила она, но ветер времени уже разметал лепестки розы миров, и, уходя в лабиринт вероятностей, Клотильда ван дер Шенк знала, что все обстоит еще хуже, чем она подумала вначале.

2

— Он, — сказала Джевана. — Почти ты, но не ты. Всегда только сапфиры и серебро, до той последней главной встречи, когда завершится Великий Круг превращений.

— Я... — и он увидел себя, идущего сквозь время к женщине, держащей в вытянутых руках императорскую корону. Топазы и золото...

— Ты и она, — кивнула Джевана. — Она, которая не я и не Маргарита...

3

С ночи шел дождь. Мелкий, унылый, он протянулся из вчера в сегодня и, превратив утро в, черт знает, что — серо, сыро, уныло — поплелся дальше на пару с неторопливыми, едва ползущими вперед мгновениями к далекому полудню. Но неожиданно за серым непроницаемым пологом, за кисейными завесами дождя и тумана, прорезался голос тысячесильного мотора, пережигающего килограммы жидких углеводов в километры и минуты стремительного полета. И княжна Ольга вскинулась на звук и, подняв лицо вверх, устремила взгляд в мутное ничто, словно пыталась прозреть, увидеть сквозь все преграды того смельчака, что бросил вызов монотонности дождя и обыденной человеческой жизни.

— Что? — спросила, приподнявшись на канapé, Дарья. — Что? Что там?

— Это Кирилл. — Ольга, не глядя, протянула руку, и молоденькая стильная горничная, наряженная по случаю намечавшегося с утра, но так и не задавшего девичника женщиной-вамп, вложила в тонкие пальцы княжны темно-кремовую сигариллу. — Это он, я знаю... Найдена? — Она обернулась к служанке и прикурила от мгновенно вспыхнувшей каминной спички. — Хм...

По комнате пополз табачный дым, пахнувший корицей и яблоками.

— Он рискнет садиться в такую погоду? — спросила графиня Скулнскорх, с откровенным интересом приносиваясь к сигарилле. Ее безмятежное лицо было своеобразно

и, возможно, даже красиво, но, пожалуй, слишком холодно и несколько сумрачно. Она вообще, следует заметить, не оставляла никого равнодушным. Такова уж была ее природа: глаза цвета золотистых топазов и золотисто-красные жесткие вьющиеся волосы, с большим трудом и немалой сноровкой уложенные в императорскую корону. И, разумеется, великолепная фигура, а на ней замшевый костюм для пикников, шелковая сорочка и шейный платок различных оттенков молочного шоколада, и стоящие целого состояния королевские топазы, такие крупные, что дух захватывало — вот какой интересной девушкой была графиня Елизавета Скулнскорх.

— Да, — не оборачиваясь, ответила княжна Ольга. — Кирилл не обманет. Он сядет на воду в тумане...

И он сел. Видеть этого, разумеется, никто не мог. Туман, стелившийся над озером, и завеса дождя скрывали от глаз и гавань, и причалы, и все вообще. Впрочем, в какой-то момент барону Морицу Розенкранцу показалось, что графиня Скулнскорх знает о происходящем там, за огромными хрустальными окнами "Ривьеры", гораздо больше, чем кто-нибудь другой из собравшихся здесь "прожигателей жизни".

"Но разве мы прожигаем жизнь? — подумал он, прислушиваясь к песне одинокого мотора. — Или все-таки всего лишь нажитые не нами и не нам принадлежащие состояния?"

Мориц покосился на княгиню Ольгу, весьма драматически наполнявшую просторный ресторанный зал клубами ароматного дыма, и перевел взгляд на графиню Елизавету.

"Ах, да! — сообразил он вдруг. — Вот кто прожигает свое собственное состояние!"

И, правда, лишь она, да еще спешащий к ним сквозь ночь капитан-лейтенант князь Курбский были полновластными хозяевами своих титулов и состояний. Остальные — всего лишь чьи-нибудь детки: доченьки да сынки.

А между тем приглушенная расстоянием и туманом песня мотора сошла вдруг на нет, и слышны стали хлюпающие шлепки пологих волн о бревенчатое основание "Ривьеры".

"Вроде, сел", — напрягая слух, подумал Мориц и мысленно пожал плечами.

— Сел? — ни к кому, кажется, не обращаясь, спросила Ольга.

— Сел, — уверенно ответила Елизавета на вопрос заданный не ей, или вообще не заданный никому.

— Ах, сударыни! — зевнул Симон де Монфор. — Мне бы ваши заботы!

Молодой человек в парадном лейб-гвардейском мундире, нечистом и сильно мятом — после непрекращающегося недельного кутежа, плавно перешедшего в запой, — с одутловатым лицом, которое сейчас вряд ли кто-нибудь назвал бы красивым, заплывшими глазами и растрепанными светлыми волосами, производил жалкое впечатление. Однако, как ни крути, это был наследник одного из самых старинных титулов Европы, будущий — если, разумеется, доживет, — Симон XI де Монфор-л'Амори граф де Эврё герцог Анжуйский и бог знает, кто еще. И грудь его, несмотря на молодость и невысокое звание, украшал крест "За кровавый штурм", Звезда Отважных — не менее десяти штыковых атак, притом, что граф Симон, вообще-то, был бронеходчиком, — и Звезда Доблести.

— Ах, сударыни! Мне бы ваши заботы!

Но договорить — тем более, развить мысль — графу не позволили. Послышались тяжелые русские матюги, звон бьющегося стекла и "вопли и стоны раненых", двустворчатая дверь, ведущая прямо на "палубу", с треском распахнулась от молодецкого удара ногой, и в кабинете появились новые лица. Первым шел невысокий темноволосый крепыш в меховом комбинезоне и унтах. В зубах он сжимал короткую витую трубку, а в руке — початую

бутылку с коньяком. За ним шли еще двое летчиков, "загримированных" под полярных медведей, но ни одного из них Мориц не знал. Зато знал кое-кто другой.

— А вот и мы! — объявил князь Курбский. — Ольга, душа моя, как я рад тебя видеть! Дамы! — он чуть поклонился нескольким незнакомым феминам. — Господа! — рука с бутылкой изобразила в воздухе нечто, долженствующее символизировать приветствие. — Капитан-лейтенант князь Курбский к вашим услугам. Прошу любить — женщин, и жаловать — мужчин. Я хороший!

— Симон! — обрадовано воскликнул один из двух прибывших с Курбским летчиков.

— Ваше сиятельство! — поклонился второй, глядя на Елизавету Скулнскорх.

— О, Казимир! — вскинулся бронеходчик. — Господа! Это же боярин и оружейничий Казимир Ванькович!

— Казимир, — склонил голову в поклоне светло-русый "медведь" с тонкими, прямо-таки образцово-аристократическими чертами лица. — Рад знакомству.

— Вы... — сказала Елизавета Скулнскорх, вставая из кресла. Ее лицо заливала смертельная бледность.

— Капитан граф Кезгайла, — представился высокий черноволосый мужчина. Его синие — почти черные сейчас — глаза смотрели прямо на графиню. На одну нее, и только для нее он, по-видимому, и представлялся.

"Что за черт?!" — удивился Мориц.

И в самом деле, зачем бы этому Кезгайле — "Литвин?" — представляться именно графине, если они и так уже знакомы? Но говорил-то черноволосый летчик именно с Елизаветой, поскольку все остальные являлись для него не более чем статистами. А кому интересны, спрашивается, имена поющих в хоре?

А между тем пауза — некое провисание времени и настроения, вызванное первым впечатлением — благополучно завершилась, изжив саму себя, и все вдруг задвигались разом, заговорили, заспешили. И краски снова стали самими собой, а не бледными копиями бывшего великолепия. И запахи вернулись, словно и не исчезали никуда. И, возможно, что никто — кроме Морица Розенкранца — этого даже не заметил. Однако барон "перелом" уловил, а, уловив, обратным зрением исследовал предшествующее окончанию паузы время и сильно удивился. Что же такое необычное случилось в эти мгновения, что образовался "гнилой омут", как называла такие вот странные разрывы непрерывности Норна Гильдернстерн — двоюродная бабушка Морица. В иные времена герцогиню Сёмсе наверняка сожгли бы со всей помпой, полагающейся такому неординарному случаю, или тихо утопили, что более соответствовало ее положению в обществе, однако в новые времена даже колдуньи пользовались благорасположением закона. И хорошо, что так: бабка Норна была интересной женщиной, незлой и нежадной, и первые свои карманные деньги — настоящие деньги, разумеется, а не гроши — Мориц получил именно от нее. Впрочем, речь сейчас не о ней.

Прибывшие летчики вылезли — не без женской суеты и смеха — из своих меховых костюмов и остались в несколько помятой, но, все равно, гораздо более подходящей случаю форме, хотя и босиком. Но тут выяснилось, что проблема обуви была ими заранее учтена и решена. Кто-то из обслуги притащил с пирса кожаный мешок с форменными ботинками, и вскоре новоприбывшие выглядели строго по уставу, то есть, мало чем отличались по внешнему виду от наблюдавшего за ними Морица, который и сам был пилотом Объединенного Штурмового Корпуса.

— Не ожидала встретить вас здесь, — графиня Скулнскорх говорила очень тихо, стоя

так близко к капитану второго ранга Кеззгайле, что казалось, они обнимаются. — И это звание... ордена... Как давно ты воюешь?

— С первого дня, — граф не улыбался, но выражение его лица было настолько сложным, что Мориц ничего не понимал.

Влюблен? Любит? Как давно?

"И ведь Елизавета совсем еще девочка... Сколько ей может быть лет? Девятнадцать? Двадцать? А графу? Чуть больше, возможно... Или, напротив, много больше?"

У капитана было очень странное лицо. Интересное — "Беспорно!" — но при том такое, что ни о возрасте, ни о настроении хозяина ничего определенного не скажешь. Вот даже Мориц Розенкранц, способный обычно на многое, затруднился. А жаль, — Кеззгайла оказался весьма любопытным персонажем, особенно если принять во внимание его хорошее знакомство с графиней Скулнскорх и завидный ряд орденских планок на левой стороне груди.

"А у него еще и "Полярная звезда" в галстук". Обалдеть!"

Однако, чтобы понять реакцию барона Розенкранца, следует иметь в виду, что сам он воевал уже десять месяцев, совершив восемьдесят семь боевых вылетов и одержав три победы в воздушных поединках. В своем полку он считался опытным пилотом и умелым бойцом, а вопрос о его храбрости просто не обсуждался. Тем больше вопросов возникало в голове лейтенанта Розенкранца при взгляде на трех вновь прибывших летчиков. Про князя Курбского он уже слышал, и более того встречал его несколько раз в обществе. Соответственно, и не удивлялся. Эка невидаль, положила руку на сердце, двадцатитрехлетний капитан-лейтенант на третий год мировой войны! Впрочем, оставался еще вопрос, живут ли достаточно долго пилоты палубных истребителей и торпедоносцев, чтобы выслужить такие звания и награды? Но — истины ради — и то верно, что среди этих пилотов есть даже адмиралы. И вот он, пример, стоит с графиней Елизаветой и смотрит на нее сверху вниз. И, хотя лицо капитана второго ранга непроницаемо, как полярная ночь, у Морица от любопытства даже виски сжало, так хочется ему заглянуть сейчас в глаза незнакомого литвина. Есть у барона подозрение, что взгляд этих синих глаз многое рассказал бы ему и об этом отважном авиаторе, и об отношениях, связывающих незнакомца с одной из самых красивых и знатных невест Европы. Очень ему было любопытно, но нет, не обернется и к себе не подпустит. Стоит — руки по швам, хотя ощущение такое, что это обман зрения — смотрит на девушку сверху вниз, прямо в ее поднятое навстречу лицо, в глаза графини, сияющие золотом и медом, и молчит. Молчит мужчина, молчит и женщина, но Морицу кажется, что это не так, вот только диалог их не предназначен для посторонних ушей и глаз.

"Не предназначен... Увы".

"Интересно, — думает княгиня Ольга, поглядывая время от времени краем глаза на "эту сладкую парочку". — Интересно, о чем они молчат?"

А в том, что за молчанием этим скрывается пропасть прелюбопытных фактов, и сомневаться не приходится. Оттого и беспокойно на душе у Ольги, которая на самом-то деле никакая не княгиня — "право не выросло", как изволит выражаться ее папенька — генерал-лейтенант князь Загржский-Змий — а всего лишь княжна пока, но в обществе теперь новые веяния. Вот и княжну "Змеюкину" кличут княгиней, и, следует отметить, титул ей к лицу, потому что родилась Ольга писаной красавицей, в русском, славянском стиле красавицей — лицо круглое, глаза голубые и волосы цвета зрелой пшеницы, — хотя и происходили

Загряжские от татар, а Змии от пруссаков. Но темна вода во облацех, и законы генетики недаром писаны попами да монахами. Кто же возьмется объяснить, каким образом тюркская кровь — и это еще относительно просто, если тюркская, а не ханьская, скажем, или центрально-азиатская, — в сочетании с германской дает спустя годы и годы такие вот дивные цветы на пышных пажитях восточнославянской империи. Всем была Ольга хороша, и лицом, и фигурой — статная да высокая, — и умом бог не обделил, но зато нрав имела наисквернейший и склонности соответствующие, отчего и звалась за глаза "княжной Змеюкиной" или "Лядью Вавилонской". И это еще не самые ужасные прозвища, что тянулись за ней, словно шлейф, или окутывали на манер пышных одеяний.

А двое все миловались, даже если и не обнялись ни разу, и даже самого "дружеского" поцелуя себе не позволили, но о чем они говорили оставалось неизвестно. И Ольга могла жалеть об этом или не жалеть, однако в любом случае ничего поделать не могла. Ни ей, ни Морицу Розенкранцу, ни кому-нибудь еще ходу за барьер отчуждения, где встретились и слились личные пространства женщины и мужчины, не было. А между тем...

— Людо... — сказала она.

— Лиза... — сказал он.

— Мой муж.

— Жена моя.

— Граф Кезгайла? А?

— Всего лишь еще одно имя.

— Я скучаю... скучала... Как долго еще продлится разлука?

— Война.

— Война, — как эхо повторяет она. — Война.

И он видит ее слезы и одинокие дни, полные неведения и тоски, и страх, что он не вернется с очередной войны, и веру в него и в его слово.

Война, — говорит он.

И Елизавета видит идущие сквозь полярную ночь корабли, и самолеты, срывающиеся с обледенелой палубы и уходящие в грозное, полное опасностей небо. Видит, как сшибаются над ледяной бездной пилоты Союза и Коалиции, чтобы упасть, исчезнув навсегда в штормовом море или вернуться на борт авианосца победителем и героем. Бомберы, разведчики, торпедоносцы и, разумеется, истребители и штурмовики — тяжелая кавалерия мировой войны.

— Я люблю тебя.

— Я тебя люблю.

— Люблю...

— Люблю...

— Лю...

— Л...

...

"О чем они молчат? Ну, о чем?!"

— Бетан! Бетан! Сюда! Иди скорее сюда! — Анна стояла на краю скошенного наружу подоконника окна-бойницы, и ей приходилось держаться руками за стены, чтобы не выпасть наружу. Впрочем, куда он выпадет при ее-то бедрах?

"Застрянет", — решила Лиса, рассматривая импровизированную лестницу, по которой забиралась в окно Анна.

Скамеечка для ног, стул с высокой резной спинкой, поставленный к стене боком, подоконник.

"Недурно..."

— Выпасть не боишься?

— Я крепко держусь! Смотри, ганзейцы пришли!

"Ганзейцы!" — ну, что ж, на это действительно стоило посмотреть. Вопрос, как?!

Разумеется, можно было выдернуть Анну из бойницы и встать на ее место, и, возможно, так и следовало поступить, если сама не додумалась уступить место Лисе. Но Анна не только и не столько дочь Карла Еггера — вассала дома Скулнскорх, сколько подруга и наперсница Лисы, единственная, кто называет ее детским именем Бетан. Перетаскивать же "лестницу" показалось унижительным, да и как, спрашивается, станет тогда спускаться Анна? Оставалось второе окно.

Лиса примерилась и решила, что длины ног должно хватить. Она подошла к бойнице, задрала юбки и поставила правую ногу на край подоконника, и да — глазомер ее не подвел. Почти. От резкого движения ноги так схватило промежность, что Лиса испугалась, что описается, а спустя еще мгновение забеспокоилась, не разорвала ли себе ненароком девственную плеву. Во всяком случае, Лена Менк и Вера де Йон — старшие по возрасту девушки ее свиты — утверждали, что так и теряют невинность крестьянские девушки.

"Еще, кажется, от езды в мужском седле..."

Между тем, боль отступила немного, зато занял низ живота и бедро.

"Ладно, — решила тогда Лиса, — сделанного не воротишь, а отступлению всегда следует предпочитать атаку".

"Иду на вы! — рывкнула она мысленно и, ухватившись рукой за скобу, на которую навешивают зимой внутренние ставни, вытянула себя вверх и встала на подоконник обеими ногами. — Защищайся, засранец, я атакую!"

Боль разлилась по всей промежности, норовя просунуться глубже — в прямую кишку и женские органы, о которых так складно рассказывала им с Анной замковая повитуха Альма Йост.

"Царица небесная!" — но зрелище, открывшееся перед Лисой в этот момент, сразу же заставило ее позабыть обо всем на свете. Даже о боли.

Вид из бойницы открывался просто поразительный. Далеко внизу, у основания скалы, на которой стоял замок Скулнскорх, лежал залив. Погода стояла хорошая, солнечная, и море, раскрашенное в ультрамарин и бутылочную зелень, казалось ровным, как стекло. Легкий ветерок надувал паруса нескольких маленьких корабликов, скользивших по глади залива среди солнечных бликов и голубого сияния, а в южную гавань входил ганзейский когг. Расстояние было велико, но Лисе показалось, что на флаге изображен красный ключ Зоста. Впрочем, это было не так уж и важно, из какого именно города Любекской лиги пришел корабль. Важнее другое: торговцы привезут не только всякую всячину, вроде венецианских зеркал, франкских и итальянских тканей, и сирийского сахара, но и книги, но главное —

новости. Вести стекаются в ганзейские города со всего мира, их приносят торговые караваны, речные барки и морские суда, чтобы собрать, переварить и, упорядочив, передать дальше.

— Вылезай из окна, — приказала она Анне, — и иди, выясни, когда твой отец будет принимать негоциантов! И скажи там, чтобы приготовили мое кресло, я буду присутствовать!

Анне, судя по всему, уходить совсем не хотелось, но и ослушаться Лису она не посмела. Это ее отец, Карл Еггер, мог себе позволить возражать графине Скулнскорх — и возражал, не без этого, — но его дочь не он, хотя временами и забывается.

— Иди, иди! — поторопила ее Лиса. — Я буду в бойцовом дворе, туда и приходи.

— А нельзя еще посмотреть? — взмолилась Анна. — Они же все равно еще даже во внутреннюю гавань не вошли.

— Иди! — когда Лису охватывал гнев, она могла быть более чем "убедительной", и Анна это знала, как никто другой.

Стеная и охая, она спустилась по своей импровизированной лестнице и, колыхнув возмущенно юбками, вышла из комнаты.

Лиса проводила подругу глазами, все еще не решив, стоит ли на нее обижаться или "бог с ней", взглянула коротко вниз, где когг проходил как раз мимо круглой башни морского форта, и, прыгнув на пол, пошла искать Аскольда или Эрика, а лучше их обоих. Она еще не знала, зачем ей вдруг понадобились эти двое, но интуиция никогда ее по-настоящему не подводила, и Лиса привыкла доверять тому, что северяне называют "охотничьим чутьем".

Шла она быстро, испытывая какое-то странное, почти незнакомое ей нетерпение, и прошла не менее половины пути, пока сообразила, что болеть между ног уже перестало, и это, по-видимому, следовало считать скорее хорошим признаком, чем наоборот.

"Возможно, — решила она, прислушиваясь к своим ощущениям, — что я все еще девушка, а женщиной, даст бог, меня сделает мой будущий супруг".

Эрика она нашла именно там, где ожидала — в "бойцовом дворе". Воевода ее "морской дружины" сидел на массивном комлевом чурбаке у стены — на солнышке — и наблюдал из-под полуприкрытых век за тем, как, разбившись на пары, упражняются в мечном бое его "морские вои". Этот двор был одним из самых маленьких в замке, и фехтовать одновременно могли в нем не более десяти человек. Остальные гвардейцы сидели, как и их командир, кто на чем, вдоль стены или на мостках деревянной галереи и грелись в лучах не по-весеннему жаркого солнца.

— Ваша светлость! — вскочил первый же из гвардейцев, увидев Лису, выходящую из башни.

— Ваша светлость! — проворно поднялись на ноги остальные воины, а дравшиеся на мечах остановились и, опустив оружие, обернулись к своей госпоже. Без подобострастия, но с уважением, то есть, совсем не так, как смотрели на Лису в "высоких покоях".

— Графиня! — кинжал возник в руке Эрика, словно по мановению волшебной палочки, а в следующее мгновение он уже летел, кувыркаясь, прямо к Лисе.

"Еще три оборота, и он воткнется мне между грудей!" — мысль была стремительной, но верной.

— Воевода! — Лиса вынула клинок из воздуха тем самым движением, которому обучил ее сам Эрик, и улыбнулась своему старому другу и наставнику. — Упражняйтесь, господа! —

кивнула она гвардейцам и пошла навстречу огромному, словно вставший на дыбы медведь, воеводе.

— Где Аскольд? — тихо спросила она, когда они остались наедине, то есть несколько в стороне от гремящих железом воинов.

— В море, — так же тихо ответил Эрик, ссутулившись и склонившись так низко, как мог, чтобы не заставляя Лису чрезмерно задирать голову. — Он ушел на ночной лов и, значит, скоро вернется.

— А Олаф? Сава? Осип? — быстро перечислила самые важные имена Лиса.

— Тебе понадобились все? — нахмурился Эрик.

— Может быть, — ответила она, раздумывая над тем, что с ней творится и почему.

— Что-то случилось?

— Пока нет, — покачала она головой, принимая и признавая непостижимость путей богов. — Но сердце вещует. Знаю, грядет буря!

— Олаф в городе, пьет, поди, — пожал плечами Эрик, поведение его внешне не изменилось, но в глазах зажегся темный огонь. — Сава в замке, Осип на своем хуторе.

— Найди всех, кого сможешь! — приказала она, решившись, наконец, сказать то, ради чего, собственно, сюда и пришла. — И собери своих. Если так сложится, мне понадобится каждый из них.

"Что я творю? Зачем?" — но не было ответа. Вернее, был, но он вряд ли удовлетворил бы Лису, даже если бы она его осмелилась сформулировать.

— Госпожа! — Эрик был явно смущен, но и тверд, тем не менее, как и всегда в подобного рода вопросах. — Не знаю, что происходит, не спрашиваю и повинуюсь, как велят долг и честь. Но я встревожен, я опасаясь за вас и не знаю, как уберечь мою госпожу от неизвестных мне опасностей...

— Эрик, — с улыбкой прервала его замысловатую речь Лиса. — Слова не меч, оставь их другим. Обо мне не беспокойся, я вполне способна за себя постоять.

— Вера де Йон, — Эрик уже не сомневался, он был решителен и непоколебим в своем понимании долга. — Лена Менк и Ирина Большая. Я требую, чтобы они все время были рядом с тобой!

"Ну, вот ты и перешел на "ты", — улыбнулась мысленно Лиса.

— Ты в них так уверен?

— Я уверен только в себе, — возразил воевода, — но эти трое кажутся мне лучшими из тех, кого я могу к тебе приставить.

— Твои амазонки, а? — в открытую улыбнулась Лиса.

— Мои валькирии, — очевидно, Эрик не склонен был сводить разговор к шутке. — Гейр, Гондукк и Рота ^[24]. Запомни эти имена, госпожа, это Вера, Лена и Ирина. Имя-ключ. Они пойдут за тобой даже в огонь, вернее, войдут в пламя первыми.

— Ты пугаешь меня, Эрик! — она смотрела на своего воеводу снизу-вверх. Он был высок и кряжист, невероятно силен и столь же немислимо быстр, хотя этого от него никто как раз и не ожидал. А еще он являлся, вероятно, лучшим бойцом по эту и ту сторону залива и самым желанным женихом в графстве — красив, отважен, богат и знатен, — но, увы, женщины Эрика интересовали ровно настолько, насколько они могли прикрыть его истинные увлечения.

— Лучше напугать, чем погубить, — пожал он широкими плечами.

— Пофехтуешь со мной? — спросила Лиса, меняя тему.

Все было сказано уже, и нечего было тянуть этот опасный разговор до бесконечности. Да и в "бойцовый двор" графиня пришла, уж верно, не затем, чтобы любезничать с воеводой.

— Отчего бы и нет! — усмехнулся гигант. — Но учти, красавица, через пол часа ты будешь пахнуть не лучше всех этих козлов, баронам это может не понравиться.

— Мне даже неловко говорить, боярин, что я думаю об их мнении. Начнем?

Лиса вошла в зал приемов в половине третьего. Прошла между придворными, сопровождаемая всего четверью фрейлинами, поздоровалась с вышедшими навстречу баронами Еггером, Фором, Гаррахом и Роганом, и, наконец, опустилась в свое резное кресло. Оно было простовато для помазанницы божьей, но уже десять поколений Скулнскорхов правили своими землями и подданными из этого вырезанного из дуба кресла-трона. Когда-то предки Лисы звались конунгами и лишь четыре поколения назад — в годы империи — стали именоваться графами, но суть дела от этого не изменилась: правитель остается правителем, как бы он ни назывался.

Негоцианты — их было пятеро — появились в зале буквально через минуту после того, как сенешаль объявил о том, что "трон занят". Впрочем, при ближайшем рассмотрении, ганзейцев среди них было только двое. Трое других были выпечены из иного теста. Высокий широкоплечий человек, одетый в черную шерсть и кожу, носил на боку рыцарский меч, а на груди — золотой капитанский горжет^[25]. Лицо его украшали многочисленные шрамы, левая рука заканчивалась стальным крюком, а нога — на этот раз правая — не сгибалась в колене. Его сопровождали два очевидных дворянина, но, как заметила Лиса, эти двое были всего лишь статистами.

— Ваше сиятельство, госпожа правительница! — Негоцианты робко отошли в сторону, и перед Лисой оказался человек в черном. — Я капитан Конрад дер Шау.

— Прошу прощения, капитан, что прерываю вашу речь, — Карл Еггер сидел слева от Лисы в кресле, немногим уступавшим размерами и высотой ее трону. — Вы ошиблись в титуловании, господин дер Шау. Графиню Скулнскорх следует называть *meukongr*^[26], а не *kongr*^[27].

— Но если графиня правит...

— У нас не принято называть женщин мужчинами, — улыбнулся Карл Еггер, он нашел удобную формулу, и она должна была устроить всех присутствующих.

— Что ж, прошу прощения, — лицо капитана дер Шау не дрогнуло, взгляд не изменился. — Госпожа графиня, — он тоже, оказывается, умел находить изящные выходы из трудных ситуаций. — Я капитан Конрад дер Шау имею честь и удовольствие представлять перед вами моего господина и сюзерена князя Хлодвига Хагена, наследника...

— Остановитесь! — окрик Карла Еггера заставил многих вздрогнуть, но отнюдь не Конрада дер Шау.

— Кто этот человек, что перебивает меня уже во второй раз? — спросил он холодным, словно сталь, голосом. — Имеет ли он право перебивать посла к правящей графине Скулнскорх?

— Вы не посол, любезнейший! — Еггер встал со своего места, лицо его побагровело от гнева, и гнев этот показался Лисе чрезмерным и неуместным.

"Что его так взбесило? Всего лишь посол от какого-то князя..." — имя князя практически ничего не говорило Лисе, хотя возможно, все дело было в произношении. На германский лад многие нормальные имена звучат весьма странно.

— Вы не посол, любезнейший! Ибо вы представляете самозванца и мятежника...

— Кто этот человек? — дер Шау смотрел прямо на Лису, требуя ответа от нее, но что она могла ему ответить?

"Сказать тебе, что я царствую, но не правлю?! Ты этого добиваешься?"

— Это барон Карл Еггер, — сказала она, сохраняя лицо, — мой родич и лорд-протектор графства Скулнскорх. И да, мой любезный друг Конрад дер Шау, барон Еггер имеет полное право говорить то, что сочтет нужным, и тогда, когда сочтет правильным, — она "благосклонно" кивнула еще больше покрасневшему от ее "комментария" барону Еггеру и перевела взгляд на посла. — Но не сейчас! Дядя Карл, будьте любезны, сядьте и позвольте мне выслушать посла.

Сердце Лисы готово было вырваться из груди, она в первый раз в жизни осознанно и прилюдно дерзила лорду-протектору.

— Итак? — краем глаза она заметила, что барон Еггер все-таки сел в свое кресло, он не решился на публичное унижение графини.

— Князь просит вас прочесть его послание и принять подарки.

— Начнем с послания, — Лиса поняла вдруг, что сердце не зря пророчило бурю, шторм пришел.

— Дайте сюда! — Еггер протянул руку и ожидал повиновения. — Я ведаю всей перепиской ее светлости, как, впрочем, и ее политикой.

— Послание адресовано графине Елизавете Скулнскорх, лично! — возразил посол.

— Вы же видите, барон, это личное послание! — улыбнулась Лиса и протянула руку.

"Теперь он меня отравит... или оставит без сладкого!"

Мысль показалась Лисе настолько странной, что, несмотря на драматичность момента, она повторила ее про себя два или три раза. Необычная мысль, знакомая и чужая одновременно — словно бы, и ее собственная, но как бы высказанная кем-то другим. Этой вот, Елизаветой Скулнскорх, например, поскольку Елизаветой Лису не называли даже в официальных документах, хотя имя Елизавета и являлось аналогом имени Лиса.

А между тем, пергаментный свиток, обвитый серебряной лентой с тремя печатями, оказался уже у нее в руках, и, сорвав печати, Лиса развернула грамоту. Послание оказалось коротким, но его содержание...

Графиня, писал князь Хлодвиг Хаген по-немецки, в Брюгге я случайно увидел ваш портрет, писанный мастером Иоахимом из Гента. Ваш портрет, сударыня, произвел на меня огромное действие, породив чувство, какого я и сам от себя не ожидал. Прекраснее женщины я не встречал в жизни и не мог себе даже вообразить, что в подлунном мире может появиться такое совершенство. Я навел справки и узнал, что вы не только красивы, но также умны и отважны. Подобное сочетание качеств кажется мне не случайным. Я пишу эти строки собственной рукой в надежде, что вы прочтете их собственными глазами.

Графиня Елизавета Скулнскорх, я предлагаю вам свое сердце и руку и прошу стать моей женой перед богом и людьми!

Князь Хлодвиг Хаген

"Хлодвиг Хаген..."

— Что там написано? — все-таки барон Еггер не мог долго сдерживать переполнявшие его гнев и нетерпение.

— Что с вами, госпожа?! — склонилась к ней Вера де Йон. — Вы бледны...

"Когда она успела подойти? Я бледна? Вера... Гейр... Мое копьё... Что?"

— Ваша светлость, графиня! — капитан дер Шау блондин с серыми глазами, но Лисе все время казалось, что этими глазами на нее смотрит мрак.

— Обождите, капитан! — подняла она руку и обернулась к Карлу Еггеру. — Барон, я как-то пропустила эти новости...

"Пропустила? Ну, да! О нем, как будто, рассказывали еще прошлой зимой".

— Кто он такой этот Хлодвиг Хаген? — спросила она.

По-видимому, барон такого вопроса не ожидал и попросту растерялся.

— Вы хотите, ваша светлость, чтобы я рассказал вам сейчас всю историю? — поднял он брови.

— Я никуда не спешу! — ответила она, пытаясь сдержать безумный бег сердца.

— Как вам будет угодно! — сдержанно поклонился барон. — Господин д'Тур, будьте любезны, сообщите графине все необходимые подробности!

— Ваше высочество! — вышел из-за спины вернувшегося в кресло барона Еггера Ян д'Тур, секретарь лорда-протектора. — Два года назад на съезде ноблей в Мюнстере граф Лудовико Корвин объявил себя потомком Аспида Кагена в третьем поколении и потребовал корону империи.

— Что значит, объявил? — остановила Лиса рассказчика. — Он представил доказательства?

— Да, — начал, было, секретарь, но его перебил Еггер.

— Нет! — отрезал он. — Граф Корвин представил поддельные грамоты, и был объявлен самозванцем!

— Вы лжете или не знаете правды! — вступил в спор капитан дер Шау. — Граф Корвин представил съезду ноблей подлинные грамоты, согласно которым он является потомком князя Кагена в четвертом поколении и третьим этого имени.

— Съезд отверг его притязания! Я сам там был!

— Почему я узнаю об этом только сейчас?! — остановила спорящих мужчин Лиса. — Барон, что вы делали на съезде ноблей, ведь графство не состоит в Лиге, да и в любом случае, представлять Скулнскорх на съезде ноблей могу только я!

— Или лорд-протектор, если монарх юн годами и к тому же женщина.

"Царствую, но не правлю... женщина... юна годами..."

— Ладно, — сказала она примирительно, хотя пламя гнева уже вовсю бушевало в ее душе. — Что произошло на съезде ноблей? Я хочу услышать вашу версию, барон! А вы господин д'Тур возвращайтесь на свое место. Итак?

— Граф Корвин выступил со своими нелепыми претензиями, — раздраженно пожал плечами барон Еггер, — и был отвергнут собранием и объявлен лжецом и самозванцем!

— Но спустя два года после съезда ноблей он все еще жив и посылает ко мне посла... Капитан, будьте любезны, изложить вашу версию событий.

— Князь Хлодвиг Хаген, третий своего имени был признан частью собрания и отвергнут другой его частью. Мнения разделились, и ни одна из сторон не смогла собрать большинства голосов, притом, что около трети участников со своим решением не определились и в голосовании не участвовали.

— Значит, на континенте неспокойно?

— Самозванец развязал кровавую войну! — подтвердил барон Еггер.

— Князь Хаген и его союзники одержали ряд важных побед. Он удерживает Ломбардию и маркграфство Верона, Крайнскую и Истрийскую марки, Швабию и Баварию, большук

часть Бургундии.

— Что скажете, барон? — обернулась Лиса к Еггеру. — Это так?

— Самозванец силен и его поддерживают некоторые из великих домов, — поморщился лорд-протектор. — Вы должны понимать, ваша светлость, у каждого свои интересы. Впрочем, возможно, вы этого и не знаете, международная политика неинтересное занятие для юных дам.

— Значит, на континенте война, — Лиса все еще пыталась унять не на шутку расхолодившееся сердце, но чувствовала, что на долго ее не хватит. — Что нового произошло этой зимой?

— Войска князя Хагена после семимесячной осады овладели Веной, — капитан говорил спокойно и уверенно. — Пали Пресбург, Гран и Буда, армия маршала Готлиба наступает на Брён и Олмуц. Кроме того, на сторону князя Хагена встали два новых сильных союзника: княжество Галич-Мерь и графство ла Марк.

— Каков вождь таковы и союзники! — перебил капитана барон Еггер. — Клодда Галицкая безумна и дважды обвинялась в ведовстве! А Томас фон дер Марк еретик, если вовсе не язычник! Чего еще ожидать от таких людей?!

— Барон, мне рассказывали, что еще наши отцы, ваш и мой, молились в священной роще, — Лиса знала это наверняка, и сама бывала в той роще, но сказать этого вслух не могла: грань между христианством и язычеством в графстве Скулнскорх была тонка и отнюдь не очевидна.

— Глупости! — перекрестился Еггер. — Не слушайте глупцов и еретиков, графиня. Наши отцы были ревностными христианами...

— Оставим кости мертвых, — нахмурилась Лиса, что-то встревожило ее в последних репликах, но ей никак не удавалось вспомнить, что это было. — Капитан дер Шау, вы говорили о подарках...

— Их два, ваша светлость! — склонил голову посол. — Георг!

Один из двух дворян, сопровождавших посла, вышел вперед и протянул Лисе продолговатый деревянный ларец, покрытый тончайшей резьбой и инкрустированный серебром и перламутром. Лиса приняла дар, оказавшийся довольно тяжелым, и, поставив ларец на колени, откинула крышку.

"Несколько странный подарок для невесты, нет?"

На ложе из черного бархата лежал кинжал с длинным узким лезвием и рукоятью, отделанной бивнем мамонта и серебром. Темная сталь, темное серебро... Что-то ворохнулось в памяти Лисы, что-то смутное пока, но крайне важное...

"Что?"

Она взяла кинжал в руку, и по приемному залу пошел ропот. В самом деле, юным дамам не дарят оружия, но ощущения, испытанные Лисой в тот момент, когда кинжал оказался в ее руке, были такого сорта, что ее даже ознобом пробило, и тут же бросило в жар.

— Покажите второй подарок! — произнести эти звуки оказалось совсем непросто.

— Хьюго!

Второй дворянин занял место первого и, сбросив шелковый покров, протянул Лисе небольшой живописный портрет в строгой, украшенной серебром раме. Хлодвиг Хаген оказался молодым мужчиной с правильными чертами лица, пронзительно синими глазами и длинными, до плеч, волнистыми черными волосами. Он не был красив, но лицо князя выдавало в нем умного и твердого в своих принципах человека. И еще одно, она знала его,

казалось, всю жизнь, и нет, он не мог быть подлецом и самозванцем, потому что это был он.

"Людо... Людо Каген... Третий этого имени... Мой Людо!"

И туман беспамятства растаял вдруг, очистив взгляд, и опала шелуха чужих жизней и чужих страстей.

"Он назвал меня Елизаветой и послал кинжал! — Лиса все еще сжимала клинок в руке. — Он знает! Он хотел лишь напомнить мне, кто я на самом деле... Или надеялся, что я это я..."

— Можно ли произнести имя вашего князя на иной манер? — спросила она капитана. Сердце успокоилось, и на душу пал покой. Все было решено, и не о чем стало беспокоиться.

— Разумеется, ваша светлость, — поклонился Конрад дер Шау. — В каждом языке свои особенности...

— Людвиг Каген, — сказала она тогда. — Что скажете?

— В Швабии и Вероне его так и называют.

— Что ж... Дамы и господа, — Лиса встала из кресла и медленно обвела зал взглядом. Она знала, ее взгляд мог показаться рассеянным, но на самом деле, она видела все и подмечала любые, даже самые мелкие детали.

"Что ж, "дядюшка" Карл, я дам тебе одну последнюю возможность, и не жалуйся потом, если не воспользуешься моей щедростью!"

— Дамы и господа! — сказала она спокойным ровным голосом, но с той интонацией властной уверенности, что никогда не получила бы у Лисы, но неплохо выходила у Елизаветы. — Я получила от князя Людвиг Кагена личное послание, в котором он предлагает мне руку и сердце. — Она встретилась взглядом с Эриком и чуть прикрыла глаза веками. — Я принимаю его предложение и объявляю об этом официально и при свидетелях.

— Ты не можешь этого сделать!

"Ты все-таки решил умереть... жаль..."

— Барон, с каких это пор вы стали обращаться ко мне на "ты"?

— Я лорд-протектор! — зло усмехнулся в ответ Еггер.

— Уже нет, — покачала она головой. — А за дерзость вы ответите головой. Барон Бар, мой воевода!

— По вашему слову! — расшвыряв придворных, словно кегли, Эрик стремительно приблизился к Карлу Еггеру и одним коротким, но мощным ударом кинжала, почти начисто снес барону голову. Хлынула кровь, и барон стал заваливаться направо и назад, а воевода Эрик Бар уже развернулся к залу, держа в правой руке кинжал, а в левой — охотничий рог.

Присутствующие замерли в ужасе, но оцепенение продолжалось недолго. Эрик протрубил в рог, дико закричала, бросаясь к отцу, Анна, а вокруг трона сомкнулось кольцо ее собственных, Елизаветы Скулнскорх, валькирий. Гейр, Гондукк и Рота держали в руках длинные кинжалы, скрывавшиеся до этого момента в складках их пышных юбок. Мгновение и, оценив обстановку, к ним присоединились Конрад дер Шау и его дворяне. Три кинжала и три меча, а в коридорах замка уже слышны были крики боли и вопли ярости, звенела сталь, и рушились на пол столы и посуда. Это "морские вои" Эрика вырезали замковую стражу, поставленную покойным лордом-протектором.

— Эрик! — позвала она через головы своих защитников. — Когда закончится резня, начинай готовить флот к отплытию. Мы идем на помощь Людвигу Кагену, моему господину и супругу!

Флот вышел в море только в середине кветня или, говоря по-старому, в белтайн^[28]. Нетерпение сжигало нервы и испаряло кровь, но раньше никак не получилось. Дела не делаются в спешке, ведь так?

"Так! Все так, но..." — разумеется, она знала, что даже девять беременных женщин не родят младенца через месяц, но как же непросто претворяются в жизнь прописные истины!

Сначала Елизавете пришлось налаживать "новую старую" власть, что, естественным образом, не обошлось без крови и слез. Чтобы "царствовать и править", случилось послать на плаху кое-кого из друзей и родичей Карла Еггера, и не только их, но Анну она пощадила.

— Отправьте ее на север, — распорядилась Елизавета, глядя на заплаканную подругу. — И пусть ей не причинят вреда. Выдайте замуж за кого-нибудь из однодворцев, я даю за Анной приданное в пять сотен серебряных марок, и объясните им всем, — она сделала "собираТЕЛЬный" жест, за которым скрывались многие и многие имена и титулы, — что возвращаться не надо. Никогда.

Конфискованное имущество семьи Еггер оценивалось в триста тысяч золотом и полностью пошло на снаряжение флота. Впрочем, "резня" заняла гораздо меньше времени, чем мерещилось в начале. Все-таки Елизавета не узурпатором была, а помазанницей божьей, плоть от плоти властителей Скулнскорх, как бы они не назывались и когда бы ни жили на этой суровой земле.

Но время шло, а дел не становилось меньше, и тень заботы омрачала порой даже самые радостные дни весны. Начали возвращаться с зимовок птицы, весенние грозы смывали последние снежные языки на склонах гор, и отплыл в конце березня^[29] в туманную даль капитан дер Шау.

— Передайте князю Кагену, что я согласна стать его супругой перед Богом и людьми! — сказала она, прощаясь с человеком, изменившим ее судьбу. — Передайте, что я узнала его. Так и скажите, Елизавета Скулнскорх узнала вас и вполне оценила подарок. Запомните?

— Полагаю, что запомню, — капитана, по-видимому, смутила ее настойчивость, но он был из породы бойцов и не мог показать даже намека на слабость. — Я передам ваши слова, как услышал их и запомнил.

— Глядите же! — если бы она могла, поплыла бы с ним прямо сейчас, но долг тяжел, да и разум не слуга чувствам, а господин. — Передайте так же, что я готовлю армию и вскоре предполагаю вступить в войну на континенте. Идите!

И дер Шау ушел, вернее, отплыл, а вот Елизавета этого сделать пока не могла. Ей еще пришлось собирать войско и припасы, ожидать тележные обозы, тянущиеся по плохим дорогам из самых дальних деревень и хуторов. Нужны были товары, чтобы продать ганзейцам, и денежный оброк, который можно собрать только после большого весеннего торга. И ратники добирались в столицу, кто пеший, кто конный, а кто и на лодках по рекам и озерам, через болота и плавни. А вслед за тем пришлось еще дожидаться, пока корабельных дел мастера завершат ремонт старых судов и достроят новые. Долго, муторно, тяжело.

Но вот что странно, нетерпение, гнавшее ее вперед, заставлявшее торопиться и переживать за каждое "потраченное впустую" мгновение, покинуло Елизавету, едва она

взошла на палубу "Росомахи" — ее флагманской галеры. Корабль был огромен, едва ли не дюжина дюжин франкфуртских локтей^[30] в длину. О том, что творится в межпалубном пространстве, где располагались гребцы — по шесть человек на огромное пятнадцатиметровое весло — не хотелось и думать. Елизавета и не думала. В чужой монастырь со своим уставом не ходят, и, если на дворе средневековье, то речь идет всего лишь о приемлемых формах зверства и его размерах. Ни больше, но и не меньше. Это она сказала себе еще в тот день, когда развязала резню. Но и то верно, что к чему-то подобному вела дело и "тихая робкая" Лиса. Ведь не зря же графиня день за днем и год за годом — едва ли не с малолетства — выстраивала свою собственную систему отношений в замке и за его пределами, до поры скрытую, но, как выяснилось, вполне работоспособную и эффективную.

"Росомаха" вышла из гавани и ходко пошла курсом на юг, за ней, как караван серых гусей за вожаком, пошли другие галеры — большие и малые, старые и новые. Двести семнадцать кораблей, среди которых попадались и снекары^[31] с тремя десятками воинов-гребцов, лодьи и драккары с пятью дюжинами воев на борту, и совсем крошечные кочи, шли сплоченной стаей. Три тысячи шестьсот пеших воинов и триста рыцарей в латах, с лошадьми, слугами и оруженосцами, — это была та сила, которая могла и должна изменить ход войны на континенте. Ведь насколько помнила Елизавета, армии, ходившие по старым римским дорогам, были невелики, и мало кто из полководцев мог похвастаться таким обученным и сильным войском, какое вела на войну графиня Скулнскорх.

— Ветер крепчает! — Олаф Йорт не многим уступал Эрику в росте, но был не столь массивен, как кряжистый воевода "морских воев", и больше любил море, чем земную твердь. — Ушли бы вы, госпожа, в надстройку, а то, не ровен час, продует!

— Пугаешь? — усмехнулась Елизавета. — Лихоманки боишься, или я тебе здесь мешаю?

— Боюсь, — кивнул Олаф. — Пугаю. Мешаете.

Он был немногословен, но отважен и предан, что при нынешних обстоятельствах значило куда больше, чем приятная внешность, красивый голос и дар красноречия. Впрочем, если не считать манеры выражаться в духе жителей древней Лаконии, Олаф был мужчина — хоть куда! Не будь она занята, вполне могла бы рассмотреть его кандидатуру на роль первого мужчины, но...

"Не судьба, господин кормчий! И не надо отводить глаза от моей груди, все равно под кирасой ничего не видно!"

— Когда мы достигнем мыса Брок?

— Полагаю, ближе к вечеру, — Олаф оглядел морской горизонт и поднял взгляд к небу. — Да, при таком ветре, дойдем до Винги-фьорда до сумерек.

— Что ж, залив Винги хорошее место для стоянки, не так ли? — Елизавета никогда там не была, но, если верить карте, все так и обстояло: мыс Брок с башней Дальнего дозора и глубоко врезавшийся в скалистый берег залив, вход в который прикрывает крепость Икьхгорн.

— Как думаешь, бароны Западного края пойдут с нами или будут ждать, когда удобнее всадить мне нож в спину?

Тема не новая, но оттого не ставшая менее актуальной.

— Что решит Большой Сава, то и будет!

— Ладно, Олаф, не буду тебе больше мешать. Прикажи меня позвать, как только окажемся в виду Краичьей скалы.

— По твоему слову, госпожа!

"Вот именно! По моему слову, Олаф! Только по моему!" — Елизавета спустилась с возвышения, построенного вокруг фок-мачты, и пошла на полуют, где в кормовой надстройке, которую в Скулнскорхе смешно называли большой попой, были устроены несколько кают для графини и ее приближенных. Передвигаться по палубе несущегося^[32] по морю корабля непростое занятие. Даже притом, что погода стояла отличная, легкая зыбь, помноженная на скорость, раскачивала галеру так, что следовало проявлять недюжинную сноровку и немереную осмотрительность, чтобы не споткнуться и не упасть. Хороша она будет, если растянется на досках настила или сядет на задницу на глазах у доброй сотни гвардейцев, расположившихся вдоль бортов галеры.

— Как думаешь, Лена, — обернулась она к следовавшей за ней, как тень, телохранительнице в роли фрейлины, — будет смешно, если я поскользнусь и шлепнусь на задницу?

— Будет, — улыбнулась в ответ Лена Менк, — но только мне. Ну, еще, может быть, вам, потому что тому жеребцу, что подаст голос, я собственноручно отрежу яйца. Ему точно будет не до смеха!

Разумеется, этот обмен репликами был услышан. Для того и предназначался. Гвардейцы заулыбались, перемигиваясь и выставляя вверх большие пальцы. Грубоватая манера общения в устах нежных девушек им импонировала, и да, похоже, они, и в самом деле, любили свою госпожу, что не могло не радовать.

Зато необходимость ходить в юбках доводила до слез, но делать нечего: против одетой в мужские штаны графини хором выступают и "блустители отеческой старины", и церковники. Так что приходилось выкручиваться "в пределах разумного и возможного". Чтобы не мерзли ноги, графиня придумала носить в походе чулки, связанные из плотной шерсти. Чтобы чулки не спадали, предложено было пристегивать их к панталонам, сшитым из льна наподобие мужских коротких штанов^[33]. Идея неплохая и вполне реализуемая на том технологическом уровне, на котором пребывало европейское домоводство, но возникала другая проблема. Шерсть греет — это несомненно, но она так же имеет неприятную манеру "кусаться", в особенности раздражая нежную кожу внутренней стороны бедер. Пришлось шить еще одни чулки — поддевичные — из шелка. В конечном счете, получилось неплохо. На толстые шерстяные чулки легко, оказалось, нашить кожаные подложки, чтобы надевать наколенники и поножи, которые было бы затруднительно навесить на голое тело. Вообще военный аспект высокой моды Скулнскорха, да и всей Европы заодно, сводился к тому, что женщины не воюют и не возглавляют армии. Отсюда и все остальное. Женская одежда была неудобна и нефункциональна, хотя и подчеркивала некоторые особенности фигуры: тонкий стан, например, или "пышный" бюст. Еще бы не подчеркивать, если сначала тебя стягивают жестким — на китовом усе — корсетом, а потом "вздымают" грудь специальным покроем "скромного" декольте. Однако ради дела, пришлось поступиться не только принципами. Проблема решаемая, надо только захотеть. А Елизавета хотела, желала и верила, что и невозможное возможно, если напрячь мозги и подтолкнуть — "разумными" вопросами — технологии немного вперед. В результате, чулки превратились в подобие рейтуз. Летом конечно будет жарковато, но, с другой стороны, не потеть в эту эпоху, нечего было и мечтать. Потели все, и мужчины, и женщины, а рыцари страдали в своем снаряжении и летом, и зимой. Летом жарко, зимой — холодно, и никаких промежуточных решений. Но зато на ноги в шерстяных рейтузах можно стало надевать полный доспех: бутурлук и

нарядвенник, защищавшие голень вместе с верхней частью стопы и бедро от пояса до колена. Юбки при этом получили глубокие разрезы, скрытые до времени под лентами с вышивкой, но высвободить их — минутное дело. Дернул посильнее, и все: свободна, словно птица. Подхватила края подола, вздернула, зацепила специальными крючками за пояс и хочешь — беги и прыгай, а хочешь — скачи в мужском седле. Верхнюю же часть платья, скроили и сшили, как стеганый дублет, чтобы можно было надеть сверху посеребренный кольчатый доспех и серебряную с чернением кирасу. Но все это, включая красивый, но прочный шлем, кольчужные перчатки, защищающий горло горжет, наплечники, налокотники и наручи, тянуло на добрых пятнадцать кило веса — без малого пуд. Впрочем, сидя на коне, терпеть этот ужас было вполне по силам, тем более что водить кавалерию в бой, Елизавета не собиралась. Надо было лишь соответствовать образу, этим она и занималась.

"Если упаду в воду, сразу утону. А в одном платье, глядишь, и помучалась бы чуток..." — гремя подкованными сапожками по палубному настилу, Елизавета дошла до надстройки, вошла в просторную кормовую каюту и, "отпустив вожжи", позволила себе вздохнуть от души. Но служанки — а Елизавета взяла на войну целых двух — уже снимали с нее перевязь с мечом-шпагой и расстегивали ремешки крепления доспехов.

— А потом все снова надевать! — усмехнулась Лена, и сама носившая кольчугу под кафтанчиком, полы которого весьма соблазнительно лежали на крыльях юбки.

— Ну не сидеть же до вечера в броне! — пожалала плечами Елизавета. — Если честно, я бы чего-нибудь съела — с утра маковой росинки во рту не было, — да и выпила бы, чего уж там.

— Хлеб и сыр? — спросила, входя, Вера. — Кружка крепкого эля, а?

— Да, — сразу же согласилась Елизавета. — И еще раз — да!

В следующие полчаса она съела три толстых куска хлеба с копченым белым сыром и медом и выпила большую кружку пахнущего карамелью и орехами красновато-коричневого эля. Эль был вкусный, сладкий, с привкусом пережаренного солода, и крепкий, почти как вино. Елизавета наелась, согрелась, и усталость, наконец, взяла верх над азартом. Она прилегла, кто-то накрыл ее меховым одеялом, и Елизавета заснула, чтобы мгновенно проснуться, когда на ее плечо легла уверенная рука Ирины.

— Просыпайтесь, Лиса! — мягко, но с известной долей уверенности в голосе, позвала русоволосая красавица, истинные размеры которой повергали в ужас многих крепких мужиков, неправильно оценившие на расстоянии, что там и к чему. А "там" была женщина изумительных пропорций, заставлявших вспомнить о Фрейе^[34] или о Деване^[35], но следовало иметь в виду, что ростом она была шесть бременских футов и семь дюймов^[36].

— Что уже Краичья скала? — вскинулась Елизавета. — Сколько же я спала?

— Достаточно, чтобы бражничать теперь до утра с Большим Савой и его баронами.

— Думаешь, придется?

— А куда вы денетесь? — улыбнулась Ирина. — Вежество и дипломатия, политика и традиции. Придется пить и есть, но я вам помогу. Я, верно, могу съесть не меньше Савы, но он толстеет, а я нет!

— Свинина, баранина и рыба... — печально сказала Елизавета, окончательно просыпаясь.

— Уха из белорыбицы, дикие гуси с кислыми яблоками и старый мед... — кивнула Ирина. — Будете надевать полный доспех?

— Да, нет! — отмахнулась Елизавета. — Зачем? Покрасовалась уже. Кольчугу надену, чтобы видели, кто в доме хозяин, и меч возьму, но платье... Пусть будет то из золотой парчи, да и кольчугу на этот раз надену золотую с рысью.

— Хороший выбор, — согласилась Ирина. — И графскую корону наденьте, чтобы не забывались. И мы с сестрами наденем кольчуги и золотые обручи в волосы.

— Мечей не берите! — всполошилась Елизавета. — А то, бог знает, что подумают.

— Возьмем хаджары^[37], они на кинжалы похожи, а в бою ничуть не хуже мечей!

— Хорошая идея, но надеюсь, до этого не дойдет.

Большой Сава, однако, удивил. Вышел в море и встретил как раз на полпути между башней Дальнего Дозора и узким горлом Винги-фьорда. "Росомаха" только обогнула мыс Брок, как из устья фьорда, зажатого между двух отвесных скал, на одной из которых и стоял замок Икьхгорн, вылетели и понеслись навстречу флоту Елизаветы семь больших драккаров. Длинные корабли шли на веслах против ветра, но гребцы — все как один вольные и вооруженные — держали фасон. Это называлось "знай наших" и являлось неотъемлемой частью здешней культурной традиции. Соревновались между собой мужики — кто бревно дальше кинет или быстрее добежит до леса с бабой на закорках, — "гордились" и бабы, которая больше парней родила или чей пирог с олениной пышнее да румяней. Состязалась молодежь в силе и ловкости, в стрельбе из лука, в мечном бое или владении секирой, в беге и гребле, в любви и ненависти. И отцы семейств неизменно мерялись всем, что поддавалось измерению, богатством ли, детьми, или мужской силой. Так что в том, что гребцы выбивались из сил, желая показать невиданную удаль, ничего странного не было. Но то, что графиню Скулнскорх и ее флот вышли встречать в море, говорило о многом. Вернее, на многое намекало. Говорил же во весь голос длинный желто-красный флаг, на котором наверняка сцепились в поединке не на жизнь, а на смерть волк и медведь. Самый большой драккар летел, как птица, под флагом вайзграфа^[38] Савы цу Хёгля, и это означало, что сам Большой Сава вышел в море, чтобы оказать почет графине Скулнскорх, но не только. Этим он признавал ее своим сюзереном, а значит, и все бароны Запада, которые уже двадцать лет всегда и во всем следовали за Большим Савой, тоже на стороне Елизаветы. Однако Наместник Западных Земель пошел даже дальше, чем требовали законы вежества и вассальные клятвы. Когда корабли сблизились настолько, что стали различимы детали, Елизавета увидела, что дракон с носа убран^[39], а на артиллерийской платформе, прямо перед баллистой стоят двое: огромный седой мужчина — он был в полном доспехе черного цвета, но без шлема — и высокая (она доставала мужчине до плеча) русоволосая девушка. Волосы девушки свободно развевались на ветру, но лоб стягивала узкая лента из золоченой кожи с крупным изумрудом, свисавшим на цепочке почти до переносицы.

— Дочь-наследница! — шепнула Вера де Йон. — У Савы пять дочерей, эта старшая — Зои, владетельница Икьхгорна.

"Так вот ты какая, давняя прабабка моей тети Жозефины! Хороша!"

Зои Икьхгорн оказалась интересной и, по-видимому, хорошо сложенной девушкой, но любопытным и, пожалуй, даже многозначительным было другое. Поверх темно-зеленого платья с пышными юбками, Зои носила золоченую кирасу и была опоясана приличных размеров мечом.

"Чудны дела твои, господи! Или мы устроим феминистскую революцию лет на пятьсот раньше намеченного, или все мы попросту безумны. И второе предположение, увы, ближе к

истине!"

Между тем, корабли сошлись, весла были подняты и уложены вдоль бортов, матросы перебросили с палубы на палубу канаты и, подтянув галеру и драккар борт к борту, — при этом "Росомаха" оказалась несколько ниже "Короны Запада", — уложили доски сходней.

— Пошли! — скомандовала Елизавета своим фрейлинам и дворянам эскорта и начала спускаться с возвышения.

А навстречу ей грянули с драккара длинные трубы, и ударил приветственной дробью ходовой барабан. Вайзграф Сава цу Хёгл легко, словно и не стар годами и не обременен тяжелой броней, спрыгнул на сходни, так что доски издали жалобный стон и заходили ходуном, но гиганту все было нипочем. Он в три шага перешел на борт "Росомахи" и, чуть обернувшись, протянул руку дочери. Впрочем, Зои держалась на все еще "танцующих" досках сходен, словно бы и не испытывала никаких затруднений.

"Славная девушка!" — сейчас Елизавета рассмотрела, что Зои Икьхгорн никак не больше шестнадцати лет. Оказывается, они были ровесницами, а это отнюдь не мало, когда надо устанавливать отношения с незнакомым человеком.

— Приветствую вас на борту "Росомахи", Сава цу Хёгл, мой славный вассал и любимый родич!

Ну, каким вассалом является вайзграф на самом деле, еще следовало выяснить, да и по поводу "любимого родича" не все было понятно до конца. Дальний родственник, седьмая вода на киселе — это Елизавета знала точно, но таких родичей у нее, без малого, полграфства, и любим ли ею именно этот Сава и за что, если все-таки, любим, покажет время. Пока же это всего лишь вежливая форма обращения к гостю, пожаловавшему в твой дом, ведь галера — это тоже дом, если сейчас ты на ней.

— Моя графиня! — как ни странно, Сава встал на колени и протянул Елизавете свой меч.

Поступок неординарный, но вряд ли искренний.

"Поглядим! — решила Елизавета, принимая меч. — Он хитрец, но и я не душой родилась!"

— Прими сей меч, как знак доверия и власти! — формула несложная, но принимать и передавать обратно полторный ^[40] меч — упражнение, требующее некоторых усилий. Казалось бы, всего полтора килограмма, ну может быть, чуть больше, но бастард — длинный меч, и ворочать им труд, а не развлечение.

— Поднимитесь, сударь мой! — улыбнулась Елизавета, когда меч снова оказался у Савы. — И познакомьте меня скорее с вашей дочерью!

— Баронесса Икьхгорн, — представил девушку в золоченой кирасе вайзграф. — Моя старшая дочь и наследница.

"Так вот в чем дело! А я-то гадала!"

И в самом деле, чего проще? Вайзграф — титул не наследственный, хотя только полный идиот не попытается превратить его в наследие своего рода. Однако у Савы нет сыновей, одни дочери, и это еще большой вопрос — подчинятся ли бароны женщине. Но если на троне не граф, а графиня, сила прецедента начинает работать в пользу цу Хёгля.

"А ведь он, пожалуй, пошлет ее со мной! — поняла Елизавета, обмениваясь с Зои поцелуями. — Вернется живой, станет героиней. Не вернется, у него еще четыре дочери есть, а память о деве-воительнице останется. Может быть, и на века..."

— Мы предполагали встать в Винги-фьорде на ночевку, а завтра с отливом выйти в

море, — сказала она, выпустив Зою из объятий.

— Сегодня мы пируем в замке баронессы, — усмехнулся в ответ Большой Сава. — А завтра на рассвете Зоя присоединится к вашему флоту, графиня, с тридцатью двумя драккарами. Западный край посылает на войну сто рыцарей и восемьсот лучников.

"Полторы тысячи человек... Вполне!"

В шестую перемену подали ассорти из каплуна, откормленных голубей, пестрых кур, говяжьего языка и ветчины, и, хотя Елизавета любила язык, особенно копченый или заливной, есть она уже не могла. Жареный петух в меду оказался последним блюдом, которое она съела с аппетитом. Но пить вино она еще могла. Тем более, разбавленное, и маленькими глоточками.

— Где вы предполагаете высадиться? — вайзграф, как и предполагалось, ел за двоих, пил еще больше, но не пьянел и осоловелым не выглядел. Напротив, чем дольше длился пир, тем веселее и бодрее он становился.

— Я хочу идти вдоль датского побережья так долго, как позволят обстоятельства.

— Король Клавдий сильный противник...

— А разве Данией правит не Хамлет? — удивилась Елизавета.

— Нет, — покачал головой Большой Сава. — Покойному королю наследовал брат, а Хамлет лишь принц-наследник.

— Если Клавдий посмеет заступить мне дорогу, я убью его и сожгу Эльсинор, — пожала плечами Елизавета.

На самом деле, ей совсем не хотелось ввязываться в военные действия с датчанами Клавдия или норвежцами Фортинбраса, но если так сложится... Что ж, она отправилась на войну, а не на прогулку.

— Попробуйте это вино, миледи! — вайзграф жестом подозвал чашника, и тот с готовностью наполнил кубок Елизаветы темной, сладко пахнущей жидкостью. — Это ягодное вино, графиня. У вас в Скулнскорхе такое тоже, небось, делают. Такое, но не такое! — улыбнулся он. — Это вишневое вино из черных сладких вишен, таких спелых, что они начинают лопаться от переполняющего их сока и бродить прямо на ветвях.

— Звучит заманчиво! — Елизавета поднесла кубок к лицу и вдохнула аромат вина. — И пахнет замечательно!

"Вишневый сад... Чехов, кажется... Пьеса. Забавно!"

Она вдохнула винные пары еще раз и хотела уже отпить из кубка, как вдруг почувствовала присутствие опасной ноты в гармонии аромата насыщенных вишневых тонов.

— Пойдите, вайзграф! — остановила она Большого Савву, поднесшего кубок с вином к своим толстым губам. — Вино отравлено! — сказала она тихо. — Вопрос лишь в том, стоит ли поднимать тревогу?

— Вы это точно знаете? — Сава, как ни в чем, ни бывало, широко улыбался ей поверх кубка.

— Знаю! — улыбнулась она, налету подхватывая игру Большого Савы.

— Пойдите-ка, графиня! — загрохотал Сава во весь голос. — Потом выпьем! Успеется! А сейчас, пока ноги еще держат, пойдемте посмотреть самоцветы баронессы! Зою, девочка моя, ведь ты покажешь графине свои сокровища?!

— С радостью, отец! — поклонилась Зою, вставая из-за стола. — Прошу вас, графиня! У меня действительно есть пара камней, которыми можно удивить всякого!

— Ведите же нас, баронесса! — Елизавета уже стояла на ногах.

На них посмотрели, разумеется, но без удивления и настороженности, как заметила Елизавета. Все, что они делали, все еще оставалось в рамках приличия.

— Мы покинем вас ненадолго, господа! — зычно провозгласил вайзграф. — Пейте, ешьте, на здоровье! Вас ждут еще три перемены! А мы отлучимся на время и вскоре вернемся! Прошу вас, графиня! — и он пошел вперед, показывая дорогу. За ним шла Зои, а уже за ней — Елизавета с Верой и Ириной.

В переходе, когда их не могли уже видеть гости и слуги, Сава подозвал одного из стражников и тихо нашептывал ему что-то на ухо в течение минуты или двух.

— Все! — обернулся он к Елизавете, когда воин опрометью бросился вон. — Теперь это дело раскрутят без нас, если, разумеется, раскрутят... Черт! Знать бы хоть, на кого охота, на вас или на меня?

— Может быть, и узнаем... — Покушение не удалось, и Елизавета не собиралась изматывать себя бесполезными переживаниями.

"Не теперь, не здесь... и не по этому поводу!"

— А у вас крепкий желудок, графиня! — с откровенным восхищением произнес Сава, с новым интересом рассматривая Елизавету.

— Спасибо за комплимент, — почти равнодушно ответила Елизавета, ее занимало сейчас совсем другое чувство. Она снова "видела", и открывшееся ей всего "в двух шагах впереди", Елизавете совсем не понравилось.

— Похоже, нам придется наслаждаться вашим гостеприимством гораздо дольше, чем мы рассчитывали, — добавила она через мгновение.

— Вы изменили свои планы? — нахмурился Сава.

— Нет, — покачала она головой. — Всего лишь буря! Всего лишь клятая буря, что докатится до нас на рассвете! Мы вовремя ввели флот в фьорд, херр Хёгль, иначе бы нас разметало штормом.

— Вы это точно знаете? — повторил свой давешний вопрос Сава, он был озабочен и, пожалуй, несколько смущен.

— Знаю, — кивнула Елизавета. — Это вас пугает?

— Да, нет, — покачал головой гигант, — скорее наоборот. Пойдемте, графиня, я угощу вас вином без яда, — и он пошел вперед, увлекая девушек за собой.

Сводчатый коридор, дубовая дверь, обитая железными полосами, открытая с одной стороны галерея, по которой гулял прохладный ночной ветерок, еще не набравший силы шторма, но уже пахнувший бурей. Затем была винтовая лестница в стене мощной круглой башни, и, наконец, еще одна дверь, а за ней — просторный покой, по-видимому, служивший уже некоторое время вайзграфу жильем.

— Вот хорошее франкское вино! — он подошел к большому круглому столу, отчасти заваленному бумагами, отчасти заставленному разнообразными кувшинами, флягами и бутылками, кубками разных размеров — из дерева и венецианского стекла, всевозможными чашами из серебра и золота и глиняными стаканчиками причудливых форм. — Вот это! — и Сава поднял перед собой кожаную флягу.

— А что там? — указала Елизавета на бутылку зеленого стекла.

— Это Aqua vitae, моя госпожа, что в переводе с латыни...

— Я знаю латынь.

— Даже так? Ну, что ж, у меня есть алхимик, он магометанин, если говорить

откровенно. Так он изготавливает это зелье из яблок... Говорит, из винограда лучше, но где же в наших краях найдешь виноград?

— Эту живую воду можно пить? — поинтересовалась Елизавета.

— Можно, но... — смутился Сава.

— Ничего, налейте мне немного. Я хочу попробовать.

— Ну...

— Не сомневайтесь! — улыбнулась Елизавета. — Если можете вы, смогу и я.

— В голову может ударить... да и вкус...

— Я уже поняла, что это яд, но совсем иного сорта чем тот, которым нас пробовали отравить.

— Ну, да... — все-таки Сава налил ей немного желтоватой жидкости в серебряный стаканчик. — Это она оттого желтая, что я ее в бочках из-под яблок выдерживаю. Получается лучше, чем сразу после изготовления. Мухаммед называет этот процесс возгонкой, но я так и не понял, в чем там колдовство. Э... графиня, я... Ну, в общем, когда-то я держал вас на руках и не раз... Вы, должно быть, этого не помните... Людвиг Каген, он действительно император?

Ну, что ж, вопрос задан.

"Держите удар, барышня!"

— Да, — ответила Елизавета и одним глотком выпила содержимое стаканчика.

Горло обожгло, дыхание пресеклось, и одновременно Елизавету бросило в жар, так что пот выступил на висках и на лбу, но вкус яблок во рту остался. Хотя это были горьковатые яблоки, конечно.

— Верю, — кивнул Сава. — Отчего-то знаю, так и есть. И вы... вы ведь выйдете за него и станете императрицей?

— Не сомневайтесь, херр Хёгль, — улыбнулась Елизавета, чувствуя, как тепло разливается по телу, а душу наполняет золотое сияние. — Не прогадаете!

Шторм пришел на рассвете, да такой силы, что в Икьхгорне так и не рассвело. С низкого неба на замок и море обрушивались потоки воды. Сильный ветер подхватывал дождевые массы и нес их над волнами не на шутку разгулявшегося моря. Волны били в скалы с грохотом и силой штурмовых таранов. Замок содрогался от близких ударов ужасающих молний. Прокатывались, заставляя вздрагивать, раскаты грома.

— Хорошо язычникам! — Зои стояла у бойницы и смотрела на бушующее море. — Была бы я язычницей, сказала бы, что это бог Тор крушит своим молотом великанов-турсов, или Перун мечет молнии в Чернобога.

— Но ты не язычница, — мягко сказала в ответ Елизавета, — и у тебя нет подходящего объяснения.

— А у тебя есть? — на "ты" они решили перейти еще ночью, когда укладывались спать.

— Не знаю, — Елизавета приблизилась к бойнице, и в лицо ей ударил тугой порыв ветра, плеснувший заодно холодной дождевой водой. — Холодно, знобко. Пойдем в покои, сядем у очага, выпьем горячего вина с медом и корицей...

— У меня есть идея лучше! — отвернулась от бойницы Зои. — Там, внизу, — она показала рукой куда-то под ноги, — в третьем дворе, мой дед построил мыльню на ромейский лад. Он вообще был не такой, как отец. Не в смысле роста, Карл Хёгль был большой мужчина, но он путешествовал по миру, жил в Риме и Венеции... Ой! —

всплеснула она руками. — Ты же должна знать эту историю, про нее и скальды с трубадурами поют.

— Что за история? — Елизавета откровенно любовалась Зои Икьхгорн, та была чудо, как хороша, и умна к тому же.

— Про мавра на службе Венеции! Про черного кондотьера, который задушил свою жену!

— Ах, да! — вспомнила Елизавета. — Ее звали Дездемона, и она была дочерью дожа.

— Все так, — кивнула Зои. — Но ты не знаешь, что мой дед Карл служил у Отелло капитаном! Он командовал Италийской армией.

— Да, что ты говоришь! — воскликнула заинтригованная рассказом Елизавета. — Может быть, ты даже знаешь подробности?

— Знаю! — гордо сообщила Зои. — Моя тетка, она в то время была его... ну, ты понимаешь... — она замялась. — В общем, она спала с Карлом.

"Ага! — сообразила Елизавета. — Так речь не о тете, а о тетке, то есть, о женщине, следившей за Зои, пока та была маленькой".

— Пойдем, погреемся в мыльне, и я тебе там все про это расскажу! Согласна?

— Мыльня — это как баня с очагом? — спросила Елизавета, когда они начали спускаться по лестнице.

— Нет, это много лучше! Увидишь! Сейчас прикажу там все приготовить, и через час можно будет уже идти мыться.

Но, как вскоре выяснилось, им и ждать не пришлось. Учитывая те драматические изменения, что произошли "под солнцем и луной", еще рано утром кастелян замка приказал протопить в мыльне печи, исходя из предположения, что кто-нибудь да захочет "в такую-то погоду" попариться. Так что всех приготовлений — приказать принести в мыльню одежду на смену и льняные простыни, масла да притирания, губки, гребни и прочие потребные молодым девушкам вещи. А "париться" пошли впятером: Елизавета с номинальной хозяйкой замка, а также валькирии графини — Лена, Ирина и Вера.

— Это аподитерий! — Они вошли в просторную, без окон палату, где вдоль стен стояли широкие деревянные лавки, а из дубовых панелей торчали бронзовые крюки и крючки разнообразных форм. Еще имелись здесь несколько маленьких столиков, легко передвигаемых с места на место и заставленных сейчас блюдами и кувшинами.

— Аподитерий — это по-гречески, — объяснила "европейски образованная" Елизавета своим валькириям. — А по-нашему — просто предбанник. Здесь раздеваются до исподнего или вообще. Вы как моетесь? — повернулась она к Зои. — В рубашках или нагие?

— Мы моемся голые, — улыбнулась Зои. — Иногда и мужики с бабами, но я никогда... — покраснела она вдруг.

— А здесь тепло! — сменила тему разговора Ирина Большая, успевшая, по-видимому, ухватить главное.

— Вообще-то здесь просто жарко! — попытожила Елизавета. — Раздеваемся! Пока до исподнего, — решила она, мимоходом оценив ситуацию, — а как пойдем в тепидарий, это сама баня так по-гречески называется, или в кальдарий, то есть, в парилку, тогда уж донага. Ведь есть же здесь парная палата?

— Как не быть, — гордо улыбнулась Зои, павой проходя вперед.

— Ой! А это что? — Только сейчас Елизавета увидела главную достопримечательность предбанника — ростовое зеркало невероятных размеров, вставленное в подвижную раму. До

этого момента его скрывал тяжелый занавес, отдернутый теперь сильной рукой Зои.

— Венецианское зеркало! — и Зои продемонстрировала, как можно повернуть раму. — Это как раз мой дед из Венеции привез в подарок невесте. А бабка, когда уже поженились, приказала его здесь поставить. Она красивая была, моя бабка Хельги, и очень этим гордилась. Говорила, мол, одна беда — сама не могу собой любоваться.

— Это как Нарцисс, что ли? — спросила Вера, которая от помощи служанки отказалась и раздевалась сама, споро и без видимых затруднений.

— А тебе разве покрасоваться никогда не хочется? — удивилась Зои.

— Так красуются перед другими! — отмахнулась Вера де Йон, самая старшая из девушек. — Моя красота мужчинам услада, а мне-то в ней что?

— Ну, не знаю... А ты, что скажешь? — повернулась Зои к Елизавете.

— Я в этом смысле занимаю умеренную позицию, — улыбнулась Елизавета, с которой служанка как раз снимала платье. — Я согласна с Верой, наша красота ласкает взгляд мужчин, для того ее Господь нам, верно, и дал. Но и самой иногда любопытно узнать, все ли с этим в порядке, и все такое.

— Ты носишь шерстяные чулки? Зачем? — заинтересовалась Зои, когда платье Елизаветы было повешено на один из крюков, похожий по форме на морду рыбы-молота, иногда приходящей к скалистым берегам Скулнскорха.

— Во-первых, не чулки, — Елизавета подняла подол нижней рубахи и показала хозяйке дома продолжение своих "чулок". — Это как бы штаны, шоссы, но вязаные из шерсти. И в них, представь, зимой совсем не холодно. Но, главное, и это, во-вторых, на них можно надевать броню, защищающую ноги. Сюда налядвенник, — погладила она себя по бедру, — а сюда бутурлук, — нагнулась она, чтобы достать до голени.

— Здорово! — восхитилась Зои. — А не тяжело?

— Да, нет, — пожала плечами Елизавета. — В самый раз.

Она освободилась, наконец — хотя и не без посторонней помощи — от одежды и осталась в одной нижней рубахе. Сорочка была тонкая — из полупрозрачного фландрского батиста — и короткая, чтобы заправлять в "штаны", а сверху на нее обычно надевалась более плотная и длинная полотняная рубаха.

— Ох! — сказала она, потягиваясь, — до чего же хорошо!

— Здесь здорово! — поддержала ее Лена.

— Великолепно! — повела покатыми белыми плечами Ирина Большая.

— Угощайтесь! — предложила Зои, взглядывая искоса, то на одну, то на другую девушку, но более всего на Елизавету. — Тут вот пирожки с мороженой брусникой, а эти — с семгой, а те — с олениной. Там шаньги^[41], как их у нас готовят, с соленым творогом, и к ним треска копченая, пряники медовые...

— А в кувшинах что? — спросила Вера.

— В расписных — ставленный мед, но он крепкий, сорок лет в дубовых бочках простоял.

— Ого! — сказала на это Ирина. — Хорош, должно быть. Я пока только двадцатилетний пробовала.

— Да, вкусный, душистый, — подтвердила Зои, — но много пить нельзя, я от него совсем дурная становлюсь. Такое могу утворить, что стыд и срам... А там, — сменила она тему, — в деревянных флягах — перевар.

— Сбитень что ли? — уточнила Лена.

— Да, — кивнула Зои, — восточники сбитнем зовут. А в бочонке италийское вино.

— О! — вспомнила Елизавета, присаживаясь на скамью и аккуратно пододвигая к себе один из столиков. — Ты обещала рассказать нам про венецианского мавра. — И не размышляя долго над тем, что делает и зачем, плеснула себе в серебряный кубок ставленного меда. — Тебе налить?

Служанки ушли, и остальная часть девичника проходила в условиях максимально приближенных к боевым: все-таки девушки собрались на войну, а, значит, им следовало учиться проявлять самостоятельность и привыкать к тяготам армейской жизни.

— Да, налей! — улыбнулась Зои, присаживаясь рядом на теплые выскобленные до белизны доски, и косясь, между делом, на обнаженные колени Лисы. — Сейчас расскажу. Этот мавр... Спасибо, Лиса! Он был кондотьером в Венеции.

— Кондотьер — это как капитан? — спросила Лена.

— Нет, кондотьер — это воевода по-нашему. Командующий их армией, но только наемный.

— Ага!

— Так вот он был, хоть и магометанин, но знатный рыцарь, и армия Венеции побеждала всех врагов...

Бу-бу-бу... Бу-бу-бу... Отелло... Дездемона... Яго... Коварство и любовь... Краденый платок... Приступ ревности, переходящий в приступ ярости, и финальное — "Молилась ли ты на ночь, Дездемона?" В общем, Зои излагала историю Отелло весьма близко к тексту, а Елизавета, тем временем, размышляла о превратностях судьбы и о себе самой. Она думала о себе и о Людо, и о том, кто она такая, на самом деле, и еще о том, что это значит, быть двумя разными женщинами одновременно. Несомненно, она оставалась Елизаветой, какой помнила себя всю жизнь с того давнего мгновения, когда, судя по всему, осознала себя впервые, связав свое внутреннее "Я" с именем Елизавета, и противопоставив то и другое окружающему миру. Ей было тогда шесть месяцев, как утверждает изустное предание, и с тех пор Елизавета, собственно, и существовала, как обособленная от внешнего мира личность. Но, с другой стороны, она все еще оставалась и Лисой-Бетан Скулнскорх, как бы странно это не звучало.

— И тогда он ее задушил насмерть! — подняв голос, торжественно сообщила Зои.

— Ох, ты! — выдохнула Ирина и начала спешно заедать трагический финал шаньгами и кусками нежирной, остро пахнущей рыбы. — Вот ведь до чего мужиков ревность доводит! Подлецы!

— Да, уж! — поддержала разговор Елизавета и отпила из кубка. Мед оказался не просто хорош, он был великолепен! Да, крепковат^[42], пожалуй, для нежного женского организма, но зато душист и приятен на вкус.

Елизавета переждала прохождение ласкового медового пламени по пищеводу в желудок и, сделав еще пару глотков, поспешила закусить пирожком с брусникой. Бруснику в Икьхгорне морозить умели не хуже, чем в Скулнскорхе. Она не потеряла ни вкуса, ни замечательного аромата.

— А клюкву вы тоже морозите? — спросила она, прожевав пирожок, оказавшийся куда меньше, чем ей показалось на первый взгляд.

— А как же! И морозим, и мочим! Приказать принести клюквы?

— А, давай! — махнула рукой Елизавета. — Холодная клюква в горячей бане, это звучит убедительно, как полагаешь?

— А про принца Датского историю знаете? — спросила Вера де Йон после того, как

Зои приказала принести из погребов мороженую клюкву.

— Это про то, как девушка Офелия ему дала, а он ее бросил? — хохотнула Лена Менк. — Это старая история!

— И грустная, — вздохнула Ирина Большая, — она же из-за него утопилась!

— А у нас рассказывают, с башни бросилась, — Зои отпила из кубка и с удивлением посмотрела внутрь. — Пустой!

— Наливай! — предложила Елизавета. — Я тоже слышала, что утопилась.

— Ну, мне маменька говорила, что со скалы бросилась, — пожалала плечами Вера. — Это она к тому, что "Умри, но не давай поцелуя без любви!", и до венца — ни-ни!

— А, между прочим, — Елизавета подняла кубок, наполненный Зои, и поднесла его к губам. — Вполне может сложиться ситуация, что Клавдий вышлет нам навстречу именно Хамлета. Хамлет, рассказывают, разбил уже однажды Фортинбраса Норвежского. У него репутация хорошего военачальника, но, говорят, он не любит поединков.

— А если его вызовет женщина? — спросила Зои.

— На себя намекаешь?

— Да, нет, — с сожалением в голосе, вздохнула Зои. — Скорее на тебя. Папенькины шпионы доложили, что дерешься на мечах, как рыцарь, хотя твой меч и тоньше рыцарского.

— Уже доложили? — усмехнулась Елизавета и выпила мед.

— А как же! — рассмеялась Зои и то же опустошила свой кубок. — Так это правда?

— Ну, я могла бы попробовать объяснить принцу Датскому, что девушек обижать нельзя.

— А к слову, вы хоть знаете, о чем идет речь? — подняла бровь Ирина Большая. Она покраснелась, и была сейчас, чудо, как хороша. Ленточки на правом плече развязались, и рубаха спустилась вниз, обнажив правую грудь, тяжелую, белую, с темным соском в широком коричневого цвета пятне. — Я имею в виду, про "отдалась"?

— Ну, — пожалала плечами Елизавета. — Я знаю, что к чему, ну то есть, что куда.

И в этот момент она порадовалась, что в жарко натопленной комнате, да еще после двух кубков — пусть и маленьких — старого меда, краснеть дальше просто некуда.

— Ты, графиня, небось, Боруна и Ингрид видела, они везде в замке любились, — добродушно усмехнулась Ирина.

— Ну, и их тоже, — вынуждена была признаться Елизавета, помнившая памятью Лисы голый зад стражника Боруна и раздвинутые ноги служанки Ингрид.

На самом деле, маленькая, в то время, Лиса, осознав, что этим двоим не до нее, подобралась к ним вплотную и разглядела все, что требовалось. А поскольку лошадей и собак, быков и баранов она за этим занятием уже заставляла, сделать выводы, что там и к чему, не составляло труда. Впрочем, в рыцарских замках оставаться невинной — в прямом и переносном смысле, — непросто. Жизнь такая незатейливая, да и нравы ей под стать.

— А я сама пробовала, — пожалала плечами Вера. — Первый раз — так себе, но не ужасно, как маменька говорила. А дальше — сладко... точно мед!

— Это с кем это ты? — нахмурилась Ирина.

— С суженным, ряженым! — отрезала Вера. — А ты?

— Я с Иваном — Всеволодовым кормчим, он с батей моим и по рукам уже ударил, и виру^[43] за мою "честь" уплатил.

— А как же он узнал? — Елизавета этой истории, как ни странно, еще не слышала.

— А он нас на горячем поймал, — рассмеялась Ирина. — Иван внизу, я наверху, и оба

голые.

— А как это сверху? — сделала круглые глаза Лена.

— Как-как! Верхом!

"Верхом?" — Елизавета, все это время уверенно державшая лицо, чуть не дрогнула. Она не сразу сообразила, как это "сверху".

— А у моего отца, — сказала, между тем, Вера, — есть такая книга, называется "Фацеции или жарты польски, или издѣвки смехотворны московски"^[44]. Так там такие срамные сказки записаны, что просто в румянец бросает.

— В Скулнскорхе, в библиотеке есть книга италийца Боккаччо "Декамерон", — наставительно сказала Елизавета, — так в ней вообще про все говорится, и про блуд, и про полюбовников...

— Да, что нам италийцы! — расхохоталась Ирина, разливая мед, двигалась она при этом легко и плавно, словно бы и не пила крепкого вина. — В любую деревеньку заедете, на мызу, в фольварк, на хутор какой, вам бабы таких сказок понарасказывают, что повторить язык не повернется.

— А так, чтобы не про это? — спросила Елизавета, справившись с очередным пирожком с сѣмгой. — Про любовь, про верность...

— Ну, есть такой рассказ, его кормчие рассказывают, когда бражничают, — Вера тоже съела пирожок, и ее губы лоснились от жира. — Вот говорят, давным-давно, в Новгороде, жил-был кавалер Роман Монтеков сын, а в том же белокаменном проживала девица из рода Копулетовых, именем Ульяна...

— Постой, Вера! — остановила ее Елена. — А разве его не Ромус звали? Ромус и Ляна. И это не в Новгороде случилось, а на Литве...

— Да, нет же! — воскликнула раздосадованная Елизавета. — Ни в какой не в Литве, а в графстве Верона! И кавалера звали Ромиус, а девицу — Юлия!

— Нет, — покачала головой Зои. — Его звали Ромео, а ее — Джульетта, и она...

— О, господи! — подняла тогда руку Елизавета. — Похоже, мы уже изрядно выпили, пойдете-ка в баню!

Она встала с лавки, стянула через голову рубашку и первой пошла к двери в тепидарий.

— А ты красавица! — сказала ей вслед Зои.

"Красавица? Что ты имеешь в виду?" — что-то в словах Зои насторожило Елизавету. Похоже, баронесса сказала вслух совсем не то, о чем подумала.

"Я..." — она остановилась перед венецианским зеркалом и посмотрела на себя, как бы со стороны.

Лиса и Елизавета были похожи, но не как сестры близнецы, а как погодки, скажем, дети одних и тех же родителей. Лиса была чуть старше и несколько более женственной, чем Елизавета. Во всяком случае, грудь у нее явно была полнее, а бедра — шире. В остальном — жесткие вьющиеся волосы цвета червонного золота, широкие скулы, большие янтарные глаза, белая кожа и тонкая кость — они походили одна на другую, но только походили. Чуть иной разрез глаз, разница в чертах лица, в осанке, в плавности движений...

"Ерунда! Не это!"

— Любуешься? — сзади подошла Зои и тоже отразилась в зеркале.

"Вот!" — понимание пришло сразу, как только Елизавета увидела хозяйку замка Икьхгорн.

Зои тоже разделась. Она была хорошо сложена, но дело не в том, какой она появилась

на свет, а в том, какой ее сделали постоянные упражнения с мечом и копьем. Зои являла, на взгляд Лисы, пример настоящей девы-воительницы: длинные мускулистые ноги, способные во время боя нести тело воина по качающейся палубе драккара, плоский живот, широкие развитые плечи и сильные руки. Нельзя сказать, что она не привлекала внимание, или не обладала женственностью, но это была не красота нежного ангелоподобного существа, каким изображала женщин куртуазная поэзия, а опасная, исполненная мощи и грации красота хищника.

А вот Елизавета, словно бы и не носила на себе пуд железа и не фехтовала мечом. Округлые плавные линии, нежная кожа, тонкая кость... На глаз, не более трех пудов, максимум три с половиною, но при таком весе и такой комплекции быть рыцарем весьма непросто. Вернее, невозможно, в принципе. Однако на практике — вот она Елизавета, и это она — и никто другой — ходит в броне, взбирается в седло, неся на себе массу разнообразного железа, бьется на мечях. И пусть ее меч не так велик и тяжел, как настоящий рыцарский, и броня облегчена, где и как возможно, это все-таки доспехи и меч, а не платье и веер.

— Ну, не знаю! — сказала она вслух, встретив испытующий взгляд Зои. — Такой уж я уродилась!

— Ты родилась красавицей, графиня, — без улыбки ответила ей из зеркала Зои Икьхгорн. — И ты настоящая дева щита. Ты, а не я! Такими, как говорят легенды, они и были — с виду хрупкие, но в бою не уступали мужчинам. Брунхильда, Альвильд, Поляница...

— Аминь! — Елизавета отвернулась от зеркала и пошла в банный покой.

В банном покое было жарко, в парилке — разверзся ад. Но этот ад был сродни любви, подобием страсти, он был ближе к раю, чем ад церковный.

— Ох!

— Ах!

— Смотри, не растай!

— С чего б мне таять, чай, не снегурка!

— Ох-хо-хо!

Потели не без удовольствия, до полного изнеможения, до алого марева перед глазами.

— Все-все-все! — закричала Елизавета, чувствуя, что еще немного, и кости потекут, как восковые свечи. — Вы как хотите, а я в фригидарий^[45]!

Она вскочила с деревянного полка и опрометью бросилась вон. Пробежала сквозь облако горячего, пахнущего кедром и сосной пара, толкнула заранее примеченную низенькую дверцу, толстую — в две доски, миновала темный коридор, где жар парильни сменился прохладой, толкнула еще одну дверь и вылетела под дождь. Фригидарием в замке Икьхгорн служил неглубокий каменный бассейн, зажатый между стеной мыльни и основанием крепостной башни. Место уединенное, укрытое, куда никто не заглянет, не увидит и не услышит, что здесь происходит. Из стены, сквозь пробитый в камне канал, текла в бассейн холодная родниковая вода, вытекающая с другой его стороны.

Елизавета вылетела из дверей мыльни и рухнула в ледяную воду. Холод обжег, выбил из легких воздух, сжал спазмом горло, давая в нем крик, но в следующее мгновение кто-то рухнул в воду рядом, вздымая веер брызг, мешающихся с дождем, и еще кто-то, и еще. Ударил молния, превратив полусумрак в слепящий свет, прокатился камнепадом гром, а в бассейне вдруг стало тесно от разгоряченных тел. И Елизавета выдохнула со стоном и

приняла холод в себя, растворяясь в нем, как прежде в жару парильни.

И сразу же стынущий под ледяным дождем бассейн наполнился возней, криками и смехом. Елизавета чувствовала прикосновения в самых неожиданных местах, видела улыбки, взгляды, раскрытые в воплях удовольствия рты. Мелькали руки, ноги, спины и ягодичы, распущенные мокрые волосы липли к лицу...

"Боже! Как хорошо! — подумала Елизавета, сплетаясь с кем-то из подруг в объятиях или борьбе. — Как ужасно хорошо!"

А потом они снова парились, и опять купались под дождем, и грелись, попивая старый мед и лакомясь, горячим пирогом с кабанятиной, а еще потом, чистая, усталая, разомлевшая от сытости и парного тепла, Лиса добралась до отведенных ей покоев и забралась под меховое одеяло.

— Можно с тобой? — спросила Зои.

— Можно!

Зои тоже влезла под одеяло, они обнялись, согревая друг друга, и заснули, но, уходя в сон, Елизавета подумала о том, как ей не хватает здесь Тильды. Однако Тилли была далеко, и, если Клодда Галицкая — это все-таки она, то сейчас Тильда на войне, одна, маленькая и несчастная...

6

Местность вокруг лежала низкая и скучная. Дюны, перелески, одинокие сосны, огромные валуны, скудные поля и невысокие холмы. Между тем и этим попадались иногда то нищие деревни, то унылые, серые замки. Деревни при приближении армии пустыли, замки — запирались. В принципе, можно было бы для острастки спалить пару деревень и взять один из замков штурмом, но не хотелось. Ну, их, убогих! Пусть идут с миром, лишь бы под ногами не путались!

Две недели назад армия высадилась в удобном заливе, предварительно захватив лихим ночным налетом торговый городок, называвшийся Холбек или как-то в этом роде. Маленький затрапезный городишко с жалким портом и никудышной крепостью. С тех пор армия двигалась на юг, вынужденно — из-за условий местности — все больше отклоняясь к востоку. Шли медленно — темп задавали пешие воины и обоз, — не встречая сопротивления, но и не имея понятия, куда их занесла нелегкая. Никто из пойманных в округе крестьян и рыбаков не мог сказать, где точно они находятся. Впрочем, оно и понятно: вся жизнь этих простых людей проходила в одних и тех же, строго ограниченных жизненной необходимостью местах. Даже рыбаки не уходили далеко от своих деревень, зная более или менее хорошо лишь считанные мили побережья. К тому же, люди здесь говорили на ужасающем языке, понять который было крайне трудно, но другими языками в этих местах не владел никто. Священник, которого привели к Елизавете на третий день марша, знал латынь с пятого на десятое и смог лишь объяснить, что высадились они, как и намеревались в Дании, и что где-то "там", то есть, если судить по взмаху старческой руки, на северо-востоке, находится столица Датского королевства.

— А где у них столица? — спросила Елизавета своих кормчих.

— В Крогене! — уверенно сказал один.

— В Эльсиноре! — возразил другой.

Про Эльсинор Елизавета кое-что слышала, но — убей бог! — не помнила, в какой части королевства находится этот замок. Не знали этого и другие, а карты Дании, разумеется, у них не нашлось. На самом деле, Елизавета не была уверена даже в том, что такая карта реально существует. Поэтому и решила идти на юг, предполагая выйти к Фленсбургу или Килью, откуда рукой подать до Любека. Где-то там, на юге, в Германских землях воевал сейчас, если полагаться на старые новости, князь Каген.

— Графиня! — Елизавета распорядилась, чтобы в походе никто не тянулся и не величал ее "светлостью". В этом смысле обращение "графиня" ее вполне устраивало: коротко, по существу, и в меру уважительно.

— Графиня! — Эрик осадил своего огромного буланого жеребца, преграждая ей путь.

— Что такое, воевода? Случилось что? — На самом деле, Елизавета прекрасно знала, что именно случилось. Эрик неоднократно пытался прекратить ее "поиски" во главе авангарда. Но тащиться с основными силами армии невыносимо скучно, и, пересев — по случаю "военной необходимости" — в мужское седло, Елизавета едва ли не ежедневно выезжала посмотреть, "что и как впереди". И нет ничего удивительного в том, что зачастую авангард далеко отрывался от основных сил, что, разумеется, чревато, как объяснял ей раз за разом верный Эрик, многими опасностями и бедами. "Это война, графиня, — говорил он, играя желваками на скулах от едва сдерживаемой ярости. — Это не прогулка и не охота, это бойня, миледи, где убивают пленных, даже если они высокого рода, и где режутся не на жизнь, а на смерть без всяких куртуазностей и кодексов вежества!" О том, что на войне насилуют женщин, Эрик промолчал, но это подразумевалось, само собой.

— Вернулись разведчики, миледи! — воевода, по своему обыкновению, был сумрачен, если не сказать, угрюм. — Похоже, мы крупно ошиблись с местом высадки.

— Что такое? — насторожилась Елизавета, сдерживая нетерпение своей вороной лошадки.

— По-видимому, буря снесла нас гораздо восточнее, чем мы думали, — сообщил Эрик. — Отсюда, — кивнул он на перелесок справа, — мы вряд ли попадем в Любек. Это остров или что-то на остров чрезвычайно похоже. Придется поворачивать на запад, там — в пяти или шести переходах — находится залив Корсё, впрочем, я не уверен, что правильно выговариваю эти варварские названия. Флот — если его не перехватят по пути датчане — мог бы принять нас там. А дальше, судя по всему, нам будет выгоднее всего вернуться назад, туда, где мы высаживались, и, продолжая двигаться в восточном направлении, обогнуть мыс, на котором, к слову, и находится этот их проклятый Эльсинор. Только это не замок, графиня, — замок называется Кроген, — а город. И вот если мы не встретим в море датчан или норвежцев, оттуда, идя почти прямо на юг, можно выйти к Любеку. Впрочем, неизвестно, в чьих он сейчас руках, и не придется ли брать его штурмом.

— Разведчики добыли карту? — Елизавета не знала, радоваться ей или горевать. С одной стороны, корабельщики совершили непростительную ошибку, промахнувшись, чуть не на пять сотен миль, но, с другой стороны, наконец-то что-то начинало проясняться.

— Не карту, — усмехнулся Эрик. — Они поймали ганзейского кормщика. Его когг выбросило бурей на камни... положение, сами понимаете, не радостное, а мои люди пообещали ему защиту. Так что он нарисовал нам кроки, и получается, что мы пока далековато от нашей цели.

— Что ж...

— Еще одно, с вашего позволения...

— Да?

— Миледи, вы рискуете собой, а значит, и своей армией. Не жалеете себя, пожалейте ваших валькирий, графиня, пожалейте меня, Олафа, своих рыцарей и кормчих, баронессу Икьхгорн, наконец! — сказал он, поклонившись Зои.

— Ладно, воевода! — вздохнула Елизавета. — Вы правы. Давайте, доедем вот до той рощицы, посмотрим, что за ней, и сразу — назад. Идет?

— Как прикажете, миледи, — поклонился из седла Эрик.

— Прикажу! — рассмеялась Елизавета и, поворотив лошадь, послала ее вперед крупной рысью.

Взглянув, спустя мгновение, через плечо назад, Елизавета увидела, что весь отряд следует за ней, а несколько всадников, послушные некому приказу Эрика, начинают обходить ее справа и слева, формируя прикрытие с флангов.

"Ладно, Эрик! Ты опять кругом прав, но что мне делать со своим дурным нравом?"

Подскакав к рощице, Елизавета перевела Окхе^[46] на шаг, и осторожно въехала под дубовые кроны. Роща была просторная, светлая, деревья росли в ней достаточно далеко друг от друга, но их мощные корни вздымались тут и там над землей, змеями "скользили" в траве. Чтобы не покалечить лошадь, Елизавета ехала медленно и осторожно. Впрочем, рощица оказалась совсем маленькая, и ее противоположный край был уже хорошо виден за мощными стволами дубов.

"Посмотрим, что там, и домой!" — решила Елизавета, приближаясь к опушке, и почти сразу же увидела противника. То есть, увидела-то она с полсотни всадников, приближающихся к роще с противоположной стороны, но, поскольку друзей и союзников, не говоря уже о родичах, — не считая каких-то совсем дальних фон Браге, — у графини Скулнскорх в этих местах не было, следовательно, навстречу ей ехали враги.

Была бы она одна, то есть, с небольшим, компактным эскортом, Елизавета отступила бы тихонько за деревья, чтобы не попасться неприятелю на глаза, и поторопилась вернуться к армии. Но с секунды на секунду слева и справа от нее из-под деревьев выедут на опушку ее, графини Скулнскорх, телохранители, и враги поймут, что они здесь не одни. Однако не нами сказано, что инициатива на войне, равно как и фактор внезапности, равны приращению сил, и наоборот.

— Атакуем! — бросила она через плечо Вере, и в следующее мгновение за спиной Елизаветы протрубил рог. Теперь оставалось лишь скакать на врага галопом, чтобы застать его врасплох и ошеломить внезапной атакой.

"Идиотка! Боже мой, какая же я идиотка!"

Окхе вынесла Елизавету из рощи и, набирая скорость, понесла дальше, прямо навстречу ехавшим шагом всадникам. Расстояние между ней и противником быстро сокращалось, но Елизавета успела все-таки приготовиться к схватке: отпустив поводья, левой рукой сорвала с рукояти меча тарч^[47], а правой — высвободила из ременной петли свой любимый клевец^[48]. Вообще-то выбор диктовался размерами ее тела и мышечной силой. Кулачные щиты все больше использовали в пешем бою, или чтобы просто покрасоваться перед дамами. Небольшой, красивый и не слишком тяжелый, он отлично смотрелся на рукояти меча. Но для Елизаветы он стал кавалерийским щитом. Сделанный из металла, прочный и относительно легкий, кулачный щит мог ломать чужие мечи и служить — разумеется, в

опытной руке — вполне смертоносным оружием при метком ударе ребром. То же самое можно сказать и о клевец. Это был совсем неплохой выбор для боя верхом, особенно для женщины. Ничуть не хуже меча, а то и опаснее, но клевцом надо еще уметь защищаться от встречных ударов, что отнюдь не просто, хотя и возможно. Елизавета, во всяком случае, надеялась, что учение пошло ей впрок.

Тем временем, чужаки — а это, несомненно, были датчане — заметили опасность и начали поворачивать коней, пытаясь наскоро организовать отпор. Однако у них просто не хватило времени. Опередивший Елизавету гвардеец первым скрестил свой клинок с вражеским, и к тому времени, как графиня добралась до датчан, дрались уже несколько пар всадников. Тем не менее, работы хватило и ей. Первый же выскакавший навстречу датчанин ударил мечом наобум, не успевая сформировать правильную атаку. Елизавета парировала выпад щитом и обрушила на противника клевец. Отогнутое несколько книзу острие легко, словно пергамент или бумагу, пробило сталь шлема, и всадник вывалился из седла, скорее мертвый, чем ошеломленный. Но времени торжествовать победу не оставалось. Вокруг Елизаветы развернулось настоящее сражение, и не все чувствовали себя в нем так же уверенно, как она. Отбив клевцом случайный удар, Елизавета привстала на стременах и окинула место схватки коротким, но все подмечающим взглядом. Помощь — притом неотложная — требовалась Зои и Вере. Девушки вдвоем едва справлялись с наседавшим на них рыцарем в черненьких^[49] латах. Это был крупный и опытный воин, и его полутораручный бастард — грозное оружие в сильной и умелой руке — заставлял девушек напрягать все свои силы, чтобы сдерживать натиск. Их легкие клинки буквально летали, словно чайки, охотящиеся на рыбный косяк, но все равно, ни пробить защиту датчанина, ни надежно защитить себя от его ударов, они не могли.

"Ах, ты ж, нечисть!" — Елизавета развернула кобылу, отмахнулась щитом от чьей-то бьющей наобум булавы, отбила клевцом метившее ей в бок копье, и в три шага оказалась рядом с подругами. Щита у датчанина не было, зато имелся толстый щиток на левом плече, который он то и дело подставлял под удары девушек, оставляя правую руку свободной. Прием не ахти какой хитрый, но при правильном исполнении вполне эффективный. Использовал его датчанин и против нового противника. Вот только в руке Елизаветы находился не меч, а клевец, вся мощь удара которым сосредотачивается на крошечной площади брони, куда бьет стальной наконечник. Впрочем, у клевца имелись не только достоинства, но и недостатки. Пробивать-то броню он пробивал, но зачатую тут же в ней и застревал. Именно это и случилось, когда Елизавета нанесла свой удар. Датчанин вскрикнул и дернулся в седле, едва не пропустив выпад Зои. Скорее всего, он был ранен, но насколько опасно, в горячке боя знать было нельзя. Елизавета потянула клевец обратно, и поняла, что острие застряло в пробитой им броне.

"Кровь и пепел!" — Елизавета сделала единственное, что успевала и могла сделать, она подняла Окке на дыбы, заставляя кобылу повернуть влево. Острая боль пронзила плечо, но Елизавета рукоять клевца все равно не выпустила. Используя себя и лошадь на манер рычага, а клевец — как крюк, она вырвала датчанина из седла.

"Ох! Вывих? Перелом?" — но, похоже, обошлось без членовредительства. Рука выдержала, а бой между тем выдыхался, подходя к финалу. Все-таки в авангарде Елизаветы состояло до полутора сотен воинов, даже если пятеро из них — девушки. У датчан же едва набиралось шесть десятков бойцов.

Результат очевиден, но в тот момент, когда Елизавета уже праздновала в душе свою

первую военную победу, вдали, за полями — милях в полутора на восток, — показались едущие шагом всадники. И вот их, судя по количеству поднятых к небу копий, было гораздо больше.

"Основные силы датчан!" — всполошилась Елизавета.

— Труби отход! — крикнула она Вере. — Уходим! Уходим! Быстро! Эрик! — В пылу боя она даже забыла, что на людях они с Эриком условились, не переходить на "ты". — Будь другом, прихвати этого дылду! — кивнула она на распростертого на земле рыцаря в череных доспехах.

Загрубил рог. Воины начали поспешно собираться вместе и уже через минуту скакали рысью в обратном направлении. У некоторых из них — и, разумеется, у Эрика — поперек седел мешками висели пленники.

— Парламентер! — шепнул кто-то рядом.

— Я вижу, — огрызнулась Елизавета.

Правое плечо болело, весь левый бок, наверняка, выглядел как один сплошной синяк. Это еще если все ребра целы! При отходе она совершенно неожиданно оказалась под обстрелом затаившихся в кустах на фланге датских арбалетчиков. Болт ударил ее на предельной для выстрела дальности, но кирасу все-таки пробил, остановленный лишь кольчугой. Впечатление, однако, было такое, что ее ударили в бок бревном. От удара она чуть не вылетела из седла. Вернее, вылетела, но ее поймала оказавшаяся в нужное время в нужном месте Ирина Большая.

"Кровь и пепел! Вот же дура упоротая, прости господи!"

— Вы позволите, графиня? — Эрик был само спокойствие, все, что он думает по этому поводу, он скажет ей позже и наедине.

— Да, воевода Баар, поезжайте! Узнайте, чего они хотят!

Датское войско выстроилось напротив, готовое дать сражение. Не менее пяти тысяч пехоты, и до пятисот рыцарей. У Елизаветы было чуть больше конных рыцарей, но в три раза меньше пеших ратников. Однако у нее имелось преимущество, о котором датчане пока не знали — почти половина ее воев была вооружена ростовыми луками, из которых скулинскорхцы к тому же умели стрелять быстро, далеко и метко. И Елизавета представляла себе, во что превратится датское войско до того момента, когда появится возможность сойтись грудь в грудь. Об участии кавалерии не хотелось и думать.

"Это будет бойня! Клятая средневековая бойня!"

Между тем, Эрик выехал из строя и, не торопясь, направился навстречу датскому парламентеру. На правой руке у него был повязан белый шарф.

"Романтично..." — сидеть в седле было тяжело, и при некоторых особенно глубоких вздохах боль пробивала бок и грудь. О правой руке Елизавета уже не думала. Клин клином вышибают, как говорится.

— Может, на поединок вызовут? — тихо, едва ли не шепотом, предположила Зои.

— Но не меня! — Елизавета не представляла, что будет делать во время сражения, но ясно было, что отсиживаться в тылу нельзя, а сможет ли она командовать своими, "бодро" разъезжая за спинами выстроившихся рядами лучников, один большой вопрос. — Вон, Эрик большой, пусть он и машет железом.

Выражение отнюдь не фигуральное: у Эрика кроме меча имелся моргенштерн^[50] на цепи, от одного вида которого становится нехорошо.

Наконец Эрик достиг места, где ожидал его датский парламентар, и остановил коня. Последовал пятиминутный обмен репликами, затем переговорщики отсалютовали друг другу, развернули коней и поехали каждый к своему войску.

"Ну, и чего же вы хотите?"

— Чего они хотят? — спросила она Эрика, когда тот подскакал к ней. К этому моменту, у нее и голова начала болеть, и спазмы в животе появились.

— Они требуют вернуть им принца датского Хамлета.

— Кого, кого? — опешила Елизавета, разом забывая о боли в боку и резах в животе.

— Армией датчан командует наследник престола Хамлет Датский, — Эрик и сам был явно обескуражен этой новостью. — Армия оказалась здесь случайно: они возвращались после очередной стычки на побережье. Я не понял, кто там высаживался и зачем, но сражения не произошло. Армии разошлись мирно, и принц повел свое войско в Эльсинор. А тут мы. Нам просто не повезло, могли и разминутся. В общем, тот рыцарь в черной броне, это, похоже, и есть Хамлет.

— А он как там? — забеспокоилась Елизавета. — Он хоть жив?

— Жив, — ухмыльнулся Эрик. — Но за него мы теперь можем выторговать себе свободный проход до ближайшего порта, куда придет наш флот. Ну, а оттуда мы дня за два, максимум, за три, доберемся до Любека!

— Что ж, — Елизавета попробовала улыбнуться, но не смогла, — пойдете, воевода, поговорим с нашим принцем. А вдруг мы еще чего-нибудь у него сторгуем?

Принц Датский, освобожденный от брони и с перевязанным плечом, сидел на чурбаке, облокотившись на врытый в землю столб. К этому столбу принц, собственно, и был прикован. За шею.

— Добрый день, принц! — Елизавета решила не покидать седла. Во-первых, Хамлету так обиднее, а, во-вторых, сделать это с прежней легкостью ей бы не удалось, а срамиться не хотелось. — Я Лиса Скулнскорх, милостью божьей, kongr^[51] Севера и Запада. Вы мой пленник, принц, поскольку я командую этим войском, и, хотя первой причины вполне достаточно, назову и вторую. Это я выбила вас из седла.

— Даже и не знаю, что сказать! — принц встал, но далеко отойти от столба не смог. — Мне показалось в пылу боя, что сражаюсь с женщинами, но, честно говоря, я и сейчас с трудом верю собственным глазам. Вы дама. Вы красавица. Вы носите, юбку, наконец! Но удар боевого молота... Это ведь был молот, я не ошибаюсь?

— Не совсем, — она все-таки улыбнулась через силу. — У меня клевец, — и она продемонстрировала датчанину свое смертоносное оружие.

— Н-да... Никогда таких не видел... Но удар! У вас сильная рука, миледи!

— Графиня.

— Так значит, Лиса, графиня^[52] Скулнскорх... Приятно познакомиться, графиня, — он чуть поклонился, звякнув цепью. — Хамлет Датский, к вашим услугам.

— Принц, — взяла Елизавета быка за рога, — мне нет дела до Дании.

— А зря! — усмехнулся принц. — Выходите за меня замуж, миледи! Мой отчим стар и болезненен. Он вряд ли протянет долго. Я стану королем, вы — королевой...

— Спасибо, принц, но я помолвлена.

— Это не проблема! Скажите мне, кто он, и я вызову его на поединок!

— Боюсь, если я назову вам его имя, вы обделаетесь! — сказано грубо, чего уж там, но

Елизавету задела легкость, с которой этот оборот предлагал ей руку и сердце.

"Подумаешь, король! Мой будущий муж, может быть, вообще император! Но я же не хвастаюсь!"

— Похоже, я был недостаточно галантен. Простите, миледи, если так! Но мои слова искренни.

— Забудьте, и перейдем к делу. Как я уже сказала, нам нет дела до Дании, и мы не имеем в вашем королевстве никаких интересов, кроме транзита. Нам нужно попасть в Любек. Вы можете нам в этом помочь?

— Вы знаете, где вы сейчас находитесь? — прищурился принц.

— В Дании, разве нет?

— В Дании, но где именно в Дании?

— Принц, я не сильна в географии.

— Это остров Зеландия.

— Намеряете, что придется плыть до Любека по морю?

— Такова, правда.

— У меня есть флот, — улыбнулась Елизавета. — Но нам нужен удобный порт, лоцман и карта, и еще нас надо в этот порт пропустить без боя.

— У вас скромные требования.

— Заметьте, за наследного принца я могла бы взять немалый выкуп.

— Тоже верно.

— Итак?

— Тут недалеко проходит тракт.

— Великолепно! И куда по нему можно прийти?

— В Кёге, это на восточном побережье Зеландии. И оттуда день пути до Любека. Впрочем, это под парусом с попутным ветром. Если на веслах, — два дня.

— Дадите проход до Кёге?

— Дам.

— Что насчет карты?

— Хорошо, это часть сделки.

— Проводники, лоцманы?

— Я пошлю с вами двух своих дворян, Розенкранца и Гильденстерна. Они обеспечат вам свободный проход по датским землям. Ну, и по водам, разумеется. Гильденстерн отлично знает Остерзуен и...

— Остерзуен? — переспросила Елизавета.

— Так мы называем Варяжское^[53] море. Гильденстерн проводит вас до Любека. Но я бы не рекомендовал вам туда идти.

— Почему? — насторожилась Елизавета.

— Город захвачен еретиком и врагом церкви Томасом фон дер Марком.

"Бургграф Хам и Зост... — вспомнила Елизавета, — граф Ламарк. Но с каких пор Дамаль заделался еретиком?"

— Это наши проблемы. Так мы договорились?

— Я готов подписать договор.

Она все-таки слезла с лошади. Именно слезла, на большее у нее просто не было сил, но не орать же такое на весь лагерь!

— Принц, можно задать вам один личный вопрос?

— Задавайте! — усмехнулся принц. — Заслужили.

— Что у вас за история с Офелией?

— С Офелией? — нахмурился Хамлет. — А кто это? Впрочем, постойте! Вы имеете в виду дочь нашего канцлера Полония? Офелию Хюмстедт?

— Возможно...

— Уверяю вас, графиня, у меня с ней ничего не было и не могло быть! Она замужем за графом Розенкранцем, моим другом и родственником, так что...

— Извините, принц! — улыбнулась довольная Елизавета. — И давайте займемся текстом договора!

Разумеется, принц напутал. Не два дня, а четыре, но все-таки флот Елизаветы спорс продвигался на юг. Последнюю стоянку перед переходом в Любек, сделали на острове Фальстер, близ деревеньки Гедесбю. Для Елизаветы и ее крошечного двора реквизировали — на время, конечно же, и за деньги — местный трактир, над которым находилось нечто вроде гостиницы: несколько комнат с кроватями и скудной мебелью.

Поужинали в общем зале, жареной бараниной из корабельных запасов, кровяной колбасой оттуда же, копченой рыбой, ноздреватым хлебом вчерашней выпечки и густым, плотным и сытным, словно хлеб, пивом. В очаге горел огонь, трещали факелы, распространяя вокруг запах горячей смолы, тени плясали по балкам низкого потолка и сложенным из дикого камня стенам.

Лиса!

Елизавета вздрогнула и огляделась. Однако вокруг все было по-прежнему: сидели за длинным столом девушки и несколько гвардейцев Ближней Стражи, разговаривали, пили пиво, флиртовали, кто больше, кто меньше, но...

Елизавета!

Это было похоже на немой окрик, на тень тени, на бесплотный шорох, возникающий сам собой в пустых домах.

Я здесь. Я жду.

Елизавета прислушалась. Треск факелов, речь и смех, скрип ставни, тяжелые шаги трактирщика, стук глиняных кружек о дерево стола...

Лиса! Лиза! Цисси! Батан! Елизавета!

Она встала со скамьи, прошла по залу, ловя на себе взгляды стражников и валькирий.

— Тсс! — приложила палец к губам. — Я выйду сейчас в ночь, и никто не последует за мной, ни мужчина, ни женщина.

Елизавета! Я здесь, я жду...

Она оглядела свой притихший двор.

— Сейчас тот случай, — ответила она на немой вопрос, — когда вам следует довериться мне и не перечить.

— Тсс! — повторила она, снова прикладывая палец к губам.

Лиса! Батан! Бесс! Бетти! Я жду!

Елизавета распахнула дверь и вышла в ночь. На небе луна, ее свет отражается от моря, спокойного, словно озеро, и растворяется среди камней, деревьев, кустов.

Тина! Беке! Лизель! Бабет! Я здесь, я жду... — странно, но бесплотный голос был так же реален для Елизаветы, как звуки обычной речи.

— Графиня!

— Ты не должен, Эрик! — бросила она, не оборачиваясь.

— Лиса, разреши мне...

— Зои, я возьму тебя с собой в бой, но сейчас ты мешаешь мне сделать кое-что важное...

Бета! Лича! Бе!

Елизавета прошла несколько шагов, безошибочно определяя направление.

— Лиса!

— Все! — отрезала она.

Лиза! Эржбет! Эльза!

Эрик и Зои остались на пороге трактира, а Елизавета шла сквозь ночь. Лунное сияние, игра причудливых теней, шорох ветра в кустарнике, плеск воды в маленьком ручье...

Лиза! Ели! Цака! — имена, страны и эпохи, судьбы...

"Судьба..."

А зов все звучал и звучал, растворенный в шорохе травы, в движении мышцы, во всплеске рыбы...

Элс! Лизбит! Лис!

Елизавета обошла огромный валун, глубоко зарывшийся в песок, темный, покрытый мхом. За его плечом пряталась небольшая вымоина, заросшая по краю кустарником. На дне овражка горел костер, освещая сгорбленную темную фигуру. Человек? Приведение? Оборотень?

Элса! Лиса! Елизавета!

— Я пришла, — сказала Елизавета, приблизившись к костру. — Что скажешь?

Тень подняла голову, и Елизавета увидела всклокоченные волосы, темное лицо, блестящие глаза.

— Ведьма к ведьме пришла, — неожиданно пропел скрипучий старческий голос, — но вопроса не нашла!

Ведьма к ведьме пришла,

Но вопроса не нашла.

Был вопрос, и нет вопроса,

Кто-то взял его без спроса!

Нет вопросов, есть ответы,

На клинок ее надеты...

"Странный стишок. Что? На клинок?" — Елизавета коснулась пальцами рукояти кинжала, висевшего на ее поясе.

— Возьми! — предложила старуха. — Не бойся! Обнажи сталь!

— Я не боюсь! — Елизавета обнажила клинок, и блики огня заиграли на лиловой стали.

— Боишься! — возразила старуха. — И боишься признаться себе, что в тебе живет страх. Она была такой же! Отрицала страх, но ужас шел за ней попятам.

— Кто? — нахмурилась Елизавета. — О ком ты говоришь?

— О ней! О Деве Севера, конечно! Ты не она, но она живет в тебе! В твоей крови растворены предания седой старины. Впусти их в свои сны, красавица! Не противься дару Джеваны!

— Джевана? Так ты знаешь про принцессу Джевану?

— Мы обе знаем, что с того?

— Зачем ты позвала меня?

— Затем, что две это две, а не одна.

— Маргарита Корвин!

— О, она была совершенно бесстрашна! Не странно ли? Нежная женщина...

— Я знаю.

— Ты знаешь, но двое не одна!

— О чем ты? — Елизавету не оставляло чувство, что за насмешливыми загадками старой карги скрывается причудливая истина.

"Истина где-то рядом..."

— Истина где-то рядом! — рассмеялась ведьма. — Садись к огню, товарка. Нам, ведьмам, нечего делить, ведь так?

— Я не знаю, о чем ты говоришь, — покачала головой Елизавета и присела к костру.

— Знаешь! — хихикнула старуха. — И знаешь, что должна сделать! Дай Лисе взглянуть на мир! Посмотри на вещи ее глазами! Глядишь и поумнеешь!

И вдруг с Елизаветой случилась странная вещь: она словно бы раздвоилась и видела теперь костер двумя парами глаз.

— Молодец, девонька! Молодец! Иди дальше! Не бойся!

Голос отдалился, растаял в тумане свет костра, звезды набрали силу и нестерпимо засверкали на черном бархате неба.

Я...

Ты...

Я...

Мы...

Их было двое: она и она. Елизавета и Лиса.

— Барон Еггер давно хотел, чтобы я исчезла, — сказала Лиса.

— Он хотел тебя убить? — ужаснулась Елизавета. — И ты знала об том?

— Я последняя своего рода, он мог основать новую династию.

— Значит, брак с Людвигом, сама возможность этого брака означала, что приговор вынесен?

— Да.

— Выходит, не соверши переворота я, его совершил бы Карл Еггер!

— Вот видишь...

— Вижу!

И Елизавета увидела, как все произошло на самом деле. Не так, как запомнила, а как было.

— А теперь вспомни об уговоре с Большим Савой! — предложила Лиса.

— Уговор? Какой уговор? — удивилась Елизавета.

— Я приказала баронам Запада присоединиться к моему флоту у острова Ло.

— И в самом деле! — вспомнила вдруг Елизавета. — Как я могла забыть!

— Но не зайди ты в тот день в Винги-Фиорд, продолжи идти курсом на юг, шторм захватил бы флот в пути...

И Елизавета увидела шторм, пресекающий ее планы. И саму жизнь, и любовь.

— К чему ты ведешь?

— Тсс! Думай! Яд был припасен не для тебя, а для Большого Савы, и должен был оказаться во взваре, где бы ты его не почувствовала, но случай заставил убийцу изменить

свои планы...

— Я могла умереть от яда?

— Я могла умереть от яда.

— Что-то еще?

— Шторм отогнал флот на восток, но не уйди вы с прежнего курса, ты встретишься бы в море с норвежцами.

Резня. Смерть. Крушение планов.

— Болт мог ударить чуть выше... Хамлет — удержаться в седле... копьё — ударить сильнее...

— Я иду по лезвию меча.

Я иду по лезвию меча...

Трещали ветки в костре, но не было рядом ведьмы. Елизавета одна сидела у огня.

"Что ж, — решила она, обдумав случившееся. — Все справедливо. Кто-нибудь должен был объяснить мне несколько простых истин..."

Как только слева по ходу галеры открылся вид на темную громаду замка, в городе начали звонить колокола.

— Замок Буку, — указал на крепость Гильденстерн. — Его построили славяне-ободриты, но с тех пор, как я слышал, его неоднократно перестраивали.

— Это и есть резиденция герцога? — Елизавета смотрела на замок, на город, отделенный от крепости рекой, и пыталась понять, какое настроение растворено в теплом летнем воздухе.

"Ода "К радости"^[54], не так ли?"

Стоял благодатный месяц мейтим, который принцесса Джевана назвала бы червеном, а Маргарита Корвин — июнем. Итак, был месяц мейтим, день, посвященный богине Фрейе Фриггс^[55], и "Росомаха" ходко шла по полноводному в это время года Травену. Небо над головой сияло безоблачной голубизной, зеленели берега реки, справа по ходу галеры открывался вид на город Любек, построенный на острове, а слева — высилась крепость Буку.

— Да, — ответил на вопрос Елизаветы Гильденстерн, — раньше там располагалась резиденция герцога, но, вероятно, теперь это уже не так.

Мягко сказано. Армия графа фон дер Марка разгромила герцогское ополчение вкупе с королевскими войсками еще два месяца назад, а сейчас в руках Томаса-Еретика находилась уже огромная территория от Гамбурга на юго-западе до Штральзунда на северо-востоке и Фленсбурга на северо-западе. Во всяком случае, так рассказывали в Превале, около которого встал на якорную стоянку флот Елизаветы. Там он и оставался. В Любек на встречу с "Чудовищем Ламарком" отправились только "Росомаха" и два небольших драккара эскорта. Всех девушек Елизавета с собой на этот раз тоже не взяла, назначив Зою и Олафа следить за флотом и армией. Веру и Лену Елизавета оставила охранять баронессу Икьхгорн, а сама отправилась на рандеву с тем, кто мог оказаться "тем самым Томасом", а мог — и не

оказаться. И в этом, втором, случае слово Еретика не стоило и ломаного гроша, хотя сведений о его вероломности пока не поступало. Тем не менее, следовало иметь в виду, что понятия о чести и крепости слова имеют в эту эпоху весьма разнообразные толкования, в абсолютном большинстве случаев тесно увязанные с обстановкой и обстоятельствами.

— Граф фон дер Марк назначил встречу на ратушной площади, — мягко напомнил граф Розенкранц.

Оба датчанина неожиданным образом прижились при дворе Елизаветы и возвращаться домой передумали. Они решили последовать за графиней Скулнскорх, куда бы она их не повела.

— Воевода!

— Чем могу служить вашей светлости?

— Во-первых, тем, что перестанешь портить мне настроение! — подняла тон Елизавета. — Господа, — обернулась она к свите, — я официально объявляю, что барону Эрику Баару, моему главному воеводе и родичу, за бесчисленные подвиги и не поддающуюся оценке верность даруется право обращаться ко мне на "ты" и по имени. Я все сказала.

— Елизавета! — упал на колено Эрик.

— Встань, Эрик! — потребовала Елизавета, — и предупреди стрелков, чтобы не горячились. Мне совсем не хочется начинать союз с резни.

— Я их уже предупредил.

— Знаю я, о чем ты их предупредил! Пусть не дурят!

— По вашему слову.

— Далеко еще? — повернулась она к Гильденстерну, и в этот момент на берегу ударили большие барабаны.

— Впечатляет! — признала Елизавета, когда в дробный ритм больших и малых барабанов вплелись голоса труб и длинных флейт. — Ну, что ж, во всяком случае, нас ждут.

Она оказалась права, разумеется. Их прибытия ожидали и не поскупились на расходы. На причале застыл почетный караул городской стражи — ровно столько, чтобы оказать честь, но не испугать — стояли главы любекских гильдий и члены городского совета. Возглавлял их бургомистр, державший перед собой "ключи от города", что было несколько странно. Все-таки Любек находился под властью фон дер Марка, о чем откровенно печалились все встреченные Елизаветой ганзейцы. Свободным городом он, таким образом, быть перестал, но и Елизавета его штурмом не брала. Тем не менее, полюбовавшись на костюмы представителей "третьего сословия" и картоны с росписями на темы триумфа, украшавшие специально выстроенную в ее честь арку, Елизавета приняла ключи, передала их Ирине Большой — единственной сопровождавшей ее свитской даме — и на глазах обалдевших стражников, "легко" вскочила в седло. Окхе при этом лишь чуть двинулась боком, но, в целом, вела себя более чем прилично, учитывая долгий переход на галере. Однако смотрели не на лошадь, а на всадницу. В порту находилось достаточно опытных людей, чтобы понять, с каким грузом на плечах запрыгнула в седло графиня Скулнскорх.

— Вы произвели сильное впечатление, графиня! — Эрик подъехал к ней слева и, поравнявшись, остановил коня.

— Да, будет, о чем поговорить! — Ирина Большая заняла свое место справа, выглядела она серьезной, но глаза смеялись.

— Пусть говорят! — улыбнулась Елизавета. — Ну, с богом!

И они тронулись с места. Впереди ехали герольды, выкрикивавшие ее имя, за ними двое

трубачей и барабанщик. Потом шел отряд городской стражи с алебардами, возглавляемый капитаном, и, наконец, она — Лиса Скулнскорх, милостью божьей, и все, что следует по правилам титулования. Ехали по узким городским улицам, мимо людей, стоящих вдоль стен и выглядывающих из окон, мимо праздничных венков из древесных ветвей с молодыми листьями — дуб, липа и клен — и сосновых лап — "Ну, чистое Рождество!" Мимо церквей, мимо статуй святых, мимо колодцев, окруженных толпами горожан.

— Лиса Скулнскорх, милостью божьей... — выкрикнули герольды.

Протрубили трубы, и раздалась барабанная дробь. Стражники разошлись в стороны, вытекая с улицы куда-то в невнятное "вперед", и Елизавета осталась одна перед пустым открытым пространством замощенной камнем площади.

"Ратушная площадь".

На противоположной стороне небольшая группа пышно одетых всадников и строй солдат — копейщики и арбалетчики — позади них.

"Итак..."

— Отстаньте! — приказала она и первой выехала на площадь, за ней, отстав на корпус, следовали Ирина и Эрик, потом все остальные, но Елизавета о них даже не думала. Все ее внимание сосредоточилось на всаднике на темно-буланом ^[56] в яблоках коне, выехавшем ей навстречу.

Наступила тишина. Лишь лошадиные копыта размеренно цокали по камням брусчатки. Сотни, может быть, тысячи глаз смотрели сейчас на Елизавету, горделиво выпрямившуюся в мужском седле. На эту встречу она надела платье из шитой золотой нитью парчи, шелковой тафты и персидского шелка пяти оттенков золотого цвета, украшенное сапфирами, гиацинтами, опалами и янтарем. Но видеть можно было только пышные юбки, поскольку верх платья не предназначался для посторонних глаз, он служил поддевкой для позолоченной кольчужной рубахи, на которую сверху надевались золоченая кираса с выгравированной на груди рысью Скулнскорхов, наплечники с шипами, налокотники и наручи. Золотой шлем был выполнен в форме головы рыси, но забрало со звериной мордой было поднято сейчас, открывая на обозрение лицо графини. Из оружия Елизавета взяла лишь меч-шпагу, с надетым на рукоять золотым кулачным щитом, и кинжал Людо. И, разумеется, в кожаной петле у правой ноги висел ее любимый клевец.

Итак, она ехала через площадь, и все взгляды были устремлены на нее, но сама Елизавета смотрела на приближающегося к ней размеренной рысцой Томаса фон дер Марка. Вопрос, тревоживший Елизавету, сводился к сакраментальному, "он или не он?"

Этот Томас, Томас-Еритик, был старше Дамаля фон дер Тица. Ему было, пожалуй, больше двадцати.

"Двадцать два? — прикинула Елизавета. — Двадцать три?"

Зрелый мужчина по нынешним временам. Однако похожи они были с Дамалем, как повзрослевшие близнецы. То же лицо, те же волосы — граф ехал с обнаженной головой — те же глаза.

— Графиня! — у него был бархатный баритон Тома, и еще взгляд: вопросительный, молящий, полный надежды взгляд серых глаз.

— Граф!

— Что привело вас в Любек, моя госпожа?

— Но и вы, мне кажется, не местный.

— Весьма уместное замечание, но я здесь проездом.

— Идете в Польшу, я полагаю.

— Вы хорошо изучили мой маршрут, графиня, с чего бы это?

— Из чистого любопытства! Какие новости о Клодде Галицкой?

Вот тут он дрогнул, но заминка была короткой, в следующее мгновение граф Ламарк уже вполне себя контролировал.

— Три недели назад княгиня Галицкая взяла Краков, и, если я не ошибаюсь, она идет на запад.

— К морю?

— Возможно.

— Но ни у нее, ни у вас нет флота.

— Он есть у вас, графиня.

— Не желаете ли прогуляться, граф? Я хотела бы переговорить с вами с глазу на глаз.

— А вы?.. — он явно замаялся. — Это не будет?..

— Если вы имеете в виду мою честь, то мы ведь будем разговаривать на глазах у всех этих идиотов! — отмахнулась Елизавета. — Если же речь о том, смогу ли я самостоятельно выбраться из седла, не говоря уже о том, чтобы в него вернуться, то, во-первых, отчего бы вам не помочь бедной девушке? — улыбнулась Елизавета. — А, во-вторых, я воин, граф. В последнем по времени поединке я выбила из седла Хамлета Датского.

Разумеется, это было художественное преувеличение. Не в последнем по времени, а в первом и единственном, и не в поединке, а во время собачьей свалки скоротечного боя. Но и не скажешь, что солгала. Так и случилось: принц Датский вылетел из седла.

— Вы серьезно? — нахмурился фон дер Марк.

— Я поразила его в плечо вот этим самым клевцом и вырвала из седла. В моей свите едут два датских дворянина — Розенкранц и Гильденстерн. Вы можете спросить у них.

— Я очарован, — он легко соскочил с коня и, подойдя к Елизавете, протянул руку. — Разрешите вам помочь, графиня?

— Извольте!

Поговорить удалось только после пира, да и то... У дверей встали два дворянина: ее и его. В кресло у стены уселась Ирина, а они с Томасом, соответственно, расположились в дальнем конце обширных покоев, у разожженного камина.

— Чем вас угостить, графиня?

Рядом с ними в выжидательных позах застыли слуги. Слишком много слуг.

— После пира? — скептически подняла бровь Елизавета.

— Вы едва притронулись к еде...

— Да, полноте, граф! Сколько по-вашему может съесть женщина моей комплекции? У вас чудный повар! Медвежати́на с кислыми яблоками и пирог с олениной выше всяческих похвал. Карпы, запеченные в тесте... Отменное блюдо! Маринованные миноги были чудо как хороши! Копченые угри, малосольная лососина... И вы говорите, что я едва притронулась к угощению?!

— Хорошо, — не стал спорить Томас, — тогда, может быть, марципаны?

— Отличная идея!

— И белое рейнское вино... улыбнулся Томас, намекая на рождественский обед в замке своего будущего деда.

— Просто замечательно!

И вот они сидят у огня, она и Томас. Одни, вернее, в иллюзорном одиночестве людей власти. Но если говорить вполголоса, никто не услышит и не узнает, о чем они говорят.

— Думаешь, это она? — Елизавете хотелось верить, что так и есть, но где Тилли ван дер Шенк, и где “безумная княгиня Галицкая Клодда”, которую к тому же считают ведьмой?

— Ну, если ты это ты, а я это я... И ведь есть еще Людвиг Каген... Я надеюсь, что Клодда — это Тильда. Вопрос лишь в том, куда теперь идти? Людвиг в Швабии. Во всяком случае, он там был три-четыре недели назад. А Клодда в Польше...

— Сколько у тебя людей? — как бы, между прочим, поинтересовалась Елизавета.

— Три тысячи семьсот всадников и восемнадцать тысяч пехоты.

— Так много?! — Елизавета оказалась не готова к подобным числам, шпионы просто не успели подготовить ее к таким сюрпризам.

— Не считая тех, кто встал гарнизонами в захваченных городах, — мягко ответил Том.

— Но как? — вопрос, что называется, напрашивался.

— Лиза, ты же слышала, меня называют еретиком, и, поверь, неспроста.

— И что это означает? — насторожилась Елизавета. Она любила старых богов, это так. Но при этом она очень трепетно относилась к сохранению статус-кво, которое среди прочего включало и церковную службу с органом и хором.

— Это означает, что к моей армии примыкают все, кто готов поддержать идею империи.

— Гвельфы и гибеллины^[57], а? — Елизавета смотрела на Тома и не могла поверить, что рядом с ней сидит Дамаль фон дер Тиц. Впрочем, из идеального юноши, похоже, получился идеальный рыцарь.

"Первый рыцарь?"

— Гвельфы и гибеллины? — переспросил Том. — Нет, скорее гугеноты... протестанты... Императорская власть дает им надежду на будущее. А знаешь, что смешнее всего? Герцоги Баварские приходятся мне родичами, но и Людвиг Каген строит совсем другую империю.

— А кстати! — вспомнила Елизавета вопрос, мучавший ее уже некоторое время. — Каков сейчас твой статус?

— Я велик! — просто и ясно ответил Томас и, возможно, впервые улыбнулся "той самой" улыбкой. — Kongr Лиса Скулнскорх, ты, в самом деле, хочешь услышать все мои титулы?

— Все не надо! — Елизавета поднесла к губам кубок, но не пила, дожидаясь ответа. — Назови основные.

— Что ж, — пожал он плечами, — будь по-твоему. Граф Ламарк или, по-твоему, фон дер Марк, Впрочем, это ты знаешь. Герцог Клевский и герцог Юлих-Бергский...

— Постой! Постой! — остановила его Елизавета. — Получается, ты крупный игрок в Рейнланде и верхнем Порейнье, ведь так?

— Так, — кивнул Томас. — Я знаю, к чему ты ведешь! От верхнего течения Рейна рукой подать и до Баварии, и до Швабии.

— Как же ты очутился в северной Германии?

— В момент выступления Людо, я находился в одном из своих замков в Бургундии. Меня там, представь, собирались женить, но это уже не актуально, как ты понимаешь. В общем, мне пришлось начинать свой маршрут из города Невера, это на правом берегу Луары. А далее обстоятельства заставили меня склоняться то к западу, то к северу, пока я не

обнаружил себя во Фландрии, где меня и застала весть о том, что "бесноватая Клодда" двинула на запад "темные дружины галичан и мери". Что мне оставалось делать? Куда идти? И вот я здесь, и ты тоже здесь.

— Да, вычурно получилось! — усмехнулась Елизавета, восстанавливая в памяти свой собственный путь к Любеку. — Я думаю, мы сделаем так. — Она все-таки выпила вина, прочувствовала его аромат и сложный вкус, кивнула удовлетворенно, довольная, к слову, и тем, что Томас молчит, терпеливо ожидая, что же она скажет и по какому поводу.

— Сделаем так, — повторила Елизавета, — я оставлю тебе половину своих людей под командованием барона Гарраха. Абель отличный воин и опытный воевода, и с ним останется моя Правая Рука — Зои Икьхгорн. А ты дашь мне взамен пару сотен рыцарей и лошадей для лучников. Я пойду морем до устья Вислы и поднимусь по ней так далеко, как получится. Возможно, до Плоцка, а, может быть, и до Кракова. Не думаю, что большие корабли пройдут в верховьях реки, но все равно это будет быстрее, чем пешком. — Елизавета знала, о чем говорит, она нашла в Травемюнде большую коллекцию карт и, разумеется, присвоила их все. — Как только упремся в мелководье и узости, пойдем верхами... Я найду Тилли, обещаю тебе, Дамаль! Я ее найду, и мы вместе повернем на Магдебург или Геттенген, в общем, докуда доберемся. Ну, а ты будешь нас там ждать. Придется тебе немного помаршировать по бездорожью, но и нам не близко идти!

— Весьма впечатляющий план! — ни один мускул не дрогнул на лице Томаса. — Но я не отпущу тебя одну, — он поднял руку, останавливая готовые сорваться с губ Елизаветы возражения. — Это не обсуждается, Цисси! Просто прими, как есть!

На том их первый, разговор, собственно, и закончился. Но кем бы была Елизавета, если бы, в конце концов, не настояла на своем? Вероятно, кем-то совсем иным: другой женщиной, графиней, но не вождем, красавицей, но не стервой. Где-то так.

— Нет, — покачала головой Елизавета, — не на свидание идем. Вздохи при луне, объятия, поцелуи...

— Размечталась! — хохотнула Ирина. — Но в целом, права. Это если обниматься, то кольчуга будет мешать, и это я не говорю уже о том, чтобы "покувыркаться"... А на малый прием к герцогу Клевскому стоит пойти во всеоружии.

— С секирой, что ли? — рассмеялась Зои.

— Ну, секира — это недостаточно возвышенно, — возразила Елизавета, — однако, образ девы-воительницы нам стоит поддерживать, исходя даже из одних только политических соображений. Такой образ в здешних краях дорогого стоит, тем более, что сказки тут рассказывают те же самые, что и у нас. Поэтому одеваемся красиво, но скромно. Кирасы и поножи с наручами можно не надевать, но кольчуга и меч, я думаю, будут вполне уместны и даже необходимы.

Так и сделали. Елизавета облачилась в темно-синее платье, украшенное сапфирами, аквамаринами и бирюзой, и посеребренную кольчугу, перепоясавшись кованым серебряным поясом с мечом и кинжалом, и, набросив сверху куничью душегрейку. А наряд Зои был выдержан в алых тонах, тем более что и позолоченная кольчуга ее отливала красным. И, разумеется, обе надели на головы короны. Елизавета — графскую, золотой обруч, украшенный крупными жемчужинами, алмазами и изумрудами, а Зои — наместническую — с гранатами и рубинами.

— Ты бесподобна! — Елизавета оглядела подругу с ног до головы и не нашла ни

единого изъяна.

Однако, следует заметить, восхищение было взаимным.

— Ты — Фрейя^[58], Лиса, ты — Морриган^[59], ты настоящая "Ворона битвы"^[60]! — У Зои от восхищения сияли глаза.

— Надо быть скромнее! — вспомнила Елизавета наставления тетушки Жозефины, вздохнула, и, скомандовав, "Пошли!", первой вышла из покоев в коридор, где их ждал малый эскорт.

Впереди шли два гвардейца, затем Елизавета и Зои, Ирина Большая за их спинами, и еще два гвардейца замыкали маленькую процессию.

"Для сражения мало, — мимолетно подумала Елизавета, проходя темной анфиладой — для чести достаточно... Что?"

На этот раз с ней просто заговорило второе Я. Тихо, но внятно, неслышно для окружающих, Лиса шепнула Елизавете, "Сейчас", и снова растворилась в жемчужных туманах забвения.

"Сейчас..." — повторила мысленно Елизавета.

"Сейчас?" — спросила она себя.

"Сейчас!" — поняла, почувствовав на лице холодный ветер вечности, предвещающий выбор между жизнью и смертью.

И в этот момент они вышли в лоджию второго этажа, ограниченную слева лишь аркадой и парапетом. Вдетые в железные кольца факелы, потрескивая и шипя, освещали образованную поперечными арками анфиладу колеблющимися пятнами света, оставляя достаточно места ночному мраку, воображению и причудливым теням, бегущим по камню стен вслед за порывами ветра. Галерея была пуста, если не считать группы дворян, сосредоточившихся в весьма разумном отдалении от ее начала.

"Они?"

В сущности, все выглядело вполне безобидно. Десятки, если не сотни, придворных, офицеров армии и просто местных дворян целыми днями шатались по замку, заполняя его дворы, покои, лоджии и галереи. Это был род светской жизни, и появление в вечернее время десятка молодых людей на открытой галерее второго этажа не удивляло, тем более что дворяне не прятались. Говорили громко, еще громче смеялись, передавая между делом от одного другому бутылки с вином.

— Кровь господня! — воскликнул один из них, когда маленькая процессия Елизаветы несколько приблизилась. — Смотрите! Это же те северные шлюхи, что приплыли на кораблях!

— Красавицы, не желаете ли провести с нами веселую ночьку? — крикнул другой, и вся компания залилась оскорбительным смехом.

— Они в своем уме? — шепнула Зои.

— Полагаю, да! — так же тихо ответила Елизавета. — Они провоцируют нас и подзуживают себя. Сейчас они нападут!

— Эй, ты, засранец! — Елизавета понимала, что совершает ровно то действие, которого от нее ожидают, но ничего с этим поделать не могла. Дашь слабинку один раз, и потерю лица уже ничем не возместишь.

"И ведь они здесь, чтобы напасть, а значит, нападут в любом случае!"

— Эй, ты, засранец! — окликнула она самого разговорчивого. — Повторишь это мне в лицо, или обосрешься?

Все-таки он был дворянин, чем бы ни занимался теперь, и кто бы его ни послал выполнять грязную работу наемного убийцы. Мужчина явственно вздрогнул от ее слов, словно от пощечины и шагнул вперед.

— Я готов, миледи!

— Ага, — кивнула Елизавета, стараясь не упустить из внимания ни одного из противников, — теперь, сударь, вы все-таки вспомнили, что вы дрянной, нищий дворянчик, а я владетельная графиня, не так ли?

— А если и так? — окрысился мужчина. — Хочешь послушать еще раз, слушай! — он был уже близко, оторвавшись от своих друзей, или их следовало называть соучастниками?

— Пропустите этого отважного человека! — приказала Елизавета, и гвардейцы расступились.

— Ну, я слушаю! — сказала она, подходя к заговорщику почти вплотную. — Говори!

— Ты...

— Вы, — поправила мужчину Елизавета, отмечая краем сознания, что Зои и Ирины тоже чуть разошлись в стороны. — Продолжай!

— Ты...

— Ты знаешь, парень, что сейчас ты нанес мне смертельное оскорбление?

— Ты...

— Господи! — вскричала тогда Елизавета. — Да, ты еще и косноязычен! — и без замаха всадила ему в солнечное сплетение кинжал Людо. — Тебе не следовало говорить таких слов, человек, у нас оскорбление женщины карается смертью, а ты оскорбил еще и величие.

Охнул, пытаясь схватить руку Елизаветы, убитый ею мужчина, но опоздал: она выдернула кинжал и оттолкнула начинавшего заваливаться на нее мертвеца ударом ноги. Пинаться в юбках страшно неудобно, но правая рука нужна была Елизавете, чтобы выхватить из ножен меч.

— Круг! — скомандовала она, но гвардейцы и сами уже сообразили, что к чему.

Однако и убийцы оказались в этом деле не новички. Зазвенели скрестившиеся мечи, раздались крики, посыпались проклятия, и несколько мужчин, одетых просто, но со значением, прорвали линию, выстроенную охраной, так что Елизавета вынуждена была пустить в ход свой меч-шпагу. Она парировала пару ударов, направленных в нее, поддержала стремительную и оттого неожиданную атаку Ирины, прикрыла Зою, на которую напали сразу два противника. Отступила, ушла в сторону, поменялась местами с Зою, дав той отдышаться за спиной Ирины, и сама атаковала невысокого, но крепко сбитого широкоплечего дворянина. Она приняла его меч на кинжал, одновременно уходя в сторону и тем, заставляя мужчину развернуться, и коротким выпадом ранила его в плечо. Крепыш резко отскочил назад, но, поскользнувшись, полетел спиной на каменный пол, а Елизавета уже дралась с другим противником. Этот был почти таким же высоким, как Томас, у него были длинные руки, и дрался он тяжелым боевым мечом. Достать его Елизавета не могла, ей просто не доставало роста, но и защититься толком не выходило. Ее меч был слишком легкий, да и коротковат, пожалуй, и ей самой не хватало не только роста, но и массы тела. Поэтому Елизавета отступала, но и это оказалось непросто: чуть поторопишься — запутаешься в юбках, и конец. Поэтому отходила она насколько возможно медленно и осторожно, но и, почувший ее слабость, рыцарь тут же усилил натиск.

— Графиня! — один из гвардейцев заступил ему дорогу, предлагая Елизавете передохнуть за своей спиной, но пауза получилась короткой: вражеский меч пробил защиту

гвардейца, и тот вскрикнул, падая на колени. Он получил рану в бедро, и, по-видимому, не мог теперь стоять.

Елизавета же не могла оставить его — беспомощного — перед лицом неминуемой гибели и кинулась вперед, пытаясь парировать рубящий удар высокого дворянина, однако все-таки запуталась в юбках и полетела на пол прямо под ноги врагу. Получилось удачно, хотя она этого и не планировала. Сбитый с ног, противник повалился на Елизавету. От удара из нее чуть дух не вышибло, но времени на такие "пустяки", как обморок, у нее не было и, извернувшись ужом, для чего пришлось приподнять навалившуюся на нее тушу, Елизавета всадила своему врагу кинжал в бок. Она почувствовала, как уступает клинку сталь тонкой кольчуги, поддетой под скромный камзол, а в следующее мгновение мужчина страшно задергался и заорал, а на Елизавету хлынула горячая кровь. Она сделала еще одно невероятное усилие, сбрасывая с себя вопящего кавалера, получила мимоходом удар сапогом в грудь, упала на спину, пытаясь нащупать выпавший из руки меч, услышала какофонию звуков — брань, вопли и крики, стоны и проклятия — попыталась откатиться в сторону, но опять наткнулась на чьи-то ноги, — на это раз животом, получила удар мечом плашмя по спине и, наконец, выдралась из собачей свалки, оказавшись у самого парапета. Самое скверное — и об этом она подумала раньше, чем о чем-нибудь другом, — что сейчас она была абсолютно незащищена, поскольку безоружна. Меч она потеряла, кинжал — тоже. Но мир не без добрых людей, первой, опережая смерть, к ней добралась Зои со своим и Елизаветиным мечами в руках. Говорить она не могла, так запыхалась за считанные мгновения скоротечного боя, поэтому просто протянула Елизавете меч и тут же развернулась к фронту, чтобы защитить свою госпожу и подругу. Но на этот раз счастье оказалось на их стороне. На шум схватки с обоих концов лоджии прибежали стражники, и бой быстро утих, ввиду неравенства сил. Из десяти или одиннадцати заговорщиков, — или кто там они были, — на ногах осталось только двое. Их обезоружили, и скрутили так, что они почти доставали головами носки своих сапог.

— Вы целы, ваше сиятельство? — встревожено воскликнул один из офицеров Томаса, прибежавший на зов боевого рожка. — Боже милосердный, вы вся в крови!

— Надеюсь, это не моя кровь, — но уверенности в этом Елизавета не испытывала. У нее болело все, буквально все, даже то, что болеть, по идее, не должно.

А трубы и рожки уже "кричали" тревогу по всему замку.

— Рота! — Елизавету напугал вид валькирии. У Ирины была рассечена губа, и под левым глазом набухал огромный синяк. Разорванное во многих местах и запятнанное кровью платье выглядело жалкими лохмотьями, и меч Ирина держала в левой руке, потому что правая висела плетью.

— Я цела... — сказала Ирина, подходя. Теперь выяснилось, что она еще и хромот. — Ну, во всяком случае, мне так кажется.

— Зои?

— Могло быть и хуже, — скромно ответила баронесса Икьхгорн, выглядевшая, однако, ничуть не лучше других участников схватки.

И в самом деле, учитывая, что чей-то меч распорол ее кольчугу от горла до живота, могло быть и хуже. Причем, сильно хуже, а так из разрыва торчали лишь обрывки ткани и обломки китового уса.

— Господи! — воскликнул Томас, появляясь в анфиладе. Судя по всему, он бежал всю дорогу, и не он один. Томас ворвался в лоджию во главе большой группы дворян, держащих,

как и Том, обнаженные клинки в руках. — Что здесь произошло?!

— Заговор и предательство! — с театральным пафосом воскликнула Елизавета.

"Кровь и пепел! — подумала она, пережив мгновенный приступ боли. — Не стоит так орать!"

— Вы целы? — Томас едва ли не с благоговением оглядел место схватки, ведь одно дело услышать, и совсем другое — увидеть. — Графиня? Баронесса?

— Прикажите, подать вина! — устало ответила Елизавета. На самом деле, она не отказалась бы и от горячей ванны, кровати с пуховой периной, и чего-нибудь куда более крепкого, чем обычное вино, чтобы забыться и заснуть.

"И видеть сны..."

— Хотите вареный мед? — кажется, Томас понимал, что с ней происходит, но и то правда, он знал ее много лучше других.

— Да! — согласилась Елизавета, разглядев за его спиной "усыновленных" Альтера Розенкранца и Ретвина Гильдернстерна, бедняги не знали, куда девать глаза от обрुшившегося на них бесчестья. — Самый крепкий, какой есть!

И тут же вокруг Елизаветы закружилась карусель, состоящая из слуг и служанок, дворянских жен и самих дворян, галантных и восхищенных, переполняемых желанием помочь, поддержать, защитить. Ее увлекли куда-то, поддерживая под локотки, предложили кресло, укрыли пледом ноги, бесстыдно обнажившиеся в прорезах платья, и поднесли кубок медового вина, в котором явственно ощущалось присутствие спирта.

"Крепленое вино?" — напиток был умеренно сладким, имел вкус меда, что не удивительно, привкус вишни и еще каких-то трав, едва ли не цветов, но притом был ненормально крепок даже по сравнению со ставленным медом.

Елизавета выпила вино залпом, перевела дыхание, чувствуя, как благодатное тепло растекается по телу, и протянула пустой кубок в клубящееся жемчужным туманом пространство.

— Еще! — потребовала она, стараясь, чтобы не дрогнул голос, и зубы не начали стучать друг о друга. Безумие боя отступало, оставляя после себя страхи и сожаления — коварных спутников боевого стресса.

— Графиня! — голос принадлежал немолодой женщине, но рассмотреть ее никак не удавалось, в глазах стоял туман, менявший цвета от палевого до золотого. — Я понимаю, сейчас не самое подходящее время...

"Да, уж сударыня! — с тоской подумала Елизавета. — Время для разговора вы выбрали самое неподходящее".

— Ну, что вы, право! — повернулась на голос Елизавета. — Эй, там! Простите, сударыня, но я жду это треклятое вино уже битых три часа!

— Не стоит извиняться, — ответила все еще не рассмотренная и неопознанная женщина. — А вино уже несут. Вот и чашик...

— Скажите, графиня, — продолжила женщина, когда вино хлынуло в кубок, — ваша подруга... Я имею в виду баронессу Икьхгорн, она помолвлена? У нее есть жених?

— Отчего вас тревожат ее обстоятельства? — кубок приятно оттягивал руку книзу, и Елизавете хотелось пить, а не разговаривать.

— Мой сын, сударыня... Мне кажется, он влюблен...

— Кто ваш сын, мадам? — прямо спросила Елизавета, зрение ее стремительно прояснилось, исознание очистилось от "суеты". Разговор приобретал серьезный характер, и

Елизавета не имела права на слабость.

— Я Дитта Церинген, — ответила женщина, оказавшаяся высокой сухощавой дамой, увядшее лицо которой было уже знакомо Елизавете. — И мой сын герцог Церенгенский, правящий герцог Каринтии, герцог Бургундии и маркграф Вероны.

"Надо будет спросить его о Ромиусе и Юлии", — мимолетно подумала Елизавета.

— Так он союзник графа фон дер Марка? — спросила она, надевая на губы любезную улыбку.

— Они вместе выступили из Бургундии, — в холодноватых глазах герцогини выражение неуверенности сменилось надеждой.

— Засылайте сватов, сударыня! — решила Елизавета, которой идея пришла по душе, и даже более того.

"И будем надеяться, что он настолько же хорош собой, насколько богат и знатен..."

8

Южное побережье Варяжского моря, к удивлению Елизаветы, оказалось скудно заселено и лишено впечатляющих пейзажей, а крупные поселения после Штральзунда отсутствовали вовсе. Впрочем, ближе к устью Вислы с галер видели несколько городков, но Елизавета предпочитала устраивать ночные стоянки в пустынных местах, она не хотела, чтобы кто-нибудь вычислил ее курс.

Берега реки были куда живописнее: дремучие леса, болота с зарослями камыша и множеством птиц, поднимающихся в воздух при прохождении флота. Попадались и заливные луга, и места, расчищенные под поля. Домик тут, лачужка там, деревенька на высоком берегу или на холме в отдалении от реки. Первая крепость появилась миль через двадцать выше по течению. Названия ее Елизавета произнести так и не смогла — слишком много согласных подряд.

— Кто бы говорил! — покачала головой Ирина Большая. — Полагаешь, Скулнскорх, произнести легче?

. — Мне, да! — пожалала плечами Елизавета, но стала внимательнее к звукам чужой речи. "Замек Крежачки", "Гмина", "замек Кемпинг", "город Торун"...

Река поворачивала то к западу, то к востоку, расширялась, раздвигая берега на три-четыре руты^[61], стягивалась в жгут, так что "Росомаха" едва проходила, не складывая весел. Иногда на берегу появлялись всадники. Скакали вдоль строя галер и драккаров, смотрели, окликали на непонятных языках. Одни, вроде бы, говорили на каком-то славянском диалекте, другие, как бы, не по-тюркски. Кто это был, чего хотел, кому докладывал о вторжении чужого флота, Елизавета не знала, но понимала — безопасный проход не гарантирован. И не ошиблась.

На третий день путешествия, ближе к полудню, с высокого берега реки, из-за густо растущих деревьев в "Росомаху" полетели стрелы. Стреляли из луков, с небольшого расстояния — дай бог, если там было больше полутора сотен локтей^[62]. Елизавета в этот момент находилась в кормовой надстройке, услышала глухие удары по доскам корпуса и сдуру выскочила на палубу, чтобы "посмотреть", что и как, враз угодив под рухнувший на

галеру град стрел. Две вонзились в доски настила прямо перед ней, одна вжикнула над ухом, и в этот момент время обернулось вспять...

... трещали, сторая в пламени, сухие ветки можжевельника, отблески огня ложились на камни и кусты, делая ночь еще темнее, а по другую сторону костра сидела закутанная в темное старуха с всклокоченными волосами...

— Ходит, ходит бес по кругу, — выводил хриплый голос ведьмы, — Ловит бес мою подругу. Осторожней, Лиса, будь — Метит Темный прямо в грудь...

"Метит Темный прямо в грудь..."

...Две стрелы вонзились в доски настила, одна вжикнула над ухом...

"Четвертая в грудь!" — Елизавета вскинула перед собой руку, даже не додумав до конца мысль, но стрела — четвертая, как поняла она чуть позже, — ударила не в грудь, а в руку. А в следующее мгновение кто-то прикрывал уже Елизавету большим щитом, а кто-то другой кричал и ругался, но графиня Скулнскорх никак не могла понять, отчего все суетятся вокруг нее, и почему плывет перед глазами. Она начала оседать на палубу, и тут же пришла боль. Елизавета опустила глаза, одновременно заваливаясь назад, и увидела, что стрела пробила ей руку на пядь — на ее тонкую узкую пядь — выше локтя, и кровь течет по рукаву к запястью, стекает в ладонь, капает с пальцев.

"Так много крови?" — успела удивиться Елизавета перед тем, как сознание покинуло ее. — Наверное, перебита артерия, что?"

... Ночь, костер в заросшей кустами промоине, и странный разговор с неожиданной собеседницей.

"Ведьма! — удовлетворенно подумала Елизавета. — Это же настоящая ведьма!"

— Ведьма к ведьме пришла...

— Отчего ты зовешь меня ведьмой? — спросила Елизавета.

— А разве ты не ведьма? — засмеялась в ответ старуха. — Ну-ка, вспомни, красавица, не ты ли "придумываешь истории будущего"?

"Я... но только ли я? Тилли поймала герцога в свой сон, и молва утверждает, что Клодда Галицкая безумна, а что есть ведовство, как не безумие?"

— Умничка! — ведьма была явно довольна. — Тебе, сестрица, даже помогать — в радость! Подтолкнул чуток в правильном направлении, ан, а ты уже там...

— Темный — это Триггерид?

— Про то мы можем только догадываться.

— Почему он охотится на меня? Он же дал слово...

— Слово тени?

— Но...

— Он задолжал дар, и исполнил обещанное, но клялся ли он, не мешать тебе на "путях"?

— "Пути"? — еще одно знакомое слово, наверняка означавшее что-то совсем другое.

— Все мы ходим путями, — непонятно объяснила старуха. — У одних они простые, у других путанные. Одни ведут в никуда, другие — к славе и величию. Как знать, на каком из них находишься ты?

Иногда ведьма, по-видимому, забывала свою "роль" и начинала говорить совершенно в ином стиле.

"Кто ты?"

Но нет ответа, только холод и боль...

— Холодно... — прошептала Елизавета. — Ра... разожгите огонь... принесите меха...

Приказ следовало отдавать громко, и тон должен быть такой, чтобы никто не усомнился ни в содержании приказа, ни в праве его отдавать. Но нет сил, и воли нет, а есть только холод и боль, и мутная пелена перед глазами.

— Скорее! — кричит кто-то над ее ухом. — Графине нужен кров, ей нужен этот замок. Объясните защитникам, что, когда я его возьму...

— Эрик...

— Я здесь, графиня!

— Я...

"О чем я хотела спросить?"

Мысли путаются, уводят в сторону, норовят ускользнуть... Елизавета, словно бы задремывает, и тогда в ее сон входит знакомый хрипловатый голос:

Из железа кована,
Златом коронована,
С серебром обручена,
Ты одна, и я одна!
Удержись, и я приду,
Прогоню твою беду.
Помоги и мне, сестрица,
Ночь светла, мне в ней не скрыться...

"Что за глупые вирши?! — встrepенулась Елизавета. — Что за бессмыслица и дурновкусие?!"

Но странное дело, "сон" пошел ей на пользу: взбодрил, придал сил, освежил...

— Эрик? — язык и голос ей подчинялись, и одно это уже было хорошо.

— Я здесь, Лиса! — его рука лежала у нее на лбу, большая рука доброго великана.

— Отчего твоя рука холодна? — спросила Елизавета, не открывая глаз.

— Это ты горишь, Лиса! — тяжело вздохнул воевода. — Это пламя порчи, а не мой лед.

— Порча?

— Так думает брат Кельхарт...

— А что думает Тага?

— Травник делает, что может...

— Но мне это не помогает, — она все-таки открыла глаза.

В комнате было сумрачно, но об этом Елизавета догадалась не сразу. В первое мгновение ей показалось, что солнце взорвалось прямо в глаза.

— Куда попала стрела? — спросила, отдышавшись и проморгавшись. — Ведь это была стрела?

"Или мне все это приснилось?"

— Стрела попала в плечо, на три пальца выше локтя.

— Пальцы твои?

— Мои.

— Значит, я верно запомнила, на пядь выше локтя.

— Ну, — Эрик казался еще более сумрачным, чем обычно, — если это твоя пядь.

— Кость?

— Стрела прошла через мышцы насквозь.

— Я потеряла много крови?

— Бывает и хуже...

— Тогда, что? — к ней снова вернулся холод, и начало потрясывать в ознобе. — Ты сказал порча? Полагаешь, это яд?

— Тага думает, что яд, но доказательств нет. Стрелу выбросили, стрелявших не поймали.

— Быстрые, на конях, — ответил Эрик на ее немой вопрос. — А мы, пока выгрузили лошадей, да организовали погоню, их уж и след простыл. Но я думаю, что знаю, кто это был.

— Постой, постой! — Елизавете пришлось напрячь все свои силы, чтобы не стучать зубами. — Сколько времени я была?..

— Три дня.

"Три дня... Надо же, а я и не запомнила... Три дня? Три! Ах, ты ж пропасть!"

— Так, так, так... — сказала она вслух. — Где мы сейчас?

— В замке, — мрачно усмехнулся Эрик, — ну, не то чтобы это действительно можно назвать замком, но здесь есть кровать, камин, и крыша над головой.

— Я... я вижу, — говорить опять становилось трудно. — Т-ты в-выслал р-разведчиков?

— Об этом я и хотел тебе рассказать!

— Г-гов-вари! Т-только ббыстрее! — ее бил крупный озноб, и Елизавета опасалась, что вскоре потеряет способность соображать.

"Как она сказала? Удержись, и я приду... Держаться? Ну, я этим и занята, товарка! Держусь!"

— Разведчики обнаружили две армии, — Эрик говорил быстро, тревожно вглядываясь в глаза Елизаветы. Должно быть, он понял ее правильно. — С востока идет большое войско. Магнус Кьёрг видел только авангард, но видел он и облака пыли. Дороги сухие, поднять пыль легко. Он говорит, не менее десяти тысяч.

— Я... я в-верю М-м-магнусу!

— Я тоже, — кивнул Эрик. — Старик знает, что говорит, и никогда не говорит о том, чего не знает. Авангард нес хоругвь с соколом. Я такого герба не знаю, Магнус — тоже. Но в гербовнике Карла Либиха есть похожий — "Сокол с вздытыми крыльями". Если так, дружина эта из Суздаля, а Суздаль ныне принадлежит князьям Галич-Мерским...

— К-клюдда...

— Похоже на то. А с запада им навстречу идет другое войско. Идет скрытно, словно знает, от кого прячется. Идут лесами... Торар Волк видел их вечером и ночью. Костров не разжигают, таятся и скрываются, а сила немалая. От пяти до шести тысяч конных воинов. Почти все в легкой броне, рыцарей среди них, похоже, нет, но все с луками и пиками. Люди Торара поймали двоих, один — по-германски немного говорил. Сказал, угры.

— К-кто? — не поверила своим ушам Елизавета. — Уг-гры?

— Да, вот и мне странно показалось, — согласился воевода. — Но Волк, Лиса, в языках не силен, а я такие стрелы, какими нас забросали, видел однажды, когда с византийцами на хазар ходил. Венгры это, графиня. Они на их языке гуннами зовутся, вполне можно перепутать.

— В-венгры... — Холод добрался до сердца, сжал в ледяных тисках. — Они... — Рот пересох, губы едва слушались Елизавету, язык ворочался как старый морж на галечном пляже. — Он-ни в-сс-т-ретятся ч-через д-два дня, так?

— Так, а откуда ты?..

"Помоги и мне, сестрица! Ночь светла, мне в ней не скрыться!"

— М-молчи! — приказала она, собрав последние силы. — Н-найди м-мне м-медведя... К...кровь... П-пон-ни...

— Понимаю, — помог Эрик. — Тебе нужна медвежья кровь.

— Еще б-быка.

— Бычья кровь? Парная? Будет!

— П-прик-кажи Т-таге с-свар-рить "П-поц-целуй..."

— "Поцелуй Фригг^[63]"? — всполошился Эрик. — Но зачем, ради всех святых?! Это же яд! Страшный яд!

"Ведьма к ведьме пришла... Иду! Жди!"

— П-повинуйся!

— Повинуюсь! — склонил голову Эрик, но не сразу, совсем не сразу.

— Б-баня... — повторила Елизавета, чтобы быть уверенной в результате. — Ммедведь... яд... б-баня.

— Вам нужна будет медвежья кровь, яд, и натопленная баня.

— Т-так... И б-бык...

— И бык после бани! — кивнул Эрик. Разумеется, он ничего не понимал, но подчинялся.

"Такова суть феодализма, сестрица! Я приду, жди!"

— З-зав-втра... — Елизавета отпустила узы, и ее затрясло так, что в глазах померк свет...

9

Просыпаться не хотелось, но пришлось. Смерть подобралась так близко, что в пору испугаться. Но страдания тела были настолько ужасны, что Елизавета перестала бояться небытия, которое означало забвение. И вот это-то испугало ее по-настоящему. Такого никогда не должно было случиться, потому что ей нельзя еще уходить. Не время. Ведь она нужна Людо, а он нужен ей. И если суждено умереть, то не теперь, когда от нее зависят многие, и многое станет возможным, только если она, Елизавета Скулнскорх, исполнит взятые на себя обязательства.

"Не теперь... Не сейчас..."

— Пить... — попросила она, но голоса не было, одно лишь хриплое сипение вырвалось из горла.

Однако ее поняли, и сейчас же к пересохшим губам поднесли чашу, пахнущую вином. Елизавета отпила немного, все еще не открывая глаз. Полежала на чьей-то сильной ладони, поддерживающей затылок, передохнула, и сделала еще несколько глотков терпкого с резким привкусом горечи вина.

— Сутки прошли? — озноб оставил Елизавету, но сердце по-прежнему сжимали ладони вечного льда.

— Да! — ответила откуда-то сверху Ирина Большая. — Теперь утро, Лиса.

— Который день?

— Второй день луноса. Тейва, — Ирина была упоительно сильна и точна в деталях.

"Второй день августа, день Тюрина^[64]... Возможно, все еще удастся переиграть..."

— Приготовили? — сил на длинные вопросы не было, но Ирина знала, о чем идет речь.

— Баню построили и протопили, — поспешила отчитаться валькирия. — Медведь ревет, бык... тоже, — усмехнулась она. — Медведь немного помял твоего воеводу, но ничего страшного. Эрику только на пользу.

— Тага?

— Он составил яд, но...

— Без но... — Елизавета собралась с силами. — Проверь... готова ли баня... Потом... прикажи... мне нужен яд и кубок медвежьей крови... лучше два... Отнесешь меня?

— А куда я денусь? — пожалала покатыми плечами Ирина. — Отнесу... помою...

— Париться буду...

— Уверена? — судя по всему, валькирию снедали нешуточные сомнения.

— Не рассуждай! Прошу! — это все, что могла сказать Елизавета. И дело не только в том, что ей трудно было говорить, — ей и дышать стало уже трудно, — а в том, что объяснить необъяснимое не стоит и пытаться.

Ирина ушла, потом вернулась, но Елизавета прошедшего времени не ощутила — наверное, задремала.

— Вот!

Елизавета открыла глаза. Перед ней стояла Ирина. В руках валькирия держала крошечный серебряный стаканчик — в левой, и большой золотой кубок в правой. Показалось, что над золотым кубком дрожит воздух.

— Давай! Приподнимите меня кто-нибудь! — взмолилась Елизавета, чувствуя себя униженно беспомощной.

Из-за спины Ирины шагнул Эрик, лицо его было располосовано звериными когтями, но ничего страшного с ним, действительно, не произошло: нос цел, глаза — на месте.

— Сейчас, Лиса, сейчас! — он просунул свою широкую, словно щит, ладонь ей под спину и немного приподнял.

— Еще!

Рука послушно, но аккуратно, мягко, почти ласково, пошла вверх.

— Спасибо, Эрик, — Елизавета бросила взгляд на левую руку. Замотанная кусками холста, белыми, но уже промокшими кое-где, пропитанными кровью и гноем, рука висела плетью, и что хуже всего — не болела.

— Давай, Ирина! — Елизавета взяла стаканчик, молча протянутый валькирией, и, не раздумывая, выпила его до дна. Вкус у "Поцелуя Фригг", как, впрочем, и ожидалось, оказался отвратительный. Запах тоже. Унюхаешь такое, тем более, выпьешь, и сразу понятно — тебя отравили.

"Ох!" — сжало сердце, перебило дыхание.

"Все?"

Секунду или две ничего не происходило, только сердце перестало биться, и не стало дыхания. Потом пришло облегчение: тело, словно бы растаяло, неощутимое, как греза, и дышать ему стало незачем. А на душу легло спокойствие, какого Елизавета никогда и не знала. Абсолютное спокойствие при ясной голове и здравом разуме.

"Будет жаль, если все напрасно... Но ощущение любопытное. Надо же, как меня проняло!"

Мысли текли ровно, лишённые чувства, кристально четкие, прохладные...

Она увидела ужас в глазах Ирины, и отчаяние — в глазах Эрика, но это были всего лишь факты, которым следовало уделить внимание, но и только. Учесть, запомнить, отложив на будущее, и "посмотреть" вокруг.

Елизавета "прислушалась" к ровному такту времени, различила тона и оттенки, "увидела", как разворачиваются в пространстве возможности и вероятности, и поняла, что ничто еще не кончено. Войско Клодды Галицкой равномерно и неудержимо выдвигалось к холмам, что лежали в трех-четырёх лигах^[65] к западу. К заходу солнца они встанут лагерем, оседлав высоты, за которыми — на несколько миль к северу и югу, и на милю к западу — простирается распаханная крестьянами долина. Ровное место, удобное для битвы. Хорошая позиция для войска, учитывая, что к этому времени разведчики доложат княгине о противнике, выдвигающемся с запада. Три-пять тысяч, скажут они. Конные. Вооружены короткими кавалерийскими пиками с трехгранным наконечником, легко пробивающим латы, и степными роговыми луками, из которых можно стрелять на скаку. Выйдут к равнине уже в темноте, увидят отсветы костров Галицкого войска и встанут лагерем на расстоянии полулиги...

"Так и будет..."

Венгры расположатся на бивак в виду армии Клодды, а на рассвете начнут готовиться к бою. Но вот чего не узнает княгиня Галицкая и ее воеводы, так это того, что три тысячи всадников, окутанные "черным туманом", непроницаемым ни для взгляда, ни для "воображения", двинутся в обход, склоняясь к северу, чтобы при первых лучах солнца оказаться на правом фланге Клодды, причем ближе к тылу Галицкой армии, чем к ее фронту.

"Смертельный удар в спину, но..."

А яд, между тем, добрался, наконец, до крови, смешался с ней и медленно потек по охваченным холодной агонией жилам. Еще мгновение или два, и сердце ударило в грудь. Сначала робко, словно пробуя "ногой тонкий лед", и еще раз, и еще, чтобы забиться затем ровно и сильно.

"Я не ошиблась!"

Воздух хлынул в легкие, и Елизавета захлебнулась им, закашляла, содрогаясь всем телом и выхаркивая из раскрытого в немом крике рта сгустки темной крови и мертвой плоти.

К ней бросились, поддерживая, стирая с лица слезы и пот, промокая полотенцем губы...

— Давай! — едва почувствовав, что способна говорить, Елизавета "оседлала бурю" и понеслась на ней, как на коне, вперед.

— Давай! — ее рука дрожала, но Ирина помогла ей, поддерживая тяжелый кубок, и через мгновение теплая, пахнущая жизнью и звериной силой кровь полилась Елизавете в рот.

"Держись! — сказала она себе, чувствуя, как "встает на дыбы" измученное тело. — Не останавливаться! Теперь только вперед!"

— Еще! — потребовала она, едва отдышавшись. — И зажарьте его с яблоками... Есть же здесь кислые яблоки?

И она снова приникла к кубку.

— Все, — сказала Елизавета, опустошив его до дна. — Рота, ты сможешь отнести меня в баню?

Валькирия не ответила, она легко подхватила Елизавету на руки и бросилась вон из

комнаты.

— Не спеши! — шепнула Елизавета, чувствуя, как растекается по телу благословенное тепло. — Не спеши! Я жива...

"Пока..."

— Ты не дышала целую вечность, — ответила ей набегу Ирина. — Живые так долго не могут, а мертвые не возвращаются...

После бани и трех чаш бычьей крови, Елизавета заснула и проспала почти до вечера, а, проснувшись, почувствовала себя здоровой. Силы вернулись, черная опухоль с раны на руке сошла, и сама рана затянулась, как если бы прошло дней пять или шесть. О случившемся напоминала лишь ноющая боль в том месте, где плоский наконечник стрелы пробил мышцы насквозь.

"Поцелуй Фригг" или убивает сразу или дарит отсрочку, но именно на нее Елизавета и надеялась.

— Эрик! — она встала с постели, закутавшись в меховой плащ, и прошла босиком по холодному каменному полу. — Да, не моргай, старина! Ты же видишь, я жива. Доверяй мне, и мы всех свернем в бараний рог! Веришь?

— Верю!

Плиты пола холодили ступни, от горящих в камине березовых дров шел жар, вкусно пахло жареной медвежатиной, рыбной похлебкой и вином.

— Тогда, готовь людей. Мы выступаем в полночь.

— В полночь?

— Пошли разведчиков. Мы идем прямо на юг. В двух лигах к югу протекает речка. Мы должны быть там перед рассветом. Стрелки по фронту вдоль берега реки, и конные рыцари, прикрывающие тыл.

— Ты сказала "мы", — Эрик был потрясен и дезориентирован.

— Эрик, ты обещал мне свое доверие. А коли так, держи слово, воевода! Я иду с войском. И знаешь, что, одолжи мне свой моргенштерн. На один раз! Идет?

— По твоему, слову, Kongr! — Эрик склонился в поклоне, а, выпрямившись, сразу же заспешил вон. — Моргенштерн я пришлю с Квигом! И не спорь, конунг, Квиг и Мане будут с тобой все время, а Магнус Мальм будет ходить с Ириной. Это не обсуждается!

"А я и не обсуждаю! — усмехнулась Елизавета мысленно, стараясь не думать о том, правильно ли она разгадала загадку. — Ведьма к ведьме пришла..."

— Подавайте мясо! — приказала она. — И похлебку! И что там есть еще! И принесите мне бочонок со ставленным медом, тот, что подарил граф фон дер Марк!

Следующие два часа она посвятила неторопливому, но упорному поеданию медвежьего мяса, зажаренного с кислыми яблоками, и тушеных овощей — гороха, брюквы и капусты, густой похлебки и запеченных в тесте карпов. Трижды она выходила во двор, чтобы по примеру предков лечь животом на бревно. Ей не нужен был полный желудок, но ей требовалось насытить оживший под действием яда организм.

Потом она позволила двум испуганным служанкам из местных обтереть себя холодной водой и расчесать волосы. Ирина помогла одеться и облачиться в полный доспех. От ужаса и восхищения, переходящего в изумление, валькирию явственно потрясывало, но Елизавета с этим ничего поделать не могла. Ее и саму трясло не на шутку, но если она правильно понимала то, что с ней происходит, к началу боя дрожь должна была пройти.

— Корону! — приказала она, почувствовав вес брони.

— Может быть, лучше шлем? — в несвойственной "робкой" манере спросила Ирина.

— Ладно, — согласилась Елизавета, "сдавая назад" и принимая к сведению, что ее начинает заносить. — Бери шлем и поехали, армия уже час как на ногах.

И она первой пошла к выходу. Впрочем, Квиг, несущий ее моргенштерн, и Мане все равно ее опередили. Ирина, прихватившая кроме своего еще и кулачный щит Елизаветы, с Магнусом Менком шли следом за ней. А во дворе замка Елизавету ожидал эскорт — полсотни гвардейцев Эрика.

— Дороги разведаны? — спросила она, поднимаясь в седло.

— Да, конунг! — отрапортовал сотник Карл Яарст. — Мы пойдем по восточной тропе, по западной — идет заслон.

— Тогда, вперед! — приказала Елизавета и тронула свою черную как ночь кобылу.

Венгры шли, спрятавшись в "черный туман", беззвучные, словно тени, бесплотные, незримые. Но увидевший их единожды, способен следить за ними и дальше. Во всяком случае, Елизавета их "видела", хотя расстояние, ночная мгла, едва прореженная жемчужным сиянием рассвета, и обычный белый туман, кажущийся пока серым, скрывали врагов не хуже колдовской завесы.

"Ну-ну, Тригерид! Ты знаешь, старый бес, что и на тебя найдется управа?!"

— Прикажете людям вести себя тихо, и пусть держат тетивы за пазухой. Я скажу, когда наступит время!

Елизавета слезла с лошади и прошла, вслушиваясь в себя и в ночную тишину. Все было правильно, и все шло именно так, как было предсказано.

— Ждем! — сказала она, присаживаясь на поваленное дерево.

Где-то рядом, — за деревьями, туманом и ночью, журчала вода. Там текла речка. Мелкая, неширокая, скорее разлившийся ручей, чем река.

Время в отличие от воды текло медленно. Мгновения сменялись мгновениями, чтобы уйти в прошлое, но будущее наступать не торопилось.

"Всему свое время... Время разбрасывать камни, и время их собирать..."

На краткий миг Елизавета вспомнила, что она всего лишь девочка. Девушка. Барышня. И ей стало вдруг так себя жаль, что слезы подступили к глазам. Однако это были несвоевременные мысли, и вредные чувства, и единым усилием воли Елизавета изгнала их из своего разума, который должен был оставаться незамутненно ясным, и из своего сердца, обязанного биться ровно и сильно.

"Я не девочка, — сказала она себе. — Я женщина и я конунг!"

Елизавета "прислушалась". Солнце было уже близко. Галичане занимали высоты, венгры готовились атаковать. И затаившиеся за "черным туманом" враги изготвили нанести фланговый удар.

— Пора! — тихо сказала Елизавета, но ее, разумеется, услышали. — Луки к бою!

Тихое шевеление распространилось от нее на запад и восток. Воины доставали сухие тетивы из-за пазух и снаряжали луки. Работали тихо, но споро, не дожидаясь особого распоряжения, выстраивались в три шеренги, чтобы обеспечить высокий темп стрельбы, готовили стрелы, втыкая их в землю перед собой.

— Квиг, приготовься! — Елизавета, как и прежде, поднялась в седло без посторонней помощи и надела поданный Ириной шлем. Забрало было поднято, влажный воздух охладил

лицо.

Из-за деревьев в зенит ударили первые лучи восходящего солнца. Небо засветилось розовым, туман, стлавшийся над речной долиной, наполнился опаловым сиянием. Где-то далеко, в нескольких лигах на запад заиграли рожки, подали голос медные горны, — это венгерская конница выстраивалась на равнине для удара в лоб. В Галичьмерских порядках тоже заиграли трубы, но у них была иная тональность, другие голоса. Турьи рога и длинные трубы издавали сильные печальные звуки, от которых стыла кровь, и вставали дыбом волосы на загривке.

Напряжение нарастало, но время Елизаветы еще не пришло. Закричали горны, дрогнула земля под ударами копыт, и волна атаки пошла с запада на восток. Галичане сомкнули строй, выставив вперед длинные пики и прикрывшись ростовыми щитами первой линии. Ничего этого Елизавета, разумеется, не видела, и видеть не могла, но она знала — все это правда. Ее история будущего совпадала с разворачивающимися в пространстве и времени событиями, как рисунок и его отражение в зеркале.

"Сейчас!"

Волна венгров обрушилась на галичан, и до застывших, словно языческие идолы, скулинскхорцев и бургундцев, донеслись звуки отчаянного сражения. Просто слитный шум, в характере которого, впрочем, никак не усомнишься. Сражение. Битва. Кровь и смерть. Отчаяние, надежда, мужество и безрассудство, — все слилось в этих звуках, но Елизавета "слышала" и то, чего не могли услышать другие. Она, словно бы, была там и "видела", как с треском ломаются пики и лопаются щиты, как со свистом летят стрелы, как ржут обезумевшие лошади, кричат раненые и богохульствуют живые. Сталь высекала искры из стали, летели веером капли крови, и смерть во всем своем безобразном величии простерла над полем брани черный подбитый вечностью плащ.

"Аминь!"

Где-то на западе поднял свой сильный голос медный горн, и сейчас же за завесой "черного тумана" зашевелились массы изготавливающихся к последнему смертельному броску всадников.

"Время!"

— Квиг!

— Я здесь, конунг!

"Боже мой! Ни один из них не смеет теперь назвать меня просто графиней..."

Между тем, затаившаяся до времени кавалерия пошла, тронулась с места, осторожно, шагом, выдвигаясь к пункту последней атаки. Минута. Две. Три...

"Пошли!"

Их не было видно за пологом все еще не рассеявшегося тумана, но расстояние было невелико — пятнадцать саженьей ^[66], никак не более. И стрелки не могли не слышать, как набирает скорость кавалерийская лава.

— Труби!

Квиг взбросил руку с рогом ко рту и над речной долиной поплыл долгий и мощный звук. А в следующее мгновение разом вжикнули, исчезая в тумане, сотни стрел, и снова, и опять... Лучники метали стрелы так быстро, как только могли, постепенно переходя с навесной траектории к настильной стрельбе. За клубящимися туманами слышались приглушенные, глухие, как через толстую ткань, вопли, крики, отчаянное лошадиное ржание, треск ломаемых при падении пик, звон металла о камень, и металла о металл.

— Сейчас они повернут на нас! — Елизавета опустила забрало, "оскалившись" на невидимого пока врага рысью пастью, взяла из руки Ирины щит и приняла от одного из гвардейцев моргенштерн Эрика. — Труби тревогу!

И снова взметнулся к светлеющему небу призывный клич. Елизавета повела плечами, примериваясь к тяжести брони, двинула левой рукой, держащей щит, почувствовала боль и приняла ее, как часть договора. Потом приподнялась в стременах и слегка повела правой рукой. Устрашающая "Утренняя звезда" качнулась на цепи. Она была тяжелая — шесть гривен^[67], никак не меньше, — но руку не тяготила, и ухватистая рукоять не скользила в кольчужной перчатке.

"Ведьма к ведьме пришла..."

Раздались чавкающие звуки, плеск разбрызгиваемой воды, звонкие удары лошадиных копыт по камням, и из колеблющегося марева туманных масс выплыл, медленно обретая форму и скорость, первый всадник. За ним другой, третий... Венгры, испытывшие, по видимости, шок и растерянность в первые мгновения боя, когда на них внезапно посыпались вражеские стрелы, нашли в себе достаточно мужества, чтобы не бежать, а, напротив, атаковать неведомого врага.

"Молодцы!"

Первая шеренга скульнскхорцев уже передала луки и колчаны назад, взяв в руки мечи и боевые топоры. Вторая — выстрелила в последний раз, сбросив с коней еще пару десятков всадников, и тоже взялась за сталь. Лучники третьей шеренги, отступив на шесть шагов назад, успели выпустить по две стрелы, прежде чем и им пришлось взяться за мечи.

Началась резня. Всадники рубили с плеча, но скульнскхорцы опытные воины и сражались не на первой войне. Они крутились, уходя от ударов, и сами стремились вытащить венгров из седла или нанести им удар снизу-вверх. Они останавливали вражеские мечи своей сталью, бестрепетно принимая вызов судьбы, и подрубали лошадям ноги, рискуя получить копытом в лицо. Они сражались, и кавалерии никак не удавалось смять их или отбросить. К тому же, подошедшие из тыла бургундцы, вооруженные алебардами и боевыми косами, усилили оборону, а рыцари начали движение в обход сражающейся пехоты. Эрик вел сотню тяжеловооруженных всадников на левый фланг, Елизавета — полторы сотни — на правый. Тревога сжимала сердце, ведь невозможно было знать, устоят ли пешие вои против конных. Но одно было очевидно, фланговый удар по войску княжества Галич-Мерь не состоится.

— Пошли! — крикнула Елизавета, завидев выезжающих из леса венгров, и пришпорила Окхе, посылая кобылу вперед. — Вперед! Пошли!

— Пошли! Пошли! — подхватили многие голоса, — Ура! Скульнскхорх!

Затрубили в рог, в другой, и еще, а лошадь уже перешла с быстрой рыси в галоп.

— Скульнскхорх! Скульнскхорх! — кричали вокруг, — Лиса! Конунг! — этот клич зажег ее сердце и Елизавета, подняв правую руку вверх, начала раскручивать медленными движениями кисти тяжелый шипастый шар.

Ну, а следующие мгновения ее жизни слились в одно длинное, полное ужаса и восторга впечатление, не поддающееся, впрочем, ни осмыслению, ни обобщению. Движение кистью... полет моргенштерна... удар, сминающий заостренный кверху шлем... Щит принимает удар булавы... Кровь, кости, куски кожи и плоти летят ошметками с возвращающейся назад кровавой звезды... Наклониться, пропуская моргенштерн над головой, отбить щитом топор, метящий в горло, и самой — возвратным движением

металлического диска — ударить противника в лицо... Удар... Кровь, разлетающаяся веером... Хриплое дыхание... Божба умирающего... Проклятия раненого... Богохульства живых... Вонь, пот, кровь... Движение кисти, и смерть летит навстречу врагу... Удар... Шипы пробивают деревянный щит... Окке привычно встает на дыбы, позволяя хозяйке вырвать застрявшие в коже и дереве стальные шипы... Удар... Ирина прикрывает ее своим треугольным щитом... Удар... Мане парирует выпад мечом... Удар... Моргенштерн разбивает всаднику грудь и, возвращаясь назад, кромсает шипами голову коня... Крик лошади... ржание... вопли... Удар... удар... удар... Смерть и кровь, движение кисти, танец щита...

Когда все закончилось, туман уже рассеялся, и взошло солнце. Речная долина, мелкая и неширокая под стать самой реке, была завалена человеческими и лошадиными трупами. Тела запрудили реку, и она перетекала через них, смывая кровь. Тела громоздились тут и там ужасающими курганами, из которых торчали перепутанные и переломанные конечности, руки в кольчужных перчатках, лошадиные копыта, сапоги. Среди мертвых лежали и раненые, молившие о помощи и пощаде или просто безнадежно стонавшие, хрипели умирающие, бились в конвульсиях искалеченные кони. Над полем смерти стоял смрад, а само это поле шевелилось и глухо мычало множеством слабеющих голосов, среди которых прорезались иногда взлетающие к небу богохульства и крики боли.

Елизавета огляделась, стараясь оценить ущерб собственному войску. Как ни странно, уцелело гораздо больше скулинскхорцев и бургундцев, чем можно было вообразить, доподлинно зная, что здесь творилось всего несколько минут назад. Но многие действительно остались в седле или на своих двоих, а все пространство за рекой устлало тела венгров, на которых обрушился сквозь туман убийственный шквал длинных, с коротким оперением, стрел.

— Конунг! — Эрик шел пешком. Он весь — с головы до ног — был забрызган кровью. В кровавую маску превратилось и его лицо!

— Слава Одину, ты жива! — когда воевода нервничал, он сразу забывал, что христианин и должен благодарить господу, а не старых богов.

— Я жива, — устало кивнула Елизавета. — Похоже, Тор^[68] с Уллем^[69] были сегодня на нашей стороне.

— Ну, не знаю, кто ворожил нам этой ночью, — откликнулась, подъезжая, Ирина Большая, — но пару раз мне показалось, что слышу хохот Морриган — "Великой госпожи ворон"!

— Разболтались! — остановила их Елизавета. — Эрик, пошли кого-нибудь посмотреть, что там на равнине!

— Я выслал разведчиков, как только утих бой.

— Спасибо, Эрик! Ты, как всегда, золото, а не серебро! И спасибо тебе за моргенштерн, он славно послужил мне этим утром! — Елизавета протянула Эрику его внушающую ужас "звезду смерти" и только теперь увидела то, что, должно быть, видели Эрик и все остальные. Все те, кто собирался вокруг нее, подъезжая на измученных лошадях, или подходя на своих двоих через поле брани, ставшее полем смерти.

Моргенштерн был весь в запекшейся крови, а на его шипах виднелись неаппетитного вида ошметки, о происхождении которых не хотелось и думать. В запекшейся крови была и ее рука. Елизавета опустила взгляд, насколько позволял шлем. Ее грудь — выпуклый панцирь, надетый сверху, на кольчужную рубаху — была в крови, и кольчужные полы, и

седло, и грива Окхе, и ее морда — все было покрыто кровью.

— Оставь его себе, конунг, — Эрик поклонился и сделал шаг назад. — Он твой! Ты... прекрасна и смертоносна, королева, я...

— Я не королева, Эрик! — остановила его Елизавета, раздосадованная и одновременно тронутая словами воеводы. — Император даровал моему прадеду Годину титул графа, забрав право именоваться конунгом.

— Император мертв, правительница! — Эрик смотрел на нее, и в его взгляде сплетались вызов и любовь, почтение и гордость. — Скулнскорх уже три поколения не подчиняется никому, и ты вправе носить титул своих предков.

— Людвиг Каген предъявил права на корону империи, — возразила Елизавета, заметив краем глаза верховых, спешащих к ним со стороны равнины.

— Вот с ним ты и выяснишь свои права, — голос Эрика стал каменно тверд, в глазах горел вызов. — Но он еще не император, и ты не его жена! А для нас, для всех нас, — он обвел движением могучей руки, лежащее за его спиной поле и всех живых и мертвых скулнскорцев, находившихся там. — Для нас ты конунг, Лиса. Слава королеве! — заорал он вдруг, и десятки, сотни голосов подхватили его клич.

— Слава конунгу! Слава королеве! — кричали люди, чудом пережившие свою смерть, и Елизавете нечего было им возразить.

— Рота! — оглянулась она на Ирину. — Сними с меня, пожалуйста, шлем!

— Госпожа! Воевода! — судя по виду, подскакавшие к ним воины, нескучно провели ранние утренние часы. — Венгры разбиты и бежали. Княгиня Галицкая едет со своей свитой к вам.

— Ко мне? — Елизавета не была готова к такому повороту дел. — Как далеко она находится?

Ей следовало умыться, причесаться, снять с себя, наконец, броню, покрытую запекшейся кровью.

— Думаю, вы не успеете переодеться, моя королева! — склонился в поклоне разведчик.

"Королева! Да, что они все с ума посходили?! Безумие какое-то!"

— Тогда, поедem ей навстречу! — решила она и тронула с места свою черную, как ночь, кобылу.

Впрочем, проехать напрямки не удалось, везде громоздились горы мертвых тел. Пришлось взять немного к западу, потом еще немного, а когда они все-таки попробовали вернуться на прежний маршрут, княгиня Галицкая со свитой появилась на краю речной долины. Зрелище это было достойно того, чтобы запечатлеть его на полотне, но, увы, художника в обозе графини Скулнскорх не нашлось, разве что недурно рисовавший граф Гильдернстерн отобразит это диво свинцовым или серебряным карандашом на зеленоватой эссенской бумаге.

"Где-нибудь, когда-нибудь..."

Первыми появились всадники на каурых^[70] диковатого вида лошадях. Одеты они были непривычно, незнакомой оказалась и броня, и мечи их имели характерную кривизну.

— Мерь? — тихо спросила Елизавета.

— Хазары, — коротко ответил Эрик.

"Хазары, ну надо же!" — народ этот в представлении Елизаветы мало чем отличался от мифических Гога и Магога. Жили они неизвестно где, на краю мира, за великими равнинами и еще более, великой рекой Итиль.

Хазары выехали вперед и разошлись веером, а вслед за ними появились верховые в знакомых Елизавете славянских кафтанах, кольчужных рубахах или пластинчатых бахтерцах, и в шишаках с наносником и кольчужной бармицей до плеч.

— Рязанцы, — объяснил Эрик. — Может, в наеме, а, может быть, уже и подданные. Клодда семь лет воюет, почитай, с малолетства...

А вскоре явилась и она сама. Клодда — если, разумеется, это была она, — ехала на огромном боевом коне, а сама была настолько маленькая, что располагалась в седле на особый лад. Так не ездили ни мужчины, ни женщины. Клодда Галицкая сидела в седле по-портновски, поджав скрещенные ноги под себя. Как она удерживала равновесие — отдельный вопрос, но выглядело это завораживающе. Юбки ее были разрезаны посередине и лежали цветными — алыми и желтыми — крыльями на крупе лошади, открывая ноги в восточных шароварах зеленого шелка и литовских красных сапожках. Сверху на девушке — а Клодда оказалась примерно одного с Елизаветой возраста, — был синий с золотым шитьем кафтан, а на голове, удерживая в относительном порядке заплетенные во множество длинных косиц огненно-рыжие волосы, — золотая княжеская диадема, сверкающая самоцветами и драгоценными камнями. По сторонам буланого, золотистого оттенка коня двигались четверо пеших телохранителей, огромных, как великаны ётуны, с бритыми головами, на которых оставалась лишь длинная тщательно заплетенная косица сзади. В руках этих воинов даже внушительных размеров бердыши выглядели детскими игрушками.

Съехались, молча. Остановились, рассматривая друг друга.

— Ты кто? — зеленые глаза смотрели на Елизавету спокойно и как бы рассеянно, голос чуть хриловатый, интонации непонятные, германский говор правильный.

— Я Лиса Скулнскорх, милостью божьей королева Скулнскорха, владычица Севера и Запада!

"Ну, вот я королева!"

— Это ведь не твоя кровь? — звучит то ли жалобно, то ли иронично.

— Нет, это кровь венгров.

— Чем ты их? — вспыхнули изумрудами глаза. — Ведь не мечом? Нет?

— Моргенштерном, — усмехнулась Елизавета. — Знаешь, что это такое?

— Шарик с пупочками... Я Клодда Галицкая, княгиня Галичмерская. Ты спасла меня от удара в спину. Благодарю! — рассеянный взгляд вдруг потускневших глаз, вялый кивок.

"Благодарю? И это все, что ты можешь сказать?"

— Я что-то забыла? — голос тихий, надтреснутый, выцветшая зелень глаз напоминает болото, покрывшееся ряской. — Ах, да! Позавтракаешь со мной?

— Это приглашение? — Елизавета едва сдержалась, чтобы не расхохотаться.

— Ах, да, разумеется! Это приглашение, — официальным тоном сообщила Клодда. Она была похожа на Тилли, но только похожа, а вот кем она являлась на самом деле, предстояло еще выяснить.

— Я принимаю твое приглашение, — церемонно улыбнулась Елизавета.

— Эй, кто-нибудь! — Клодда подняла руку в кожаной перчатке и небрежно помахала ею в воздухе. — Кликните слуг! Пусть накроют тут где-нибудь... — она вдруг замолчала, словно о чем-то задумалась.

— Как полагаешь, это ничего, что здесь пованивает? — спросила после короткой паузы.

— Может быть, отъедем чуть в сторону? — Елизавета начала опасаться, что княгиня Галицкая устроит пир прямо на трупах. Кажется, такое уже случилось в одном из славянских

княжеств. Или, наоборот, это были тартары?

— Да, наверное... Как думаешь, Скуба?

Один из гигантов, что стоял справа от княгини, пожал богатырскими плечами.

— А бог его знает!

— Левша? — повернула Клодда голову влево.

— Надо бы отъехать, — веско бросил второй великан. — Воронье слетается, будут мешать.

— И то правда! — вздохнула княгиня и как бы даже пригорюнилась. — Опять ехать...

"Она, воистину, безумна! — решила Елизавета. — И кто она вообще такая? Или что?!"

— Наверное, — сказала Елизавета, — мне стоило бы переодеться к завтраку.

— Ну, что ты! — всплеснула руками Клодда. — Ты такая прелесть! А можно посмотреть на эту твою погремушку?

— Можно! — Елизавета уже не знала, как реагировать на слова княгини, та представлялась ей все более и более странной особой. — Квиг, будь добр, покажи княгине мою "звезду".

"Ну, она же теперь моя, не так ли?"

— Прошу вас, ваше высочество! — Квиг шагнул вперед и поднял перед собой моргенштерн. "Утренняя звезда" по-прежнему выглядела ужасающе, словно одно из тех орудий, какими вооружены черти в аду. И не мудрено, ни отмыть, ни почистить ее, времени ни у кого не нашлось. Люди еще и от боя-то, по сути, не отошли.

— И ты этим вот, туда-сюда? — княгиня покрутила головой, и глаза ее снова вспыхнули двумя огромными изумрудами. — Туда-сюда, да?

— Ну, можно сказать и так, — согласилась Елизавета. — Туда-сюда, — усмехнулась она, — туда-сюда.

— Хорь! — позвала Клодда.

— Я здесь, княгиня! — подъехал один из всадников эскорта.

— А у нас такие есть? — кивнула княгиня на моргенштерн.

— Не точно такие, но есть, — ответил воин. — Кистень, называется. Эй, Элекей мурса^[71]! Будь добр, покажи княгине свой басалык!

Хазарянин развернул коня и подскакал к княгине.

— Вот он, княгиня. Басалык, а, по-вашему — кистень.

Кистень этот, на взгляд Елизаветы, и в самом деле, ничем особенным от моргенштерна не отличался, только что вместо шара у него был многогранник.

"Или он называется полиэдром?"

Однако куда больше занимал Елизавету другой вопрос, с какой, спрашивается, стати все эти славяне и хазары так хорошо говорят на германском языке? Получалось, что это не случайное совпадение, и, наверняка, не общепринятая практика в княжестве Галич-Мерь. Скорее следовало предположить, что, выезжая на встречу с неожиданным союзником, Клодда заранее знала, с кем предстоит иметь дело, и взяла с собой только тех, кто мог ей в этой непростой ситуации пригодиться.

В конце концов, место для завтрака нашлось неподалеку: разведчики, посланные на поиски, обнаружили симпатичную лесную поляну всего в пяти минутах неторопливой езды от места встречи. А там уже все шло, как по-писаному. Клодда только с виду казалась "не от мира сего". На самом же деле, как поняла Елизавета, немного пообщавшись с княгиней, женщина эта точно знала, чего хочет и как этого достичь.

Прискакали слуги на боевых конях, в броне и опоясанные мечами, побросали на траву кто ковер, кто подушки. Привезли корзины со снедью, вбили колья и натянули голубой шелковый навес.

"Недурно! — отметила Елизавета, покидая седло и входя под колеблющуюся ветерком крышу. — И предусмотрительно".

— Извольте присесть на подушку, или лучше табурет? — не успела Елизавета и шага ступить, а перед ней уже вырос дюжий детина. В одной руке он держал шелковую расшитую золотой нитью подушку, в другой — низкий табурет, куда более удобный для девушки, ноги которой закованы в броню.

— Табурет, — Елизавета сделала еще шаг и осторожно села на аккуратный, а главное, вовремя подставленный ей под зад табурет.

— Вино? Мед? — спросил другой слуга, появляясь справа.

— А что самое крепкое? — спросила Елизавета, чувствуя, как помаленьку, отпускает напряжение.

— Киевский взвар.

— Тогда, взвар!

— Осторожнее, королева Лиса, — рассеянно улыбнулась Клодда, располагаясь на подушках. — Это не сбитень, а взвар. Он горит, если ты понимаешь, что я имею в виду.

— И как он горит? — прищурилась Елизавета.

— Ровно, — ответила Клодда, — и без копоти.

— Вот пусть и горит! — кивнула Елизавета, одарив княгиню самой очаровательной улыбкой, на какую была способна, но способна она, судя по взгляду Клодды и выражению ее лица, оказалась не на многое. — Пирожки с чем?

— Эти с ягодой, — указал ей слуга слева, — а эти с капустой. А вот те, квадратные, со свиной.

— С ягодой, — решила Елизавета и приняла в одну руку кубок, а в другую — пирог. — Итак?

— Где находится этот твой Скулнскорх? — Клодда отщипнула кусочек белого сыра и бросила его в рот. — Уходите! — махнула она слугам рукой.

— Далеко, — Елизавета сделала осторожный глоток и поняла, что пьет жидкий огонь. Впрочем, это пламя грело, а не сжигало.

— За морями, за долами, — сказала она, пережив прохождение огня и обогатившись еще одним странным впечатлением. — А где находится твое княжество?

— Там! — махнула тонкой рукой Клодда. — Где-то там.

— Сколько тебе лет, Клодда? — спросила Елизавета и откусила от пирожка.

— Много, — вздохнула княгиня. — Замуж пора, а никто не берет...

— Так уж и никто?

— Ну, — знакомо запыхтела Клодда вздернутым носиком, — под кого попало я не лягу, сама понимаешь, а серьезных мужиков нынче мало. Был вот один... — сумрачно вздохнула она. — Так его мои болваны живым зарезали.

— Как так? — удивилась Елизавета и покосилась на кубок в своей руке.

— А так, — застенчиво улыбнулась княгиня. — Он псковским посадником был, и род хороший — княжеский — и внешность... А еще говорили, что он в этом деле, ну, знаешь, в этом! Неутомим, сказывали, аки бык. Но не судьба! Сговорился с Прохором, князем Угличским, и пошел на меня войной. А моим лиходеям лишь бы хорошего человека

порешить! Порезали его всего. Бранен рассказывал, в капусту порубили...

Как ни странно, печальный рассказ завершился мечтательной улыбкой и томным вздохом.

"Правду люди говорят, — решила, глядя на Клодду, Елизавета. — Она безумна! И она безумная извращенка!"

— Ты умираешь, ведь так? — неожиданно спросила княгиня.

— Да, — призналась Елизавета. — Всей жизни до восхода луны, — и она опрокинула кубок надо ртом, ловя губами и языком, небом и гортанью, пахнущий медом и полынью взвар.

— Так-так-так... — покивала Клодда и тоже отпила из своего кубка, но пила она, насколько поняла Елизавета, белое вино.

— Поможешь? — надежда вдруг ударила в сердце, как било в колокол.

— Ведьма к ведьме пришла... — улыбнулась княгиня, отставляя золотой кубок. — До тебя, Лиза, дотянуться, как до утренней звезды, да не твоей, а настоящей, что перед рассветом восходит. Но я достала, ведь так?

— Достала, Тилли, — кивнула Елизавета, еще не веря, что загаданное сбывается. — Что теперь?

— Выпей взвара, — предложила Тильда, какой она была сейчас и здесь. — Выпей, Лиза, поешь, отдохни. Мои люди поставят пока шатер, построят баню...

— У меня есть баня. Тут недалеко, в замке...

— Не надо! — махнула тонкой рукой Тилли. — Они уже строят. Через час-два все будет готово. Чуть полдень минует, я уже ворожить начну.

— Так ты, действительно, ведьма?

— А кто же я? — удивленно заморгала Тильда. — А ты? А мы? А кто? А как?

— Тилли! — остановила ее Елизавета. — А что за вирши ты мне пела?

— Ну, — Тильда опять шмыгнула носом, но вместо сумрачного взгляда одарила Елизавету совершенно очаровательной улыбкой. — Клодда любит стихами говорить, но ты ее стихов оценить все равно не сможешь: ты ни на славянском, ни на мерском, ведь, не говоришь? И хазарского не знаешь...

— Твоя правда.

— Тогда довольствуйся виршами, я на германском наречии нормальных стихов сложить не сумею, — застенчиво улыбнулась Тильда, воплотившаяся в Клодду. — Налить тебе еще?

— Налей! — кивнула Елизавета. — А то мне в моем железе даже не нагнуться нормально.

— Ты меня удивила! — Тильда взяла с ковра серебряный тонкой работы кувшин и, нагнувшись вперед, наполнила кубок Елизаветы. — У вас там все женщины такие, или только некоторые?

— Шпионов засылала?

— Засылала, — согласилась Тилли, — но не к тебе, а к Томасу. Очень мне хотелось узнать, он это или нет.

— Он.

— Ты точно знаешь? — нахмурилась Тилли.

— Я с ним говорила.

— Тебе повезло.

— Тебе тоже повезет!

— Как знать...

— Я знаю! — твердо сказала Елизавета и выпила взвар.

— А о чем вы говорили? — спросила после долгой паузы Тилли.

— О тебе, — взвар, как ни странно, подействовал на нее самым странным образом: настроение поднялось, но мысли не путались и не скакали, они обрели ясность и летели, словно Окхе, брошенная в карьер^[72].

— А он? — голос Клодды упал на октаву и охрип еще больше. — А я? Он что? Я... Мы... И как?

— Как, не знаю, — хихикнула Елизавета, — но предполагаю, что скоро и бурно.

— Ты! — в глазах Клодды заиграло колдовское зеленое пламя. — Я... А он?

— Мы объединим силы и пойдем в общем направлении на Магдебург и Геттинген. Томас будет нас ждать там.

— Хорошо бы, — добавила Елизавета через пару мгновений, — хорошо бы... мне только пережить эту ночь, и чтобы мы успели соединиться с Дамалем до наступления холодов...

10

— Хоровод водили... — затянула Тилли, раскачиваясь на манер страдающей под порывами жестокого ветра плакучей ивы. — Воду в пламя лили...

— А без этого никак нельзя? — Елизавете и так было неудобно и стыдно лежать голой на банной лавке, так еще эти хриплые завывания и чудовищные вирши.

— Молчи! — требовательно каркнула Тильда. — Ворожить мешаешь!

— И не открывай глаз! — добавила она через мгновение, каким-то образом узнав, что Елизавета подсматривает сквозь неплотно зажмуренные веки.

— Семь бед на семь ветров, — заголосила Тильда, как только Елизавета подчинилась и смежила веки, — Семь дорог, и семь костров...

... молния ударила в одинокое дерево, разорвав ночь в клочья. Дуб вспыхнул, словно лучина, заметались в ужасе тени, и гром пологим мощным раскатом скатился в долину...

... семь ударов, семь ветров, семь кинжалов, семь послов...

Новая молния ударила с невидимого неба, и еще одна, и еще. Вспышки ослепительного света — голубого, оранжевого, пронзительно фиолетового — прошивали сверкающими нитями черный бархат ночи, и горело, превратившись в яростный костер, огромное дерево, одиноко стоящее посередине пустой темной равнины...

... семь вопросов, семь ответов, семь ночей и семь рассветов...

Внезапно Елизавета очнулась от морока и обнаружила, что стоит в полной темноте, что называется, посередине "нигде". Здесь было холодно и одиноко, и мрак давил на плечи, словно каменный свод.

"Я умерла?"

Если верить интуиции, вокруг нее простирались огромные пустые пространства без имени и смысла. Однако ничто постепенно превращалось в нечто. Твердь под ногами, и прохладный ветерок в лицо... Верх и низ, правая половина мира и левая его часть, и

бесконечность, зовущая вперед и приглашающая назад. Добро и зло, небо и земля, прошлое и будущее...

Елизавета прислушалась к ощущениям. Оказывается, она была одета и снаряжена для боя, но что ей предстояло — турнир или сражение — неизвестно. "Рассказ" о будущем не складывался, и это было скверно. Непредсказуемость будущего порождала Великую Неопределенность. Вероятности множились, словно ветви прорастающих сквозь тысячелетия генеалогических деревьев. Они ветвились и умножались, порождая все новые и новые развилки. Поколения сменялись поколениями, приходили зимы со снегами и суровыми ветрами, наступали лета, жаркие, как любовь, миры рождались и умирали, и близнецы гляделись в глаза друг друга, как в зеркала, а Елизавета стояла "посередине нигде" и готовилась встретить судьбу.

И вот она пришла — великая Госпожа, Хозяйка удачи, Считающая шансы. Елизавета уловила тягучее и мощное движение за спиной и, не раздумывая, прыгнула в сторону.

— Выбор сделан! — нет, это был не человеческий голос. С Елизаветой говорили Небо Вселенная, Судьба.

— Выбор сделан! Ты определилась со своей половиной мира.

"Выбор?" — но Елизавета уже знала, что так оно и есть.

Ее прыжок перевернул мир, в котором она пребывала, отменив тьму и окончательно определившись с тем, что составляло основу и принципы устройства этого мира.

Огромное нечто пролетело мимо Елизаветы, обдав ее тугой волной холодного воздуха, и она увидела, что стоит посередине невероятно огромной шахматной доски. Полоса рубинового сияния рассекала расчерченное поле посередине, и вдоль нее, опасно приближаясь к поверхности, раскачивался исполинский маятник. Он был огромен, но время, которое он отмерял, текло, по-видимому, куда быстрее обычного человеческого времени. Массивный стержень маятника, уходивший в непроглядную тьму, сплотившуюся над головой Елизаветы, казался неподвижным, но секирообразная оконечность — "Эдгар По, Боже мой! Это же Эдгар По!" — была едва уловима взглядом, так стремительно она уносилась прочь, чтобы мгновенно вернуться назад. Скорость колебаний была настолько велика, что проскочить перед маятником или за ним было тем же, что перебежать железнодорожные пути перед мчавшимся изо всей мочи курьерским поездом. Нет, не так. Перепрыгнуть через рельсы, когда локомотив находится уже на расстоянии вытянутой руки.

"Что, черт побери, здесь происходит?" — но вычурность декораций, как ни странно, казалась вполне осмысленной и, более того, исполненной величия.

Та часть шахматного поля, на которой стояла Елизавета, составленная из черных и белых квадратов, представлялась ей позитивом, а та, что лежала за рубиновой чертой — белые квадраты вместо черных, и черные вместо белых — негативом. Маятник стремительно проносился перед Елизаветой то справа налево, то слева направо и воспринимался как неподвижный занавес из прозрачного черного крепа. И именно там, за занавесом стремительного движения, возникла неожиданно темная фигура с мечом в руке,

— Сюрприз! — расхохотался герцог Тригерид, нанося молниеносный удар.

— Вот еще! — парировала выпад Елизавета. — Я ведь тоже могу уколоть!

Ее меч стремительно пробил "мерцающий занавес" и немедленно убрался назад, уступая дорогу возвратному движению маятника.

— Вы быстры! — признал Тригерид, нанося стремительные, словно взгляд, удары, которые, впрочем, не принесли ему удачи.

— А вы ждали чего-то другого? — ее меч пробил блок Тригерида и на мгновение погрузился в его призрачную плоть.

— Ох! — выдохнул герцог. — Вы...

— Я! — нанесла Елизавета следующий удар.

— Вы...

— Умри! — потребовала она, в третий раз, поражая сотканную из теней фигуру. — Умри!

— Я давно уже умер, миледи! — усмехнулся герцог, делая шаг назад, но голос выдал мерзавца, он был, как минимум, ранен.

— Почему бы тебе не упокоиться с миром?

То, что она сделала в следующее мгновение, было чистой воды безумием, но она это сделала. Поймав момент, Елизавета перескочила на другую сторону шахматного поля, нанесла молниеносный удар и прыгнула спиной назад, успев вернуться на свою половину мира раньше, чем секира маятника разрубит ее на части или отрежет навсегда от своего, лишь ей, Елизавете Скулнскорх, принадлежащего места.

— Ты победила! — провозгласил сухой голос, шедший, казалось, отовсюду и ниоткуда. — Ты добыла свой шанс.

Ударили колокола, заиграли куранты, трубы возвысили свои голоса, и Елизавета проснулась.

Сердце заполошно билось в груди, сорванное дыхание с хрипом и свистом вырывалось из горла, и все тело было мокрым от пота. Отчего-то именно ощущение липкой сырости оказалось наиболее сильным, и буквально выдернуло Елизавету из забытья.

— Ох! — простонала она, возвращаясь в себя. — Я...

В первое мгновение она не поняла, что с ней происходит, и где она вообще находится, вернее, в чем. Здесь было темно и жарко, и да: похоже, Елизавета была завернута, Бог знает, в какое число слоев разнообразных покровов, внутри которых, словно в коконе, плавая в собственном поту, она была слаба, одинока и беззащитна.

"Боже милосердный! Да что же это такое!"

Но недоразумение разрешилось быстрее, чем Елизавета успела удариться в панику. Истерики не случилось, и опозориться не довелось. Кто-то открыл ее лицо свету и прохладному сладкому воздуху, откинув закрывавший его угол одеяла, и Елизавета сориентировалась, наконец, а спустя минуту — и не без помощи Ирины Большой — получила ответы почти на все вопросы, актуальные на данный момент времени. Оказывается, уже наступила ночь, и Елизавета лежала около жарко пылавшего костра. Лежала на ковре и бараньей шкуре, завернутая в простыни и меховые одеяла и накрытая куньими шубами.

"Боже! — подумала она с ужасом, оценив количество и толщину покровов своего "кокона". — Да, я там запросто могла упреть до смерти!"

Но, разумеется, это было всего лишь художественное преувеличение. Не упрела, да и не могла, на самом деле, но вот здоровье, похоже, поправила.

— Так что? — спросила она княгиню Клодду, сидевшую на кошке по другую сторону костра. — Удалось или как?

— "Или как", — хихикнула Клодда, — только у русалок с лешими бывает! А у нас, как надо, так и выходит!

— Значит, я теперь, как бы, не при смерти? — осторожно поинтересовалась Елизавета.

— А что помирать приспичило? — засмеялась Клодда.

— Да, нет! — отмахнулась Елизавета. — С чего бы! Я девушка молодая, мне торопиться некуда!

— Ну, вот и я так подумала!

— Значит?

— Значит, получилось! — серьезно ответила Клодда. — Ты жива, и от этого яда уже не умрешь. Впрочем, и от некоторых других, полагаю, тоже. Это называется иммунитет.

— А день сегодня какой?

— По-нашему, вторник, — пожалала плечами Клодда, — а, по-вашему, тивс.

— Но сражение-то...

— А сражение с венграми, Лиза, имело место в субботу, — мрачно кивнула Клодда, ее веселость исчезла, словно роса на камнях, высушенная жарким солнцем. — Ты проспала больше двух суток, но... Я думаю, это небольшая цена за жизнь? — знакомо запыхтела она своим чудным крошечным носиком.

— Конечно же, нет! — успокоила подругу Елизавета, и это не являлось формулой вежливости, это был искренний порыв.

— Тогда, умойся, переоденься и пошли к остальным! — казалось, глаза княгини вспыхнули в ночи яростным изумрудным сиянием.

— Умыться?

"Где, прости, Господи? Одеться? Во что? В кунью шубу, что ли?"

Но она опять повелась на несерьезный — и "не тутошний" — облик княгини. На самом деле, Клодда Галицкая была девушкой предусмотрительной, и внутри организуемого ею сумасбродного хаоса всегда оставалось святое место для серьезности и порядка. Княгиня довольно усмехнулась и хлопнула в ладоши, и тут же из темноты, подсвеченной кострами и факелами, набежали девушки в островерхих шапочках, словно бы в шишаках, в шароварах и длинных рубахах, белых, стянутых на талии плетеными поясками, расшитых по вороту и груди, в распашных халатах с узкими рукавами. Набежали, окружили, растянули куски холста, создав для Елизаветы ее личное, интимное пространство, где бы она могла, наконец, встать, как была, нагая, в полный рост. Принесли деревянные ведра, шайки да ушат с горячей и холодной водой, обтерли Елизавету мягкой шерстью и жесткой холстиной и смыли с нее липкий пот. А там уже и ее служанки подросли — обе две под предводительством довольно посмеивающейся Ирины Большой — принесли ее собственные белье и одежду, броню и корону, меч и щит.

— Мы что, в поход выступаем? — удивилась Елизавета.

— А как еще? — заморгала Клодда. — А мы? А я? А он? А ты?

— Понятно! — усмехнулась Елизавета. — Поесть-то дадите, или как?

— Про "как", я тебе уже говорила, — нахохлилась Клодда. — Но могу и добавить. У нас в Галиче говорят, что и "как не пустяк".

Смысл присказки не сразу дошел до Елизаветы, но и то сказать, она и очнулась-то от своего зачарованного сна не так чтобы давно.

— Замысловато! — восхитилась она, вполне разобравшись с идиомой. — И наверняка неприлично, в обществе и не скажешь!

— Кстати об обществе, — довольно улыбнулась княгиня, — пойдете, конунг, у нас тут пир небольшой намечен, по случаю выступления в поход.

— Так ты знала, что ли, когда я очнусь? — спросила Елизавета тихим шепотом.

— Надеюсь, — пожалала плечами Клодда и пошла вперед.

Столы сколотили из свеженапиленных, остро пахнущих живым деревом досок, вместо лавок уложили очищенные от коры бревна, а для Клодды и Елизаветы поставили на красном конце вытесанные из пней кресла. Во главе пиршественного стола, накрытого прямо на лесной поляне в окружении высоких темных сосен, разместились по левую руку от Елизаветы ее первый воевода Эрик Баар, младшие воеводы Карл Гено, Нанд Хельм и Гунар Вальд, Ирина Большая, а также барон Розенкранц и граф Гилденстерн, и командир бургундцев виконт де Сан се Же. А по правую руку Клодды Галичмерской сели ее воеводы: великие бояре Скуба и Ярин, князь Роман Северский, Яркай Мурса и Охозия Мурса — князья хазарские, и Акпалат — князь черной мери.

Выпили вина, подняв здравицы за княгиню и королеву, за друзей и родичей, отцов и матерей, за пращуров и за победу, за живых и мертвых, за старых и новых богов, за удачу, и снова за победу, и за то, чтобы сгинули "все наши враги", сколько их ни на есть, и кто бы они ни были. От количества выпитого голова шла кругом и страшно хотелось писать, но выйти из-за стола до окончания здравниц было бы невежливо, и Елизавета крепилась, но в голову лезли нехорошие мысли. Вспоминался отчего-то знаменитый алхимик Тихо Браге, кстати сказать, приходившийся Елизавете дальним родичем по материнской линии, уходящей одним из своих ответвлений в Датское королевство.

"Ох! А я и забыла! Браге — род знатный, может быть, они и сейчас уже живут где-нибудь в Дании. Надо будет спросить Розенкранца или... или Гильденстерна... И да, граф Браге был, кажется, любовником королевы и умер от разрыва мочевого пузыря!"

— Прошу прощения, княгиня! — встала из-за стола Елизавета. — Дамы, господа! Вино великолепно, но его много. Зов природы, так сказать... — улыбнулась она своей самой очаровательной улыбкой, вернее, той, какой смогла улыбнуться, испытывая невероятное напряжение внизу живота.

Хорошо хоть идти далеко не пришлось. Пир на природе, да еще под покровом ночи имеют некоторые, но весьма существенные преимущества перед застольями во дворцах и замках, хотя и в помещениях, порой, творилось такое, что просто стыд и срам.

"Одним словом, мрачное средневековье! Ни прибавить, ни убавить!"

Но, разумеется, она лукавила. Жизнь здесь была куда сочнее, ярче и интересней, чем в прошлом будущем, откуда Елизавета пришла, чтобы превратиться в Лису Скулнскорх, уже графиню, как и сама Елизавета, но все еще конунга, от чего в просвещенном будущем, увы, не осталось и следа.

"Возможно, мне просто повезло, — думала она, возвращаясь из "кустиков", — или, напротив, не повезло, смотря, как судить и откуда смотреть".

И в самом деле, там, в отдаленной вероятности еще не воплотившегося в явь грядущего, где баронесса Икхгорн не юная подруга, а престарелая тетушка, Елизавета была по-своему счастлива. Но это было — так ей теперь казалось, — всего лишь рассеянное довольство, род полудремы в золотое майское утро, когда, вроде бы, и не спишь уже, но все-таки и не вполне проснулась. Здесь же, в этом диком и грубом времени, жизнь наполнилась невероятной энергией, расцветала тысячами красок и ароматов, заставляла кипеть кровь и сходить с ума сердце. Здесь хорошо дышалось и славно жилось, особенно по контрасту с тьмой небытия и тенью смерти, присутствовавшими везде и всюду, в любой миг, в бою, на пиру или в любви.

А за столом, между тем, начались разговоры обо всем. Гости еще не пели веселых

песен, тем более, не затягивали печальных. Впрочем, до этих стадий опьянения доводить дело не предполагалось. Как ни крути, а утром в дорогу, хотя... Армии, — и это Елизавета уже усвоила, как "Отче наш", — движутся медленно. Пехота шагает по плохим дорогам, глотая пыль, поднятую кавалерией, но и та никуда не спешит, ибо всадники берегут лошадей, а позади всех скрепят обозы. Длинные, долгие, неповоротливые, словно кандалы на ногах каторжника. Но и без них нельзя. Куда ты денешься без припасов и провианта в пустом и пустынном мире, где вдоль редких дорог, да по берегам рек едва мерцают огоньками жизни и надежды жалкие селения, крошечные торговые городки, замки на холмах и крепости на водных путях. Так что, если рати, галичмерская, скулнскорхская и бургундская, как и планировалось, выступят в поход на рассвете, Елизавета легко догонит их, даже прихватив "с устатку и по пьяному делу" пару другую утренних часов для сна и протрезвления. Sic vita truditur, как говорится. Такова жизнь.

— ... и там Итиль впадает в Хазарское море, — повествовал между тем Роман Северский. — Море сие, да будет вам известно, не в пример морю Варяжскому, бывает теплым, но шторма и там случаются изрядные. Однако речь не о божьем гневе, а о дорогах и путях, о городах и странах. На западном берегу моря стоит богатый город Самандар, а далее к югу города Каякент и Дербент. Дербентская же крепость замыкает приморское дефиле — единственную дорогу на север и юг. Магометане, да будет вам известно, господа... э... и вам, княгиня, и вам конунг, разумеется... Так вот, магометане, рекомые так же народом аль-араб, двигаясь через горы на север, доходили только до Дербента. Сейчас же, отогнанные персами, ушли из тех мест и более не угрожают Великому шелковому пути...

"О, Господи! — мысленно покачала головой Елизавета, — это мне снится? Я сплю? Я грежу? Что за речи! Что за персонажи!"

Она сделала уверенный плоток взвара, наполнившего грудь жаром и трепетом, и посмотрела на князя. Он был хорош собой: высок ростом, крепок телом, и русые с редкой сединой волосы тугими волнами ниспадали на широкие богатырские плечи. Даже некоторая мягкость черт и травяная зелень глаз, более преличиствующая девам, не портили впечатления.

— ... и вот достигли мы Шемахи, и далее, следуя с караваном, пришли в священный город Ниш. А земля там не как у нас — везде горы, и чем далее к югу, тем выше они и круче, словно волны на море, идут за волною волна, и каждая следующая выше предыдущей. Ночами там холодно, даже если днем солнце выжигает скалы и пески...

Он был необычайно поэтичен, этот князь, германским наречием владел в совершенстве, как родным, и речь его лилась, словно неторопливая река — могучая и плавная, и глаза смотрели в ночь, как если бы видел сейчас князь Северский те далекие сказочные страны, о которых вел рассказ.

— И сказки у них другие, и былины не нашего роду, — продолжал между тем князь. — А в том городе, Нише, рассказал нам один старец вот какую историю. Сидел, мол, как-то Сулейман Великий — это они так царя Соломона на свой лад зовут, иногда и Сулейманом ибн Даудом кличут, — подмигнул князь Северский сидевшему рядом с ним Аркаю Мурсе, — что по-нашему означает Соломон сын Давида. Ну, и вот сидит, стало быть, Сулейман Великий на золотом троне, окруженный людьми, ангелами и зверями. Он молчит, и все молчат, не смея нарушить его молчание. Но лев, однако, не удержался, да зевнул. А львы, будет вам ведомо, звери огромные. Это, как если бы рысь наша была в три раза больше, и рычат они, что медведи. Зевнул, стало быть, лев, и рыком своим нарушил великое молчание.

В гнев пришел от эдакого неуважения Сулейман Великий и хотел уже наказать льва, но тот возьми и скажи: так, мол, и так, великий государь, а только нет на мне вины, потому что Аллах — то есть, Бог по-ихнему, — заранее все рассудил, создавая этот мир. Все предопределено под луной и солнцем, так что и мне было предопределено нынче зевнуть. Но тут вмешалась в разговор птица Симург. А птица сия, рекомая так же Сенмурв или на сарматский лад Семарглом, поставлена была над всеми птицами, как лев над зверьми. И говорит Симург, нет, лев, в твоей речи правды. Свободны мы в решениях своих и делах пред ликом господним, зато и отвечаем за грехи свои сами, не перекладывая на Аллаха то, что есть наше и только наше деяние. Заспорили. Лев свое гнет, Симург свое, и никто не хочет уступить. И вот вдруг спускается к ним от престола господня архангел Джабраил или, по-нашему говоря, Гавриил и речет: Вот прямо сейчас, говорит он собравшимся, в это самое время у падишаха Восточных земель родился сын, а у падишаха Западных земель — дочь. И предопределено им встретиться и соединиться, когда войдут в возраст, и принцесса от того соединения невенчанная родит принцу сына. Что ж, Симург, если ты права, то уж, верно, сможешь помешать тому юноше, познать принцессу. Согласна? Да, отвечает Симург, так и сделаю. Что ж, говорит тогда Джебраил, попытайся раз так...

"Ох-хо-хо!" — вздохнула про себя Елизавета, рассеянно слушавшая рассказ, и сделала еще один глоток отвара. Жидкое пламя со вкусом меда и полыни вспыхнуло в горле, прокатилось сквозь грудь, зажигая мимоходом сердце и пресекая дыхание, волной жара обдало желудок. История, которую взялся излагать князь Северский, была похожа на все те арабские сказки, что рассказывала красавица Шахерезада, чтобы не потерять девственность в постели султана. На взгляд Елизаветы, перед глазами которой вставало сейчас жаркое золотое марево, усилия Шахерезады плохо соотносились с угрозой дефлорации.

"Тысяча и одна ночь... Это сколько же будет? Три года? С ума сойти!"

Но, с другой стороны, Елизавета не была уверена, что проблема состояла всего лишь в том, чтобы из принципа "не возлечь" ненароком с этим самым султаном. Возможно, Шахерезаде угрожало усекование головы. Все возможно, но Елизавета этого не помнила. А рассказ князя, судя по всему, подходил к кульминации.

— И тогда развернули кожи, — повествовал князь, — и нашли в них принца, принцессу и их новорожденного ребеночка...

"Я что-то пропустила? — удивилась Елизавета, — они же сами, вроде бы, едва народились..."

— Так была посрамлена за самонадеянность птица Симург, и ее — по слову архангела, — следовало бы наказать, но так все были рады свадьбе принца и принцессы, навеки соединивших Восточные и Западные земли под властью своего сына, что простили неразумную птицу ипустили ее жить на вершинах гор.

— Значит, что ж? — поднял бровь Эрик. — Нету, выходит, свободы воли, и судьбы наши расписаны еще до рождения?

— А сам, как полагаешь, воевода? — пожал плечами князь. — По сказке получается, что все предопределено, ведь что не делала птица, чтобы не дать принцу соединиться с принцессой, а все ж вышло, как вышло.

— Дура птица, — неожиданно для себя вмешалась в спор Елизавета. — Если хотела узнать наверняка, ей надо было придушить принцессу, или принца зарезать. Вот тогда бы мы и посмотрели, как действует предопределение, и на кого!

— Сильный довод, — с уважением кивнул Элекей Мурса. — И в жизни, наверняка, так

бы и случилось. Но притчи создаются с иной целью.

"Это да, — мысленно согласилась с ним Елизавета. — Назидательные сказки должны назидать, а в жизни все отчего-то случается иначе. Но я-то сделала свой выбор сама! И судьбу, если память не изменяет, поменяла, ведь так?"

11

К первому снегу, а он в том году выпал рано — в день Введения Богородицы во храм^[73], добрались до Дрездена. Впрочем, штурмовать высокие городские стены не стали, лишь побросали через них для острастки горящие стрелы, и пошли дальше, оглядываясь изредка на остающиеся позади дымы пожаров. Шли вдоль реки, догоняя уходящий к далекому морю неторопливый, без конца и края, поток. Вода в Элве^[74] походила на серую оружейную сталь, и, казалось, что холодный клинок реки, рассекает Саксонию надвое. Елизавету познабливало от одного только вида этой стылой и усталой воды.

"Река... — думала она лениво. — Небо... Земля... Сон разума... Пейзаж после битвы... Ужасы войны..."

Любое из этих определений являлось правдой, но слова не в силах передать особую атмосферу "последних дней", словно проехал здесь, по этой дороге, опережая армию на версту или две, всадник на коне бледном, тот самый, которого в Штутгартской Библии именуют Гражданской Войной. На что бы ни падал взгляд Елизаветы, на всем лежала тень Апокалипсиса. Холодная мертвая вода, унылые берега, голодные изможденные люди в сожженных деревнях. Разрушенный храм, висельники на черных ветвях старого дуба, воронье и стаи одичавших собак. Низкое небо, и серый снег, медленно падающий на бесплодную землю... Тоска смертная, но армия продвигалась вперед с неумолимостью рока и неистощимым терпением вола, и на третий день пути они услышали, наконец, колокола Мейсена.

Утро выдалось холодное, промозглое. Всю ночь непрерывно лил дождь. Дождь без начала и конца, менялась лишь его интенсивность: ледяной ливень переходил в стылую морось, и наоборот. Потом, уже утром, дождь все-таки перестал, и тогда на землю пал туман. Армия тащилась по раскисшей дороге. Уставшие, продрогшие солдаты обреченно месили прохуdivшимися сапогами густую, отвратительно хлюпающую под ногами, грязь.

Туман заливал низины, клубился над рекой, вылезал на дорогу, как созревающее тесто из кадки, глушил звуки, стирал черты, размывал фигуры. Елизавета ссутулилась в седле, остановив Окхе на вершине пологого холма, и с мрачным интересом наблюдала, как появляются из тумана тени ее солдат, чтобы через шаг или два раствориться в белесой мгле. Было тихо, только изредка переступала ногами лошадь, негромко скрипело седло, да глухо звякали серебряные пряжки и накладки конской сбруи. Казалось, армия движется бесшумно. Возможно, это была армия теней. Может быть, они все уже умерли, заснули, как предполагал принц Датский в трагедии Шекспира, и видят сны. Сны о дороге, которой не видно конца, о доблести и чести, поблекших под серыми дождями, об отваге, теряющей силу на холодных бивуаках, о войне, ставшей реальностью, и любви, постепенно превращающейся в недостижимую мечту...

Сначала, после славной победы над венграми и своевременного волховства Клодды, Елизавета полагала, что лишь считанные дни, — ну пусть не дни, а недели — отделяют ее от Магдебурга или Геттингена. Однако превратности пути, география и геополитика — в лице доброй дюжины политических интриганов, недоброжелателей, безумцев и дураков, — заставили объединенные силы галичмерцев и скулнхорцев идти не туда, куда хотелось, а туда, куда могло. Моглось же на юг — юго-запад, оттого сначала вышли к излучине Ворта, позже — уже в Силезии — форсировали Одер и через Богемию достигли Саксонии. Но это так только говорится — прошли, вышли, форсировали... Прошли где топами, а где и горами, но везде с боем. Форсировали — в диких непригодных для переправы местах, избегая сражений за броды и узости. Достигли... Что ж, и в самом деле, достигли, пройдя чуть больше половины пути. И вот армия в Саксонии, но на дворе уже глубокая осень, едва ли не зима, а идти еще далеко и долго, и Людо Каген, по последним известиям, отошел к Страсбургу и Мецу, ведя военные действия одновременно на трех фронтах: против французов, ополчения швейцарских кантонов и армии графа Савойского.

— Что это? — спросила Елизавета, прислушиваясь к долгим печальным звукам, растворяющимся в клубах тумана.

— Колокола, я думаю, — Клодда, закутанная в соболиный плащ, нахохлившись, сидела несчастной птичкой на своем огромном боевой коне. — Кто-нибудь откликнулся?

В голосе Тилли звучала надежда, но Елизавете нечем было утешить подругу.

— Извини, фюрстина, но мне до них не докричаться, увы... — Елизавета отправлялась на поиски каждую ночь. Бродила среди теней, искала во снах, но находила лишь обрывки грез, следы собственных надежд и отзвуки отзвуков, блуждающие в мире неверных отражений, звала, но не слышала отклика. Ей все время мерещились далекие голоса Олафа и Аскольда, Зои и Дамалы, Веры, Лены и Абея, но слышала ли она их на самом деле или нет, было не понять. И еще ей казалось, что иногда во сне она встречается взглядом с Людо, но, похоже, воображение и любовь были способны на многое, но не на все.

— Жаль... — Тилли была нездорова, хотя, казалось бы, чем может хворать ведьма?

— Мне тоже, — согласилась со вздохом Елизавета, и это была истинная правда.

— Война — это совсем не то, что я думала, — призналась она через мгновение. — И знаешь, Тилли, я так устала воевать...

— Нас ждет битва... — хрипло выдохнула Клодда Галицкая и выпрямилась в седле, словно сама собиралась тотчас вести галичмерцев в бой. — Неужели, ты их не чувствуешь, Цисси?

— Кого? — нахмурилась Елизавета, ничего такого не ощущавшая, кроме промозглого холода, разумеется, пробиравшего до самых костей.

— Курфюрст Саксонский ведет к Мейсену двадцатитысячную армию, — лицо Клодды стало сухим и строгим, глаза обрели цвет изумрудной зелени, и в них зажглись темные огни. — Он будет здесь завтра, и нам остается лишь взять крепость Альбрехтсбург или дать сражение на этой стороне реки...

— Крепость... — Елизавета закрыла глаза и попыталась увидеть Мейсен и замок Альбрехтсбург, но все было напрасно: туман застил взор, и тени мельтешили перед глазами.

— Высокий берег, — тихий голос Клодды был холоден и суров, — толстые стены, квадратные башни... Нам не взять крепость сходу.

— Что ж, — Елизавета открыла глаза и посмотрела на армию, идущую сквозь туман, — мы дадим Морицу бой в поле. Мне помнится, он не блещет военными талантами.

— Не блещет, — согласилась Клодда, — но с ним идет маркграф Филипп Гессенский, а он слывет удачливым полководцем.

— Удача — подруга случая, — почти беспечно пожала плечами Елизавета. — Не стоит полагаться на случай, Тилли, однажды он может оставить тебя с носом. Так мне кажется.

— Твоя правда, Цисси, но князь Нассау отнюдь не игрок, — возразила Клодда. — Он крепкий профессионал, как я слышала.

— Так Фридрих тоже с ними? — нахмурилась Елизавета, она начинала понимать, в какую сложную ситуацию угодила их армия. Битва на равнине в виду вражеской крепости, пусть и отделенной от поля боя рекой, и сама по себе не сахар, особенно если соотношение сил — один к двум. Но если этих "двух" ведут в бой толковые командиры, вроде Филиппа Гессенского, не говоря уже о таких талантах, как Фридрих Нассау, перспективы, прямо сказать, не кажутся блестящими. Да чего уж там, такие перспективы просто неприемлемы.

"Но других-то у нас, увы, нет... Или есть?" — что-то смутное ворохнулось на краю сознания, и Елизавета поняла вдруг, что не все потеряно: новая "история будущего" стремительно прорастала сквозь стылую марь, заволакивавшую разум Елизаветы.

"Холм... " — придумала она и "увидела" холм, у подножия которого струила к Эльву свои холодные воды невеликая безымянная речушка.

"Опорная позиция, нависающая над низиной. Низина... — неглубокая, но широкая поперечная долина, стекающая с возвышенностей к реке. По ней, наверняка, пойдет кавалерия, предполагая прорвать порядки скулинскхорцев и разрушить построение. — Они убьют нас безжалостно и наверняка, как удар шпаги в грудь... Но! Но если мы парируем этот выпад, смертельным станет уже наш удар, ведь так?"

— Цисси? — тревожно спросила откуда-то издалека Клодда. — Ты в порядке?

— Тсс! — остановила ее Елизавета. — Молчи!

"Холм! — она уже видела то построение, о которое сломает свою гордость Фридрих Нассау. — Холм, ну, конечно же, холм!"

— Королева! — Голос Эрика опередил стук копыт, а в следующее мгновение из-за туманного полога появился огромный конь, с легкостью несший всадника-гиганта. — Княгиня! — поклонился воевода из седла. — Разведчики обнаружили армию Морица Саксонского в одном переходе к западу. Курфюрст ведет тридцатитысячную армию.

— Тридцать тысяч? — нахмурилась Клодда. — Вы вполне уверены, барон?

— Так и есть, моя госпожа! — из тумана появился еще один всадник, капли холодного дождя стекали с его островерхого шлема, с наплечников, по обтянутой пластинчатой броней груди. — Королева! — прижал он руку в кольчужной перчатке к груди. — Пленные говорят о двадцати тысячах пехоты и десяти тысячах кавалерии.

"Далась им всем, эта королева! Королева чего, хотела бы я знать?"

— Правда, — продолжил князь Роман через мгновение, — тяжелой кавалерии у Морица около пяти тысяч на круг, но нам и этого хватит, ведь так?

— Если начнем отступать немедленно... — голос Эрика звучал не слишком уверенно, и Елизавета понимала, почему.

— Они все равно нас догонят, — покачала она головой. — Мы дадим сражение здесь... — Елизавета еще раз припомнила придуманную ею "историю будущего" и заговорила тем решительным тоном, каким, судя по рассказам бывалых людей, говорят, повелевая, только великие полководцы и прирожденные короли. — Там к северу, — неопределенно махнула она рукой в толстой кожаной перчатке, — есть, кажется,

подходящая долина. Скалистый холм, обращенный крутым склоном на запад, я ничего не пугаю?

— Точно так, конунг! — озабоченно свел брови Эрик. Каждый раз, сталкиваясь с этим странным даром графини Скулнскорх, он приходил в замешательство.

— У подошвы холма река, впадающая в Эльв, делает крутой поворот...

— Да, ваше величество, — поклонился из седла князь Роман, которого, похоже, проняло не меньше, чем скулнскорхского воеводу, — там есть река. Ее называют Ратмансдорфский ручей или Лексбах, а выше по течению, в полулиге, я полагаю, лежит деревня Ратмансдорф...

— Деревню сжечь! — приказала Елизавета. — Впрочем, — задумалась она, — нам понадобится дерево... много дерева... Или бревна лучше взять в лесу?

— В лесу, лучше, — еще раз поклонился князь Роман. — А что касается долины, я видел ее вчера во время разведки, она предоставит нам идеальную позицию: болота на левом фланге, холм и лес — на правом... Однако должен заметить, в этом случае нам придется биться, имея за спиной широкую и глубокую реку.

— Бойтесь? — подняла бровь Елизавета.

— Оставь его, сестра! — нахмурилась Клодда Галицкая. — Князь Роман не боится никого и ничего, но он полководец и должен учитывать все возможности.

— Не обижайтесь, князь! — усмехнулась Елизавета, решившая, что ее шутки сейчас неуместны. — Вы же знаете, у меня вздорный характер! Женщины, что с нас взять!

— Конунг! — набычился Эрик, услышав ее слова. Он просто не мог допустить ни малейшего умаления ее величия.

— Королева! — покачал головой князь. — Вы не должны так говорить! Даже в шутку! У вас светлый ум и стальная воля, и вы великая воительница! Я буду удерживать центр построения, конечно, если вы мне позволите, ваша светлость! — поклонился он Клодде. — И мне будет спокойно за правый фланг, если там будет стоять королева Скулнскорха.

— Ты будешь командовать главными силами, — Клодда выпрямилась в седле, вытянулась вверх, словно бы прибавив в росте, глаза ее сияли зеленым огнем, щеки разругались, и языками беспокойного пламени развивались на неожиданно поднявшемся ветру выбившиеся из-под седого соболиного малахая огненно-рыжие локоны. — На левом фланге встанет боярин Скуба, конницу поведет Яркая Мурса, а резервный полк возьмет под руку князь Акпалат.

— Как я понимаю, холм и долину Лексбаха держать мне? — Елизавета уже видела, как это будет, но финал истории терялся в сумерках будущего вечера. Она не знала, чем закончится это сражение, но зато твердо знала, что оно состоится.

— Что ж, — закончила она вслух мелькнувшую ласточкой мысль, — туман, кажется, расходится, и нам пора выдвигаться к месту...

В Скулнскорхе говорят, что у каждой битвы есть ночь после битвы, и это правда, разумеется. Когда-нибудь заканчивается все — даже самые кровавые сражения. Другое дело,

как ты встретишь "сумерки завтрашнего дня" — победителем, беглецом, или трупом. Возможны и другие отвратительные варианты, но, к счастью, в этот раз ей снова повезло. Сражение закончилось засветло, и, забрызганная с ног до головы кровью своих врагов, Елизавета была все еще жива, и более того — невредима. Затем ступились сумерки, и наступила ночь, и это была ночь победы. Однако у вымотанной до последнего предела Елизаветы не осталось сил даже на то, чтобы отпраздновать свою военную удачу. Она упросила Тилли возглавить торжества, воссев на возвышении во главе пиршественного стола, а сама отправилась отдыхать. Однако впечатления прошедшего дня не оставляли ее ни на мгновение...

— О, ты — златокудрая дочь огнеликого Марса, — служанки освобождали Елизавету от брони и промокшей от пота и дождя одежды, а в ушах звучала чеканная латынь. — Слався Беллона^[75] — наперсница мудрой Афины...

На рассвете снова пошел дождь, мелкий, холодный, скорее — стылая морось, словно бы зависшая между небом и землей. Но воздух уже пах гарью, и чуткий нос Елизаветы улавливал отвратительные ароматы смерти. Сражение еще не началось, но будущее уже было растворено в утреннем воздухе, смешавшись с крошечными каплями медленного дождя.

Елизавета, сопровождаемая лишь малой свитой, объезжала фронт изготовившейся к бою армии.

— Ты, что затмила красотой и удачей Диану... — Граф Богуслав Гасиштейнский из Лобковиц, одетый в тяжелый черный доспех, стоял перед строем богемских пикинеров и самозабвенно читал хмурым солдатам и низкому небу свои стихи. Великолепная латынь срывалась с его губ вместе с паром, а в глазах горело то экстатическое безумие, что одинаково свойственно истинным поэтам и бесстрашным воинам. Лобковиц был высок и крепок телом, хотя и немолод — в его бородке клинышком и длинных волосах была заметна густая седина. Тем не менее, он являлся не только высокообразованным человеком — что и само по себе редкость в эту суровую эпоху, — но и безупречным рыцарем и отличным командиром.

— Богемцы! — Елизавета привстала в стремях и взбросила вверх руку с клевцом, который, вместе с ее знаменитым моргенштерном, успел превратиться за месяцы безумного похода на запад едва ли не в символ графини Скулнскорх. — Богемцы! Слава или смерть! Стоять неколебимо! Драться отважно! Со щитом или на щите!

"Что я несу! Боже мой, что я несу!"

Но богемцы, приставшие к войску Елизаветы около месяца назад и поклявшиеся ей в личной верности, дружно ответили слитным воплем "Скулнскорх! Скулнскорх!" и подняли вверх в знак приветствия свои длинные пики.

— Виват, конунг! — кричали они. — Скулнскорх! Скулнскорх и Богемия! Ура!

"Сильно, дружно, но выдержат ли они удар рыцарского клина?" — думала Елизавета, проходя на рысях мимо сплоченного строя.

Восемьсот богемских пикинеров, пятьсот бургундцев виконта де Сан се Же, вооруженных алебардами и секирами, и две сотни брабантских арбалетчиков, во главе которых Елизавета поставила графа Гильденстерна, — им предстояло удерживать узкое дефиле на левом берегу Ратмансдорфского ручья.

"Но хватит ли их мужества и моей удачи, чтобы остановить рыцарей курфюрста Саксонии?" — вопрос не праздный, но ответить на него могли только время и опыт.

— Госпожа! — над широкой, не менее трех локтей в диаметре, деревянной кадкой поднимался горячий пар. Странно, но даже в таком великолепном замке, каким оказался Альбрехтсбург, не нашлось ни нормальной мыльни, ни медной ванны. Приходилось довольствоваться малым, то есть широкой и глубокой лоханью, наполненной горячей водой.

— Госпожа! — похоже, за воспоминаниями о сражении Елизавета не заметила, как осталась в одной нижней сорочке.

"Господи, ну что за люди!" — подумала она с отвращением. И в самом деле, рубашка, надетая, по правде сказать, еще три дня назад, насквозь и неоднократно пропотела, а теперь к тому же затвердела, несколько подсохнув прямо на теле Елизаветы, и да, от нее скверно пахло, если не сказать грубее.

— Снимите! — потребовала Елизавета своим сорванным напрочь, сухим и хриплым, каркающим голосом, куда бы лучше подошедшим какому-нибудь пьянице-сифилитику из городских трущоб её "прошлой" памяти, чем венценосной невесте императора Кагена. Но, увы, в сражениях не только умирают и льют кровь, в них еще и голос срывают.

"Особенно некоторые девушки, оружие благим матом... От полноты чувств и... Экстаза!" — мысленно констатировало Елизавета очевидное, и повторив вслух лаконичное "Снимите!", присовокупила к слову не поддающийся двойному толкованию жест.

В глазах служанок — простых саксонских девушек, доставшихся Елизавете в качестве военного трофея вместе с замком и городом — непонимание и растерянность быстро сменились полным ужасом, едва до несчастных дошло, чего хочет от них всевластная графиня Скулнскорх, победившая их возлюбленного курфюрста Морица прямо в виду его собственного замка.

"Вот ведь убогие!" — покачала головой Елизавета, вполне оценив переживаемый юными саксонками когнитивный диссонанс. По-видимому, в этих местах знатные дамы все еще мылись в рубашках, если мылись вообще.

Однако приказ в Германии, как известно, больше чем приказ, даже в средние века. И служанки все-таки решились на кощунство, послушно склонили головки и, безропотно обнажив Елизавету, помогли ей "взойти" в огромную шайку, собранную из шпона наподобие винной бочки.

— Ох! — с блаженством выдохнула Елизавета, опускаясь в горячую воду. — О, майн Гот! Да, да, да!

Прозвучало двусмысленно, но ей было все равно. Горячая вода и сама по себе способна творить чудеса с уставшим и "палками битым" телом, но ведь в ассортименте имелось еще и флорентийское зеленое мыло, и сарацинские ароматические масла, и отшлифованная силезская пемза, и великолепная губка с греческих островов.

"Просто праздник души какой-то, а не помывка после боя! — подумала она блаженно и обратила свой взор на замешкавшихся служанок. — О, Господи!"

— Мойте! — прокаркала Елизавета и, наконец, позволила себе отключиться, откинувшись на теплую деревянную стенку, задрапированную льняной простыней. Но отдыхало одно лишь тело, душа, ушедшая в саму себя, продолжала напряженно трудиться. Перед мысленным взором Елизаветы беспорядочной чередой мелькали эпизоды отгремевшего сражения, ее уши привычно ловили крики ярости и торжества, стоны и вопли, звон оружия, насадное хриплое дыхание, глухие удары, треск ломающихся копий, ржание лошадей, басовитое гудение арбалетных стрел...

— Auf dem Papier war alles schon und gut, doch die Realität sieht anders aus, — тихо и зло выдохнула Елизавета. Слова срывались с губ, тяжелые, словно камни, и облачко пара, образованное дыханием, висело у самого рта.

— Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним шагать! — Елизавета еще не знала, о ком сейчас говорит, но надеялась, что все-таки о саксонцах.

С вершины холма она ясно видела, как набирает скорость волна рыцарской атаки. Опустив тяжелые копья и покачиваясь в седлах, словно барки на мелкой волне, рыцари сомкнули строй и неотвратно приближались к ошестинившемуся пиками построению богемцев. Огромные кони разбрызгивали копытами липкую грязь, трубили рожки, развивались плюмажи на шлемах и длиннохвостые вымпелы, слитный гром поднимался к низкому небу сквозь усилившийся дождь. Но отсюда, сверху, Елизавета видела не только врагов, но и порядки своей армии, и это зрелище заставляло тревожно сжиматься сердце. Терция^[76] богемцев была тонка, как лист бумаги. Четыре линии пикинеров, брабантские стрелки на флангах и бургундцы с тяжелыми алебардами и глефами, подпирающие строй уроженцев "родины быков"^[77]. По сравнению с ними мощь кавалерийского клина казалась неотразимой. Удар предполагался смертельным, но и это было не настолько очевидно, насколько могло показаться в первом приближении. Запел рожок, возвысили свои голоса трубы, и пикинеры дружно — быстро, но слаженно — перестроились и отступили на десять шагов назад. Теперь фронт армии Елизаветы выглядел совсем иначе, но, набравшая скорость рыцарская колонна уже не могла ни свернуть, ни затормозить. Однако рыцари смотрели только вперед и видели лишь возникшие на направлении их атаки заостренные колья засеки и рогатки, прикрывавшие проходы. За этой импровизированной стеной стояли плечом к плечу четыре шеренги богемцев с пятиметровыми пиками в руках. Чего не могли видеть всадники так это того, как разительно изменился строй скулнскорхцев, занимавших относительно пологий склон холма. Длинные жерди, призванные изображать пики, полетели наземь, и строй лучников начал неудержимое равномерное движение с холма вниз, сокращая дистанцию между собой и флангом кавалерийской атаки.

Снова запел рожок, и воздух загудел от сотен, выпущенных из длинных луков стрел...

— Вода уже остыла, ваше величество, вы можете замерзнуть!

"Мое величество? Ах, да, — сообразила Елизавета, выбираясь из лохани, — наверняка кто-нибудь перевел им титул конунг, как король, вот они и раболепствуют!"

— Вина! — потребовала она своим противным "мужским" шепотом. — Не дайте мне замерзнуть, девушки, и я не выпорю вас ремнем!

"Ну, что, видели, какая я страшная?"

— Ваше величество! — одна из служанок накинула ей на плечи широкий кусок тонкого льняного полотна.

— Ваше вино! — вторая служанка уже спешила подать Елизавете серебряный кубок с подогретым красным вином.

— Вот что, милая, — хрипло выдохнула Елизавета, выпив содержимое кубка одним долгим протяжным глотком, — скажи, чтобы принесли мне галицкого куренного вина. Спроси слуг княгини Клодды, они знают. Называется киевский взвар...

Следовало отдать саксонцам должное, они оказались крепкими и упорными бойцами.

Ценой невероятных потерь, рыцари Филиппа Гессенского прорвали строй пикинеров, и в низине Ратмансдорфского ручья началась резня.

— Карл! — Елизавета бросила беглый взгляд на войско Клодды Галицкой, вступившее в сражение и ведущее тяжелый бой на позициях к северу от речного дефиле и обернулась к Карлу Гено. — Карл, и вы, барон Розенкранц, прошу вас, господа, держать холм. С этой позиции отступить нельзя! Барон Баар, поднимайте кавалерию! Настал наш черед!

— Лиса! — смотреть на Эрика было страшно, его каменное лицо дрожало, — Kongr! Я...

— Ты...

"А что, если он прав? — задумалась Елизавета. — Не искушай судьбу, Лиса, не искушай судьбу!" — мысль показалась правильной, и подействовала на Елизавету отрезвляюще, как ушат холодной воды. Но именно тогда, когда она готова была уже отступить, откуда ни возьмись на склоне холма появился новый персонаж. Высокая, выше любого из мужчин, каких когда-либо видела Елизавета, к ней по склону шла женщина с длинными черными волосами и прекрасным, но жестоким лицом, белым, словно алебастровая маска и совершенным на нечеловеческий лад. Огромные темные глаза, в которых клубилась тьма бездонных колодцев, смотрели прямо на Елизавету. Прекрасные губы кривились в холодной усмешке.

— Так что же, Kongr, страх сильнее чести? — ее голос был глубоким и звучным, и от него пробирал озноб, и волосы на загривке вставали дыбом.

— Я... — и тут Елизавета поняла, что выпала из реальности, ушла из-под власти физических законов, формальной логики и времени, вечно текущего из прошлого в будущее. Время остановилось, люди замерли в тех позах, в которых застало их явление Великой королевы. Двигались лишь Великая Госпожа Ворон, да Елизавета, шагнувшая навстречу Морриган.

— Вижу, ты узнала меня, воин! Что скажешь?

— Ты пришла, чтобы пророчить? — спросила Елизавета, спускаясь еще на два шага. — Я умру?

— Как знать! — усмехнулась Морриган и вдруг умножилась. Теперь перед Елизаветой стояли две богини — черноволосая и рыжая.

— Что скажешь, сестра? — спросила Великая королева, обращаясь к иной своей ипостаси, к неистойвой Бадб.

— Разве ты не конунг, Лиса? — полные губы Неистойвой разошлись в безумной улыбке, обнажив белые, как сахар, острые зубы. — Разве ты не боец, женщина?! — в ее зеленых, как у Тилли, глазах шальная лихость зажгла тревожные огни. — Ты высчитываешь шансы? Ты хочешь уцелеть? Тебя не прельщает неистовство битвы?

— Ты слышала, — холодно констатировала Великая Госпожа Ворон и заглянула Елизавете в глаза. — Но ты не знаешь саму себя, девочка, вот в чем дело.

— Да, знает она, знает! — расхохоталась пышнотелая блондинка, возникшая по левую руку Морриган. — Ты можешь быть настоящей сукой, Kongr, разве не так? — оставалось гадать, кто это пожаловал к Елизавете в разгар битвы, "злобная" Фи или "ядовитая" Немайн.

— Но ведь вы пришли ко мне не просто так? — прищурилась Елизавета, ухватившая в словах богинь главное: они пришли не пророчить и не предостерегать, они явились, чтобы напомнить ей, кто она на самом деле, и какова ее кровь.

— Не просто так, — согласилась Морриган.

— Гляди не обделаешься с испугу! — хохотнула блондинка, и Елизавета окончательно убедилась, что имеет дело с Фи.

— Иди и задай им жару! — потребовала Бадб. — Жизнь ходит под руку со смертью, но тем слаще жить!

— Это твой бой! — из-за спин сестер вышла еще одна женщина. Она была одета в черную броню, ее русые коротко остриженные волосы трепал ветер, а в руке она держала обнаженный меч. — Иди, женщина, и принеси мне пригоршню желудей^[78]!

... и принеси мне пригоршню желудей! — донеслось до Елизаветы, словно бы дальнейшее эхо в горах достигло ее слуха, и время вернуло себе свои права. Мгновение истины ушло в прошлое, и будущее открылось перед Елизаветой во всей своей неопределенности.

— Поднимай кавалерию, Эрик! — жестко повторила она. — Не спорь! Это приказ! Ирина! — обернулась она к своей подруге и телохранительнице, — помоги мне, пожалуйста, оторвать подол!

Собираясь на битву, Елизавета поддела под платье замшевые штаны и полный ножной доспех, как у рыцарей-мужчин. Выехать в таком виде на командный пункт армии, однако, не решилась. Но теперь, когда она шла в бой, условности перестали ее смущать...

Чисто вымытая и отогревшаяся, Елизавета позволила натянуть на себя ночную рубашку, толщиной и размерами напоминавшую скорее домашнее платье, — что и не плохо, на самом деле, по зимнему-то времени — и, вдев ноги в теплые туфли, присела к столу. Водные процедуры пробудили аппетит. Не волчий, пока еще — усталость по-прежнему давала о себе знать, — но все-таки и не пустячный.

"Немного жареной форели с травами, — решила Елизавета, — мне отнюдь не помешает. И пара ложек вюрцбургского бобового супа лишними не будут, как, впрочем, и кусок пирога с цыпленком и голубем. Ну и вино, разумеется. Кубок или два... И баиньки!"

В то утро Елизавета дважды водила кавалерию в бой, и еще один раз часа в два пополудни, когда судьба сражения буквально висела на волоске. Под ней ранили лошадь, она потеряла в собачьей свалке клевец, и какой-то саксонский поганец разбил молотом ее любимый кулачный щит. Доспехи были помяты тут и там, арбалетная стрела едва не пробил налядвенник, и ударом копья почти напрочь сорвало левый наплечник. Тем не менее, в начале третьего, когда дождь перестал, и в холодном воздухе появились первые белые мухи, Елизавета все еще была жива и в третий раз за день атаковала прорвавшихся рыцарей Филиппа Гессенского.

На этот раз под ней был злобный и сильный караковый жеребец в полном доспехе, включая кольчужный чепрак. Эта брутальная скотина безумствовала, как могла, но в целом, жаловаться не приходилось. Хэгри — то есть, попросту, Высокий, так его звали, дрался с отчаянной решимостью, и к концу сражения они оба — всадница и конь — прониклись взаимным уважением. Что же касается снаряжения и оружия, то броню — пока суд да дело — успели немного подтянуть и выправить, чтобы не стесняла движения и не мешала дышать. Вместо круглого баклера, разбитого вдребезги, кто-то из телохранителей подобрал Елизавете более тяжелый, но, тем не менее, небольшой и удобный в бою треугольный щит. А вооружилась она снова своим смертоносным моргеншперном.

— В Бога, в душу мать! — заорала она, посылая Хэгри вперед. — Убьем их всех!

— Так есть! — откликнулись скулнскорхцы, с места переводя лошадей в трехкратный

аллор. — Убьем их всех! Конунг! Скулнскорх! Ааааа!

— Давай! — кричала Елизавета, раскручивая над головой моргенштерн. — Эгей! Режь их, бей! Рви!

— Скулнскорх! — дружно подхватили ее рыцари.

— Чертов х-й! — выдохнула Елизавета, со всей мочи налетая на саксонца в серебристых с черной насечкой доспехах. — Ад и преисподняя! — она приняла на щит удар чужого меча, и обрушила на рыцаря всеокрушающую мощь Моргенштерна. — Умри, ублюдок!

Но, разумеется, последнего пожелания, саксонец не услышал. Вероятно, он был мертв, но, если даже нет, оглушен и выбит из седла. А Елизавета тем временем уже дралась с другим...

От пищи и вина Елизавета вконец осоловела, сомлела, расслабилась, и, в результате, едва доплелась до кровати, да и то, это скорее служанки довели "под локотки", чем она сама несла сквозь пространство свое отяжелевшее тело. Тем не менее, уснула не сразу, даже когда осталась одна, на мягкой перине и под теплыми меховыми одеялами. Полежала немного, словно бы задремывая в тепле и уюте, но вспомнила вдруг летящий в лицо шестопер и, вздрогнув, проснулась.

— Вот же дьявол! — хрипло выругалась Елизавета, стерла со лба капли холодного пота и, выбравшись из-под одеял, пошла босиком искать киевский взвар.

В просторной опочивальне было сумрачно, если не сказать — темно. Горела одинокая свеча в изголовье кровати, да в камине танцевали на дубовых поленьях язычки тихого пламени. Красные блики играли с тенями в прятки на каменных плитах пола, но все остальное пространство терялось в полутьме. Постояв немного около кровати, шурясь и принаравливаясь к неверному освещению, Елизавета высмотрела-таки серебряный кувшин со взваром, оставленный на каминной полке вместе с украшенной чернью и эмальями чаркой, и пошла на зов.

"Ну, вот и, слава Богу!" — думала она, с ухмылкой поглядывая на тусклое серебро кувшина, но пока дошла до камина, наполнила чарку, да выпила, ноги застыли, словно босая бежала по снегу. Но и то сказать, выстуженный камень плит под ногами мало чем отличался от не растаявшего зимнего снега. Тот же холод, одним словом. Поэтому пришлось выпить еще одну чарку, чтобы согреться, и еще одну — для душевного спокойствия.

А тот шестопер ей в лицо ведь так и не попал — успела уклониться. Смерть пронеслась над головой, обдав волной дождевых брызг, а в следующее мгновение собственный Моргенштерн Елизаветы поставил точку и в этом поединке. Одним из множества пережитых ею в тот день, не первом и не последнем, и даже не самом ужасном. Шестопер ее не задел, но и Елизавета не убила рыцаря с дубом и вороном на щите, а лишь оглушила, судя по всему, не высадив даже из седла. Бывает и так, и, возможно, эта сцена не осталась бы в памяти Елизаветы, вытесненная другими впечатлениями дня, однако случилось так, что запомнилась, и не случайно. Только успела Елизавета нанести свой ответный удар, как заиграла где-то рядом труба, забили большие барабаны, и судьба сделала свой очередной неожиданный — и, пожалуй, даже невероятный — поворот. Перелом в сражении случился в связи с резким, как удар молнии, и непредсказуемым, словно проявление стихии, изменением обстоятельств. Вот только что, галичмерцы и скульнхорнцы отчаянно сражались с саксонцами, уступая им в численности один к трем, и вдруг шансы сровнялись, потому что по Элве подошел с севера, от далекого Варяжского моря, флот под

командованием Олафа Йорта, имея на борту десант в две тысячи баварских пехотинцев — копейщиков да меченосцев и три сотни икьхгорнских лучников, вооруженных ростовыми луками, короткими пехотными мечами и треугольными щитами. А с запада уже накатывалась кавалерийская лава: это Томас граф де ла Марк и Хьюго герцог Церенгенский вели в бой три тысячи баварских, швабских и бургундских рыцарей, и теперь уже саксонцам приходилось драться и по фронту, и в тылу...

"Надо же, каким неверным может быть военное счастье!" — усмехнулась Елизавета и в четвертый раз наполнила серебряную чарку.

"За ваше здоровье, дамы и господа!" — она отсалютовала пирующим в палате Тильде и Дамалю, Хьюго и Зою, Эрику, Олафу и всем-всем-всем, включая сюда и датчан Гильденстерна и Розенкранца, с которыми сроднилась за время своего безумного похода, отсалютовала и выпила залпом чару жидкого пламени, пахнущего летом и солнцем, медом и травами.

— Ах! — на мгновение ей стало жаль, что не пошла со всеми на пир, но от взвара ее уже бросило в жар, и сладко закружилась голова, и перед глазами растеклось золотое марево. Так что и ноги мерзнуть враз перестали, и на висках выступил пот, и теплая струйка скатилась по шее из-под скулы в ложбинку между грудей, и до постели Елизавета добралась, уже едва соображая, кто она, зачем, и где...

Во сне, однако, ее одолевали все те же демоны отчаянных сражений и безнадежных битв. Елизавета спала, но сон ее был неспокоен: она сражалась, снова и снова переживая прекрасные и ужасные моменты отгремевшей битвы, слышала проклятья и божбу, стоны и вопли, грязную ругань и безнадежные мольбы. Видела кровь и грязь, и смерть во всех ее тошнотворных проявлениях, вдыхала запахи убийства и ненависти, крови и испражнений, лошадиного пота и человеческой мочи. Ей не было покоя даже в пьяном забытии, и чувство опасности не отпускало Елизавету ни на одно мгновение.

"Что?" — она проснулась рывком, мгновенно перейдя из зыбкого забытья к ясному осознанию места и времени.

"Какого черта!" — но еще раньше, чем заметила смутную тень у дверей, рука нащупала под подушкой кинжал Людо.

— Эй, ты! — каркнула Елизавета, рывком садясь в постели.

— Ой! — испуганно взвизгнула тень и шарахнулась в темный угол возле дверей.

"И это убийца?" — ужаснулась Елизавета, примеряясь тем временем, как бы половчее уложить поганца в гроб.

"Или это поганка?" — было в голосе ночной тати нечто, позволявшее предположить, что это скорее женщина, чем наоборот.

— Ты кто? — голоса, как не было, так и нет, так что Елизавета хрипела, как могла, но и могла она не слишком хорошо.

— Ты кто? — выхрепела она вопрос.

— Г... графиня... — заикливо откликнулась смутная тень.

"Графиня? — удивилась Елизавета. — А я тогда кто?"

— А я тогда кто? — озвучила она свое недоумение.

— Вы мужчина моей мечты, ваше величество! — пылко воскликнула тень и шагнула в полосу колеблющегося света рядом с камином.

При ближайшем рассмотрении незнакомец действительно оказался незнакомкой,

притом дама была молода — хотя, пожалуй, на год-два старше Елизаветы — приятна лицом и светла волосом.

"Так-так-так... голубоглазая блондинка... Ну, не оригинально, хотя и миленько. И кто же вы, моя прелесть, богемка, саксонка или вовсе пруссачка?"

— Представьте сударыня! — потребовала Елизавета.

— Я... — шагнула вперед блондинка.

— Стойте на месте! — остановила ее Елизавета. — Итак?

— Матильда, графиня фон Арнебург, ваше величество! — и девица присела в глубоком реверансе.

— И? — поинтересовалась Елизавета.

— Вы мой герой, ваше величество! — длинные ресницы опустились на мгновение и снова взметнулись вверх. — И я пришла к вам, чтобы отдаться!

"Отдаться? — обалдело подумала Елизавета. — Она сказала, отдаться? Мне?!"

И тут до нее дошло. Елизавета ведь въехала в замок в сумерках. Сидела на огромном боевом коне, одетая в броню по-мужски, да еще и замызганная в грязи, забрызганная кровью, при мече и в окружении злобных телохранителей. На пиру не появилась, сославшись на усталость — хотя так оно и было, на самом деле, — но по факту никто из здешних обитателей ее в глаза не видел. А все остальные, то есть те, кто ее знает, величают Елизавету нынче не иначе как Kongr. Во всяком случае, многие. И большинство из этих многих никогда не переведут слово "конунг" словом "королева". Kongr — король, и никак иначе. А в результате, теперь эта дура приперлась ночью в спальню Елизаветы и собирается отдаться какому-то незнакомому хриплому идиоту только потому, что он король?

"Это же надо так любить деньги! Впрочем..."

Возможно, девушка просто имела слабость к брутальным мужикам, машущим огромными моргенштернами.

"Забавно..."

— Ладно, — прохрипела Елизавета, до которой, наконец-то, дошел весь комизм ситуации. — Раздевайтесь, графиня! Посмотрим, что у вас там под платьем...

— Вы хотите, чтобы я обнажилась, мой фюрст? — вполне по-деловому подошла к делу блондинка. — То есть, совсем?

— Но ведь вы пришли, чтобы отдаться, сударыня! — едва сдерживая смех, возразила Елизавета. — Или вы собираетесь возлечь со мной в одежде и туфлях?

— Нет, ваше величество, конечно же, нет! — и блондинка начала раздеваться со всей возможной поспешностью. Однако раздеться женщине в средние века было, ой, как не просто. Елизавета знала это не понаслышке, но никогда — вероятно, в силу отсутствия у нее соответствующего опыта, — не связывала эти вполне очевидные сложности со стилем или, вернее, с техникой внебрачных любовных отношений, о которой была хоть и осведомлена, но не так чтобы очень. Однако сейчас, глядя на то, как мучается Матильда фон Арнебург, Елизавета сообразила, наконец, отчего знатные дамы "любятся" нынче, не раздеваясь. Пока обнажишься, как следует, все желание на "нет" сойдет, и у тебя самой, и у твоего нетерпеливого кавалера, а ведь после всего придется еще и одеваться по новой. Та еще работенка, особенно если без служанок! Один раз попробуешь, и любиться больше не захочется. Зато юбку задрать, особенно если не носишь нижнего белья, дело недолгое и несложное. Раз, и готово!

"Н-да..." — Елизавета смотрела, как раздевается блондинка, и в некотором неожиданно

сошедшем на нее смущении размышляла о том, что будет делать с графиней, когда та все-таки разденется.

"Была бы я мужчиной... — несколько запоздало подумала Елизавета. — Но я не мужчина, — призналась она самой себе, едва ли не с сожалением. — Однако... Что мешает мне вообразить, что я все-таки муж, а не жена? — звучало заманчиво, особенно с пьяных глаз. — Только это, кажется, как-то по-другому называется, разве нет?"

Между тем Матильда избавилась от одежд и решительно подступила к огромной, затененной высоким балдахинном кровати.

"Ну... — Елизавета не без интереса и даже, как бы, не "просто так" рассматривала широкобедрую и полногрудую графиню. — Что если, и в самом деле, попробовать? Это ведь не одно и то же, что "возлечь" с мужчиной? Это и изменой даже считать нельзя... Да и кто узнает-то?!"

Если честно, она так ни разу и не решилась "попробовать" ни с Зои Икьхгорн, ни с Верой де Йон, хотя неоднократно спала с ними — с каждой в отдельности и с обеими вместе, — в одной постели. Обе девушки недвусмысленно намекали, что не худо бы "пошалить или еще что", поскольку "это и не грех вовсе, а так — баловство". Но все равно было как-то неловко или даже стыдно, так что Елизавета мягко, но решительно отвечала — нет. На этом все и закончилось. Однако сейчас ситуация не предполагала ни неловкости, ни стыда. Матильда ей не подруга и не родственница. Даже не вассал. Так, шлюха приبلудная, готовая лечь в постель с совершенно незнакомым ей человеком. Вот пусть и мучается теперь, раз такая дура!

— Иди сюда! — пригласила Елизавета женщину.

— Я здесь, мой повелитель! — откликнулась Матильда, проскальзывая под одеяла. — Я ваша! Возьмите меня, конунг! Что?!

— Ты думала я мужик, да? — хрипло рассмеялась Елизавета. — Увы, графиня, я даже не женщина пока. В девушках засиделась! — она крепко обхватила Матильду и прижала ее к себе. — Но я конунг, разумеется, — выдохнула она в лицо женщине, дрожавшей в ее объятиях то ли от холода, то ли от страха. — И это я вчера надрала задницу вашему курфюрсту!

Елизавета провела ладонью по голой спине Матильды фон Арнебург. У графини была шелковистая кожа, холодная и гладкая, словно поверхность мрамора, но под ней ощущалась живая, отзывающаяся на ласку плоть.

"Хм, — призналась себе Елизавета, достигнув пышного зада Матильды. — Отнюдь не отвратительно, как ни странно. Даже захватывает!"

Свободной рукой она нагнула к себе голову графини и поймала ее трепещущие губы. От поцелуя Елизавету, на удивление, не стошнило. Скорее, наоборот. Губы Матильды сначала растерянно приоткрылись, уступая напору и настроению, потом собрались вместе и как бы затвердели, что должно было, по-видимому, выражать протест, но вскоре поддались и снова чуть раздвинулись, принимая поцелуй. От мгновенного впечатления — еще безымянного, неопознанного и неосознанного — Елизавету бросило в жар. И в следующее мгновение она уже оказалась сверху и, оседлав нежданную "любовницу", начала стаскивать с себя через голову рубашку. Дело оказалось, однако, не таким уж и простым, но, сообразившая уже, что к чему Матильда тут же пришла на помощь. Графиня, похоже, имела отнюдь небогатый жизненный опыт, но, судя по всему, готова была экспериментировать, тем более оказавшись в постели с настоящим brutальным "королем"...

Ночью снег усилился, а утром все окрестности замка выглядели как зимние пейзажи Брейгеля. Исчезла под белыми покровами черная грязь, поля и облетевшие деревья, не говоря уже о фольварках и мельницах, приобрели вдруг пристойный и почти праздничный вид. Небо очистилось, поднялось и раздвинулось, и выкатившееся в бездонную синь солнце залило окрестности ярким светом. Сияли небеса, сверкал снег, и воздух казался отлитым из прозрачного богемского хрусталя.

— Холодно! — голос к ней так и не вернулся, но и то сказать, со времени битвы не прошло и суток. Так что спасибо и за то, что стоит на своих двоих, видит чудесные картины позднего утра, готового вот-вот обернуться полднем, вдыхает сладкий морозный воздух и выдыхает теплый пар.

— Да, уж — выстудило на славу! — усмехается Дамаль, прижимая к себе закутанную в меха Тильду. — А представь, если бы случилось биться в настоящую стужу?

— А вчера, под дождем, значит лучше было? — Елизавета не иронизирует, она думает вслух. Размышляет. Ищет истину.

— Мне передали, что ты трижды водила кавалерию в бой... — в голосе Дамалья звучат осуждение и страх, неодобрение, порицание и опасливое восхищение.

— Тебе все верно донесли, — усмехается Елизавета и подхватывает рукой в перчатке горячий, парящий в холодном воздухе пирожок. Такие пирожки в этих краях называются рунца, и они невероятно вкусны, особенно если кушаешь их поздним утром и на морозе. Тесто живое, дышащее, но пропечено на славу, а внутри начинка, горячая, словно только что из печи: тушенная капуста, мелко рубленая оленина и расплавившийся от жара мягкий сыр, придающий всему блюду чудную остроту.

— Награди повара, Дамаль! — просит она, справившись с первым пирожком. — Он прямо-таки чудесник! А где киевский взвар? — оборачивается она к слуге.

— Вообще-то, хозяйка здесь ты! — улыбается Дамаль, еще теснее прижимая к себе сияющую Тильду. — Замок Альбрехтсбург — твоя военная добыча.

— Или Клодды, — пожимает плечами Елизавета и берет с блюда еще один вкусно пахнущий пирожок. — Надеюсь, ты уже женщина, Тилли?

— А вот рассказывают... — как истинный кавалер граф де ла Марк спешит сменить тему разговора, они же с княгиней Галицкой еще не венчаны, и все такое.

— Да? — от запаха горячего теста рот наполняется слюной. — И что же вам рассказывают, граф?

— Говорят, — усмехается Дамаль, — что графиня фон Арнебург провела в ваших покоях, конунг, едва ли не всю ночь.

— Что, действительно?! — вскидывается Тилли, еще не посвященная, по-видимому, в "тайны Мадридского двора".

— Почему же почти? — пожимает плечами Елизавета, успевшая, пока суд да дело, прожевать и проглотить половину пирожка. — Как раз до утра...

— И? — поднимает бровь раскрасневшаяся на морозе Тильда Галицкая.

— Ты историю про монаха и шлюху знаешь? — Елизавета благодарно кивает мальчику-слуге, проворно доставившему на башню кувшин с киевским взваром, и принимает чарку. — Жил-был монах... — она медленно со вкусом вытягивает из серебряной чарки дивно ароматный и дьявольски крепкий взвар, выдыхает с чувством и продолжает, не спеша.

— Вот в этих как раз местах, — говорит она, возвращая чарку на поднос. — В Саксонии или Богемии, но история не об этом. Однажды... Налей-ка еще! Однажды, путешествуя по чужим землям, повстречал монах на постоялом дворе распутную женщину. Дело было к ночи, а свободная кровать оставалась в гостинице всего одна, и претендовали на нее, как вы уже, верно, догадались, и святой отец, и шлюха. Слово за слово, — Елизавета смутно помнила эту историю, читанную в давние, еще не наступившие времена в старинной книге из библиотеки тети Жозефины, и потому импровизировала, сочиняя анекдот прямо на ходу, — заспорили, но каждый твердо стоял на своем, и, казалось уже, что дело закончится скандалом и дракой, но шлюха, рассмотревшая во время спора, что монах молод и хорош собой, неожиданно предложила компромисс. Давайте ляжем вместе, святой отец, предложила она. Мне, как честной женщине, урону от этого никак не будет, ведь вы же божий человек и не обидите бедную девушку. Однако и монах, давно уже в тайне мечтавший, познать женщину, успел увидеть, что его собеседница обладает пышными формами и свежа лицом. Извольте, говорит тогда он ей. Это даже хорошо, поскольку засчитается мне, как подвиг воздержания.

— Что так и сказал? — прыскает Тильда.

— Так и сказал! — подтвердила Елизавета.

— Ну, прямо сэр Тристан, положивший между собой и леди Изольдой обнаженный меч, — комментирует с каменным лицом Дамаль.

— Обнаженный?! — переспрашивает Елизавета. — Меч? Звучит двусмысленно, ты не находишь?

— Ты не отвлекайся, конунг, рассказывай! — усмехается в ответ Дамаль.

— Ну, да! — Елизавета берет чарку и подносит к носу, вдыхая аромат. — Умеют у вас, черт возьми, гнать самогон! — улыбается она Клодде Галицкой.

— Повремени, Цисси! — просит встревоженная Тильда. — Я же говорила тебе, не ровен час сопьешься!

— Нешто?! — смеется Елизавета, но, тем не менее, не пьет, держит чарку у губ, нюхает, жмурится. — Так вот. Оказавшись в постели и шлюха, и монах резко поменяли свое мнение о добродетели и, скажем так, упали друг другу в объятия. Однако вскоре выяснилось, что неопытный монах совершенно не знает, с какой стороны начать, и где, так сказать, кончить... Хм, пожалуй, я все-таки выпью, если никто не возражает! — и она запивает нежданный каламбур глотком киевского взвара. Холодная струя касается задней части языка и неба, оставляя на них медовый аромат, и летит дальше, в глотку и пищевод, чтобы вернуться волной сладкого жара, возникающего где-то в недрах желудка и стремительно растекающегося по всему телу.

— Уф! — выдыхает Елизавета и прищуривается еще больше, но то ли от мороза, то ли от взвара роняет одинокую слезу, возникшую отчего-то под левым веком. — Однако! Так о чем это я? Ах, да, о монахе. Он оказался совершенно беспомощен перед известным ему лишь понаслышке ликом жизни. Он ничего не умел, что, в сущности, не странно, учитывая, что большую часть жизни он провел в монастыре, ничего не знал, и, естественным образом растерялся. Однако женщина была опытной шлюхой и, быстро сообразив, что к чему, взяла

дело в свои руки. Она — извините за подробность — оседлала монаха, и все закончилось к обоюдному удовольствию, то есть, небыстро и с приятностью.

Елизавета смотрит на своих раздумывавшихся слушателей и понимает, что, возможно, перегнула палку. Однако дело почти сделано, а бросать дела незавершенными не в привычке графини Скулнскорх.

— Ночь прошла, — говорит она, изображая губами "циническую" улыбку, — и случайные любовники разъехались, кто куда. Вернее, это дама уехала на барке вниз по реке, а монах ушел пешком, держа путь в ближайший город...

— Так в чем же твоя аллегория, Цисси? — хмурится Дамаль. — Ведь ты хотела ответить на мой бестактный вопрос аллегорической историей, ведь так?

— Так, — улыбается Елизавета, — но моя история еще не закончена, а в конце будет тебе и аллегория, и притча, и мой ответ на твой "вопрос по существу". Итак, прошло несколько дней, и монах пришел в тот город, куда и держал путь. Там, в этом городе, тоже был небольшой монастырь, в нем наш монах и поселился, решая свои дела с городскими гильдиями, ведь монахи не только молятся, они еще и работают, производя вино и масло, и прочие полезные продукты, и, разумеется, торгуют. И вот как-то ночью, вновь и вновь переживая в грезах свое замечательное приключение на постоялом дворе у речного порта, он вдруг вспомнил слышанное им когда-то достоверное известие, что от "этого дела" родятся дети.

— Что, в самом деле? — смеется княгиня Клодда Галицкая и бросает быстрый взгляд на возвышавшегося над ней, словно крепостная башня графа фон дер Мара.

— В самом деле, — любезно улыбается Елизавета. — Так что, я бы, дорогая, не стала на вашем месте затягивать с венчанием во избежание, так сказать, недоразумений и недопониманий.

— С вашего позволения, конунг, мы обсудим этот вопрос несколько позже, — на губах Дамали играет таинственная улыбка, и Елизавете очень хочется узнать, что за секреты растворены в студеном воздухе полудня, но ее рассказ еще не закончен.

— Что ж, — улыбается она, предвкушая кульминацию, — монах оказался обескуражен и озадачен не на шутку. Он не помнил и не знал, как и почему это происходит, как не ведал и того, кто именно из двоих должен понести. Это пугало беднягу, он страшился позора и проклятия, которые непременно падут на его голову, если беременным окажется он, а не она. Кое-как скоротав остаток ночи в слезах и стенаниях, в молитвах и самобичевании на флагеллантский^[79] манер, монах — едва рассвело — бросился в город к одному знакомому купцу, с которым, как полагал, мог обсудить тревожащую его проблему. Ему казалось даже, что тот упоминал как-то в разговоре о своих детях. Кому тогда и знать, как все это происходит, если не отцу семейства? И вот приходит монах к купцу и, заведя разговор издали, с цен на зерно и вино, видах на урожай, и темных толкований библейских текстов, переходит к главному. А вот, к слову, добрый мастер, говорит монах, внутренне холодея от предчувствия неминуемой беды, слышал я, что дети рождаются не только промыслом божьим, но ревностным старанием мужа и жены. Так ли это, и если так, то кто из двоих должен понести от этого "старания"? Услышав вопрос, купец, а он был человеком набожным, смутился и не знал, что ответить. Вопрос был слишком скользкий, на его взгляд, чтобы обсуждать его с божьим человеком. Разумеется, настрогав с десятков детей, купец знал, что к чему, но не представлял, как объяснить это монаху, не потревожив посвященную молитвам душу грубыми плотскими подробностями. Ну, сказал он, поразмыслив над делом так и эдак,

рожает тот, кто внизу!

— Э... — смущенно прерывает повисшую тишину Дамаль и машинально облизывает сухие, верно, с мороза, губы. — И в чем же здесь аллегория?

— Ну, — усмехается довольная произведенным эффектом Елизавета, — монах, говорят, повесился в ожидании плодов своих необдуманых действий, ведь снизу-то находился, если помните, как раз он. А возвращаясь к Матильде фон Арнебург, должна отметить, роль монаха в нашем случае пришлось исполнять ей, и да, Дамаль, если тебя интересуют грязные подробности, снизу была она... ну, как минимум, часть времени! Так что ей и рожать! — смех срывается с губ и летит к высокому голубому небу, и Елизавета ощущает невероятную легкость во всем теле и чувствует, как входит в сердце радостный покой.

Ближе к вечеру они наконец собрались все вместе: Томас де ла Марк, Лиса Скулнскорх и Клодда Галицкая, Хьюго Церенгенский и Зои Икьхгорн, храбрые и верные датчане Розенкранц и Гильдернстер, вполне прижившиеся, следует заметить, при дворе Елизаветы, раненый в плечо князь Роман Северский и барон Эрик Баар, опирающийся на суковатую трость, Яркой Мурса, напоминавший своим хищным профилем и желтыми глазами степного беркута, и Олаф Йорт с покрытым шрамами широким лицом, Аскольд Кхаркхарен и Скуба Левша, Гунар Вальд и Анри Сан се Же, а так же князь Акпалат, Вера де Йон, Ирина Большая, Ханд Хельм и Лена Монк. Не пир, тем более, не большой прием, лишь малое собрание. Разговор по душам в приватной обстановке и военный совет, если уж на то пошло. Большая отделанная дубовыми панелями гостиная, камин с жарко пылающими березовыми дровами, несколько жаровен с рдеющими углями, вина из подвалов замка, легкие закуски — пирожки и пироги, в основном, — медовые сладости, сухие яблоки и абрикосы, изюм и неторопливый разговор.

— Впечатляет! — не без восхищения в голосе признала Елизавета, выслушав до конца и со всеми приличествующими случаю подробностями историю Дамали и всех-всех-всех, ведь не одни же они с Тильдой ван дер Шенк путешествовали и воевали через треть охваченной смутой Европы. Граф фон дер Марк со своим верным другом герцогом Церенгенским и красавицей-невестой герцога баронессой Зои Икьхгорн тоже "покуролесили" на славу. За их плечами остались кровавые битвы, настороженные маневры готовых наброситься друг на друга армий, — "Волки! Ну, чистые волки!" — и взятые штурмом города, некоторые из которых, следуя духу эпохи, были отданы на поток, то есть преданы огню и разграблению.

"Жестокая эпоха, — думала Елизавета, глядя то на Дамали, так похожего и настолько не похожего на себя прежнего, то на Зои, еще больше похорошевшую за прошедшие месяцы. — Просто варварство какое-то! Нету на них Лиги Наций, на засранцев! Впрочем, а мы-то чем лучше? То же самое безнравственное бряцание железом и бессмысленная жестокость..."

— Что же теперь? — спросила она, выдержав короткую паузу. — И ведь ты, Дамаль, обещал объяснить мне что-то по поводу венчания? Я сгораю от любопытства, мой друг. Будет ли свадьба?! Мне не терпится увидеть вас с Клоддой мужем и женой, и вас тоже, милые, — улыбнулась она Зои и Хьюго. — Так как же это случится, где и когда?

— Полагаю, в Эрфурте, — мягко улыбнулся в ответ Дамаль. — Возможно, Людо предпочтет Эрфуртский собор, но я бы рекомендовал Северекирхе... Три свадьбы в один день, как вам такой оборот?

— Князь Каген далеко... — Елизавета почувствовала, как наворачиваются на глаза слезы. Ведь не камень же она, не каменная, не железная, всего лишь человек из плоти и

крови, девушка, девочка, а вокруг война, и Людо так далеко, что и понять нельзя, где.

— Не так уж и далеко, — возразил с улыбкой Дамаль и подошел к большому квадратному столу с разложенной на нем картой. — Мы в Саксонии, то есть, здесь, — ткнул он пальцем в Мейсен. — Людо же две недели назад был в Майнце, то есть, здесь, — провел Дамаль пальцем на юго-запад, — и обещал, в письме, полученном мною восемь дней назад, двигаться на Франкфурт. Мы же двинемся через Эрфурт на Вюрцбург и соединимся с ним не позже середины января, тем более, что сейчас между нами не осталось ни одного серьезного противника... Всех вырезали!

"Всех вырезали, — повторила про себя Елизавета, перестававшая иногда чувствовать грань между добром и злом. — Не куртуазно, но зато верно отражает реальность. Без эвфемизмов и розовых соплей, вот только... Разве этого хотела я, отправляясь на поиски счастья?"

Прямо сказать, ее квест воспринимался иногда — во всяком случае, ею самой — скорее, как игра чем, как подвиг. Но начался-то он, если не лукавить, с крови, причем с большой крови. Кровью и завершился. И это следовало иметь в виду, отмечая победы и празднуя триумфы, обнимая любимого и идя с ним под венец.

"История в багровых тонах... "

Однако историю пишут победители. Мысль почти банальная, но, по сути своей, правдивая. Так все и происходит на самом деле, и, когда все закончится, ее историю запишут цветной тушью на девственно-белом пергаменте, расцветив виньетками и узорами на полях страниц, украсив рисунками и переплетя в шагреновую кожу, инкрустированную серебром и перламутром и украшенную накладками из золота и драгоценных камней. Запишут, куда они денутся, если ей все-таки дано победить. А кровь... Что ж, кровь и смерть вечные спутники успеха, особенно в эти, богом проклятые, темные века.

"Триумфаторы, мать нашу! Бетховен! Бронза и мрамор... Тьфу ты! Напиться, что ли? Или не стоит? Ведь, если дашь слабинку, враз сломают, не правда ли?"

— Хорошо! — сказала она, вставая из кресла. — Мы пойдем на Вюрцбург, и да, мы будем венчаться в Эрфурте в Северекирхе... Если...

Она хотела сказать, "если Бог поможет", но вспомнила вдруг о ревнивых богах севера и закончила свою мысль несколько иначе.

— Если соблаговолит улыбнуться Хозяйка Судьба!

Что ж, Дамаль оказался прав: врагов вдруг не осталось, вернее, повывелись, не пережив поры военных невзгод, те, кого следовало опасаться всерьез. Остальные же — а их все еще оставалось достаточно много — не только не представляли опасности, но и не вызывали к себе малейшего интереса. Все пути, таким образом, оказались открыты. И даже по бездорожью и в распутицу, армия двигалась вперед бодрими маршами, захватывая изредка, по самым разным причинам, города и замки, погромыхивая оружием в мелких арьергардных и фланговых стычках, в меру зверствуя и мародерствуя, но чаще демонстрируя дисциплину и порядок и проявляя соразмерную эпохе и обстоятельствам гуманность и великодушие.

Однако, если военные действия, в сущности, прекратились, все остальное присутствовало в ассортименте. Армия шла через разоренные земли. Ее поливали холодные дожди, преследовали снежные бури и ледяные паводки. Волчьи стаи выходили на дороги, и чумные поветрия пытались накрыть бредущие на юг колонны. Но и это еще не все. За полтора месяца пути Елизавета пережила три засады и чертову дюжину покушений. Два раза ее пытались отравить, один раз — зарубить топором, а желающих потыкать в ее прекрасное, но замерзшее и усталое тело ножиком, оказалось аж целых семь. Испанская дага, баварский кошкодер, швейцарский басселард, новгородский засопожник, шотландский дирк, австрийский мизерикорд и венецианская чинкуэда — в общем, хоть коллекцию собирай, но Елизавете было не до смеха. Кто-то поджог дом, в котором она ночевала, а буквально через два дня рухнул под копытами лошадей конвойной сотни мост через ущелье. Деревянные сваи оказались подпилены, а лететь вниз, на острые камни пришлось бы никак не меньше шестнадцати франкфуртских локтей. Собственно, это и случилось с тремя ее дружинниками, и выжил лишь один из упавших. Так что мирной прогулкой этот марш через Германские земли не был. Всюду мерещилась кровь, отовсюду грозила опасность, везде могла ожидать Елизавету западня: дерево, упавшее на лесную дорогу, арбалетный болт, пущенный с крыши дома в маленьком провинциальном городке, или банда головорезов, попытавшаяся перехватить ее конвой в вечерней мгле. И вот что удивительно. Казалось, все эти люди и сами не ведают, что творят. Не знают, зачем или ради чего идут на смерть. Они — если удавалось взять их живыми — умирали долго и трудно, но ничего путного рассказать не могли даже под пыткой. Однако в тот момент, когда "заговорщики" подпиливали сваи моста, отравляли колодцы или метали стрелы, делали они это со всей серьезностью и с очевидным желанием уложить Елизавету — "молодую и красивую" графиню Скулнскорх — в могилу и закопать поглубже. Но не судьба! Елизавета оказалась на диво живучей. Ей сопутствовала удача. Англ-хранитель летел за ее плечом, или это древние боги Севера охраняли избранную ими деву-воительницу — в любом случае, Елизавета пережила все засады и покушения и в начале эйнара, который германцы вслед за латинянами звали январем, армия вышла к Кобленцу.

Неделя бескормицы, три дня непогоды с ледяным дождем, переходящим в снегопад. Короткие темные дни, холодные ночи, хмурые лица уставших солдат. И вдруг все в одночасье переменилось. В доннерстаг^[80] вечером, вернее, в ранних зимних сумерках, Елизавете, ехавшей на этот раз вместе с Зои, доложили, что разведчики без боя захватил крепость Эренбraitштайн. И это была отрадная весть. Елизавете, страсть как, надоело спать в крестьянских домах, а в крепости, всяко-разно, должно быть полно подходящих ее статусу покоев. Ну и, кроме того, гонец сообщил, что в замке найдены значительные запасы продовольствия. Таким образом, одним махом решались две немаловажные проблемы: снабжение оголодавшей армии и теплый, в меру безопасный ночлег для ее вождей. Так все и вышло. Добрались до крепости уже в темноте под усиливающимся дождем. Переоделись в сухое, обсудили за простой, но зато горячей едой ближайшие планы, выпили по паре кубков глинтвейна и со всей возможной поспешностью отправились спать. Во всяком случае, Елизавета только что с ног не падала, а глаза слипались так, что приходилось щуриться, чтобы видеть хоть что-нибудь. Но зато и ночь прошла незаметно, как и не было. Забралась под одеяла и тут же заснула, не успев даже толком пригреться. А утром выяснилось не только то, что "зима тревоги нашей миновала", но и то, что темная полоса кончилась не только в переносном, но и в прямом смысле слова.

Распогодилось. Дождь перестал, и из-за туч выглянуло не по-зимнему теплое солнце, и с замковой башни Елизавета увидела за рекой Кобленц, похожий отсюда на кукольный домик, знаменитый Немецкий угол — треугольный мыс в месте слияния Мозеля и Рейна. Вид на город и сверкающую серебром воду был просто потрясающий, и, стоя в радостном солнечном сиянии, легко было поверить, что "все у нас теперь будет хорошо".

"Все у нас теперь будет хорошо!" — повторила про себя Елизавета и довольно улыбнулась, оборачиваясь к Зои.

— Все у нас теперь будет хорошо! — счастливо засмеялась она, а еще через час знакомый уже Елизавете капитан дер Шау привез ей короткое послание от Людвига Кагена. В скурых словах — только самая суть — князь объяснялся Елизавете в любви, воздавал должное ее подвигам, слухи о которых уже всюду гуляли по падкой на сенсации Европе, и просил дожидаться его в замке Эльц, находившемся как раз неподалеку от Кобленца.

"Это где-то в предгорьях Айфеля, кажется, в долине Эльцбаха... — припомнила Елизавета. — А Эльцбах, соответственно, приток Мозеля, ведь так?"

— Мы выступаем немедленно! — скомандовала она, но "выступить" удалось лишь назавтра, и дорога заняла еще двое суток, хотя, видит Бог, Елизавета проделала едва ли не весь путь на рысях.

Бург Эльц, а именно так, как выяснилось, назывался замок, Елизавете понравился. Он был хорош собой, — можно сказать, элегантен — с восемью великолепными башнями, вздымавшимися на шестьдесят — восемьдесят локтей каждая. Безупречный с фортификационной точки зрения, замок стоял на скалистом холме в окружении сбросивших листву лесов. Просторный и удобно устроенный, он предлагал своим обитателям тепло, уют и сравнительную безопасность, о которых так давно мечтала Елизавета. Въехав в ворота Эльца, она едва не разрыдалась, от переполнивших ее вдруг чувств, но положение обязывало, и она всего лишь вымученно улыбнулась. Однако улыбка — что не странно — вышла у Елизаветы такая, от которой скисает не только молоко.

— Аккуратнее, мой конунг! — хихикнула Ирина Большая, наклоняясь к графине из седла. — Еще одна такая улыбка, и нам может не достаться даже пива!

— Пиво зимой? — искренно ужаснулась Елизавета, забыв на мгновение, что, вообще-то, она родом с севера, если что.

— Можно подумать! — вскинула светлые брови Ирина. — А сливки, вымороженные, кто на снегу в Рождество ел?!

И то, правда, сливки с медом замораживали в Скулнскорхе и ели как лакомство, с незапамятных времен. Ела мороженое и Лиса, вылизывая сладкие ледышки на трескучем морозе, как нечего делать.

"Известное дело молодость!" — вздохнула она про себя.

— О пиве забудь! — отрезала она вслух. — Сегодня пьем вино допьяна! Девичник устроим и напьемся до изумления, а то придет суженный да ряженный, а мы еще и девичество мое к чертям собачьим не спровадили!

— То есть, у тебя, моя светлость, на приезд князя серьезные планы имеются? — поинтересовалась Ирина, судя по всему, едва державшая лицо, готовое пойти судорогами от смеха.

— Ну не вечно мне в девушках ходить! — обиделась Елизавета такой нечуткости в понимании ее особых обстоятельств.

— Кто бы возражал! — улыбнулась Ирина, словно извиняясь перед госпожой и

подругой. — Помощь нужна?

— Какая помощь? — нахмурилась Елизавета, начавшая уже грезить наяву на тему своих не вполне скромных намерений.

— Советы бывалых людей, то да се...

— А вот напьемся, тогда и расскажешь! — засмеялась Елизавета, сообразившая уже, что к чему. — И Клодду на откровенность раскрутим! Она у нас теперь тоже бывалая!

— Тогда уж и баронессу! — хмыкнула Ирина, довольная, по-видимому, достигнутым результатом.

— А что она тоже? — Елизавета не уставала удивляться реалиям жизни, но такова уж она наивная, словно вчера родилась.

"Ну, почему я все узнаю последней?!"

— А ты что думала, она венчания дожидается? — повела бровью Ирина.

— Ну не знаю... — пожалала плечами Елизавета, ведь и она сама не собиралась оттягивать дальше то, что, по ее мнению, должно было уже давно случиться. Лет эдак пятьсот с гаком тому вперед.

"Пусть только приедет!" — мечтательно подумала она и легко, словно играючи, соскочила с коня. И только, приземлившись с подобающим грохотом на булыжник внутреннего двора, сообразила, отчего вдруг вытянулись лица у встречавших ее барона и баронессы Эльц. Одно дело — верить или не верить в гуляющие по Германии слухи, и совсем другое — наяву увидеть, как выпрыгивает Елизавета из седла, неся на себе при этом пуд железа, не считая мехов, кожи и шерсти...

Увы, но бани — даже самой плохонькой — в замке не оказалось. Пришлось мыться в огромной купельной бадье, собранной из пахучих дубовых клепок. Вода, разумеется, могла быть погорячее, да и в "банной" палате вполне ощущалось дыхание зимы, но за неимением гербовой, как водится, пишут на простой. Согреться Елизавета не согрелась, зато смыла многодневный пот, и впервые с Рождества почувствовала себя чистой. Казалось бы, малость, но из таких мелочей и состоит жизнь, а привычка к гигиене не есть недостаток. Скорее, достоинство.

"Так и есть!" — Елизавета вылезла из купели прямо в распахнутое перед ней льняное полотнище и позволила служанке обтереть себя с головы до ног, обратив особое внимание на жесткие вьющиеся волосы, с которыми не так-то просто совладать, тем более, расчесать их, как следует. Зато уложенные, как подобает, они выглядели настоящей золотой короной, в которой не стыдно "и на люди выйти".

"А если вообще без всего? — подумала рассеянно, мимолетно вспомнив свое отражение в венецианском зеркале баронессы Икьхгорн. — Но где ж его возьмешь, такое зеркало? И кому такое можно показать?"

Получалось, что оценили бы многие, вот только Елизавете и в голову не придет обнажаться "перед кем попало". Другое дело женская баня, но где она та мыльня в замке Икьхгорн, и где та Лиса-Бетан, какой она была тогда, целую вечность назад?

"Да, укатали сивку крутые горки^[81]..." — вздохнула Елизавета, но, положив руку на сердце, чего было больше в ее вздохе: констатации простого факта, ведь она действительно превратилась из мечтательной и непосредственной девочки-подростка в циничную и хладнокровную деву-воительницу, или обычного женского кокетства? Елизавета знала, что хороша собой, и это еще мягко сказано. Вон граф Лобковиц ее иначе, как Дианой-охотницей

не величает, а, описывая внешность Елизаветы на высокой латыни, не жалеет суперлативов и прочих гипербол.

"Ну, да, я красавица!" — Елизавета оделась. Впрочем, это только так говорится — оделась. Одевали ее две служанки, но и то — правда, что надевать на себя приходилось много чего, и все это "много" с застежками да крючками, запонками да заколками, так что действительно впору звать на помощь.

"Я красавица! — повторила она с правильной интонацией, подразумевавшей такое, о чем вслух и не скажешь. — Я красавица! — и даже зарделась. Во всяком случае, кровь ударила в виски, и стало жарко. — Я писаная красавица!"

Безусловно, как и любой женщине, Елизавете хотелось нравиться всем и каждому, но, на самом деле, существовал в мире лишь один человек, мнение которого ей было по-настоящему важно. Однако, если князь Людо Каген не слишком отличается от того Людо, которого знала Елизавета в будущем прошедшем, любил он ее не за это. Во всяком случае, не только и не столько за красоту, хотя и отдавал должное внешности своей супруги, как и подобает истинному рыцарю и настоящему мужчине...

— Что пьем? — Как и следовало ожидать, Елизавета "к началу" опоздала, но, как известно, короли не опаздывают, они задерживаются. Не стала расстраиваться по этому поводу и Елизавета, без церемоний заняв оставленное ей по-умолчанию место во главе стола.

— Что пьем? — оглядела она сотрапезников.

— Все, что душа пожелает! — поклонился в ответ фрейхер Эльц. — В Бурге Эльц, ваша светлость, великолепные винные погреба. Разрешите подавать первую перемену?

Этот немолодой рыцарь глаз с Елизаветы не сводил, а ведь за столом находились жена и две дочери барона и чертова куча всякой "природной знати". А среди этих последних, попадались более чем громкие имена. Та же княгиня Галичмерская или граф фон дер Марк, являвшийся по совместительству герцогом Клевским и Юлих-Бергским. Присутствовали на пиру и такие общепризнанные красавицы, как баронесса Икьхгорн или племянница Торара Эльца эдле Леонтина фон Вайза.

"Красивая женщина, — отметила мимоходом Елизавета. — И, что характерно, блондинка, а джентльмены, помнится, предпочитают... Кто сказал?"

— Разумеется, борон, распорядитесь и давайте без церемоний! Это я у вас в гостях, а не вы у меня.

И тут же резко сменила тему.

— Что это за вино? — спросила она, указывая на хрустальный, в золотой оплетке графин в руках бесплотной тенью приблизившегося слуги.

— Рейнгау, ваша светлость, — барон Эльц — хозяин дома, ему и ответ держать. — Попробуйте, — предложил он, не отводя взгляда от Елизаветы, — оно великолепно! Поздний сбор восемьдесят седьмого года был изумительно хорош, но и мои виноделы знают толк в этом деле. Прошу вас, дамы и кавалеры! Я хочу, — встал он из-за стола, — на правах хозяина этого замка и верного вассала нашего будущего императора произнести заздравный тост в честь конунга Елизаветы Скулнскорх!

Минута, заполненная звуками льющегося вина, и шум стих, все смотрели на барона. Торар Эльц был высок и крепок сложением, но седина уже густо запятнала его бороду и длинные волосы.

— Слухами земля полнится! — низкий сильный голос звучал спокойно и

торжественно. — Нам сказали, князь Каген решил жениться, посватался и получил согласие. Но кто она та, кому предстоит носить золотую корону империи? Графиня Скулнскорх, сказали нам. Она правит на севере, где ледяные волны бьются о гранитные скалы суровой земли. Вот, что мы узнали о ней. Передавали, что Елизавета Скулнскорх юна годами и писаная красавица. Но что значат слова, когда речь заходит о красоте, и что есть красота, если мы заговорили о божественном? "Сосуд она, в котором пустота, или огонь, мерцающий в сосуде?"^[82] Рассказывали, что графиня высока ростом и сложена, как богиня, и что она носит корону золотых волос. Говорили, ее глаза подобны золотым аметистам, а кожа бела, как снега Великого Севера. Но красота, как мы знаем, зачастую сопутствует слабости, а не силе. Однако риттер дер Шау, возглавлявший посольство князя Кагена в Скулнскорх, рассказывал нам вот в этой пиршественной зале, что графиня не только прекрасна, но и опасна. Опасна для врагов, я имею в виду, потому что она настоящая дева-воительница. Одна из тех женщин, кто подобно жене короля Гуннара Брюнхильде, бьется на равных с мужчинами. Да, полноте, отвечали мы, разве возможно такое в нынешние времена? Но вскоре, на крыльях весны прилетели странные вести с севера. Чей-то флот прошел мимо Дании... Состоялось сражение... Принц Датский Гамлет выбит из седла предводителем северян... И вновь прозвучало имя Скулнскорх. Скулнскорх, передавали из уст в уста. Скулнскорх, звучало в песнях менестрелей. Скулнскорх... Доносили, что армию северян ведет женщина невиданной красоты, и что она ходит в бой наравне с мужчинами. У нее волосы, как у богини Сиф^[83], пели миннезингеры, она отважна и смертоносна, словно земное воплощение валькирий. Она Kongr, она вождь, и ее моргенштерн не знает пощады. Мы слышали уже с дюжину песен о королеве Скулнскорх, как все чаще стали называть ее вслед за ее собственными рыцарями, наши певцы. Мы не знали, чему верить, ваша светлость, или правильнее сказать, ваше величество? Но вот вы здесь, сидите во главе стола в моем пиршественном зале, и вы действительно прекрасны. Ваша статья, Kongr, воистину божественна, ваше лицо безупречно, но главное, мы все видим огонь вашей души, конунг, и он не мерцает, он пылает во всю силу! Ваше здоровье, моя госпожа! — он поднял свой кубок, и с неожиданным энтузиазмом все гости повскакали с мест, выкликая здравницы в честь Елизаветы.

— Елизавета! Елизавета! — кричали они.

— Бетан! — ревели во всю мочь луженые глотки скулнскорхцев.

— Скулнскорх! Скулнскорх! — вопили друзья и союзники.

— Конунг! — орал Дамаль.

— Лиса! — кричала Зои.

— Королева! — улыбалась ей Тильда.

И, разумеется, все глаза были устремлены на Елизавету, и она просто купалась в волнах восхищения, обожания и любви. Но то, что взгляды Торара Эльца и его племянницы Леонтины фон Вайза отличаются от всех прочих, Елизавета заметила и отложила в памяти "на потом".

"Я подумаю об этом при первой же okazji".

В этих взглядах не было вражды или ненависти, но не было и теплоты, а вот что они означали, еще предстояло понять. Елизавета попробовала было "сочинить историю", но куда там! В таком шуме, при таком напряжении чувств...

"Я не забуду", — пообещала себе Елизавета и, отодвинув мысль в сторону, вполне отдалась удовольствию "купаться в лучах славы".

Ей было хорошо. Ее переполняло чувство восторга. Она, словно бы, опьянела или грезила наяву, и вдруг все ушло...

Пир был в разгаре. Подавали уже пятую перемену, и вино — это их чудесное Рейнгау — лилось рекой. Гости захмелели. Их голоса сделались громче, и нотки безумия зазвучали в смехе и песнях, откровенных, как бордель, и жестоких, как ночная схватка. Трещали факелы, металось на сквозняках пламя множества свечей. Собаки возились под столами, дрались за кости, скулили и ворчали, не осмеливаясь, тем не менее, "подать голос" по-настоящему. Сновали слуги, спешившие с кувшинами вина и блюдами новой перемены. Метались по стенам тени, огромные и невнятные, как ночные ужасы. Но все это было неважно, потому что впервые за много месяцев Елизавета смогла увидеть "на полшага вперед". История будущего сложилась сама собой под здравницы, выкликаемые сильными мужскими голосами, и под истерический женский смех, под звуки арфы и виолы, под речитатив и балладу, под шум и гомон, среди блеска и мишуры.

— Я вас оставлю, дамы и господа! — рассеянно улыбнулась Елизавета, поднимаясь из своего массивного кресла. — Продолжайте веселье, и молю вас господом Богом, не обращайтесь на меня внимания.

— Оставайся, Ирина, — взмахнула она длинным рукавом, направляясь к выходу из зала. — Веселись!

Елизавета вышла в крытую галерею, соединяющую палас со Старым дворцом, и кивнула верному Квигу.

— Кликни Магнуса и Мане, и седлайте коней, я спущусь во внешний двор так быстро, как смогу.

— По вашему слову, Kongr, — поклонился телохранитель и побежал исполнять приказ.

Служанки ее возвращения не ожидали, прикорнув у огонька, вблизи пышущего жаром каминного зева. Дров для графини Скулнскорх никто в замке не пожалел. Опочивальню протапливали к ночи так, чтобы дева-воительница, не дай Бог, не продрогла. Но оно и к лучшему.

"Будет тепло..." — улыбнулась мысленно Елизавета и с силой выдохнула сквозь плотно сжатые зубы ставший вдруг нестерпимо жарким воздух.

"Будет жарко!"

— Шевелите задницами, красавицы! — гаркнула она, и девушки прыснули с расстеленной на каменных плитах хазарской кошмы — подарка Яркая Мурсы. — Несите сталь и меха, я уезжаю, а на дворе ночь и зима!

И завертелось. Елизавета помогала служанкам, как могла, однако одеться самостоятельно во все эти слои железа, кожи и шерсти, шелка и мехов она не смогла бы ни при каких обстоятельствах.

"А может быть, ну его! — взмолилась она через пару минут, вертясь между рук своих служанок, беспомощная, словно спеленатое накрепко дитя. — Ах, пропади все пропадом!"

Но сквернословие не выход, и разум, в конце концов, возобладал над дурью сердца. Елизавета никуда не сбежала. Не выбежала в ночь, в чем была. Не ускакала прочь одна в холодной ночи. Она все еще удерживала в крепкой руке воли норовистого жеребца своего нетерпения. Сжимала зубы. Напрягала скрытые под шелковистой кожей и "соблазнительными формами" стальные канаты мышц. Считала удары сердца и глотала слезы, но оставалась на месте, позволяя девушкам "облачать" себя и "наряжать", натягивать,

стягивать, подтягивать и шнуровать.

— Ваше величество! — Елизавета очнулась от грез, не сразу сообразив даже, где она, зачем, и о чем грезит. Но это длилось лишь мгновение. Удар сердца — не более, и она вполне осознала себя во времени, пространстве, и своих непростых обстоятельствах. Вернулась и память, если так можно выразиться, выплеснув Елизавете в лицо все то, чем оказался занят "на досуге" ее бедный разум.

"Ох, ты! — притворно ужаснулась Елизавета. — Кажется, я, и впрямь, в девках переходила! Пора и честь знать..."

— Великолепно! — кивнула она служанкам, поводя плечами под броней и мехами. — Теперь точно не замерзну!

"И зарезать меня умучаешься во всем этом железе!"

— Меч! — Елизавета подумала было о моргенштерне, но блажь эту тут же и отбросила, как ересь катарскую и глупость несусветную. Никаких "шариков с пупочками" на ночь глядя, но вот кончар — совсем другое дело.

Она пристегнула меч к поясу и, подойдя к стене, сняла с крюка длинный трехгранный клинок с короткой, как у ее собственного меча, рукоятью и простой стальной гардой. Похож на эсток, но полегче будет и сделан под одну руку, а не под две, хотя в кольчужных перчатках, можно перехватить клинок и второй рукой. Где-нибудь в футе от гарды или чуть дальше, но не слишком. И тогда, коли — не хочу. Не хуже пики или копья выйдет, но не такое тяжелое, как те, да и длинны — всего три локтя. Куда сподручней для "слабой женщины"!

— Сидите здесь тихо, и ни гу-гу! Я ясно выразилась? — могла и не спрашивать, Лисе Скулнскорх давно уже никто в здравом разуме и твердой памяти не брался перечить, тем более, слуги.

"Что же делать, если я такая и есть?!" — грустно усмехнулась Елизавета и вышла из покоев. Впрочем, отпускать ее одну — гулять самой по себе, как та кошка — никто не предполагал. За дверью, словно великаны-ётуны, подпирали стену широченными плечами Доттир и Гери — два брата близнеца из ее ближней сотни.

— Ну, что, парни, всю стаю по тревоге подняли, или просто погуляем?

— Нас, Kongr, в замке всего дюжина, остальные в поле, — не меняя каменного выражения лица, ответил Доттир. — Но наша дюжина иной сотне нечета.

— Хвастун! — бросила Елизавета через плечо. — Иди уже, не задерживай!

Гремя железом, они спустились по винтовой лестнице, прихватили ожидавших внизу Карла, Рамне и Нёкве и зашагали к конюшням, где остальные телохранители Елизаветы заодно с конюхами споро да ладно готовили лошадей. Снаружи оказалось даже холоднее, чем думала Елизавета: изо рта выплывали медленные облачка пара, и щеки пощипывало морозными иголками. Она и не подозревала, что в южной Германии может быть так холодно.

"Почти как дома..." — но она была не дома, и ночь разворачивала над ней свои черные крыла, и полная луна, не мигая, смотрела на Елизавету, словно бы, пытаясь напугать или предупредить.

— Ваша светлость! — из глубокой тени, собравшейся у подножия башни, навстречу Елизавете шагнули двое, мужчина и женщина.

— Не тревожьтесь, барон! — почти беззаботно улыбнулась Елизавета, вскидывая на плечо тяжелый кончар. — Мне просто не спится. Перегуляла, наверное. Бывает! Мы

проедемся немного по окрестностям и вернемся.

— Легкая прогулка перед сном, — невозмутимо кивнул Торар Эльц, — Ночью, в полнолуние!

В его словах не было угрозы, но интонация не лжет — он был встревожен, хотя и не проявлял страха.

— О чем мы говорим? — поинтересовалась Елизавета.

— Об оборотнях, ваша светлость, — ответила племянница барона. — Полная луна... А вы ведь однажды уже встречались с вервольфом, я права?

— Откуда вы знаете? — в голосе Елизаветы зазвучал металл.

— От вас пахнет смертью, моя госпожа, — мягко объяснил Торар Эльц. — Оборотень всегда узнает человека, убившего другого оборотня.

— Он на меня первым напал! — Елизавета сказала это раньше, чем прикусила язык.

— Какой он был? — поинтересовалась Леонтина фон Вайза с такой интонацией, словно спрашивала о сущих пустяках, о шелковых лентах, например, или эмалевой броши.

— Огромный, черный, — вынуждена была ответить Елизавета и, не дожидаясь, пока ее об этом спросят, уточнила. — Я зарезала его кинжалом.

— Оправленным в серебро, я полагаю...

— Да, барон, — согласилась Елизавета, — кинжалом, оправленным в серебро. Вот таким, — она отбросила полу плаща и коснулась пальцами в кольчужной перчатке рукояти оружия. — Удар пришелся точно в сердце.

— У вас крепкая рука, конунг.

— Не жалуюсь.

— Леонтина поедет с вами, если позволите, — закончил поклоном разговор Торар Эльц.

— С какой стати? — нахмурилась Елизавета.

— На дорогах беспокойно, ваша светлость, — сухо объяснил барон, отступая в тень. — Полнолуние, моя госпожа. Волки вышли на охоту, если вы понимаете, о чем я веду речь. Между тем, я несу за вас ответственность перед князем Кагеном, вашим женихом и моим сюзереном. Надеюсь, мои доводы не покажутся легковесными, при том что я хозяин этого замка, а вы моя гостья...

— Уговорили! — подумав мгновение, согласилась Елизавета. — Эдле фон Вайза, — обернулась она к племяннице барона, — я приглашаю вас составить мне компанию, "если таково будет ваше желание".

— Благодарю вас, ваша светлость! — поклонилась женщина и, выпрямившись, накинула на волосы капюшон и плотнее запахнула меховой плащ.

— Не замерзните? — Елизавета вдела ногу в стремя и, как можно более непринужденно поднялась в седло.

— Не думаю, ваша светлость!

Елизавета уже обратила внимание, что и барон, и его племянница, обращаясь к ней, используют титулование, подходящее герцогине или княгине. Возможно, графине, если та, разумеется, обладает полнотой власти, присущей монархам. Герцогине, княгине, с натяжкой графине, но никак не королеве, и, скорее всего, они правы. В виду скорого прибытия князя Кагена, претендующего на императорскую корону, но все еще не коронованного, не стоило создавать прецеденты и плодить двусмысленности. И так проблем с лихвой хватало.

"Не королева, что ж с того?! Я с удовольствием побуду пока и графиней! Мне стыдиться

нечего! Мой род старше иных королевских!"

— Что ж, господа, если все готовы, вперед! — Елизавета повернула коня и, не дожидаясь Леонтины (той как раз подводили серую в яблоках лошадь под дамским седлом), направилась к воротам.

Арнгейр^[84] — огромный аспидно-черный жеребец, на котором Елизавета водила в бой кавалерию, — сначала шел свободным шагом, но за воротами, на подъемном мосту, почувствовав, как видно, простор, прибавил хода и вскоре перешел на собранную рысь. Холодный ветер ударил Елизавете в лицо, и она вдохнула открывающуюся ее взгляду ночь полной грудью. Черный, разбавленный лунной желтизной воздух пах жизнью и смертью, риском и любовью, жестокостью и надеждой. Он пьянил не хуже вина, обещал счастье, заставлял кипеть кровь. Ночной пейзаж был полон невероятного очарования, исполнен романтики и недосказанности, а перед внутренним взором Елизаветы уже разворачивалась очередная "история будущего". И от некоторых особенно живописных деталей, всплывавших в ее разгоряченном видениями сознании, конунга бросало в жар, а от других — в дрожь.

"Вот же, притча!" — и в самом деле, то разом пусто, то разом густо! То нет ничего, то вдруг алтын, как говорят в Новограде! Ведь звала же, искала, все ночи напролет проводила в поиске, но взгляд упирался в "никуда". Не было там ничего, в треклятом "мире тонких сущностей", лишь голос — его голос — возникал иногда на самом краю сознания, но слов было не разобрать, и не уловить направления. А теперь, словно подняли занавес, или пелена упала с глаз, но, что бы там ни было, Елизавете открылся вдруг замечательный вид на "все-все-все"! И не просто Все предстало теперь перед ее взыскующим взором, а Все, чего ждешь, на что надеешься и о чем мечтаешь, да с такими реалистическими подробностями, что перед самой собой стало стыдно.

"Стыдно? — переспросила она себя едва ли не с изумлением. — Стыдно? Кому это здесь, спрашивается, стыдно? — не на шутку рассвирепела она. — Мне что ли? И с чего бы это вдруг? И перед кем?!"

Но вскоре любые мысли, кроме самых простых, покинули Елизавету, и она вполне отдалась причудливой прелести ночной "прогулки". Гремели по каменистой дороге копыта лошадей, трещал факел в руке скачущего чуть впереди телохранителя, и ветер рвал яркое полотнище пламени и отбрасывал назад желто-оранжевые обрывки, унося их в ночную тьму и растворяя там без остатка.

"Ох!" — сплоченная группа всадников создавала так много шума, что легко забывалось, как "выглядит" тишина ночного леса, через который пролегал их путь. Но не услышать волчий вой, в особенности такой близкий, невозможно. Волчьи голоса возникли неожиданно по обеим сторонам дороги, и Елизавета почувствовала, как напрягся под ней бесстрашный и верный Арнгейр. Лошади — даже такие отъявленные убийцы, каким являлся конь Елизаветы, — боятся волков, но редко сдаются без боя. Однако в этот раз драться не пришлось. Волки не атаквали. Напротив, вскоре Елизавета различила впереди на дороге стелющиеся стремительные тени, и поняла, что волчья стая включилась в игру, составив авангард ее маленького отряда. Но и позади кавалькады, как тут же почувствовала Елизавета, теперь тоже бежали волки, или, быть может, это оборотни взяли под охрану графиню Скулнскорх и ее спутников.

"Что ж, эдле Леонтина, твоя правда! Такой эскорт мне отнюдь не помешает".

А дорога, между тем, плавно свернула на запад и пошла вверх, взбираясь на вершину пологого холма, заросшего едва ли не до середины изрезанных глубокими оврагами склонов

густым черным лесом. Мелькнули пятна снега, укрывшиеся в тени древних дубов и буков, выбросила к дороге свои мощные корни корабельная сосна, словно бы выставленная в дозор хвойными лесами, лежащими чуть дальше к северу. Возник и исчез подсвеченный лунным сиянием ветхий домик лесника. Прожурчал где-то слева ручей. Вскинулась в небо испуганная топотом копыт сонная ворона...

Арнгейр сделал еще несколько быстрых, но удивительно точных шагов и вынес Елизавету на плоскую вершину холма. Здесь, на каменистой площадке было светло, как обычным для севера пасмурным осенним полуднем. Лунный свет, в котором смешались блестящее волшебное серебро и колдовская лимонная желтизна, заливал все вокруг: вросший в землю дольмен в виде огромного каменного стола, редкий кустарник, пятна мертвой травы среди камней и щебня.

— Стой! — крикнула Елизавета, натягивая поводья и одновременно пытаюсь осмыслить только что мелькнувший в голове образ.

"Здесь?"

Возможно, что и так. Преодолев вершину холма, дорога начинала плавный спуск в неширокую долину, и оттуда, с опушки леса, обращенной к серебряной ленте реки, по направлению к отряду Елизаветы скакали несколько верховых, далеко оторвавшихся от эскорта — плотной группы всадников, едва появившихся из-за скрытого мощной скалой поворота дороги. Впрочем, возможно, взгляду Елизаветы предстала совсем иная картина. Ведь с тем же успехом это могло оказаться погоней, но сердце подсказывало обратное.

"Место и время! Их не спутать! Луна и каменный стол... Я жду!" — сердце ликовало, готовое бежать навстречу, но символы не обманывают: освещенная и освященная волчьей луной вершина холма с древним дольменом являлась лучшим из всех возможных мест в самое подходящее для этого время.

— Мы подождем здесь! — выдохнула она с паром и чуть развернула коня, чтобы лучше видеть дорогу и всадников. Ее спутники собрались неподалеку, рядом, но не вблизи.

Что характерно, никто из них не спросил Елизавету, чего именно они собираются здесь ждать, в морозной высоте в первый час пополуночи. Но, и спроси они, ей нечего было сказать в ответ. Чудо оттого и зовется чудом, что оно чудесно по своей природе, а волшебство словами не описать, как не выразить в звуках речи и таких невероятно сильных и глубоких чувств, как ненависть и любовь. Однако если вкуса настоящей мести, ненависти и гнева Елизавета все еще толком не знала, хмель любви, бродящий в крови, она успела испытать, и ошибиться в характере охватившего ее нетерпения просто не могла. Она знала, чего ждет, как знала и то, что ее "история будущего" верна, а вещее прозрение — истинно.

Между тем, время ускорило свой бег, и, изнывающая от нетерпения, Елизавета стала — следует заметить, совершенно неожиданно для себя — терять малые и большие отрезки времени, словно бы их вырезали из ткани мироздания или стирали из восприятия и памяти графини. Вот она видит едва различимые фигурки верховых у далекой лесной опушки, а вот всадники уже приблизились к подножию холма и, не останавливаясь, поскакали в гору, рискуя переломать на узкой каменистой тропе ноги своим лошадям, и убиться насмерть самим, если придется вдруг вылететь из седла. Однако ничего столь драматического не случилось, и вскоре их силуэты стали отчетливо различимы, и эхо подхватило уверенный речитатив лошадиных копыт.

— Людо! — вот и все, что она смогла ему сказать. Ждала, мечтала об этом дне, грезила наяву и видела сны. Неистовствовала и блажила, "придумывала" истории будущего... Шла к этой встрече день за днем и шаг за шагом через весь непостижимо огромный и смертельно опасный мир. Но, когда дошла, когда исполнилось заветное, и настал "тот самый миг", Елизавета едва не растерялась от множества нахлынувших на нее чувств. И все, на что оказалась способна, это назвать Людвига по имени, выдохнув звуки речи в ночной холодный воздух вместе с облачком пара.

— Людо! — Какая, прости Господи, лаконичность! Эпическая лапидарность! Едва ли не апокрифический аскетизм...

"Браге^[85] сладкоречивый, и это все?!"

Но, похоже, Людо в большем и не нуждался, он понимал Елизавету даже тогда, когда она и сама себя толком не понимала.

— Лиза! — сказал он тихо, но таким голосом, от которого Елизавету повело как от выпитого залпом рога киевского взвара, и так же, как от медового самогона, бросило в жар, неожиданно превратив зимнюю стужу в летний зной.

— Лиза!

"Боги, как он красноречив! Верно, сама Съёфн^[86] подсказывает ему слова любви!"

Елизавета подалась вперед, навстречу Людвигу, но он был уже рядом. Подвел шагом своего огромного жеребца вплотную к ее коню и, протянув руки, вынул Елизавету из седла, словно она ребенок, девочка в летнем платьице, а не рослая по меркам этого времени дылда, фигуристая, что только добавляет веса, да еще и одетая, что твой барон-разбойник, в меха и кожу, шерсть и сталь.

— Я...

— Ты! — он не дал ей закончить мысль, он вообще не позволил ей больше говорить, закрыв рот поцелуем, но оно того стоило. Его поцелуй был таким, что Елизавета разом оказалась выброшена из времени и пространства, и из сознания, по-видимому, тоже. Во всяком случае, в следующий раз она пришла в себя уже по дороге в крепость Эльц. Елизавета по-прежнему находилась в объятьях Людвига — они ехали на одном коне, — вдоль дороги плыла ночь, а с неба изливала потоки волшебного серебра "волчья" луна. Кавалькада шла быстрой рысью, метались тени, и волчьи голоса сливались в невиданный и невозможный хор. Звери не угрожали, вот в чем дело! Они ликовали.

"Господи, боже мой! Царица небесная! Один^[87] — царь ассов и Тор^[88] заступник! Что же мы такое, если нашему браку радуются даже оборотни?" — мысль эта походила на бред, но состояние Елизаветы нормальным и не было. Она напрочь забыла себя, оказавшись вдруг в мире фей и богов, и все это от одного лишь поцелуя.

"Слезы Фрейи^[89], что же случится, когда он сделает меня женщиной?!"

Особая прелесть средневековья заключена в простом, но очевидном факте: в эти богом проклятые времена человеку было даже глупостей толком не наделать. Не броситься, скажем, сломя голову, к любимому в другой город — все равно, очухаешься по дороге, заскучаешь или потеряешь кураж. Слишком долго и муторно, потому что медленно и

неудобно. И так все. Даже отдалиться по-человечески любимому мужчине оказалось совсем непросто, и уж точно — ни о какой спонтанности речи уже не шло. Кругом война и зима, и на влюбленных надето столько всего, что, если не кликнуть служанок, как раз к утру и закончишь все это с себя снимать. Но и с помощниками — не так, чтобы сразу. Небыстро, одним словом, медленно и неловко. Едва ли не стыдно. Ну, а стыд — если с ним не бороться — способен опошлить, а то и остудить любую, даже самую жаркую, небывалую, через века и страны полыхнувшую страсть.

Не то, чтобы Елизавета все это так себе и объясняла, в этих вот или подобных, разумных и правильно устроенных во фразы словах. Не до того было. И все-таки, главное она ухватила своим острым и быстрым умом, своим едва ли не звериным охотничьим чутьем, своим развитым эстетическим чувством. Всплыла, вырвалась из водоворота любовного безумия, "огляделась по сторонам" и поняла, ухватив самое главное — все свершилось! Состоялось. Но — увы — пока только почти. Стрелки великих часов застыли на полушаге между одиннадцатым и двенадцатым ударами. Пауза затягивалась, и даже тень неловкости могла испортить то, что вдруг оказалось самым главным для нее и, хотелось верить, для него тоже. И вот это главное ей и предстояло сейчас спасти.

— Ерунда! — рассмеялась Елизавета, выслушав "все доводы разума", изложенные Людвигом с присущим ему безукоризненным красноречием.

О, да! Людо, как всегда, был великолепен во всем блеске истинного рыцарства, уверенной в себе мужественности и неподдельной харизмы рожденного властвовать. И, однако, он был всего лишь мужчина. Все, чем располагал князь Людвиг Каген, не стоило и гроша ломанного перед лицом истинной власти, растворенной в крови Елизаветы Скулнскорх. Неожиданным образом, здесь и сейчас, посреди ночи в королевских покоях в бурге Эльц, стоя напротив своего мужа — в будущем прошедшем, — или жениха — в настоящем неопределенном, — она почувствовала в себе женщину, и это оказалось куда больше, чем Елизавета могла представить еще накануне вечером.

— Глупости! — она улыбнулась так, как, кажется, не улыбалась никогда в жизни. Никому. Даже Людо, в темно-синих глазах которого, ее улыбка зажгла кобальтовый огонь.

— Слушай меня и запоминай, муж мой Людо! — сказала она тогда с той невероятной силой убеждения, какую и не чаяла в себе найти. — Ты мой муж, а я твоя жена. Это факт истории, и мне наплевать, что по этому поводу думают твои и мои подданные. Разумеется, мы соблюдаем формальности. Это случится через неделю в Северекирхе во Фрейбурге. Ты согласен?

— По твоему слову, госпожа! — Кажется, Людо уже все понял. Во всяком случае, синий огонь, все сильнее разгоравшийся в его глазах и особая, свойственная одному лишь Людвигу Кагену улыбка сказали Елизавете больше чем тысяча слов.

— Ну, вот и славно! — она ощущала нежность и страсть, но еще и горделивое понимание того, что сила ее сродни магии, изобретенной Одним, или им же принесенной в мир Поэзии. — А в эту ночь, любовь моя, мы обручимся перед ликами древних богов, и наш союз засвидетельствуют Съёфен и Фрея. Правда, у меня нет красного платья, но, когда служанки разденут меня догола, я наверняка покраснею, так что что-нибудь красное на мне все-таки будет^[90].

— Нагота... — задумчиво произнес Людо. — Да, это хорошая идея. Надеюсь, ты позволишь своим служанкам помочь с этим делом и мне?

— Разумеется, да! — счастливо рассмеялась Елизавета, ощущая, как сила ее власти еще

больше подчиняет себе безукоризненного рыцаря Людо. И да, это оказалось чарующим опытом, сладким и пьянящим, сводящим с ума.

— Но прежде... — казалось, ее сердце остановилось на бегу.

"Что?!"

— ... позволь мне сделать тебе свадебный подарок! — Закончил свою длинную фразу Людо.

"Подарок?! Какой, к дьяволу, подарок!? И разве о подарках идет речь?"

— Руку! — потребовал Людо и сам протянул Елизавете свою левую руку.

"У него, что обручальные кольца на такой случай припасены?!" — дыхание вернулось к Елизавете, но она была, мало сказать, удивлена, она была заинтригована.

— Моя рука, сударь!

— Мой подарок! — и он надел на безымянный палец ее левой руки тонкое золотое колечко с большим красным камнем.

— Он великолепен! — восхищенно воскликнула Елизавета, поднося кольцо к глазам. — Это не рубин, не так ли?

— Да, это красный алмаз, — кивнул Людо, — но не мудрено и спутать. Очень насыщенный красный цвет.

— Я таких никогда не видела...

"А уж я-то видела кое-какие камушки..."

— Честно говоря, я тоже, — смущенно улыбнулся Людвиг. — Купил вот у одного ганзейского купца... Как в воду глядел! — улыбнулся он еще шире. — Увидел, представил, как все будет, и купил. Но так все и вышло, как видишь. Только попам не вздумай рассказывать, — засмеялся он, — еще обвинят в ереси, как нашего общего друга!

И вдруг оказалось, что его сила ничуть не меньше, потому что Великая Женственность ничто в отсутствии Великой Мужественности. Мужчины бессильны перед женщинами, а женщины — перед мужчинами, но ни те, ни эти не могут быть счастливы без своих половин.

"Только вместе!" — сталь загрела о сталь, когда Елизавета бросилась в объятия Людо, но через несколько минут в покои ворвались поднятые окриками Ирины Большой служанки, и их с Людвигом растащили в стороны, словно рвущихся в смертельную схватку берсерков, и начали поспешно раздевать.

— Быстрее! — требовала Елизавета, выглядывая из-под локтя служанки и пытаясь рассмотреть там, по ту сторону кровати, Людо, которого крутили и вертели ее могучие телохранители. — Ну, что вы копошитесь! Скорей! Да, режь ты эти ремни, дура! Не жалеи!

А между тем, кто-то разводил уже по новой огонь в камине, а кто-то другой — много кто, судя по суете — вносил жаровни с полыхающими темным огнем углями, накрывал стол, зажигал свечи.

— Сейчас же убрать! — закричала Елизавета, увидев эти свечи.

— Что?! — откликнулась откуда-то из-за спины Лена Монк.

— Свечи! — объяснила Елизавета.

— Ох, ты ж! — охнула Лена, но Ирина уже отдавала приказы.

— Вынесите, к чертовой матери, эти свечи! — От ее громового голоса вздрогнуло, как показалось Елизавете, даже пламя в камине. — Мане, Квиг, Магнус! Несите факелы! Факель сюда^[91]!

А потом суета вдруг прекратилась, и они остались вдвоем. Трещал в камине огонь, и

рубиновое жаркое марево плыло над жаровнями. Пахло древесной смолой, сосновой хвоей, огнем и вином. Но Елизавета знала наверняка — жарко ей не от огня и вина. Это любовь и страсть, желание и нежность заставляли ее кровь кипеть, и все истории будущего, какие создавало сейчас ее воображение, были такого сорта, что, как говорится, ни в сказке сказать, ни пером описать, потому что ни один цензурный комитет такого не пропустит, и уж, тем более, для детей.

— Ну, вот это и есть мое красное платье... — сказала она, вспыхивая под взглядом Людо.

— Ты прекрасна!

— Да, я такая... — Но договорить он ей не позволил. Поцелуй снова закрыл ей рот, лишив дыхания и речи, но оно того стоило. Страсть Людо оказалась под стать ее собственному безумию, и то, что происходило с ними потом — с ним и с ней, с их телами и с их душами — было настолько велико, что не вмещалось в сознании, и было принципиально непостижимо. Обрушилось на них, словно шквал. Смело, закрутило и унесло в неведомые дали, в те райские края, над которыми не властны время, пространство и прочие законы природы, но откуда, рано или поздно, приходится возвращаться в вещный мир, к делам и заботам иного сорта, к злобе дня, к категорическим императивам обстоятельств и событий...

— Колокола! — сказал Людо, еще крепче прижимая к себе Елизавету. — Интересно, это они к утрени созывают или уже к вечерне?

Эпилог. Золото и Серебро

— Колокола! — сказал Людо, еще крепче прижимая к себе Елизавету. — Интересно, это они к утрене созывают или уже к вечерне?

"Колокола? — Мысль показалась странной, слова — непонятными. Елизавета понятия не имела, о чем идет речь, не знала и уразуметь не могла, какие вообще могут быть теперь колокола и зачем, если сама она нежится в объятиях Людвига, ощущая его наготу своей, и все еще сохраняя в памяти сердца и тела, лелея и перебирая одно за другим, как невиданные сокровища, все те дивные мгновения, когда ее любовник и супруг был не только с ней, но и в ней, овладевая ею раз за разом с неистощимой страстью и невероятной нежностью. — Какие, к бесу, могут быть теперь колокола?!"

Но волшебство полузабытья, в котором находилась Елизавета, оказалось безвозвратно утраченным. Греза истаяла, и неожиданно выяснилось, что кроме них двоих — ее и его, графини Елизаветы Скулнскорх и князя Людвига Кагена, — в огромном мире, раскинувшемся за стенами их спальни, существуют и другие люди, множество людей, которые, вот беда, ведут себя крайне невежливо, если не сказать грубее. Они шумят, громко разговаривают и даже кричат, отдавая приказы и устраивая переключки, бегут по лестницам и коридорам замка, гремя сапогами по каменным плитам полов, топчут старинные паркетные, хлопают дверьми и роняют на пол какие-то тяжелые предметы. А за окном, в замковом дворе режут на морозе двигатели внутреннего сгорания, стреляют выхлопами, и разогреваются, порывивая, работающие с тяжелым нутряным урчанием огромные танковые дизели.

— Это не Эльц! — сказала Елизавета и проснулась окончательно. — И эта комната...

Ну, все так, похоже, и обстояло: покои графини Скулнскорх разительным образом изменились, едва влюбленные "успели смежить веки". Во всяком случае, самой Елизавете казалось, что времени прошло немного. Людо шагнул к ней... Поцеловал, увлек на постель... Кровь закипела, и ее обдало жаром... Все это виделось, словно сквозь туман, но в реальности своих воспоминаний Елизавета не сомневалась, тем более что Людо оставался с ней, лежал рядом, все еще сжимая в своих сильных и одновременно нежных объятиях. И ночью все случилось, как случилось... Объятия, поцелуи и все такое... Потом краткий сон... Но сонное забытие просто физически не могло длиться слишком долго. И теперь вот это! Скромная комната с неширокой кроватью, зеленая с золотом ситцевая обивка стен...

— Это не Эльц, Лиза, — сказал Людвиг, тоже, видать, осматривавший покои. — Это моя спальня в Энтберге...

— А ночью мы ходили в Красную башню... — подхватила Елизавета, начиная понимать.

— И встретили там герцога Тригерида...

— Но я точно помню ночь на холме недалеко от бурга Эльц... — возразила Елизавета. — И волков... Ты помнишь волков, Людо?

— Обратней?

— Значит, мне это не приснилось, — Елизавете очень не хотелось, чтобы "та ее жизнь" оказалась теперь всего лишь сном.

— Или это был сон равный жизни, — мягко поправил ее Людо. — Во всяком случае, я твердо знаю, что спать мы легли в Эльце, и на тебе тогда было одно лишь "красное платье

невесты".

— Да, верно! — рассмеялась Елизавета, не чувствуя и тени смущения, и в этот момент в дверь постучали. Но за мгновение до этого Елизавета успела взглянуть на свою левую руку и увидела на безымянном пальце тонкое золотое колечко с огромным красным алмазом.

"Вот черт! Или Людо прав, и это был такой сон, в котором можно родиться и умереть, или... или, к примеру, стать женщиной?"

— Войдите! — разрешила она, подтянув одеяло к самому подбородку.

— Доброе утро, господа! — дверь отворилась не слишком резко, но, в то же время, решительно, и в комнату шагнул генерал фон Байер собственной персоной. — Ваше величество! — уверенный, но вежливый поклон Людвигу. — Ваше высочество! — добродушная улыбка, адресованная Елизавете. — Прошу прощения, господа, но вынужден вас потревожить самым решительным образом! На сборы и завтрак у нас не более получаса. Время не ждет! Беата!

— Я здесь, мой генерал! — Откуда-то из коридора, из-за спины барона появилась его бравый адъютант и залихватски щелкнула каблуками. Она была диво как хороша этим утром, и, по-видимому, вполне отдавала себе в этом отчет. Во всяком случае, улыбка, игравшая на ее полных губах, несла недвусмысленное послание всем, кто имел глаза, чтобы видеть, и сердце — чтобы чувствовать.

— Беата, мой друг, — генерал покосился на грудь своего адъютанта и едва не причмокнул губами, — введи, будь любезна, князя и графиню в курс дел и не забудь, пожалуйста, сменить знаки различия, а то раздражает, знаешь ли. Ты уже девять часов как премьер-майор^[92], а все ходишь, как, прости Господи... в погонах ротмистра.

— Ну, если учесть, что большую часть этого времени я провела без погон... — улыбка Беаты стала еще шире, но откровенный намек на ее "непростые обстоятельства" ударил генералу Байеру в спину, он уже удалился так же поспешно, как и прибыл. По всей видимости, его внимания дожидались многочисленные, неотложные и в высшей степени важные дела. Впрочем, поспешность не означает суетливость. Даже торопясь, барон и на мгновение не утратил ни грана присущих ему достоинства и уверенности в себе. Знала себе цену и Беата. Она лишь вздохнула коротко, но многозначительно, и, стерев улыбку с губ, перешла к делу.

— Совет Электоров на своем чрезвычайном заседании, созванном в Зальцбурге в Рождественскую ночь, единогласно избрал императором князя Людвиг Кагена, седьмого этого имени, — все это Беата Тракаль, премьер-майор гвардейского кавалерийского полка и кавалер двух крестов за личную храбрость, произнесла прохладным, деловым тоном. Однако глаза кавалерственной дамы сияли при этом совсем не так, как предписывает воинский устав. Устав о таком выражении глаз даже не упоминает, но вот Елизавета все поняла правильно.

— То есть, у нас снова империя? — спросила она, выбираясь из постели. Стесняться наготы в присутствии другой женщины, пусть она даже трижды кавалер, Елизавета и не подумала. Ее занимали совсем другие вопросы.

— Еще нет, — мягко улыбнулась премьер-майор, — но, полагаю, если есть император, отчего бы заодно не восстановить и империю?

— Электоры... — по всей видимости, Людвиг случившемуся не удивился, он сразу перешел к сути дела. — Откуда бы им вдруг взялись теперь в Зальцбурге? Вы не могли бы отвернуться, госпожа Тракаль?

— Разумеется! — премьер-майор отвернулась и смотрела теперь в окно. — Электоры не берутся, а родятся, разве нет?

— То есть, — Людвиг выскользнул из-под одеяла и начал одеваться так быстро, как только мог, — поскольку никогда не было вынесено никакого иного решения, Электорами становятся не по положению или избранию, а по праву рождения?

— Точно так, — согласилась Беата Тракаль, доставая из кармана бридж кожаный портсигар. — И так четыреста лет подряд... Не возражаете, если я закурю?

— Курите! — небрежно бросил Людвиг, застегивая пуговицы на рубашке. — Можете и мою жену угостить, вон, как глазом косит!

— Ты этого не можешь видеть! — вскинулась Елизавета, занятая своим платьем, оснащенным удручающим количеством крючков и застежек.

— Я вижу тебя в зеркале, — объяснил Людвиг.

— И ведь четыреста лет — это ужасно долго, — сказал он через мгновение. — Никто, верно, и не знает теперь, кто есть кто в списке Электоров?

— Вы снова правы, ваше величество...

— Все еще Высочество, с вашего позволения!

— Как прикажете! Пахитоску, графиня?

— Я бы и от глотка чего-нибудь эдакого не отказалась, — призналась Елизавета. Она взяла пахитоску, прикурила от предложенной кавалерист-девицей спички и вдруг вспомнила про одну генеалогическую линию, неочевидную, на первый взгляд, но вполне возможную. Особенно в мире, в котором возможно почти все, на что способно человеческое воображение.

— Скажите, Беата, а тайный советник Рейнарт Фалль, случайно, не один из Электоров?

— Знали или угадали? — усмехнулась премьер-майор и протянула Елизавете крошечную серебряную фляжку. — Глоток граппы?

— Только не говорите, что это граппа *stravecchia* из Фриули! — Елизавета вспомнила сейчас, что именно об этой виноградной водке из винного погреба тайного советника рассказывала ей вечность назад — или, возможно, всего лишь прошлым вечером — племянница доктора Фалля Тилли Шенк.

— Но, что же делать, если это именно она? — улыбнулась Беата. — Снова угадали, ваше Высочество, или вы все знаете наперед?

— Она все знает наперед, — Людвигу явно не понравилось, что разговор отклонился от избранной им темы, но Елизавете он простил бы и куда больший грех. Это она хорошо разглядела в выражении его синих глаз, в движении губ, в позе и напряжении мышц плеч.

— Мы едем в Марбург? — спросил он.

— Так точно! — Беата поняла его тон по-своему и, по-видимому, правильно. — Но надо торопиться, ваше Высочество! Войска, оставшиеся верными королю...

— То есть, ночью случился переворот? — спросила Елизавета, сделав глоток граппы.

— Ну, — пожала плечами кавалерственная дама, — можно сказать и так.

В городе стреляли. Иногда туго натянутое полотно зимней ночи разрывали одиночные винтовочные выстрелы, резкие, с хрипотцой, словно где-то там, за притихшими домами крепкие руки судьбы "ломали о колена" сухие и трескучие ветки мертвых деревьев. Но чаще — тут и там — вспыхивала заполошная пальба, утробно ухали разрывы гранат, играя всполохами в низко просевшем под тяжестью туч небе, и рокотали, захлебываясь, пулеметы.

Перестрелки возникали, непредсказуемые, как стихия, и так же внезапно прекращались, все время, смещаясь по азимуту, так что было совершенно невозможно понять, где и что происходит, и кто, в конечном счете, берет верх. Впрочем, ближе к утру, когда воздух наполнился неярким жемчужным сиянием приближающегося рассвета, и с низкого неба начали падать медленные распушенные хлопья снега, кое-что начало проясняться. Где-то на западе, должно быть, у реки и за ней, гроыхнули вразнобой танковые орудия, глухо ударили залпы гаубиц, раздались первые разрывы снарядов и кашляющее стаккато крупнокалиберных пулеметов...

— Ну, вот, — одобрительно кивнул генерал Бауэр, — а вы говорили!

— Вообще-то никто ничего не говорил! — возразил Том, стоявший на капоте броневедомобиля и пытавшийся на слух определить, что и где теперь происходит в Марбурге.

— Но ведь подумали! — барон достал из кармана кожаного реглана сигару и хотел, было, закурить, но передумал и все-таки объяснился. — Панцергренадеры подошли. Теперь мы их задавим!

— Танки в центр города не пройдут! — Елизавета даже сама удивилась тому, с какой легкостью расшифровывал ее мозг звуки боя, накладывая их на карту целей и возможностей сторон. — Нам нужна ратуша, а не ее развалины, ведь так?

— Удивительная ясность мышления, графиня! — поклонился, оборачиваясь к ней генерал. — Я в восхищении! Но, увы, сделать большего мы просто не в силах...

— А короновать Людвига следует как можно скорее...

— И опять вы правы! — барон нахмурился, уж он-то, как никто другой, понимал всю сложность и двусмысленность их "никак не разъясненного" положения.

Физически Людвиг и Елизавета, сопровождаемые Томом и Тилли, и, разумеется, офицерами генерала Бауэра, находились в южной части города — недалеко от железнодорожной станции Марбург Зюд. Они расположились на небольшой площади, прикрытой от обстрела высокими каменными зданиями. На крышах домов по периметру засели наблюдатели и снайперы, близлежащие улицы блокировали бойцы эскорта. Такова была оперативная обстановка, но на самом деле, как догадывалась Елизавета, они всего лишь "замерли в прыжке". И это было никак не здорово. Самое опасное положение, если говорить по совести. Теперь — или все, или ничего. Третьего не дано, поскольку отступить некуда, да и незачем.

— Электоры уже в городе? — спросила она.

— Да, — кивнул генерал, глядя из-под нахмуренных бровей. — На аэродроме Фрайдхоф. Это здесь, — махнул он сигарой куда-то в сторону галантерейной лавки с опущенными на витрины стальными жалюзи. — Пару километров на восток...

— Что нас сдерживает? — Елизавета уже знала, что станет делать, но детали, в любом случае, следовало уточнить.

— У них стрелки на крышах, — нехотя признал генерал, сбавляя тон. — Выбивают пехоту, жгут танки, а применить артиллерию мы, kongr, действительно, не можем. Обстреливаем, в основном, район кирасирских казарм и старый ипподром, центр города — не трогаем, но и продвинуться без артиллерии не получается.

"Kongr, — отметила Елизавета, — он назвал меня конунгом! Он знает!"

— Значит, у нас проблемы... — в голосе Тома, до сих пор молча слушавшего диалог Елизаветы и своего деда, прозвучало спокойное принятие факта.

— Выходит, что так, — пыхнул дымом сигары генерал и встопорщил усы. — Но мы их дождем, ваше величество! — обернулся он к Людвигу.

— Разумеется, — согласился Людвиг и коротко взглянул на Тома. — Как думаешь?

— Ты сказал! — Том легко спрыгнул с капота броневика и повернулся к Беате. — Майор Тракаль, достаньте мне, пожалуйста, бронежилет и каску, да и от чего-нибудь эдакого, — крутанул он пальцами правой руки, — я бы не отказался.

— Поведешь штурмовую колонну? — без удивления, но с видимым уважением спросил генерал.

— Да.

— Разумно, — согласился барон. — Беата, распорядись!

— Два комплекта! — встряла Елизавета.

— Я возьму егерей и пойду по крышам, — пояснила она Людвигу.

— Э... — она впервые видела, чтобы Людо, ее великолепный герой Людо Каген не знал, что сказать. Зато генерал Байер, по-видимому, знал. Или всего лишь думал, что знает.

— Это невозможно! — отрезал он. — Вы женщина, конунг! Девушка... девочка... я...

— Под Дрезденом, генерал, я трижды водила кавалерию в бой! — возразила Елизавета, ощущая, как знаменитое холодное бешенство Скулнскорхов начинает леденить кровь. — И все об этом! — вскинула она руку, пресекая дальнейшую дискуссию. — Премьер-майор! Мне нужны штаны и куртка, бронежилет и каска. Оружие на ваше усмотрение, но я бы предпочла укороченный Штайер с сорокамиллиметровым подствольником. Это возможно?

— Полагаю, что — да, — Беата Тракаль взглянула на Людвига, но тот молчал. — Пять минут, ваша Светлость. Пять минут... И, разумеется, вам понадобятся альпийские ботинки с шипами...

Бой вылился в резню. Королевские рейтары не отступали. Вообще. Они умирали на своих позициях, кто где стоял, сражаясь до последней возможности, которая зачастую оборачивалась для них последним вздохом. Впрочем, и егеря из Брабантского ландвера на поверку оказались теми еще зверями! Они только назывались ополченцами, а на самом деле и не зря числились среди наиболее остро заточенных под спецоперации элитных частей армии. Дрались егеря отменно, умело и упорно, пленных не брали, умирали молча.

— Давай! — Елизавета махнула рукой, и тут же за ее спиной ожил станковый пулемет. Рокотнул, залаял, загрохотал. Пули ударили в дымовые трубы и конек крыши, взбивая кирпичную пыль и разнося вдребезги черепицу.

— Еще! — голос она сорвала, но ее все равно бы никто не услышал. На крышах старого Марбурга разверзся Ад: вопили черти, стонали грешники, трещали пылающие поленья, клокотала кипящая смола. — На раз!

Минометчики среагировали не на сиплый всхлип ее "голоса", а на отмашку. Кинули в темпе прэсто^[93] несколько мелких мин, и, едва просвистели над головами осколки, егеря рванули вперед.

— Даешь! — Елизавета тоже выскочила из-за трубы и, перескочив через кирпичную разделительную стенку, упала на спину и поехала по крутому черепичному скату, поливая позицию рейтаров из подаренного Беатой Штаера. Просвистела почти до самого низа, упершись буквально в последний момент ногами в край водосточного желоба, и, балансируя на самом обресе крыши, над бездной в три этажа, выстрелила из подствольника. Сорокамиллиметровая граната попала в слуховое окно и помогла — отдачей — удержать

равновесие.

"Талант не пропьешь! — подумала Елизавета мимолетно, падая на бок и перекатываясь вдоль крыши. — Он или есть, или нет!"

Она оттолкнулась спиной, снова вставая на ноги, прошлась, балансируя, по разбитому желобу, перепрыгнула на соседнюю крышу, мимолетно вспомнив, как гуляла в тяжелой броне по палубе галеры в волну, усмехнулась, крикнула и побежала вверх, к коньку, догоняя ушедших вперед егерей. Везде, куда бы она ни бросила взгляд, лежали трупы рейтаров. Впрочем, среди одетых в черное с серебром врагов — их, видно, бросили в бой прямо с парадного построения — попадались и тела своих. Затянутых в камуфляж егерей, казалось, было меньше, но, возможно, Елизавета всего лишь хотела в это верить. Она предполагала, что заблуждается, поскольку не понаслышке знала, какие потери несет наступающая сторона. Но и то — правда, ни времени, ни желания занимать голову подобного рода "материями" у нее не было. И думать сейчас Елизавета могла лишь об одном, как бы побыстрее сбросить рейтаров с крыш и захватить ратушу...

"Коронация!" — вот, что действительно было важно этим утром, важнее даже ее собственной жизни, хотя Елизавета и надеялась дожить до того, чтобы стать законной супругой Людвига, его женой "перед Городом и Миром" и, как следствие, императрицей.

Пуля снайпера ударила ее в грудь, остановив на бегу и заставив качнуться назад.

"Ох!" — показалось, что убита. В глазах потемнело, боль прошла раскаленной иглой прямо сквозь сердце", и легкие сжало спазмом.

"Как жаль..." — Елизавета все еще стояла на ногах, медленно заваливаясь назад и вправо, хватала широко открытым ртом воздух, но дыхания не было, и воздух отказывался поступать в агонизирующие легкие.

"Черт возьми!" — ее охватил гнев невероятной силы. Она не должна была, не имела права умереть сейчас в полушаге от железной короны.

"Ад и Преисподняя!" — Бешенство Скулнскорхов очистило ее взгляд, и Елизавета увидела низкое серое небо, дымы, поднимающиеся между домами и над трубами старого города, темные пятна тел на черепичных полях крыш, но вот что странно, она не слышала ни звука, лишь с еще большей силой ощутила боль в груди.

"Кровь и пепел!" — Не все еще было совершено, и одна ночь любви — всего лишь одна ночь!

Елизавета выпрямилась и чудовищным усилием сделала вдох. Короткий, с сильным свистом, но это был все-таки вдох. Глоток холодного, пахнущего дымом и смертью воздуха, которого так жаждало ее все еще не желавшее умирать тело.

— Графиня! — слух вернулся к ней так же внезапно, как и покинул. — Вы ранены?!

— Я... — но даже это слово далось ей невероятным усилием, и вызвало приступ лающего кашля.

И в следующие минуты Елизавета была не способна говорить, тем более идти куда-то или что-либо делать. Она кашляла, ее рвало и колотило, как в лихорадке, и пробивало потом, сменявшимся ледяным ознобом. И вообще ей было так плохо, что впору вспомнить отравленную мадыарскую стрелу. Тогда, на Висле Елизавета пережила отнюдь не лучшие дни своей жизни. Сейчас, в Марбурге, прошлое настигло ее с невероятной силой, позволившей вспомнить весь тот безумный поход из Замка Скулнскорх до встречи с Людо вблизи бурга Эльц. Впрочем, на этот раз, все происходило куда быстрее. Ее "смерть и воскрешение", — если и имели место, — длились не дни и часы, а в лучшем случае, минуты.

— Странная реакция... — произнес где-то за ее спиной спокойный мужской голос. — Пуля попала в бронежилет. Больно конечно, но не смертельно, пробития ведь не было...

"Много ты знаешь!" — Елизавета уже почти пришла в себя. Сидела на крыше, привалившись спиной к высокой дымовой трубе, курила сигарету, чувствовала боль в груди и хрипы в горле, слушала стихающие звуки боя и думала о судьбе. Сейчас, сегодня, буквально несколько минут назад она встретила свою судьбу лицом к лицу. Не в первый, впрочем, раз, но наука пошла ей впрок, и на этот раз Елизавета смогла разглядеть лицо Хозяйки Судьбы, и не удивилась тому, что увидела. У ее судьбы, у судьбы графини Скулнскорх, будущей императрицы Елизаветы было два лица, а не одно. Два очень разных, но по-своему красивых лица...

— Ну, что там внизу? Какие новости? — спросила она, чуть отдышавшись.

— Томас фон дер Тиц прорвался на Нойемарктплатц! — сразу же ответил лейтенант, подошедший от группы егерей, сгрудившихся вокруг радиста. — Ратуша наша!

— А у нас тут что? — сигаретный дым казался горьким, или он, и в самом деле, пах сгоревшей травой?

— Мы обеспечили успех штурмовой колонны, ваша Светлость!

— Живые рейтары хоть есть? — поинтересовалась она через силу.

— Только раненые...

— Пусть так! — Елизавета сделала над собой усилие и встала. — Пошли вниз! Я хочу увидеть ратушу!

На самом деле, она хотела первой войти в зал Марбургской Унии. Елизавете казалось, что там, в этом странном месте, куда она до сих пор никак не могла заглянуть ни во сне, ни наяву, ей откроется сокровенное знание. Что-то такое, о чем Елизавета не могла придумать истории, потому что Пророчество, как и следовало ожидать, темно и невнятно. И слишком поэтично, чтобы быть правдой.

На площади перед ратушей все еще дымил сгоревший броневик. Бродили среди грузовиков и полевых кухонь панцергренадеры в утепленных комбинезонах и егеря в камуфляже. Их голоса сливались в гул, движения казались хаотичными, но Елизавета понимала — чувства обманывают. Во всем, что происходило здесь и сейчас, в это утро на площади Нового рынка, или где-либо еще в старинном городе Марбург, ставшем когда-то много веков назад последним пристанищем князя Людо Кагена по прозвищу Аспид, в этом всем, в каждой мелочи, в каждом штрихе ощущалось присутствие Вечности. Чего-то гораздо большего, чем может вместить человеческое сознание, но что способно уловить вещующее сердце настоящей колдуньи.

— Спасибо, Том! — Елизавета еще раз окинула взглядом площадь, покачала головой. — Даже не верится... Кажется, наша встреча под Дрезденом случилась буквально вчера.

— Две недели назад, — кивнул Дамаль. — Тринадцать дней, если быть точным. Но ты права, Цисси, смена декораций кажется мне слишком быстрой. Одно утешает — Тилли со мною, и вы с Ловисом все те же, что и раньше. Что скажешь?

— Ты выставил охрану? — вместо ответа спросила Елизавета. Ей не хотелось продолжать разговор на эту опасную тему.

— Разумеется! Хочешь стать первой?

— Хочу, — честно признала она и, наконец, посмотрела Дамалю в глаза. — Не ходи со мной! Не надо!

— Я должна быть там одна, — объяснила она через мгновение, ничего, на самом деле, не объясняя.

— Людо будет здесь максимум через полчаса... — Том смотрел на нее серьезно, но словно бы, вопросительно.

— Вот именно! — кивнула Елизавета. — Именно поэтому.

— Исчерпывающее объяснение! — усмехнулся Том, качая головой. Глаза его оставались внимательными.

— Какое есть!

— Мне достаточно, — пожал он плечами. — Иди!

— Мне нужны саперы и взрывчатка...

— Лейтенант! — взмахнул рукой Томас, останавливая спешащего по своим делам офицера. — Двух саперов с инструментом и взрывчаткой в распоряжение ее Светлости!

— Так точно! — подтянулся лейтенант, с интересом, но без наглости рассматривая Елизавету. — Двое под моим командованием, инженерный инструмент и пластик. Пятиминутная готовность.

— Графиня будет ждать вас внутри. Исполняйте! — нынешний Томас фон дер Тиц умел управляться с людьми не хуже своего именитого деда. Впрочем, старый барон никогда не побеждал в таких грандиозных сражениях, какие довелось выиграть его внуку, и такими большими армиями не командовал тоже.

— Спасибо, Том! — Елизавета даже не подумала улыбнуться или еще что, ее голову и сердце занимали совсем другие мысли и чувства.

— Иди уж! — Махнул рукой Дамаль, умевший принимать ее такой, какой она была, а она, по совести говоря, бывала разной.

— Да, да... — рассеянно бросила Елизавета и пошла к ратуше.

Высокое кирхообразное здание из серого камня. Узкие стреловидные окна, пламенеющая готика — одновременно простая и тяжелая, замысловатая и легкая, устремленная ввысь — геральдические щиты, горгульи и фигуры святых, увенчанная черным шпилем квадратная башня, образующая фасад, дубовые, оббитые потемневшей бронзой двери на высоком крыльце.

— Это кто? — спросила Елизавета у охранявших двери танкистов и кивнула на штатского, топтавшегося рядом, но все же несколько в стороне.

— Говорит, что кастелян, — пожал плечами офицер, по-видимому, возглавлявший пост, и подтолкнул к Елизавете высокого тощего старика в черном пальто и шляпе с широкими обвисшими полями.

— Вы кастелян? — подняла бровь Елизавета.

— Да... э...

— Я графиня Скулнскорх, — усмехнулась Елизавета. — А вот вы, милейший, ничуть не похожи на кастеляна. Да ведь и ратуша не замок, так с какой стати вдруг кастелян?

— Традиция, ваша Светлость! — поклонился старик.

— Ладно, пусть будет кастелян, — согласилась Елизавета. — И раз уж вы, господин кастелян, здесь главный, не затруднит ли вас показать мне зал Марбургской Унии?

— Увы, ваша Светлость, — развел руками старик, — но это никак невозможно!

— Отчего же? — нахмурилась Елизавета.

— Он замурован! Маркграф Фридрих Тутта...

— Заика Фридрих умер пятьсот лет назад^[94]! — резко оборвала кастеляна Елизавета.

— Да, но его приказ все еще остается в силе! — возразил старик, выпрямляясь во весь свой немалый рост. Сейчас он смотрел Елизавете прямо в глаза.

— Я отменяю приказ Фридриха, и, как наследница Тюрингской линии через Альбрехта II Негодного, требую вскрыть зал Унии! Саперы за мной! — скомандовала она и снова взглянула на старого кастеляна. — Показывайте, господин кастелян, или я стану разрушать эту чертову кладку вашими костями!

Угроза, произнесенная сорванным хриплым голос и подкрепленная жестоким выражением ее усталых глаз, подействовала. Старик отшатнулся, но тут же вял себя в руки, поклонился, как и предписывал этикет, и засеменил вперед, показывая дорогу.

— Так-то лучше! — усмехнулась Елизавета и двинулась следом, сопровождаемая бойцами эскорта и саперами.

"Теперь уже скоро!" — следуя за стариком, Елизавета миновала холл, поднялась по боковой лестнице, прошла несколькими все время менявшими направление коридорами, и остановилась, наконец, напротив оштукатуренной стены, почти полностью скрытой под древними — потемневшими почти до полной потери вида — гобеленами.

— Что это за тряпки? — спросила она, нахмурившись, когда что-то смутное ворохнулось в ее памяти, но так и не всплыло к свету.

— О, ваша Светлость! — всплеснул руками старик. — Не говорите так, ради всего святого! Это не тряпки, моя светлая госпожа, это Мюнстерский триптих, повествующий о великих деяниях Девы Севера!

"Точно!" — неожиданно вспомнила Елизавета, и перед ее глазами встали строчки из старинного путеводителя по Марбургу.

"...деяния королевы Скулнскорх, рекомой в народе Девой Севера... Битва с мадьярами в долине реки... поединок с королем Дании Гамлетом I... сражение в виду Дрездена..."

— Снимите! — приказала она, уже понимая, что зал Унии скрыт именно за этой стеной. — Только осторожно, я забираю их, как военный трофей... И, пока не забыла, скажите, господин кастелян, не знаете ли вы случайно хорошего реставратора гобеленов?

— Реставратора?

— Видите ли, мой друг, — Елизавете вдруг расхотелось орать и угрожать, — на этих гобеленах изображена Лиса Скулнскорх... А меня, если вы помните, зовут, Елизаветой. Я не королева, а графиня, но пятьсот лет назад происходило много такого, о чем нам нынче и подумать страшно! А гобелены эти создавались на основе картонов, написанных Ульфредом Швабом — живописцем из Баварского королевства... Вы следите за моей мыслью?

— Да, — ответил растерянный старик. — Да, ваша Светлость! Непременно, но...

— Без "Но", мастер кастелян! — остановила Его Елизавета. — Без единого "Но", потому что Ульфред Шваб лично знал Лису Скулнскорх. Он шел вместе с армией Клодды Галицкой, и, если кто-нибудь, и мог оставить нам заслуживающий доверия портрет королевы Лисы, то только он.

— Понимаю! — потрясенно произнес старик, глядя, как принесшие стремянку саперы снимают со стены драгоценные гобелены.

— Ничего вы не понимаете! — вздохнула Елизавета, не способная объяснить постороннему человеку, что это такое — помнить Ульфреда Шваба, рыжего художника, умершего пятьсот лет назад, так, словно, виделась с ним буквально пару недель назад. — Впрочем, неважно!

— Лейтенант! — подозвала она офицера. — Здесь, — кивнула она на стену, — где-то

ближе к центру должен находиться дверной проем, заложенный кирпичом...

— Одиннадцатая плитка слева, — обреченно сторбившись, указал на пол старик-кастелян. — Считайте плитки, господин офицер. Одиннадцатая слева, десятая справа. Проем между ними, и, если верить записям, то замурован он всего лишь в три ряда кирпичей.

— А общая толщина стен? — сразу же заинтересовался сапер.

— Метр девяносто.

— Тогда, мы выбьем кладку, как пробку из бутылки!

— Но аккуратно! — осадила офицера Елизавета. — В зале за стеной фрески... Их нельзя повредить!

"В зале за стеной фрески..."

Что ж, все так и было. Зал в ратуше Марбурга, замурованный по приказу маркграфа Фридриха Тугты сразу после заключения Унии ... И зал Марбургской Унии, расписанный Карлом Рейнером из Лейдена... Фрески Лейденского Ангела... Он писал их всего лишь через полтора десятка лет после смерти князя Людвига Кагена, первого этого имени, а Мюнстерский триптих соткан по картонам Ульфреда Шваба, и Елизавета хорошо помнила этого высокого худого мужчину с не расчесанными рыжими волосами и безумными зелеными глазами...

"Людвиг... Лиса... и я..." — Елизавета вдруг осознала тот простой факт, что в этом месте — в старой ратуше Марбурга — и в это время, сегодня, сейчас, сошлись три совершенно разные истории. История Людвига Кагена, которого иногда называли Темным Серебром, одиссея Лисы Скулнскорх, о которой граф Богуслав Гасиштейнский из Лобковиц говорил, что она Красное Золото эпохи, и роман о Елизавете и Людо...

"Золото и Серебро, не так ли? — думала Елизавета, наблюдая за работой саперов. — Серебро и Золото. Я и он. И наша история, написанная кровавыми чернилами Пророчества..."

Сейчас она понимала, что три эти романа, хоть и связаны между собой, но отнюдь не являются единой, делящейся во времени и пространстве историей. Пятьсот лет назад, — или чуть более того, — жил и умер Людо Каген, по-видимому, неспроста прозванный Аспидом. Но тогда, как могли оказаться в том же самом времени, но как бы позже на сто или двести лет, Лиса, графиня Скулнскорх и Людо, князь Каген? Даты сходились, но личные истории никак не пересекались. Людо Каген, заснувший в постели Лисы Скулнскорх в бурге Эльц, вроде бы, приходился Людвигу Аспиду отдаленным потомком, и значит, эти двое никак не могли быть современниками. Однако Елизавета, смотревшая сейчас из настоящего в прошлое, отчетливо видела там, в пятисотлетней глубине времени и того Людвига, и другого, как видела там и Лису Скулнскорх — сказочную королеву Севера, и себя саму, живущую жизнью конунга Лисы. Но, стоя здесь и сейчас перед кладкой, закрывающей проход в зал Марбургской Унии, она никак не могла вспомнить, чем закончилась сага о Лисе Скулнскорх и Людвиге Кагене.

"Беда с этими пророчествами! — вздохнула Елизавета, отходя по сигналу сапера назад и за угол. — Влипнешь в такое паскудство, и уже не знаешь, Пророчество ли ведет тебя туда, куда ты и не чаяла попасть, или это ты сама торишь путь, овеществляя Пророчество, которое, на самом деле, всего лишь темные слова..."

"Слова, слова, слова... Не так ли, принц Гамлет^[95]?"

И в это время грохнул взрыв. Ударило по ушам — не сильно, но чувствительно, — и коридор заволокло облаком кирпичной пыли.

— Ну, что там?! — крикнула Елизавета, выскакивая из своего укрытия и поспешая к месту подрыва. — Все или еще долбить придется?

— Похоже, открыли проход! — откликнулся откуда-то из клубящейся мглы офицер-сапер. — Тут пустое пространство, но света нет. Темно, как...

— Не уточняйте, лейтенант! — остановила его Елизавета. — Я знаю, где это! Вы послали людей на купол?

— Так точно!

— Ну, так свяжитесь с ними и прикажите снимать щиты!

Фридрих Тутта, как выяснилось, не удовлетворился тем, что замуровал дверной проем. Он еще и восемь окон барабана, на котором лежал уплощенный купол свода, приказал закрыть щитами — деревянными рамами с кирпичной кладкой толщиной в один ряд. Получалось, что пять сотен лет в зал Унии не только не входили люди, в него и солнечный свет все это время не проникал. Лунный, впрочем, тоже.

— Есть! — откликнулся все еще невидимый из-за клубящейся пыли сапер. — Радист!

— Здесь!

— Передать Третьему. Снять щиты!

— Есть!

Переключались саперы, хрустел под подошвами битый кирпич, и шелестела осыпающаяся с потолка штукатурка...

"А что, если и фрески осыпались?" — Елизавета осторожно пробиралась сквозь колышущуюся мглу, пахнущую боевой химией и сухой известкой, сквозь кирпичную пыль, норовившую забить глаза и рот, сквозь опасения и надежду. Она тоже, как и офицер-сапер, угадывала впереди огромное пустое пространство. Туда и шла, ориентируясь скорее на звериное чутье, чем на объективные человеческие чувства. И, судя по всему, не ошиблась. В какой-то момент, кирпичный лом перестал скрипеть под ногами, воздух очистился, в том смысле, что из него исчезла пыль, так что стал явственно ощутим запах затхлости, и Елизавета вдруг поняла, что стоит посередине огромного непознанного пространства. Чем-то это ощущение напоминала то, что пришлось испытать Лисе Скулнскорх в "нигде и никогда" ее давней магической грезы, где раскачивался великий маятник, делящий мир на две части — сторону Добра и сторону Зла, — и где герцог Тригерид в очередной раз попытался взять верх, но проиграл.

"Сейчас!" — Елизавета опередила события буквально на долю секунды, но знание лишним не бывает, и она не вздрогнула, когда первый луч света ударил сверху вниз, открывая ее взгляду зал Марбургской Унии.

"Да! — признала она, медленно поворачиваясь по кругу. — Впечатляет!"

Второе и третье окно открылись почти одновременно, а затем — не прошло и тридцати секунд — свет неяркого зимнего дня вошел в зал Унии уже через все восемь окон барабана. Тьма отступила, и перед глазами Елизаветы предстали отлично сохранившиеся во тьме и покое многовековой тайны фрески Пророчества, ибо истинное название замурованного зала в ратуше Марбурга было именно таково — зал Пророчества. А историю с Унией придумал умница Альбрехт — ландграф Тюрингии.

"И за что только его прозвали Негодным?"

Елизавета завершила круг и снова посмотрела на центральную фреску, расположенную

там, где находился бы алтарь, будь это собор, а не ратуша.

"Что ж, здравствуй Людвиг Каген, первый своего имени! Узнаешь меня, или нет?"

Этот Людо казался старше и суровей, но дело даже не в этом, а во взгляде синих глаз. Художник совершил невозможное, он передал выражение глаз Людвиг Кагена, каким увидел его при жизни. В этом взгляде не было жестокости или высокомерия, призрачности или гнева. Он был холоден до равнодушия, и в нем не было жизни. Такого Людвиг Елизавета не знала, и, если честно, не захотела бы узнать.

"Аспид Каген..."

Он был так похож на ее Людо, что от жалости и разочарования сжимало сердце, но, к счастью, это был не он.

"Князь Людвиг Каген, первый своего имени..."

Он был одет во все черное. Лишь темное серебро отделки, пряжка пояса и рукоять меча, шпоры, серебряные кружева, да еще серебристая, как на полотнах Эль Греко, белизна кожи, все остальное лишь игра оттенков черного. Мрак за спиной, тьма, скрывающаяся в складках плаща...

"Темное на темном..."

Аспид Каген держал в протянутых к Елизавете руках железную корону, на которой посверкивали крупные, грубо обработанные камни — рубины, алмазы и сапфиры. Он словно бы, возлагал ее на голову неизвестного потомка...

"Или он знал? А они?"

Справа от Людо Кагена была изображена высокая стройная женщина с прекрасным, но суровым лицом. Льняные, чуть вьющиеся волосы Девы Севера — а ее наряд не оставлял на этот счет ни малейших сомнений, — свободно спадали ей на плечи, схваченные на лбу узким золотым обручем с крупным изумрудом, свободно свисающим к переносице на тонкой золотой цепочке. Взгляд серых глаз заставлял вспомнить об озерных туманах. В руках принцесса Джевана сжимала меч.

А слева от Аспида, стояла одетая по придворной моде дама, в которой, казалось, воплотились все лучшие черты Великой Женственности. Не любоваться ею было невозможно. Ее фигура была великолепно, чего не могло скрыть даже тяжелое платье из многих слоев золотой парчи и подобранных в тон ей шелков. Ее золотисто-русые волосы, украшенные вплетенными в косу золотыми нитями с крупными аметистами и бриллиантами, были уложены на голове в виде короны. Медового цвета глаза, казалось, излучают свет сами собой. Ну, а в руках графиня Маргарита Корвин держала, как и следовало ожидать, скипетр и державу. Символика триптиха, таким образом, была более чем прозрачна, но автор пошел, что называется, до конца, не оставив уже ровным счетом никаких сомнений.

Властвуй! — было написано под изображением Джеваны.

Правь! — гласило послание Мары Корвин.

Сим нарекаю! — эти слова были выписаны внизу центральной фрески, и сразу под ними на пюпитре темного дерева лежала железная корона императора Хильдеберда. На этот раз настоящая, а не нарисованная, но как две капли воды похожая на ту, что протягивал своему далекому потомку князь Каген.

"Какое элегантное завершение истории..."

— Ведь ты не откажешь мне в любезности, Елизавета Скулнскорх, — раздалось за ее плечом. — Я думаю, это должна сделать именно ты!

Елизавета оглянулась. Людо стоял почти рядом, — а она и не заметила, как он пришел, — смотрел на нее, ждал.

— Разумеется, Людвиг Каген, — она бросила взгляд на зрителей, замерших в ожидании чуть поодаль, и улыбнулась, — я сделаю это.

Она еще раз посмотрела на Тома и Тилли, на генерала Байера и его валькирий, на офицеров и солдат, стоявших в отдалении и, кажется, даже затаивших дыхание от осознания значимости сцены, наблюдать которую им выпала удача.

"Отличные свидетели, если подумать!"

Она перевела взгляд на еще одну группу людей. Полтора десятка мужчин и женщин самого разного возраста и вида стояли чуть в стороне. "Господа Электоры" прибыли засвидетельствовать, что факт избрания нового императора имеет место воплотиться в жизнь.

Чуть поклонившись тем и другим, Елизавета отвернулась, решительно подошла к пюпитру, взяла с него корону, с удовольствием ощутив ее прохладную тяжесть в своих обнаженных ладонях — перчатки по такому случаю Елизавета сняла, — и вернулась назад, к ожидавшему ее посередине зала Людо.

— Преклоните колени, ваша Светлость! — потребовала она.

— По вашему слову, графиня! — Людо легко опустился на колени и сложил руки на груди, глядя сейчас прямо перед собой.

— Решением совета Электоров нарекаю вас императором! — провозгласила Елизавета и опустила корону на голову Людо.

Мгновение длилась тишина. Затем Елизавета и сама опустилась на колени и склонила голову перед своим императором.

— Встаньте, ваше Величество! — попросила она, не поднимая глаз. — Правьте нами с миром!

Она услышала вздох облегчения, долетевший до нее со стороны зрителей, и шорох одежды, когда Людо встал с колен.

— Моя госпожа!

Елизавета подняла взгляд и увидела руку, которую протягивал ей Людо.

— Надеюсь, вы все еще не возражаете, стать моей женой? — спросил он ее, когда, опершись на его руку, Елизавета поднялась на ноги.

— Нет, разумеется, — ответила она с улыбкой.

— Вот и славно! — улыбнулся ей Людо.

— Дамы и господа, — обратился он к собравшимся, — насколько мне известно, гражданские браки существуют в империи де факто уже без малого сто лет. Поэтому, с вашего позволения, я попросил бы присутствующего здесь советника Фаля официально зарегистрировать наш брак с графиней Скулнскорх...

— И наш! — надтреснутый голос Тили ван дер Шенк заставил доктора Фаля вздрогнуть, и это стало первым и единственным доказательством того, что дядя Клотильды все-таки скорее жив, чем наоборот.

— Спасибо, что напомнили мне, фюрстина, — еще шире улыбнулся Людвиг. — Разумеется, речь идет так же о брачном договоре между Великой княгиней Галичмерской и графом фон дер Марком.

— Сочту за честь! — поклонился доктор Фаль. — Но вынужден требовать, чтобы таинство брака было сегодня же подтверждено церковным обрядом.

— Непременно! — согласился император Людвиг, и в этот момент Елизавета услышала музыку сфер...

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net

notes

То же, что и глинтвейн.

Принятые в Баварии и Австрии уменьшительные имена для Людвига и Елизаветы.

Том, Дамаль и Дама уменьшительные от имени Томас.

Остроты, остроумные выражения (фр.).

Гобелен — шерстяная, на ощупь мягкая ткань с длинным блестящим ворсом. Вырабатывается эта ткань сложным крупноузорчатым переплетением из трех, четырёх и более систем нитей; она двухслойная, тяжелая или среднетяжелая, крупноузорчатая, гладкокрашенная или меланжевая. Из данной ткани шьют дамские пальто, зимние мужские и дамские костюмы, юбки, спортивные куртки.

Грогрон — дорогостоящий гладкокрашенный шелк высшего качества.

Норн — один из древнегерманских языков.

Альгойский — региональный диалект немецкого языка, используемый в местности Альгой в Баден-Вюртемберге и в Баварии.

Форарльбергский — региональный диалект немецкого языка, распространённый в австрийском Форарльберге. В широком смысле под форарльбергским понимают крупную группу родственных диалектов Форарльберга и его границ, входящую в алеманскую группу диалектов. Форарльбергский близок к соседним диалектам из различных групп: лихтенштейнскому, Санкт-галленскому, альгойскому и другим.

Лирико-драматический баритон — голос, обладающий светлым, ярким тембром и значительной силой.

Игреновая — рыжая или бурая с белыми или дымчатыми (с примесью серых волос) гривой и хвостом.

Верити — правда, истина (англ. Хотя звали лошадку, скорее всего, на немецкий лад "Wahrheit").

Кончар — тип колющего холодного оружия. Представляет собой меч с прямым, длинным (до 1,5 м) и узким трёх— или четырёхгранным клинком. Ограниченно применялся в странах восточной и центральной Европы в XII–XVII веках, входил в штатное вооружение гусар.

Кирш — Киршвассер — крепкий алкогольный напиток, получаемый методом дистилляции забродившего сула мелкой и сладкой чёрной черешни вместе с косточками. При выдержке в стеклянных или глиняных чанах, теряет крепость, но цвет не меняется, а вкус становится более насыщенным.

Путлице — Ремень, на который привешивается к седлу стремя.

Rotkappchen — Красная шапочка.

Штрицель — вид выпечки на дрожжевом тесте, распространенный в Центральной Европе, пирог (отчасти напоминает рулет) с маковой или яблочной начинкой.

Штоллен — традиционная немецкая рождественская выпечка из дрожжевого теста. Наиболее распространенный вид штолленов имеет начинку из изюма и цукатов, хотя популярны также варианты с маком, орехами или марципаном.

Троллингер — легкое красное вино из Баден-Вюртенберга, национальный напиток швабов.

Граппа, выдержанная в бочках не менее 18 месяцев.

Айсвайн (Eiswein) — сладкое вино, изготавливаемое из ягод категории бееренауслезе, специально замороженных, чтобы из сока отделилась замерзшая вода. Виноград для этого "ледяного" вина собирают только ночью и при температуре не выше семи градусов мороза. Вино из такого замороженного винограда со льдом обладает довольно низкой крепостью — 5,5 %. Высокая кислотность способствует его длительному хранению. Производится в конце января — начале февраля.

Кордегардия — помещение для караула, охраняющего крепостные ворота.

Т.е. за склонность к язычеству.

Гейр — "Копье", Гондулк — "Волчица", Рота — "Сеющая смятение" — подлинны́е имена валькирий.

Горжет — металлическая пластина в форме полумесяца.

Meukongr — дева-правительница.

Kongr — правитель, король, в отличие от жены правителя, королевы, которую именовали drottning.

И ирландский белтайн, и славянский кветень соответствуют маю месяцу.

Т.е. в апреле.

Разумеется, Елизавета ошибалась. Франкфурский локоть равняется примерно 540 мм, то есть дюжина дюжин франкфуртских локтей равна 77760мм, но "Росомаха" имела всего 56 метров в длину.

Снекар — корабль-змей по аналогии с дракаром — кораблем-драконом.

15-20 узлов (около 30 км в час) совсем не смешная скорость для кораблей этого класса.

Идея неплохая, тем более, что она вполне в духе времени, ибо именно так возникли примерно в ту же эпоху европейские мужские штаны шоссы (или итальянские кальционни) — чулки-шоссы обычно достигали верхней части бедра и по бокам крепились шнурками к поясу, пропущенному через верхнюю часть (кулиску) льняных мужских штанов (брэ), входивших в состав нижнего белья. Они, в свою очередь, заправлялись внутрь шосс. Позже, в 14–15 веках, возникли уже цельные облегающие, наподобие рейтуз или колготок, мужские штаны-шоссы.

Фрея — или Фреа ("госпожа"), в скандинавской мифологии богиня плодородия, любви и красоты.

Девана — в славянской мифологии богиня охоты, жена бога лесов Святобора. Девану древние славяне представляли в облике красавицы, одетой в богатую кунью шубу, отороченной белкою; с натянутым луком и стрелами.

Т.е. под два метра.

Хаджар — короткий, изогнутый арабский/индийский меч с клинком около 40 см. длиной.

Вайзграф — мы бы сказали вицеграф, то есть заместитель графа (то же, что виконт — дворянский титул между бароном и графом).

То есть, дракар пришел с мирными намерениями.

То есть, промежуточный по размерам, весу и назначению между обычным (одноручным) мечом и мечом двуручным. Полупорным бастардом можно сражаться одной рукой с коня, или двумя — пешком и без щита.

Шаньги — круглые открытые пирожки, название особого рода лепешек из дрожжевого ржаного, ржано-пшеничного и пшеничного теста, замешанного на бараньем или говяжьим жире. Блюдо северных народов и русских поморов.

15 %-20 % этанола. По нынешним временам, не так чтобы и крепко.

Вира — древнерусская и древнескандинавская мера наказания за убийство, выражавшаяся во взыскании с виновника денежного возмещения. Также вирой именовалось денежное возмещение за другие преступления.

Средневековый перевод некоторых новелл Боккаччо (из "Декамерона") на древнерусский язык.

Фригидарий — в римских термах прохладная комната с бассейном.

Ночь (гельский язык).

Кулачный щит, боче или фаустшильд— маленький, 20–40 см в диаметре, чаще всего металлический круглый щит. Был рассчитан, главным образом, в качестве вспомогательного оружия с мечом или шпагой. Держался за ручку с обратной стороны.

Клевец — дробяще-колющее холодное оружие. Является самостоятельным видом оружия, хотя некоторые специалисты относят его к боевым молотам. Боевая часть выполнена в форме узкого прямого или отогнутого к низу острия. Топорище прямое, длиной в руку (60–80 см). Общая масса 1–1,5 килограмма.

То есть, латах, покрытых чернью. Чернь — вид гравировки.

Моргенштерн — утренняя звезда — бронзовый шарик с ввинченными в него стальными шипами. Использовался в качестве навершия палиц и кистеней. Сам моргенштерн весил более 1,2 кг, что оказывало сильное моральное воздействие на противника, устрашая его своим видом. Наибольшее распространение получил цепной моргенштерн, в котором шипастый шар соединялся с рукоятью посредством цепи.

В данном контексте, правительница, королева, но используется термин мужского рода, подчеркивающий истинный статус Елизаветы, как полноправного монарха.

Она правящая графиня, то есть, монарх, конунг.

Варяжское море — балтийское море.

An die Freude — Ода к радости (нем.), написана в 1785 году Фридрихом Шиллером, изменена в 1793 и положена на музыку Бетховиным, войдя в состав знаменитой 9-й симфонии.

Friday (англ.), Freitag (нем.) — день Фрейи — пятница.

Буланая масть — желтовато-песочная или золотистая с черными гривой, хвостом и нижними частями ног до скакательных и запястных суставов включительно. Оттенки от почти кремового (светлая) до близкого к тёмно-гнедой, грязного желто-серо-бурого «шакальега» тона (тёмная). Необычно выглядит тёмно-буланая в яблоках: как будто поверх золотистого фона наброшена контрастно-тёмная сетка. Некоторые красноватые оттенки приближаются к светло-гнедой.

Гвельфы — политическое течение в Италии XII–XVI веков, представители которого выступали за ограничение власти императора Священной Римской империи и усиление влияния римского папы. Получили название от Вельфов, герцогов Баварии и Саксонии — соперников германской династии Штауфенов.

Гибеллины — приверженцы императора. Свое название получили от латинизированного названия одного из замков Штауфенов — Гибелинг.

Фрейя — в германо-скандинавской мифологии богиня любви и войны.

Морриган ("Великая Госпожа Ворон", "Великая королева") — богиня войны в кельтской, в частности, ирландской мифологии.

Бадб — одна из трех ирландских богинь войны.

Рута — старинная мера длины в германских и скандинавских государствах. Одна из разновидностей руты равна 100 метрам.

По-видимому, около 70 метров.

Фригг — жена Одина, богиня судьбы.

Вторник.

То есть, в двенадцати-шестнадцати километрах.

60-70 метров.

Шесть гривен примерно равно 2.5 кг.

Тор — бог грома и бури, защищающий богов и людей от великанов и чудовищ.

Улль — пасынок Тора. Замечательный стрелок из лука. Все его стрелы попадают в цель, как бы далеко и мала она ни была.

Каурый — "дикая" масть. Окраска туловища рыжеватая, грива и хвост рыже-коричневые, темнее корпуса, а ноги того же цвета, что и туловище, с наибольшей интенсивностью окраски в районе запястных и скакательных суставов.

Мурса — может быть и именем, но в данном случае, обращаясь к хазарскому воину, Хорь называет его титул — князь Элекей.

Очень быстрый галоп.

21 ноября.

Эльба.

Беллона — дочь Марса, богиня неистовой битвы, — принадлежит к древнеримскому пантеону богов.

Терция — боевое построение копейщиков, стрелков и мечников/алебардчиков.

Богемия — от лат. *Boiohaemum, Bohemia*, родина бойев, то есть быков (от *boi* — бык — человек, подобный быку).

Желуди Махи — головы поверженных врагов, которые посвящали богине Махе — сестре или одному из воплощений богини войны Морриган. Маху считают так же персонификацией битвы.

Флагелланство — движение "бичующихся" в средневековой Европе.

Donnerstag — день "грома" (день бога грома, то есть, Тора) — четверг.

Автор еще раз напоминает, что Елизавета и прочие герои думают и говорят не по-русски. Например, здесь Елизавета, скорее всего, подумала что-то вроде *Die Jahre biegen den stärksten Mann* — "Годы сгибают даже сильного мужчину" (нем.).

Стихи Николая Заболоцкого.

Золотоволосая жена бога Тора.

Arngeirr — орлиное копьё (древнескандинавский яз.).

Браге — в древнескандинавской мифологии бог поэзии и красноречия, скальд, супруг богини Идун.

Съёфн — в древнескандинавской мифологии богиня любви и дружбы.

Один — в древнескандинавской мифологии отец асов и мудрейший из них, изобретатель поэзии и магии, бог грома и молнии, верховный бог, царь асов.

Тор — в древнескандинавской мифологии бог грома, защитник богов и людей.

Фрейя — в древнескандинавской мифологии богиня любви, плакала золотыми слезами.

Елизавета намекает на то, что по древнескандинавской традиции невесты надевали красное, так как это любимый цвет Тора, считавшийся символом любви. По этой же причине обручальные кольца в Северной Европе всегда были с красным камнем.

У древних скандинавов было принято проводить первую брачную ночь при свете факелов, что символизировало открытость и законность отношений.

В армии королевства, как и в России восемнадцатого века, премьер-майор — помощник командира полка, его заместитель в случае необходимости, и командир 1-го батальона во время боевых действий.

Presto — музыкальный темп "быстро".

На самом деле, если действие романа разворачивается в двадцатом веке, то умер маркиграф около шестисот лет назад. Но у нас тут иная вселенная.

Реплика принца Гамлета из пьесы Уильяма Шекспира "Гамлет".